

UNIWERSYTET
WARSZAWSKI

Year: 2024

Духовная и материальная культура Польских Инфлянт на территории Витебской губернии (на основе художественных произведений, эго-документов и историко-географических трудов польских, русских, остзейских и латышских авторов XIX – начала XX века)

Jaskólska, Erika

Posted at The Institutional Repository of the University of Warsaw
ReIn UW: <https://repozytorium.uw.edu.pl/handle/item/160661>
Unique UUID of the publication: 4fc0ff17-c050-409f-a471-5731e51b9487

The following work is licensed under a CC-BY - Attribution License.

UNIWERSYTET WARSZAWSKI

Wydział Lingwistyki Stosowanej

Katedra Rusycystyki

Ęrika Jaskólska

Kultura duchowa i materialna Inflant Polskich na obszarze guberni witebskiej (na podstawie literatury pięknej, literatury dokumentu osobistego i dzieł historyczno-geograficznych autorów polskich, rosyjskich, bałtycko-niemieckich i łotewskich XIX - początku XX wieku)

Rozprawa doktorska przygotowana pod
kierunkiem

dr hab. Magdaleny Dąbrowskiej

Warszawa, luty 2024

ВАРШАВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет прикладной лингвистики
Кафедра русистики

Эрика Яскульская

Духовная и материальная культура Польских Инфлянт на территории Витебской губернии (на основе художественных произведений, эго-документов и историко-географических трудов польских, русских, остзейских и латышских авторов XIX – начала XX века)

Научный руководитель
доктор филологических наук Магдалена Домбровска

Варшава, февраль 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	4
1. Рассматриваемый период и концепция	4
2. Предыдущие исследования и цели работы	6
3. Рассматриваемые авторы и источники исследования	12
4. Методология.....	18
5. Структура работы	34
ГЛАВА I. В КРУГУ ИНФЛЯНТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	36
1.1. Русские и белорусские авторы в кругу инфлянтских писателей.....	36
1.2. Польские авторы в кругу инфлянтских писателей	44
1.3. Остзейские авторы в кругу инфлянтских писателей	69
1.4. Латышские авторы в кругу инфлянтских писателей	79
ГЛАВА II. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХОРОНИМОВ ЛИФЛЯНДИИ, ЛИВОНИИ, ИНФЛЯНТ, ПОЛЬСКИХ ИНФЛЯНТ И ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ	92
ГЛАВА III. РУБОН, ДВИНА, ДАУГАВА – ТРИ ОБРАЗА ОДНОЙ РЕКИ.....	110
3.1. Западная Двина Алексея Сапунова и исторические названия реки Даугавы.....	110
3.2. Двина и Даугава в альманахе „Rubon”.....	126
3.3. Даугава в поэзии латышских авторов XIX века.....	140
ГЛАВА IV. ВЗГЛЯД ПОЛЬСКИХ, РУССКИХ, ОСТЗЕЙСКИХ И ЛАТЫШСКИХ АВТОРОВ НА ГОРОДА И МЕСТЕЧКИ ПОЛЬСКИХ ИНФЛЯНТ.....	158
4.1. Динабургский уезд.....	158
4.1.1. Динабург	158
4.1.2. Краслава	182
4.1.3. Крейцбург	191
4.1.4. Местечки Аглона, Дагда, Прейли, Ликсна, Вышки	197
4.2. Режицкий уезд.....	209
4.3. Люцинский уезд	226
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	238
БИБЛИОГРАФИЯ	247
ПРИЛОЖЕНИЯ	274
1.1. Приложение к главе II	274
1.2. Приложение к III главе.....	276
STRESZCZENIE.....	278
SUMMARY	290

ВСТУПЛЕНИЕ

1. Рассматриваемый период и концепция

Докторская диссертация под названием *Духовная и материальная культура Польских Инфлянт на территории Витебской губернии (на основе художественных произведений, эго-документов и историко-географических трудов польских, русских, остзейских и латышских авторов XIX – начала XX века)* рассматривает отрезок 1802-1924 гг. Даты обусловлены существованием Витебской губернии в данный промежуток времени. Однако необходимо упомянуть важный исторический факт – распоряжение Совета народных комиссаров советской России от 27 декабря 1917 года об отделении трех латгальских уездов, а именно Динабургского, Режицкого и Люцинского от Витебской губернии. Согласно данному факту, Польские Инфлянты отделились от Витебской губернии в 1917 году. Период 1917-1920 гг. был насыщен для Латгалии, касательно политических и военных вопросов. Причиной тому послужила, главным образом, первая мировая война, затронувшая территории Латгалии, что привело к знаковым историческим событиям, таким как Первый конгресс латышей Латгалии, провозглашение латвийского независимого государства 18 ноября 1918 года, Освободительная война Латвии (латыш. *Latvijas Neatkarības karš*), освобождение Латгалии польско-латвийскими войсками от красной армии в 1920 году, по итогу подписание мирного договора правительством Латвии с РСФСР, согласно которому со стороны Советского правительства было официальное признание независимого Латвийского государства. По итогам данного договора в состав Латвии вошли Курляндская губерния, а также части Витебской, Лифляндской и Псковской губернии. Однако, несмотря на эти факты, представляется возможным взять в рассмотрение работы, написанные до упразднения губернии, но изданные после выхода Польских Инфлянт из нее, а именно до марта 1924 года (до конца существования Витебской губернии), по причине того, что они написаны авторами, освещающими вопросы Польских Инфлянт в составе данной губернии¹.

¹ Примером тому может послужить сборник фельетонов Никодемса Ранцанса (латыш. *Nikodems Rancāns*) *Путешествие по Латгалии* (латгал. *Ceļojums pa Latgolu*), изданный впервые в 1924 году.

Рассмотрение материальной и духовной культуры Польских Инфлянт базируется на противопоставлении духовного материальному, согласно философской традиции, сформировавшейся в XIX веке в немецкой литературе. К примеру, разделение духовного и материального представлено Иммануилом Кантом в работе *Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики*², в которой философ задается вопросом как материальное могло породить духовное начало, когда как духовное и материальное принципиально разные роды вещей. Рассуждения о материальном и духовном также представлено в философии духа Георга Вильгельма Гегеля³ и прослеживается в антропологическом материализме Людвиг Андреаса фон Фейербаха⁴, рассматривающего человека как единство материального и духовного, позднее также было представлено в учениях диалектического материализма, как отражение духовной деятельности в материальном мире. Согласно развитию и появлению разных философских концепций, рассматривающих вопрос духовного и материального, в XIX веке возникло понимание, что под материальной культурой подразумевается предметно-физический мир, тесно связанный с деятельностью человека, к которому относятся жилища, средства и способ труда, объекты, созданные человеком и объекты природы, видоизмененные человеком. В свою очередь, к духовной культуре относятся интеллектуальные и эмоционально-психологические процессы, продуктом которых являются языковая среда, формирование обычаев и нравов, верований, знаний, а также процессов в искусстве⁵.

Концепция, на которой в основном базируется представленная работа, строится на этническом, языковом и культурном разнообразии инфлянтской литературы XIX века. По данной причине для того, чтобы сохранять объективизм в оценке материальной и духовной культуры Польских Инфлянт, необходимым является рассмотрение текстов на польском, русском, немецком, латышском и латгальском⁶ языках. Опыт нескольких культур составляет

² И. Кант, *Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика*, перевод Б.П.Бурдеса, Санкт-Петербург 1904.

³ Г. В. Гегель, *Феминология духа*, перевод Г.Г. Шпета, Москва 2000.

⁴ Л.Фейербах, *К критике философии Гегеля*, в: *Людвиг Фейербах. Избранные философские произведения*, под ред. М.М. Григорьяна, Т. I, Москва 1955, с. 53-97.

⁵ В. Н. Скворцов, *К вопросу об определении понятия „духовная культура“*, „Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина“ 2009, серия „Философия“, № 3, Т. I, с. 49.

⁶ Официально в Латвии письменный латгальский язык считается исторической разновидностью латышского языка, а латгальские говоры рассматривают как верхнелатышский диалект латышского языка. Однако некоторые языковеды (J. Cibuļs, L. Leikuma, В.А. Иванов и др.) полагают, что латгальский язык является отдельным языком (третьим живым балтийским языком наряду с латышским и литовским). [В. Д. Виноградова, *Латгалы. Этнос и язык*, „Вестник Томского государственного университета“ 2001, Vol. 13(1), с. 141; J.Cibuļs, L. Leikuma, *Vasals! Latgaliešu valodas mācība*, Rīga 2003; В.А. Иванов, *Этноцид латгалов в Латвии*, Олайн 2016].

особенность Польских Инфлянт в составе Витебской губернии, что также, в частности, отражается на литературном творчестве.

2. Предыдущие исследования и цели работы

Тема Польских Инфлянт рассматривалась с разных сторон как польскими литературоведами, так и латышскими авторами. К примеру, польский литературовед Дорота Самборска-Кукуць (польск. Dorota Samborska-Kukuć), обращаясь к Польским Инфлянтам, подробно рассматривает творчество Казимира Буйницкого в работе под названием *Польский инфляндец Казимир Буйницкий (1788 – 1878): писатель и издатель*⁷, также исследует образ Польских Инфлянт и способы его отражения в творчестве польского инфляндца Буйницкого в статьях, среди которых *„Откуда происходит наш род” – картина прошлого Польских Инфлянт в „Дневниках ксендза Иордана” Казимира Буйницкого. Между историческим романом и эпопеей*⁸, *Семейные портреты в „Новых странствиях по проселочным дорогам”*⁹, *Люди и места Польских Инфлянт начала XIX века в свете воспоминаний Казимира Буйницкого*¹⁰, *С Казимиром Буйницким по проселочным дорогам. Образы из Польских Инфлянт первой половины XIX века в картинах нравов*¹¹, *Стратегии обесценивания и исключения в „Дневниках ксендза Иордана” Казимира Буйницкого*¹². Самборска-Кукуць не ограничивается исследованием образа Польских Инфлянт на основе творчества Буйницкого, также рассматривая творчество инфлянтской графини Людвики Платер (польск. Ludwika Plater) в монографиях под названием *Графиня из Польских Инфлянт. Литературное творчество Людвики Платер (1821-1897)*¹³ и *Людвика Хиполита*

⁷ D. Samborska-Kukuć, *Polski Inflantczyk Kazimierz Bujnicki (1788-1878): pisarz i wydawca*, Kraków 2008.

⁸ D. Samborska-Kukuć, „Skąd nasz ród” – obraz przeszłości Inflant Polskich w „Pamiętnikach księdza Jordana” Kazimierza Bujnickiego. Między powieścią historyczną a epopeją, „Prace Polonistyczne” 2005, s. 117-174.

⁹ D. Samborska-Kukuć, *Obrazki familijne w „Nowej wędrówce po małych drogach” Kazimierza Bujnickiego*, „Prace Polonistyczne” 2006, s. 263-272.

¹⁰ D. Samborska-Kukuć, *Ludzie i miejsca Inflant Polskich pocz. XIX wieku w świetle wspomnień Kazimierza Bujnickiego*, „Verbum Nobile. Pismo Środowiska Szlacheckiego” 2007, s. 64-71.

¹¹ D. Samborska-Kukuć, *Z Kazimierzem Bujnickim po małych drogach. Obrazki z Inflant Polskich I poł. XIX wieku w obrazach obyczajowych*, „Komparativistikas Institūta Almanahs” 2007, s. 66-94.

¹² D. Samborska-Kukuć, *Strategie deprecjacji i wykluczania w „Pamiętnikach księdza Jordana” Kazimierza Bujnickiego*, „Prace Bałtyckie” 2016, T. VI, s. 259-274.

¹³ D. Samborska-Kukuć, *Hrabianka z Inflant Polskich. Twórczość literacka Ludwiki Platerówny (1821-1897)*, Białystok 2014.

Плэйтер, Драма без названия. Сценический образ в 5 действиях на фоне событий 1863 года¹⁴.

Тересой Рончкой-Езерской (польск. Teresa Rączka-Jeziorska) также написано многочисленное количество научных трудов посвященных теме польско-инфлянтской культуре и литературе. Особым вкладом в изучение региональной литературы Польских Инфлянт является монография Рончки-Езерской под названием *Польско-инфлянтский романтизм: силуэты, тексты, архивы*¹⁵. Само название работы говорит о том, что автор в своем исследовании полагалась в основном на типологические аналогии и параллели, обусловленные литературным направлением. Особенность метода Рончки-Езерской, который сама исследовательница называет методом „маленьких шагов”, заключается в том, что автор описывает регион „между” границами, для которого характерна мозаика из разных языков и религий, беря за основу тексты, написанные на польском языке и несущие на себе отпечаток местного укоренения, то есть относящиеся к региону Польских Инфлянт в культурном смысле¹⁶. Польским Инфлянтам посвящена также монография автора под названием *Инфлянтские питеорески: культура помещицкой усадьбы былых Польских Инфлянт в XIX веке*¹⁷. В своих научных статьях исследователь инфлянтского романтизма подходит к региону Польских Инфлянт с разных сторон, ставя целью отобразить обычаи и особенности данных мест, подтверждением чему являются работы: *Из истории Ликсны в былых Польских Инфлянтах; люди и места*¹⁸, *Рецепция польско-инфлянтской литературы в Латвии*¹⁹, *О литературной топографии былых польско-инфлянтских усадеб*²⁰. Особое внимание Рончка-Езерска уделяет исследованию творчества инфляндца Михаила Яна Борха (польск. Michał Jan Borch), что отражается в статьях *Романтическое картографирование*

¹⁴ D. Samborska-Kukuć, *Ludwika Hipolita Plater, Dramat bez nazwy. Obraz sceniczny w 5 aktach na tle wypadków roku 1863*, Łódź 2015.

¹⁵ T. Rączka-Jeziorska, *Romantyzm polsko-inflancki: sylwetki, teksty, archiwa*, Warszawa 2016.

¹⁶ T. Rączka-Jeziorska, *Romantyzm polsko-inflancki...*, op.cit., s. 31-39.

¹⁷ T. Rączka-Jeziorska, *Inflanckie piteoreski: kultura dworu ziemiańskiego dawnych Inflant Polskich w XIX wieku*, Warszawa 2018.

¹⁸ T. Rączka-Jeziorska, P. A. Jeziorski, *Inflanckie piteoreski: kultura dworu ziemiańskiego dawnych Inflant Polskich w XIX wieku*, w: *Naród bez państwa na drogach do nowoczesności : książka jubileuszowa w 70. rocznicę urodzin profesora Szczepana Wierchosławskiego*, Toruń 2017, s. 235-271.

¹⁹ T. Rączka-Jeziorska, *Recepcja literatury polsko-inflanckiej na Łotwie*, w: *Literatura (i kultura) polska w świecie*, Katowice 2018, s. 214-221.

²⁰ T. Rączka-Jeziorska, *O literackiej topografii dawnych dworów polsko-inflanckich*, "Prace i Studia Geograficzne" 2019, T. 64.4, s. 67-77.

пространства усадьбы польским инфлянцем Михаилом Яном Борхом из Вараклян (1753-1810)²¹ и *На границе эпох?: карта вараклянской усадьбы Михаила Яна Борха (1753-1810)*²².

Среди исследователей, обращающихся к Польским Инфлянтам, стоит выделить также литературоведа и историка Кшиштофа Заяса (польск. Krzysztof Zajas). К монографии автора, посвященной инфлянтской риторике относится *Несуществующая культура: Польские Инфлянты*²³, к исследованиям Польских Инфлянт также относятся статьи автора *Мультикультуральные Польские Инфлянты. Польско-инфлянтская литература*²⁴ и *Мультикультуральные Польские Инфлянты. Вторая часть: польско-инфлянтская литература*²⁵. Кроме перечисленных работ Заяс также занимался обработкой и редакцией текстов Густава Мантейфеля (польск. Gustaw Manteuffel), посвященных Польским Инфлянтам, среди которых *Польские Инфлянты и Письма из Прибалтики*²⁶, *Портреты инфлянтских городов, областные песни*²⁷. Среди многочисленных работ Заяса также представлены статьи, посвященные жизнетворчеству Густава Мантейфеля, такие как *Густав Мантейфель проектирует Инфлянты*²⁸ и *Густав Мантейфель и балтийский колониализм*²⁹. Стоит отметить, что жизнетворчеством Мантейфеля посвящал свои работы латышский исследователь Хенрихс Сомс (Henrihs Soms), к примеру статью *Альбом „Terra Mariana” – подарок Ппане Римскому Льву XIII (1888 г.): литовские эпизоды*³⁰, а польский литературовед Радослав Будзиньский (польск. Radosław Budzyński) издал монографию под названием *Историк из Польских Инфлянт Густав Мантейфель*³¹ с подробным описанием аспектов жизни и творчества инфлянтского писателя.

Польские историки интересуются регионом Польских Инфлянт, подтверждением чего являются работы Богуслава Дыбасы (польск. Bogusław Dybaś) под названием

²¹ T. Rączka-Jeziorska, *Romantyczne mapowanie przestrzeni ogrodu według Polskiego Inflantczyka Michała Jana Borcha z Warklan (1753-1810)*, w: *Przestrzeń – literatura – doświadczenie. Z inspiracji geopoetyki*, red. T. Gęsiny, Z. Kadłubka, Katowice 2016, s. 110-123.

²² T. Rączka-Jeziorska, *Na granicy epok?: mapa warklańskiego ogrodu według hrabiego Michała Jana Borcha (1753-1810)*, w: *Georomantyzm. Literatura – miejsce - środowisko*, red. E. Dąbrowicz, M. Lul, Białystok 2015, s. 339-352.

²³ K. Zajas, *Nieobecna kultura: przypadek Inflant Polskich*, Kraków 2008.

²⁴ K. Zajas, *Wielokulturowe Inflanty Polskie. Literatura polsko-inflancka*, „*Scripta Neophilologica Posnaniensia*” 2015, Tom XV, s. 247-264.

²⁵ K. Zajas, *Wielokulturowe Inflanty Polskie. Część II: Literatura polsko-inflancka*, „*Scripta Neophilologica Posnaniensia*” 2016, Tom XVI, s. 219-243.

²⁶ G. Manteuffel, *Inflanty Polskie oraz Listy z nad Bałtyku*, red. K. Zajasa, Kraków 2009.

²⁷ G. Manteuffel, *Portrety miast inflanckich, pieśni gminne*, red. K. Zajasa, Białystok 2013.

²⁸ K. Zajas, *Gustaw Manteuffel projektuje Inflanty*, w: *Inflanty Polskie oraz Listy z nad Bałtyku*, Kraków 2009, s. 7-15.

²⁹ K. Zajas, *Gustaw Manteuffel i kolonializm bałtycki*, w: *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej*, pod red. W. Walczaka i K. Łopateckiego, T. III, Białystok 2012, s. 341-350

³⁰ X. Сомс, *Альбом „Terra Mariana” – подарок Ппане Римскому Льву XIII (1888 г.): литовские эпизоды*, в: *Acta humanitarica universitatis Saulensis*, Vilnius 2009, с. 176-184.

³¹ R. Budzyński, *Historyk z Inflant Polskich Gustaw Manteuffel*, Warszawa 2023.

*Инфлянты, давние Инфлянты, Польские Инфлянты, Курляндия, Пилтинский уезд – терминологические стычки, Современные Инфлянты – факторы благородной миграции vs стабилизации*³².

Среди латышских исследователей, посвятивших свои работы Латгальскому краю³³, выделяется Петерис Зеиле (латыш. Pēteris Zeile), на счету которого труды посвященные истории Латгалии, главным образом XIX веку, среди которых *Первое пробуждение Латгалии*³⁴, *История культуры Латгалии*³⁵, *Латгалия и ее люди*³⁶. Литературоведа также интересовало творчество латгальских писателей, творчеству Райниса (латыш. Rainis) он посветил монографию под названием *Райнис и Латгалия*³⁷, а творчеству польских инфлянтских писателей Буйницкого и Мантейфеля статьи под названием *Казимир Буйницкий и Густав Мантейфель: место и значение в латышской культуре*³⁸, *Казимир Буйницкий*³⁹, *Вклад Гилзена и Буйницкого в латгальскую историю культуры*⁴⁰. Стоит отметить, что анализу житнетворчества Буйницкого и Мантейфеля посвящали свои труды также другие латышские исследователи в своих статьях *Памяти деятельности Густава Мантейфеля*⁴¹, *Густав Мантейфель (Manteuffel - Szoega)*⁴², *Еще раз про Казимира Буйницкого*⁴³. В свою очередь, историк культуры и литературы Микелис Букшс (латыш. Miķelis Bukšs) посветил свой труд наследию латгальской литературы под названием *История латгальской литературы*⁴⁴. Тему пограничья Польских Инфлянт исследуют Кристина Барковская (Kristīne Barkovska) и Андрис Казюкевичс (Andris Kazjukevičš),

³² В. Dybaś, *Inflanty nowożytnie – czynniki szlacheckiej migracji versus stabilizacji*, „Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym” 2015, T. XXXV, Nr 5, s. 69-83.

³³ Латгалия (латыш. Latgale, латгал. Latgola) - территориальная идентичность Латгалии восходит ко временам княжества Ерсика на рубеже XII и XIII веков. Однако племя латгалов сформировалось еще в VI веке н.э. на территории юго-восточной части Латвии. В течение VI–VII вв. латгалы заняли восточную территорию Латгалии. Затем в период IX–XI вв. в долине реки Даугавы возникли первые латгальские города. Ерсика, Кокнесе и Талава, которые находились в вассальной зависимости от Полоцка, Новгорода и Пскова. В латинских текстах Латгалия называется „Lettia”, а в древнерусских „Лотыгола”. Топоним „Latgale” был придуман и введен в 1900 году латгальским писателем и политическим деятелем Францисом Кемпсом (латыш. Francis Kemps). [Т. Zeids, *Senākie rakstītie Latvijas vēstures avoti līdz 1800. gadam*, Rīga 1992, Lpp. 207; В. Д. Виноградова, *Латгалы. Этнос и язык*, „Вестник Томского государственного университета” 2011, №1(13), с. 141].

³⁴ P. Zeile, *Latgales pirmā atmoda*, Rīga 1994.

³⁵ P. Zeile, *Latgales kultūras vēsture*, Rēzekne 1996.

³⁶ P. Zeile, *Latgale un tās ļaudis*, Rēzekne 2010.

³⁷ P. Zeile, *Rainis un Latgale*, Rēzekne 2012.

³⁸ P. Zeile, *Kazimirs Buiņickis un Gustavs Manteifelis: vieta un vērtējums Latvijas kultūrā*, “Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis” 1993, Nr. 2, Lpp. 14-18.

³⁹ P. Zeile, *Kazimirs Buiņickis*, krājumā *Tāvu zemes kalendars*, Rēzekne 1996, Lpp. 54-66.

⁴⁰ P. Zeile, *Hilzenu un Buiņicku davums Latgolas kultūrvēsturē*, krājumā *Tāvu zemes kalendars*, Rēzekne 2006, Lpp. 70-73.

⁴¹ P. Pudulis, *Gustava Manteifeļa darbeibas pēmiņai*, “Acta Latgalica” 1965, Lpp. 321-358.

⁴² H. Strods, *Gustavs Manteuffel (Manteuffel - Szoega)*, „Latvijas Vēsture” 1991, Nr. 3, Lpp. 66-69.

⁴³ H. Vasiļjeva, *Vēlreiz par Kazimiru Buiņicki*, krājumā *Tāvu zemes kalendars*, Rēzekne 2009, Lpp. 106-109.

⁴⁴ M. Bukšs, *Latgaļu literatūras vēsture*, Minhene 1957.

результатом исследований представлены в статье под названием Пограничье в произведениях инфлянтских писателей⁴⁵. Литературовед Барковская также занимается исследованием творчества Райниса и его связей с польской культурой, о чем говорит статья *Янис Райнис и польская литература*⁴⁶.

Безусловно стоит выделить исторические исследования латышского историка Болеславса Брежко (латыш. Boļeslavs Brežgo) такие, как *Привилегии Динабурга с 1582 года*⁴⁷, *Архивы латгальских дворян*⁴⁸, *Латгальские крестьяне после отмены крепостного права, 1861-1914*⁴⁹. Латгалии и ее истории также посвятил свои работы современный латвийский историк Эдвардс Селишка (латыш. Edvards Seliška), среди которых статьи *Инфлянтское (латгальское) дворянство в политических событиях Речи Посполитой*⁵⁰, *Латгальские (Польско-инфлянтские) дворяне (шляхта) в политических событиях Речи Посполитой после вхождения в состав России и до третьего раздела Речи Посполитой (1772-1795)*⁵¹. Историк Хеинрихс Стродс (латыш. Heinrihs Strods) также посвятил Латгалии свою работу под названием *Исследования и источники этнической истории Латгалии*⁵². Духовной культуре Польских Инфлянт посвящен цикл работ по истории искусства Руты Каминьской (латыш. Rūta Kaminska) и Аниты Бистере (латыш. Anita Bistere) под названием *Наследие сакральной архитектуры и искусства*⁵³. *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums*. Каминьская написала также работу на польском языке *Польское сакральное искусство в Латвии*⁵⁴.

По причине того, что диссертация рассматривает в качестве источников работы, изданные до 1924 года, стоит вспомнить также о работах историка Эрикса Екабсонса (латыш. Ēriks Jēkabsons), освещающих важные события для истории не только Латгалии, но

⁴⁵ K. Barkowska, A. Kazjukevičs, *Pogranicze w utworach pisarzy inflanckich*, w: *Polonistyka na początku XXI wieku*, Katowice 2018, s. 198-211.

⁴⁶ K. Barkowska, *Jānis Rainis i literatura polska*, w: *Literatura polska w świecie*, T. I, Katowice 2006, red. Cudak, Lpp. 209-217.

⁴⁷ B. Brežgo, *Przywilej miasta Dyneburga z roku 1582*, Dyneburg 1932/

⁴⁸ B. Brežgo, *Latgales muižnieku archīvi*, "Bibliotekars" 1938, Nr. 4, Lpp. 49-60.

⁴⁹ B. Brežgo, *Latgales zemnieku ieceļošana, krājumā Latgales zemnieki pēc dzimtbūšanas atceļšanas, 1861-1914*, Rīga 1954.

⁵⁰ E. Seliška, *Inflantijas (Latgales) muižnieki Žečpospolitas politiskajos notikumos (1677 – 1764)*, monogrāfijā *Vācieši Latgales teritorijā 16. gs. – 20. gs. sākumā: vesture un recepcija*, Daugavpils 2021, red. A. Romanovska, Lpp. 61-78.

⁵¹ E. Seliška, *Latgales (Poļu Inflantijas) muižniecības (šļahtas) politiskā darbība Žečpospolitā pēc iekļaušanas Krievijas sastāvā un līdz Žečpospolitas trešajai dalīšanai (1772–1795)*, krājumā *Jauno vēsturnieku zinātniskie lasījumi VII*, red. K. Beķere, Rīga 2022, Lpp. 170-181.

⁵² H. Strods, *Latgales etniskās vēstures pētījumi un avoti*, Rīga 1989.

⁵³ A. Bistere un R. Kaminska, *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums*, в цикле работ представлены: *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums Daugavpils rajonā*, Rīga 2006; *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums Rēzeknes pilsētā un rajonā*, Rīga 2011; *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums vēsturiskajā Preiļu rajonā*, Rīga 2013; *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums vēsturiskajā Krāslavas rajonā*, Rīga 2015.

⁵⁴ R. Kamińska, *Polska sztuka sakralna na Łotwie*, Ryga 1996, s. 32-33.

и всей Латвии, среди которых; *Рассказы с Войны за независимость*⁵⁵, *Война за независимость (1918-1920)*⁵⁶, *Тайный мир на фронте Латгалии 1920 года*⁵⁷.

Среди работ на русском языке, посвященных латвийскими исследователями Латгалии, стоит выделить *Лингвотерриториальный словарь Латгалии*⁵⁸ в двух томах, представленный в трех языках – латышский, английский и русский. в двух томах, вышедший под редакцией Инги Шуплинской (латыш. Inga Šuplinska). Истории данных территорий посвящены статьи вышеупомянутого историка Екабсонса, среди которых, к примеру, *Укрепление латвийской государственности: военные события (1918–1920 гг.)*⁵⁹, *Латвия, Литва и Эстония в 1918–1940 гг.: сходства и различия*⁶⁰. Леон Тайван представляет Латгалию в своей культурологической работе *По Латгалии*⁶¹. Латвийский литературовед Юрий Абызов, в том числе землям Лифляндии, была посвящена работа *От Лифляндии - к Латвии. Прибалтика русскими глазами*⁶². Фольклористом и литературоведом Борисом Инфантьевым была посвящена статья старообрядцам, проживающим на территории Латгалии, в том числе в XIX веке *Русские писатели о рижских и латгальских староверах*⁶³.

Однако стоит отметить, что все упомянутые исследования сконцентрированы на определенно выбранных единичных позициях, либо на наследии отдельных авторов одной национальности. Безусловно это не свидетельствует о недостаточно богатом поле исследований в рассматриваемом направлении. Вышеупомянутые исследования, среди которых работы, главным образом, исторического и литературоведческого толка составляют собой весомую базу знаний о Польских Инфлянтах и авторах, пишущих о данных территориях, как в польском, так и латышском корпусах. Исследование, представленное в данной диссертации, сконцентрировано не только на литературных параллелях, но и на социальных, впоследствии отраженных в творчестве авторов. Важно подчеркнуть, что целью не является поднять на поверхность политические и исторические конфликты, возникающие на почве скопления разных культур на территории Польских Инфлянт в

⁵⁵ Ē. Jēkabsons, *Neatkarības kara stāsti*, Rīga 2017.

⁵⁶ Ē. Jēkabsons, *Cīņa par brīvību: Latvijas Neatkarības karš (1918-1920)*, 3. daļa un 4 daļa Rīga 2021, 2023.

⁵⁷ Ē. Jēkabsons, *Slepenais pamiers Latgales frontē 1920. gadā*, “Tēvijas sargs” 2005, Nr 2, Lpp. 28-29.

⁵⁸ *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca*, galv. red. I. Šuplinska, 1 sēj., Rēzekne 2012.

⁵⁹ Э. Екабсонс, *Укрепление латвийской государственности: военные события (1918–1920 гг.)*, Т. II, „Латвия и латыши” 2019, ред. Я. Страдиньш, с. 473-507.

⁶⁰ Э. Екабсонс, *Латвия, Литва и Эстония в 1918–1940 гг.: сходства и различия*, „Латвия и латыши” 2019, ред. Я. Страдиньш, Т. II, с. 500-501

⁶¹ Л. Тайван, *По Латгалии*, Москва 1988.

⁶² Ю. Абызов, *От Лифляндии - к Латвии. Прибалтика русскими глазами*, Москва 1993.

⁶³ Б. Инфантьев, *Русские писатели о рижских и латгальских староверах*, электронный ресурс: www.russkije.lv/ru/journalism/read/russkie_v_latvii_3/17_rvl_pisатели_o_staroverah.html, доступно на 11.02.2023

составе Витебской губернии, а продемонстрировать разнородность и богатство местного национального колорита, который отражается в работах авторов латышского, польского, русского, остзейского происхождения, но при этом объединенных литературой региона Польских Инфлянт. Стоит подчеркнуть, что некоторые литературоведы, в частности Татьяна Воронченко, „местный колорит” рассматривают как синонимическое понятие региональной литературы⁶⁴.

Новизна представленной работы заключается в том, что во внимание принимаются тексты не только на польском и русском языках, но и на латышском, латгальском, немецком языках, дополняя таким образом существующие исследования о Польских Инфлянтах XIX века. Новым является также взгляд на отражение духовной и материальной культуры Польских Инфлянт, исходя из национальной принадлежности авторов, рассматривая их в сравнительной перспективе.

Целью работы является выявление особенностей духовной и материальной культуры Польских Инфлянт во время вхождения в Витебскую губернию, представленных в творчестве писателей польского, русского, латышского, остзейского происхождения, связанных с Польскими Инфлянтами непосредственно по месту рождения, либо интересующихся проблемами данного региона на разных этапах своего жизненного пути. Целью являются также ответы на вопросы: Каким образом национальная принадлежность автора и его среда обитания отразились на изображении описываемой территории Польских Инфлянт в XIX веке и начале XX века? Какого автора можно считать инфлянтским автором? Какой представлена духовная и материальная культура Польских Инфлянт, изображенная польскими, русскими, латышскими, балтийско-немецкими писателями XIX – начала XX века.

3. Рассматриваемые авторы и источники исследования

Предметом рассмотрения являются произведения художественной литературы, эго-документы, а также историко-географические труды. Связано это с тем, что главной задачей является не определение эстетического формирования того или иного жанра в творчестве

⁶⁴ Т. В. Воронченко, *Российская региональная литература: венгерская тема в творчестве писателей Забайкалья*, „Studia Slavica Savariensia” 2016, № 1-2, с. 405.

рассматриваемых писателей, а определение общего настроения авторов по отношению к описываемой местности, выявление черт материальной и духовной культуры, которые они отмечают согласно своему восприятию, сформировавшемуся под влиянием среды, исторического момента и принадлежности к определенной национальности. Представители четырех национальностей выбраны не случайно, так как каждая из них: латышей, русских, поляков, балтийских немцев тесно связана с данным регионом и его историей, что также освещается в работе. В качестве дополнения рассматривается также творчество белорусского автора.

Авторы русского происхождения:

Александр Максимович Сементовский (деревня Семеновка Золотоношского уезда Полтавской губернии, авг. 1821 – фев. 1893);

Алексей Парфенович Сапунов (поселок Усвяты Велижского уезда Псковской губернии, 15.03.1851 – 2.10.1924).

Авторы белорусского происхождения:

Игнатий Евстафьевич Храповицкий (белор. Ігнат Яўстахавіч Храпавіцкі) (фольварк Кохановичи Дриссенского уезда Псковской губернии, 31.08.1817 – 25.12.1893).

Авторы польского происхождения:

Михаил Ян Борх (польск. Michał Jan Borch) (Варакляны в Инфлянтском воеводстве, 20.06.1753 – 10.01.1811);

Михаил Борх (польск. Michał Borch) (местечко Прейли Динабургского уезда Витебской губернии, 11.01.1806 – 12.10.1881);

Казимир Буйницкий (польск. Kazimierz Bujnicki) (местечко Дагда Полоцкого наместничества, 30.11.1788 – 15.07.1878);

Адам Платер (польск. Adam Plater) (местечко Краслава Полоцкого наместничества, 15.06.1790 – 1862);

Эдуард Хлопицкий (польск. Edward Chłopicki) (деревня Мазуришки Виленско–Трокского уезда Виленской губернии, 1830 – 1894);

Густав фон Мантейфель (польск. Gustaw Manteuffel) (деревня Дрицаны Режицкого уезда Витебской губернии, 18.11.1832 – 24.06.1916).

Авторы остзейского происхождения:

Гарлиб Меркель (нем. Garlieb Merkel) (населенный пункт Ледурга Вольмарского уезда Лифляндской губернии, 1.11.1769 – 1850);

Август Биленштейн (нем. August Bielenstein) (город Митава Митавского уезда Курляндской губернии, 4.03.1826 – 6.07.1907).

Авторы латышского происхождения:

Ян Райнис, Янис Плиекшанс (латыш. Rainis, Jānis Pliekšāns) (хутор Варславаны Иллуkstского уезда Курляндской губернии, 11.09.1865 – 12.09.1929);

Никодемс Ранцанс (латыш. и латгал. Nikodems Rancāns) (Зальмуужская волость Лудзенского уезда Полоцкой губернии, 13.09.1870 – 24.08.1933);

Аусеклис, Микелис Крoгземис (латыш. Auseklis, Miķelis Krogzemis) (Алойская волость Вольмарского уезда Лифляндской губернии, 18.09.1850 – 6.02.1879).

Среди авторов, которые относятся к группе русского происхождения, все представители в определенный период жили на территории Витебской губернии. Из биографических данных видно, что авторы не проживали непосредственно в Польских Инфлянтах, однако данная территория интересовала их как часть губернии, которая была родной по рождению для Алексея Сапунова и стала местом постоянного проживания для Александра Сементовского. Сементовский происходит из деревни Семеноворка Золотоношского уезда Полтавской губернии, но после 1863 года перебрался на постоянное жительство в Рожанщину Лепельского уезда Витебской губернии. Сапунов родился в Усвятах Велижского уезда, из которого позднее переехал в Витебск. Двух авторов объединяет интерес к истории, этнографии и краеведению. В работе приняты во внимание следующие труды Сапунова: научное исследование Латгальского края *Инфлянты: Исторические судьбы края, известного под именем Польских Инфлянт*⁶⁵, *Список населенных мест Витебской губернии*⁶⁶ и историко-географический обзор *Река Западная Двина*⁶⁷. Рассматриваемые работы Сементовского также имеют историко-географический характер, среди них: *Памятники старины Витебской губернии*⁶⁸ и *Этнографический образ Витебской губернии*⁶⁹.

Автором белорусского происхождения является Игнатий Храповицкий. Исследователь белорусского фольклора родился в фольварке Кохановичи Дриссенского уезда, где проживал всю свою жизнь. Работы автора представлены на польском и белорусском языках. В данной диссертации Храповицкий интересен главным образом не как исследователь фольклора, а как поэт, посвятивший свои стихи реке, протекающей по

⁶⁵ А. Сапунов, *Инфлянты: Исторические судьбы края, известного под именем Польских Инфлянт*, Витебск 1886.

⁶⁶ А. Сапунов, *Список населенных мест Витебской губернии*, Витебск 1906.

⁶⁷ А. Сапунов, *Река Западная Двина*, Витебск 1893.

⁶⁸ А. Сементовский, *Памятники старины Витебской губернии*, Санкт-Петербург 1867.

⁶⁹ А. Сементовский, *Этнографический образ Витебской губернии*, Санкт-Петербург 1872.

Витебской губернии, в том числе через Польские Инфлянты. Среди рассматриваемых поэтических произведений: стихотворение *Двина* (польск. *Dźwina*)⁷⁰, посвященное Даугаве, и стихотворение *Баркарола* (польск. *Barkarola*)⁷¹ для сравнения с Двиной.

Рассматриваемые авторы польского происхождения – это Михаил Борх, Михаил Ян Борх Казимир Буйницкий, Густав Мантейфель, Адам Платер и Эдуард Хлопицкий. Среди представленных авторов польского происхождения практически все, кроме Эдуарда Хлопицкого, являются инфляндцами по рождению. Борхи, Мантейфель и Платер имеют польско-немецкое происхождение, однако были отнесены не к балтийским немцам, а к польским авторам по причине того, что их семьи на протяжении нескольких веков представляли интересы польского общества на территории Польских Инфлянт, были связаны с метрополией Польши в культурном и политическом поле. Граф Михаил Ян Борх родился в Инфлянтском воеводстве, а конкретно в Вараклянах, которые после 1802 года вошли в Режицкий уезд Витебской губернии. В работе рассматриваются его поэма *Сентиментальный сад в Вараклянах* (фр. *Jardin sentimental du chateau de Warkland*)⁷². Рассматриваются также статьи и поэтическое творчество его племянника Михаила Борха, родившегося в местечке Преиля Динабургского уезда, а именно: статья *Новость о старых католических костелах в Инфлянтах* (польск. *Wiadomość o dawnych kościołach katolickich na Inflantach*)⁷³, статья и поэтическое отступление *Два слова о Двине* (польск. *Dwa słowa o Dźwinie*)⁷⁴, поэма Ерсика (польск. *Gercike*)⁷⁵ и поэтический роман *Рохнеда* (польск. *Rohneda*)⁷⁶. Буйницкий родился в местечке Дагде Полоцкого наместничества, Мантейфель в деревне Дрицаны Режицкого уезда, а Платер в Краславе на тот момент, когда город входил в состав Полоцкого наместничества. Эдуард Хлопицкий родился под Вильной, поэтому он в данной четверке выступает в роли путешественника, пребывающего временно на территории Польских Инфлянт. В своих путевых заметках под названием *Записки из разных*

⁷⁰ I. Chrapowicki, *Dźwina*, „Rubon. Pismo poświęcone pożytecznej rozrywce” 1842, red. K. Bujnicki, T. I, s. 1-2.

⁷¹ I. Chrapowicki, *Barkarola*, „Rubon. Pismo poświęcone pożytecznej rozrywce” 1845, red. K. Bujnicki, T. IV, s. 120-121.

⁷² M. J. Borch, *Jardin sentimental du chateau de Warkland*, Warszawa 1795.

⁷³ M. Borch, *Wiadomość o dawnych kościołach katolickich na Inflantach*, „Rubon” 1845, red. K. Bujnicki, T. VI, s. 35-39.

⁷⁴ M. Borch, *Dwa słowa o Dźwinie*, „Rubon” 1845, red. K. Bujnicki, T. IV, s. 20-30.

⁷⁵ M. Borch, *Gercike*, „Rubon” 1842, red. K. Bujnicki, T. I, s. 61-76.

⁷⁶ M. Borch, *Dwa fragmenta z niewydanej dotąd Normañskiej powieści pod tytułem: Rohneda*, „Rubon” 1845, red. K. Bujnicki, T. V, s. 93-119.

путешествий по стране: *Инфлянты, Жмудь*⁷⁷, *Литва, Побережье*⁷⁸ (польск. *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*)⁷⁹ он делится своими субъективными впечатлениями со стороны. Среди работ Буйницкого в основном рассматриваются: *Странствия по проселочным дорогам. Очерки обычаев в провинции* (польск. *Wędrówka po małych drogach. Szkice obyczajów na prowincji*)⁸⁰ и *Новые странствия по проселочным дорогам* (польск. *Nowa wędrówka po małych drogach. Szkice obyczajowe*)⁸¹, роман нравов *Дневники ксендза Иордана* (польск. *Pamiętniki księdza Jordana. Obrazek Inflant z XVII wieku*)⁸², *Дневники 1795-1875* (польск. *Pamiętniki 1795-1875*)⁸³. Из работ Платера во внимание приняты статьи, посвященные истории: *Исторически-хронологическая справка о Динабурге* (*Historyczno-chronologiczna wiadomość o Dynaburgu*)⁸⁴, *Еще немного слов о динабургском старом замке* (польск. *Jeszcze słów kilka o dynaburskim starym zamku*)⁸⁵, *О динабургских старостах от 1670 года* (польск. *O Starostach dynaburskich od roku 1670*)⁸⁶ и поэма *На дуб в Инфлянтах* (польск. *Na dąb w Inflantach*)⁸⁷. Платера и Буйницкого объединяют альманах „Rubon“, в котором авторы публикуют свои произведения, посвященные Польским Инфлянтам. Платера и Буйницкого также связывало общее детство, воспитание у одних учителей. Среди работ Мантейфеля рассматриваются исторические очерки: *Польские Инфлянты* (польск. *Inflanty Polskie*)⁸⁸, *Люцин в Инфлянтах* (польск. *Lucyn w Inflantach*)⁸⁹, *Письма из Прибалтики* (польск. *Listy z nad Bałtyku*)⁹⁰, *Замок Крыжборк в Витебской губернии* (польск. *Zamek Kryżbork w guberni Witebskiej 1886*)⁹¹, *Краслава* (польск. *Krasław*)⁹², *Кое-что из истории инфлянтского герцогства и выдающихся деятелей*

⁷⁷ Жмудь (Жемайттия или Самогития) — этнографический регион на северо-западе современной Литовской Республики и историческая область.

⁷⁸ Под Побережьем (польск. Pobereże) Хлопицкий подразумевает территории Украины, повествуя о своем путешествии по Днестру от Ямполья до Ягорлыка. [E. Chłopicki, *Inflanty*, w: *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*, Warszawa 1863, s. 122-148].

⁷⁹ E. Chłopicki, *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*, Warszawa 1863.

⁸⁰ K. Bujnicki, *Wędrówka po małych drogach. Szkice obyczajów na prowincji*, Wilno 1841.

⁸¹ K. Bujnicki, *Nowa wędrówka po małych drogach. Szkice obyczajowe*, Wilno 1852,

⁸² K. Bujnicki, *Pamiętniki księdza Jordana*, Cz. I-II, Wilno 1852.

⁸³ K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)*, opracował P. Bukowiec, Kraków 2001.

⁸⁴ A. Plater, *Historyczno-chronologiczna wiadomość o Dynaburgu*, „Rubon” 1842, red. K. Bujnicki, 19-57.

⁸⁵ A. Plater, *Jeszcze słów kilka o dynaburskim starym zamku*, „Przyjacieli Ludu” 1844, No. 31, s. 241-244.

⁸⁶ A. Plater, *O Starostach dynaburskich od roku 1670*, „Rubon” 1842, red. K. Bujnicki, T. I, s. 35-42.

⁸⁷ A. Plater, *Na dąb w Inflantach*, „Rubon” 1842, red. K. Bujnicki, T. II, s. 77-82.

⁸⁸ G. Manteuffel, *Inflanty Polskie: poprzedzone ogólnym rzutem oka na siedmiowiekową przeszłość całych Inflant*, Poznań 1879.

⁸⁹ G. Manteuffel, *Lucyn w Inflantach*, Kraków 1884.

⁹⁰ G. Manteuffel, *Listy z nad Bałtyku*, Kraków 1889.

⁹¹ G. Manteuffel, *Zamek Kryżbork (Kreutzborg) w guberni Witebskiej, powiecie Dyneburskim*, „Kłosy” 1886, Nr. 1092. - T. XLII, s. 348.

⁹² G. Manteuffel, *Krasław*, Warszawa 1901.

этого воеводства с XVII по XIX век (польск. *Nieco z dziejów księstwa inflanckiego i wybitniejszych postaci tego województwa od XVII do XIX stulecia*)⁹³.

Балтийские немцы проживают на восточном побережье Балтийского моря с XII века, на счету данного этнического меньшинства многовековой вклад в развитие и культуру Ливонии, поэтому работам авторов данного происхождения также уделяется большое внимание. Гарлиб Меркель родился в Ледурге, находящейся на тот момент в Лифляндской губернии. В своем периодическом издании “*Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland*”⁹⁴ он посвящает статьи описанию жизни в Динабурге и Якобштадте. *Путевые заметки из горного края* (нем. *Reiseskizzen aus dem Oberlande*)⁹⁵ Биленштейна демонстрируют отношение автора к местечкам и городам Польских Инфлянт.

Среди представленных латышских авторов один инфляндец по рождению – Никодемс Ранцис. Аусеклис происходит родом из Вольмарского уезда Лифляндской губернии. Несмотря на то, что автор не был в Польских Инфлянтах, он выступает за освобождение всей территории, в его произведениях представлены обобщенные проблемы для всех губерний, которые он выражает в своем поэтическом творчестве, часто используя мотив реки: *Рижскому латышскому обществу на 10 фев. 1872 г.* (латыш. *Rīgas latviešu biedribai uz 10 feb. 1872 g.*)⁹⁶, *Тримпула* (латыш. *Trimpula*)⁹⁷, *Памяти Меркеля* (латыш. *Merķēla piemiņa*)⁹⁸, *Народу* (латыш. *Tautai*)⁹⁹, *Копатели Даугавы* (латыш. *Daugavas rāceji*)¹⁰⁰. Райнис родился на хуторе Варславаны Иллукутского уезда в Курляндской губернии, прилегающей к Витебской губернии. По причине того, что Иллукутский уезд граничил с Динабургским уездом, Райнису часто приходилось бывать в Польских Инфлянтах. К примеру, период 1883—1889 гг. он провел в родовом поместье под городом Прейли. К рассматриваемым работам Райниса относятся: пьесы: *Вей, ветерок!* (латыш. *Pūt, vējiņi!*)¹⁰¹ и *Огонь и ночь* (латыш. *Uguns un nakts*)¹⁰², драматическая поэма *Даугава* (латыш.

⁹³ G. Manteuffel, *Nieco z dziejów księstwa inflanckiego i wybitniejszych postaci tego województwa od XVII do XIX stulecia*, w: *Z okolic Dźwiny*, Witeńsk 1912.

⁹⁴ G. Merkel, “*Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland*”, Nr. 43-44 (1830); Nr. 48 (1831); Nr. 28 (1835); Nr. 17, Nr. 51 (1838).

⁹⁵ A. Bielenstein, *Reiseskizzen aus dem Oberlande*, “*Baltische Monatschrift*”, Bd. XXIX, Heft 9, von J. Deubne r., Riga, Moskau 1882, S. 708-743.

⁹⁶ Auseklis, *Rīgas latviešu biedribai uz 10 feb. 1872 g.*, krājumā *Ausekļa kopoti raksti*, red. J. Lapiņš, Rīga 1923, Lpp. 187.

⁹⁷ Auseklis, *Trimpula*, dzejas krājumā *Ausekļa izlasīti raksti*, Pētersburga 1910, Lpp. 23-24.

⁹⁸ Auseklis, *Merķēla piemiņa*, dzejas krājumā *Izlase*, Rīga 1955, Lpp. 38.

⁹⁹ Auseklis, *Tautai*, dzejas krājumā *Ausekļa izlasīti raksti*, Pētersburga 1910, Lpp. 21-22.

¹⁰⁰ Auseklis, *Daugavas rāceji*, dzejas krājumā *Ausekļa kopoti raksti*, red. J. Lapiņš, Rīga 1923, Lpp. 268-269.

¹⁰¹ J. Rainis, *Pūt, vējiņi!*, Pētersburga 1913.

¹⁰² J. Rainis, *Uguns un nakts*, Rīga 1907.

Daugava)¹⁰³. Коренной инфлянец и латгалец Никодемс Ранцанс интересен сборником своих фельетонов под названием *Путешествие по Латгалии* (латгал. *Ceļojums pa Latgolu* 1924)¹⁰⁴.

4. Методология

Используемая методология вписывается в исследования компаративистики с использованием регионально-географического метода, понятий о литературе региона и геоэстетического аспекта с элементами культурно-исторической школы.

В первую очередь следует определить модель, согласно которой реализуется исследование, обладающее компаративистским характером. Тип используемой модели представлен польским филологом Эвой Щенсной (польск. Ewa Szczęsna) в работе под названием *Компаративистика сегодня*¹⁰⁵. Согласно данной модели, компаративист сопоставляет два или более явлений (произведений). В случае представленной работы сопоставляются собрания произведений о Польских Инфлянтах, написанных во время существования Витебской губернии. Данные собрания можно символично обозначить как: $A(A_1A_n)$, $B(B_1B_n)$, $C(C_1C_n)$, $D(D_1D_n)$ ¹⁰⁶, с учетом того, что “n” является обозначением количества произведений. Однако количество произведений в собраниях не является основополагающим в данном исследовании, что также необходимо иметь в виду. Стоит отметить, что собрания поделены согласно национальной принадлежности авторов, а именно: А – собрание произведений о Польских Инфлянтах авторов польского происхождения, В – авторов русского происхождения, С – авторов остзейского происхождения, D – авторов латышского происхождения.

Схема анализа, согласно взятой модели, представлена следующим образом:

 - процесс сопоставления

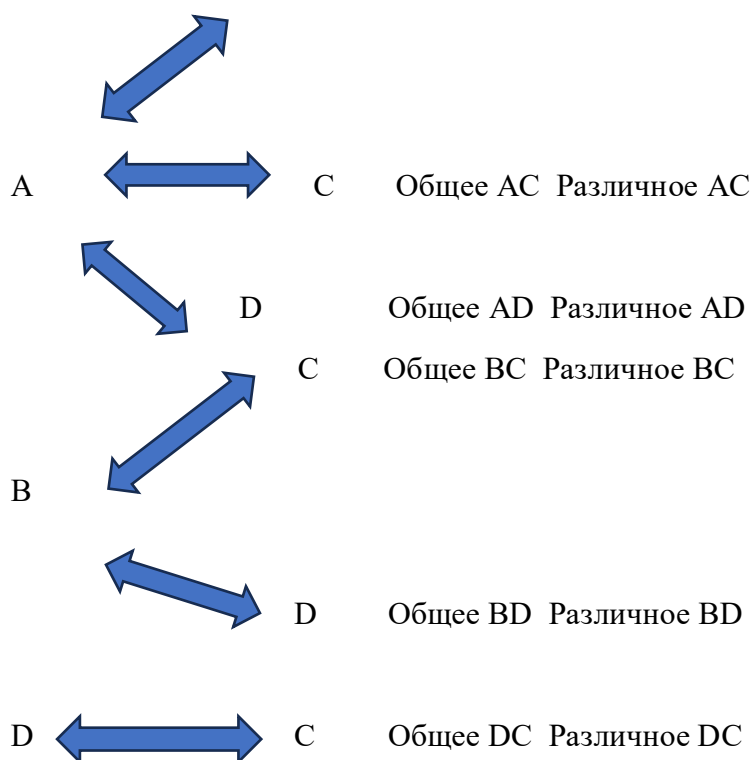
В Общее АВ Различное АВ

¹⁰³ J. Rainis, *Daugava*, Rīga 1919.

¹⁰⁴ N. Rancāns, *Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002.

¹⁰⁵ E. Szczęsna, *Komparatystyka dzisiaj*, Kraków 2010.

¹⁰⁶ Произведения, о которых идет речь перечислены на с. 14-18.

На основе общих характеристик возникают точки соприкосновения (возможные варианты: AB, AC, AD, CB, CD, DB, ABC, BCD, CDA, ABCD), ведущие к определенным выводам. Различное составляет отсутствие общих признаков, что также влечет за собой выводы.

В момент исследования необходимо помнить о том, что компаративист имеет собственное субъективное отношение к каждому рассматриваемому явлению в отдельности, а также к возникающим между сравниваемыми объектами историко-литературным и культурным отношениям¹⁰⁷. Однако имея в виду данную особенность, задачей исследователя является сохранить максимально возможную объективность, рассматривая и сравнивая явления с третьей позиции, согласно заранее выставленным рамкам. Именно компаративист является в данной модели инициатором научного и интерпретационного дискурса, через призму которого рассматриваются взаимоотношения представленных собраний. В лице исследователя, дискурсом, на основе которого производится сравнение, заявляется духовная и материальная культура Польских Инфлянт, представленная в произведениях писателей польского, русского, немецкого и латышского происхождения XIX века. Итогом исследования планируются выводы, основанные на

¹⁰⁷ E. Szczęsna, *Modele analizy*, w: *Komparatystyka dzisiaj*, red. E. Szczęsna i E. Kasperski, T. I, Kraków 2010, s. 21-24.

общих чертах, найденных согласно заявленному дискурсу, а также основываясь на отсутствии общих черт, что также ведет к определенному выводу.

Стоит отметить, что критерий национального происхождения выбран для того, чтобы продемонстрировать как понятие “инфлянтский писатель” может отличаться в зависимости от происхождения и вытекающих из него воззрений, касающихся интересующего автора региона. При этом учитывается многонациональное происхождение некоторых авторов (Михаил Ян и Михаил Борхи, Густав Мантейфель, Адам Платер), что лишь подчеркивает пограничное положение Польских Инфлянт, представляющее собой колорит мозаики, в том числе отраженный в биографиях авторов.

Переходя непосредственно к методам, используемым в работе, стоит в первую очередь обратиться к регионально-географическому методу, представленному, среди прочих методов исследования, в труде польского компаративиста, теоретика и историка литературы Эдуарда Касперского (польск. Edward Kasperski) под названием *Методы и методология*¹⁰⁸. Главной отличительной чертой регионально-географического метода является изучение границ культур в определенном регионе. Касперский представляет данный метод, базируясь на литературе окраин¹⁰⁹. Стоит отметить, что под окраинами или восточными окраинами¹¹⁰ в польских текстах, как правило, подразумеваются конкретные территории, принадлежавшие Польше, что подчеркивает историк искусства Тадеуш Хшановский (польск. Tadeusz Chrzanowski) в своей работе под названием *Окраины или область тоски*¹¹¹. Под окраинами подразумеваются белорусские и литовские земли, входящие в Великое княжество Литовское, часть Инфлянт, а также украинские земли, входившие в состав Польши. Хшановский подчеркивает, что окраинами стоит считать земли, находящиеся к востоку от центра Польши, которые представляют собой смесь религий и этнических групп, но при этом на данных территориях в меньшей или большей численности жили поляки¹¹². О территориальном расположении также писал Яцек Колбушевский (польск. Jacek Kolbuszewski): литературовед разъясняет, что „Kresy”, написанные именно с большой буквы, указывают на конкретные территории:

¹⁰⁸ E. Kasperski, *Metody i metodologia (metodologia ogólna, nauki humanistyczne, wiedza o literaturze): podręcznik akademicki*, Warszawa 2017.

¹⁰⁹ E. Kasperski, *Komparatystyka kresów. Metoda regionalistyczno-geograficzna a kryteria kresowości*, w: *Metody i metodologia (metodologia ogólna, nauki humanistyczne, wiedza o literaturze): podręcznik akademicki*, Warszawa 2017, s. 259-273.

¹¹⁰ Польск. Kresy czy Kresy Wschodnie.

¹¹¹ T. Chrzanowski, *Kresy czyli obszary tęsknot*, Kraków 2001.

¹¹² T. Chrzanowski, *Kresy czyli obszary tęsknot*, Kraków 2001, s. 7.

„Kresy” с большой буквы являются единственным в своем роде эквивалентом географического названия, охватывающим несколько регионов, несколько территорий и даже этнических регионов, признанных, однако, родными польским районам.¹¹³ [Перевод с польского Э.Я.]

Однако стоит отметить, что понятие окраины может быть применено также касательно любых других территорий, которые выделяются своими регионально-географическими особенностями. К примеру, компаративист Кирилл Анисимов в своей статье под названием *Восточный травелог русской литературы XIX в.: "воображение" имперских окраин и поэтика повествования* рассматривает восточные окраины России, непосредственно территории Сибири, обращая внимание на интеграцию территорий периферии в пространство национальной культуры¹¹⁴.

Придерживаясь принципа принятого во внимание метода, писателя, посвятившего свое творчество Польским Инфлянтам и связанного с территорией Польских Инфлянт, можно определить согласно следующим критериям: его биографии, связанной с данным регионом, осведомленности в хронотопии Польских Инфлянт, присутствию инфлянтской наррации в творчестве, активной позиции по отношению к присущему Польским Инфлянтам этническому, языковому, религиозному и бытовому разнообразию¹¹⁵. Ко всему прочему, такой автор обладает опытом, связанным с осознанием пограничного нахождения Польских Инфлянт, что формирует характер композиции социума в данной местности. Автор, связанный с Польскими Инфлянтами и обращающийся в своем творчестве к ним, также обладает способностью понимать и сравнивать разные взгляды общественных групп, проживающих на данной территории, он постоянно находится в диалоге культур. Важным пунктом, который необходимо принять во внимание, является то, что так называемый „инфлянтский писатель” XIX века не обязательно должен быть инфляндцем по происхождению и большую часть своей жизни провести именно на этой территории¹¹⁶. Сама литература Польских Инфлянт в вышеназванном веке является отражением языковой, культурной и этнической разнородности, на что повлияли исторические события. По данной причине, следуя регионально-географическому методу, большое внимание стоит

¹¹³ Pisane wielką literą Kresy stanowią jedyny w swoim rodzaju równoważnik nazwy geograficznej, zakresem swym obejmujący kilka regionów, kilka krain, kilka nawet obszarów etnicznych, uznanych jednak za obszar polskiej swojskości. [J. Kolbuszewski, *Kresy*, Wrocław 1995, s. 12]

¹¹⁴ К. В. Анисимов, *Восточный травелог русской литературы XIX в.: "воображение" имперских окраин и поэтика повествования*, „Имагология” 2014, с. 5-21.

¹¹⁵ E. Kasperski, *Komparatystyka kresów...*, op.cit., s. 272-273.

¹¹⁶ E. Kasperski, *Kresy w perspektywie metodologii*, w: *Metody i metodologia (metodologia ogólna, nauki humanistyczne, wiedza o literaturze): podręcznik akademicki*, Warszawa 2017, s. 296-297.

уделить тому, как формировалась упомянутая территория и какие исторические и политические факторы на это повлияли¹¹⁷.

Появление термина „пограничье” требует разъяснения для понимания того, что конкретно подразумевается под данной особенностью, выделяющей регион Польских Инфлянт. Тадеуш Буйницкий (польск. Tadeusz Bujnicki) обращаясь в своей работе под названием *На пограничьях, окраинах и за границами*¹¹⁸ к термину культурного пограничья, говорит о том, что под ним стоит подразумевать не пространственное понятие этнического пограничья, и это не столько опыт „нахождения на границе” сталкивающихся между собой этносов, сколько многообразие, связанное с вдохновением многих культур с разными традициями, отраженными и функционирующими в индивидуальном произведении. Таким образом, литературное произведение конкретного автора контекстуально может быть частью нескольких различных культур¹¹⁹. В свою очередь, Касперский подчеркивает, что одно из значений данного понятия связано с хронотопией и обладает пространственным характером. Во-первых, речь идет о географических границах разного вида: государственных, административных, этнических, религиозных, цивилизационных. Стоит отметить, что именно частое изменение государственных и административных границ на исторической карте послужило причиной культурного и языкового разнообразия на территории Польских Инфлянт¹²⁰. Однако языковая граница далеко не всегда заканчивается на линии границы государства. Касперский говорит о том, что понятие языковой границы достаточно метафорично: несмотря на это, его также можно отнести к географическому пространству, на котором живут носители языка и активно его используют, возможным представляется провести условную линию, за которой проживает сообщество, использующее другой язык¹²¹. Из этого следует, что Польские Инфлянты находятся на границе не только культурной, но и языковой. Стоит отметить, что особенностям полилингвизма на территориях окраин обращались некоторые исследователи, к примеру лингвист Алиция Нагурко (польск. Alicja Nagórko) в статье *Легенды Окраин - многоязычность как культурная ценность*¹²².

¹¹⁷ E. Kasperski, *Kresy w perspektywie...*, op.cit., s. 297.

¹¹⁸ T. Bujnicki, *Na pograniczach, kresach i poza granicami*, Białystok 2014.

¹¹⁹ T. Bujnicki, *O problemach kultury i literatury pogranicza*, w: *Na pograniczach, kresach i poza granicami*, Białystok 2014, s. 20.

¹²⁰ E. Kasperski, *Kresy w perspektywie metodologii*, „Prace filologiczne. Seria literaturoznawcza” 2008, T. LV, s. 50.

¹²¹ Ibidem, s. 64-69.

¹²² A. Nagórko, *Legenды Kresów – wielojęzyczność jako wartość kulturowa*, w: *Kresy w literaturze: twórcy dwudziestowieczni*, red. E. Czapplewiczka i E. Kasperskiego, Warszawa 1996, s. 91-103.

Еще одно понимание пограничья культур несет в себе переносное значение, в связи с чем выходит за пределы понятий пространства и времени. Речь идет о том, что произведения литературы могут встречаться друг с другом и пересекаться, дополнять друг друга вне зависимости от времени и пространства. Тексты, написанные в далеком прошлом, влияют на творчество писателя современности¹²³. С другой стороны, совершенно не обязательным является взаимообмен культур в литературном плане, даже когда авторы живут на одной территории в одно время. Каждый из авторов может быть озабочен своей конкретной проблемой и не соприкасаться с мыслями и идеями соседа. В таком понимании авторы на одной и той же географической территории создают разные культурные пространства. Данная особенность также встречается в инфлянтской литературе¹²⁴.

Саму инфлянтскую литературу можно отнести к феномену пограничья на основе того, что она представляет собой единое целое, состоящие из частей, которые, в свою очередь, также одновременно находятся в составе других совокупностей. Примером тому служат инфлянтские авторы, являющиеся представителями двух национальных литератур. Литературовед Станислав Уляш (польск. Stanisław Ułasz) по данному поводу в своей работе под названием *Литература Окраин – окраины литературы*¹²⁵ обращается к понятию родины Станислава Оссовского (польск. Stanisław Ossowski)¹²⁶, умозаключая, что на территории культурного пограничья находится множество частных родин¹²⁷ и в меру углубления национального сознания - родин идеологических¹²⁸. Под идеологической родиной понимается также родина историческая, однако важно то, что жители пограничья, как правило, скучают не по государству, которому они принадлежат, согласно историческому происхождению своего рода, а по родине близкой и органичной сердцу.

В отличие от культур моноэтнических (в пределах того на сколько это возможно, ведь данное понятие достаточно идеализированно, так как в чистом виде не встречается) культуры, находящиеся в областях этнического пограничья, создают естественным путем пространства стыка, коммуникации между „своими” и „чужими”, взаимного вдохновения, созданного на основе взаимодействия разных сообществ. Уляш придерживается мнения, что на основе этого на окраинах пограничья нет места для обиды и агрессии по отношению

¹²³ Примером тому может послужить роман *Дневники ксендза Иордана* (польск. *Pamiętniki księdza Jordana*), написанный Буйницким в 1852 году под вдохновением дневников священника-иезуита, жившего в XVII веке.

¹²⁴ К примеру, гидроним Даугавы у Райниса отражает совершенно иные особенности жизни Инфлянт, нежели они представлены в поэзии Михаила Борха. Следовательно, при таком рассмотрении пограничья географическое пространство уходит на второй план.

¹²⁵ S. Ułasz, *Kresy wspólnotą wspólnot*, w: *Literatura Kresów – kresy literatury*, Rzeszów 1994, s. 161.

¹²⁶ S. Ossowski, *Analiza socjologiczna pojęcia ojczyzny*, w: *Dzieła*, T. III, Warszaw 1967, s. 201-226.

¹²⁷ Польск. prywatna ojczyzna

¹²⁸ S. Ułasz, *Kresy jako fenomen kulturowy*, w: *Literatura Kresów – kresy literatury*, Rzeszów 1994, s. 28.

к друг другу, теряя индивидуальность, каждая сторона вносит свой вклад в построение общей культуры¹²⁹. Однако Касперски заключает, что на пограничных территориях именно по причине существования понятий „свой” и „чужой”, в последствии взаимного проникновения, возникает поле для конфронтации и конфликтов. Такого вида проникновение касается языка, религиозных верований, традиций, обычаев, моделей поведения и межчеловеческих контактов¹³⁰. Польский литературовед Болеслав Хадачек (польск. Bolesław Hadaczek) по данному поводу добавлял, что длямышленого выбора между „своим” и „чужим” возможен лишь при наличии четкого и основательного осознания своей личной идентичности и индивидуальности¹³¹.

Несомненно, Польские Инфлянты в историческом и географическом отношении являются культурным пограничьем, на котором на протяжении времени наблюдались как „диалоги культур”, так и конфликтные моменты между культурами. Соответственно, регионально-географический метод подходит для исследования инфлянтской литературы XIX века. Хадачек во вступлении к исследованию под названием *Антология польской литературы окраин XX века* (польск. *Antologia polskiej literatury kresowej XX wieku*) говорил о данном методе следующее:

Творчество „kresowych” писателей заставляет обратиться исследователя к регионально-географическому методу, предполагающему, что творец и его произведение вырастают из родного творцу региона. На виденье автором мира и его способ отражения влияют деревья, реки, цвета неба и лица людей, мелькающие перед ним в детстве.¹³² [Перевод с польского Э.Я.]

В цитате подчеркнуто, что регион должен быть творцу родным. Значит ли это, что писатели, которые пишут о Польских Инфлянтах за пределами ее территорий и поднимают проблемы, характерные для местности, не могут относиться к инфлянтской литературе? Касперский в своем труде говорит о том, что критерий обязательного рождения автора в местности, о котором идет речь, и непосредственная его принадлежность по факту происхождения из данной местности ставит необоснованное ограничение в оценке

¹²⁹ S. Uliasz, *Kresy wspólnotą wspólnot...*, op.cit., s. 161.

¹³⁰ E. Kasperski, *Komparatystyka kresów...*, op.cit., s. 261-262.

¹³¹ B. Hadaczek, *Polska literatura kresowa: jej dominanty, mity i metodologia*, w: *Kresy w literaturze polskiej*, Gorzów 1999, s. 12.

¹³² Тут и далее по тексту представлен перевод цитат на русский язык, а в сноске указывается оригинал. Twórczość pisarzy kresowych zmusza więc badacza do stosowania metody geograficzno-regionalistycznej zakładającej, że twórca i jego dzieło wyrastają z rodzinnego regionu, że na jego widzenie i odczuwanie świata wpływają drzewa i rzeki, barwy nieba i twarze ludzi oglądanych w dzieciństwie. [B. Hadaczek, *Wstęp*, w: *Antologia polskiej literatury kresowej XX wieku*, Szczecin 1995, s. 6]

литературы окраин¹³³. В оценке Польских Инфлянт данное ограничение также было бы излишним по причинам особенности данного пространства в рассматриваемый период. В XIX веке люди, особенно аристократия, которой в большинстве случаев принадлежит авторство работ о Польских Инфлянтах, находились в свободном к передвижению мире¹³⁴. Касперский подчеркивает, что в регионах, в которых происходит частая миграция населения, а именно такими регионами, как правило, являются территории пограничья, совершенно нелогичным является рассматривать творчество только писателей, родившихся и проживающих в данной местности. Исходя из этого, напрашивается предположение, согласно которому понятие „родной регион” может быть понято абстрактно, в значении близкого по какой-либо причине места, проблемы и особенности которого волнуют душу автора¹³⁵.

Регионально-географический метод в рассмотрении литературы Польских Инфлянт также соседствует с биографическим методом. В основе биографического метода лежит сопоставление литературных достижений с фактами житетворчества автора. Внимание привлекают наиболее значимые факты из жизни писателя, такие как образование, общее развитие, судьбоносные моменты, индивидуальные и коллективные переживания, а также личные и общественные контакты. Творческий путь является целостным отражением жизненного пути автора. Однако точкой рассмотрения всегда является литературный факт, так как без его наличия биография писателя не представляла бы собой никакой ценности¹³⁶.

При использовании регионально-географического метода важно также помнить о диалоге культур. Касперский рассматривает „диалог культур” как отдельный метод исследования¹³⁷. Уляш, в свою очередь, добавляет, что „диалог культур” требует от его участников добровольного принятия этических обязательств, поэтому в нем всегда присутствуют: уважение к чужим взглядам, аксиологические убеждения, восприятие „другого” как партнера для поиска правды, а не противника, точку зрения которого

¹³³ E. Kasperski, *Kresy w perspektywie metodologii*, w: *Metody i metodologia (metodologia ogólna, nauki humanistyczne, wiedza o literaturze): podręcznik akademicki*, Warszawa 2017, s. 296-297.

¹³⁴ Яркими примерами тому являются Эдуард Хлопицкий, который отправляется в путешествие по бывшим территориям Польши, и Гарлиб Меркель, проживший часть жизни на территориях Латвии, а часть в Германии. Невозможно при этом сделать вывод, что заинтересованность в той или иной мере Польскими Инфлянтами авторами вызвано случайностью или благодаря поверхностному любопытству. Авторы посвящают свои труды местности, судьба которой волнует их как родной регион (в случае Хлопицкого, как часть бывшей Речи Посполитой).

¹³⁵ E. Kasperski, *Kresy w perspektywie metodologii*, w: *Metody i metodologia (metodologia ogólna, nauki humanistyczne, wiedza o literaturze): podręcznik akademicki*, Warszawa 2017, s. 296-297.

¹³⁶ E. Kasperski, *Kresy w perspektywie metodologii*, „Prace filologiczne. Seria literaturoznawcza” 2008, T. LV, s. 73-74.

¹³⁷ E. Kasperski, *Kresy w perspektywie...*, op.cit., 2017, s. 300-301.

необходимо опровергнуть любым способом¹³⁸. О „диалоге культур” также рассуждал Михаил Бахтин в своей работе под названием *Вопросы литературы и этики*¹³⁹:

Не должно, однако, представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает¹⁴⁰.

На примере цитаты видно, что Бахтин также как Уляш говорит о том, что необходима амбивалентность вступающих в диалог культур, обязательным фактором является способность увидеть в глазах „иного” себя. Согласно Касперскому, в рамках данного метода можно выделить два ключевых аспекта реальности Польских Инфлянт, отраженных в литературных произведениях: многообразие этнических и языковых точек зрения, а также создание между ними взаимодействий и связей разного типа. Следовательно, метод диалога культур исключает рассмотрение Польских Инфлянт со стороны этноцентризма и монологической точки зрения. Само название „Польские Инфлянты” используется в индивидуализированном географически значении. Данные территории отличаются тем, что на разных временных отрезках они входили в состав разных государств, что привело в XIX веке к разнообразию населения.

В дополнение к регионально-географическому методу стоит принять во внимание также культурно-исторический метод. Однако необходимо подчеркнуть, что использование его в полноценном изначальном варианте было бы актом схождения к архаизму, поэтому во внимание принимается лишь часть метода, которая имеет место в современном исследовании и, пройдя некоторые модификации, отчасти также представлена в геоэтических исследованиях. В свою очередь, недостатки метода, раскрывшиеся со временем, о чем подробнее пойдет речь ниже, будут опущены.

Для начала стоит упомянуть о том, что в рамках культурно-исторической школы, основателем которой является французский философ позитивист Ипполит Тэн (фр. Hippolyte Taine), литература рассматривается как явление, детерминированное национальной психологией автора и его принадлежностью к определенному физико-

¹³⁸ S. Uliasz, *Kresy wspólnoty wspólnot...*, op.cit., s. 160.

¹³⁹ М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Москва 1975.

¹⁴⁰ Ibidem, s. 25.

географическому и историческому контексту. В рамках данной школы важную роль представляет социологическая линия. Методология социологической парадигмы рассматривает художественное произведение, с одной стороны, как продукт, детерминированный совокупностью социокультурных, исторических, экономических причин, а с другой стороны, как фактор формирования общественного сознания. Общей методологической установкой при данной парадигме является выявление системы детерминант, определяющих особенности создания произведения, а также особенности его контекстуальной интерпретации¹⁴¹.

Согласно культурно-исторической концепции, во внимание необходимо взять три фактора. В первую очередь необходимо рассмотреть врождённые, наследственные склонности, привитые автору по рождению, в зависимости от его расы и национальности.

Ко второму объективному фактору относится среда обитания, то есть географические, климатические и социальные условия жизни. Тэн говорит о том, человек привыкает к определенным климатическим условиям, характерным для его территории проживания, что отражается на системе привычек, инстинктов и способностей. Однако воздействие могут оказывать также политические обстоятельства. Собственно, вхождение Польских Инфлянт в состав Витебской губернии является примером такого обстоятельства. Случается, что на среду также накладывают отпечаток социальные условия¹⁴². Примером тому могут стать изменения социального положения крестьян в Российской империи, в том числе в Витебской губернии, после отмены крепостного права в 1861 году.

К третьему фактору относится так называемый „момент“. Имеется в виду конкретный момент в жизни нации, его историческое содержание. Однако, как подчеркивает автор концепции, под моментом подразумевается также продукт совместной концентрации сил внешних и внутренних. Тэн объясняет, что кроме постоянного влияния определенной среды и национальных особенностей большое значение имеет скорость, которой достигла нация в развитии, и каково это положение в сравнении с окружающими, внешними обстоятельствами¹⁴³:

¹⁴¹ О. Н. Турьшева, *Формирование социологической парадигмы*, в: *Теория и методология зарубежного литературоведения*, Москва 2012, с. 31-35.

¹⁴² И. Тэн, *История английской литературы*, в: *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе*, ред. Г. К. Косикова, Москва 1987, с. 82-84.

¹⁴³ Примером тому может послужить появление в 1850 году движения младолатышей, которое боролось за народное пробуждение, получение независимости и развитие национальных ценностей. Однако возникло оно именно в „моменте“ появления подобных образований. Изначально появилось движение под названием „Молодая Германия“ (нем. *Junges Deutschland*) в начале 30-х годов XIX века на волне обстановки общественного подъема после Июльской революции 1830 года. Под движением „Молодая Германия“ подразумевались прогрессивные писатели с либерально-буржуазными настроениями, стремящиеся к политическим реформам и придерживающиеся взглядов национального равенства, веротерпимости и

Национальный характер и окружающие обстоятельства откладывают свой отпечаток не на „чистую доску”, а на поверхность с уже имеющимся рисунком. В зависимости от того или иного момента рисунок будет различным, а потому различным будет и общий результат¹⁴⁴.

Тэн в своей работе под названием *Философия искусства*¹⁴⁵ говорит о том, что литература обнажает лучшим образом историю нации: „Литература превосходит все иные документы, представляющие нашему взору чувства прошлых поколений”¹⁴⁶. Таким образом, литературное произведение можно использовать как прибор по изучению нации в определенный период времени, живущей при определенных геоэтических обстоятельствах. Важным для среды, которая создает художника, согласно теории Тэна, является „моральная температура”. Философ утверждает, что как продукты человеческого разума, так и продукты живой природы объясняются только окружающей средой. Данное понимание характерно не только для позитивистского социологического направления, но также для современных исследований XXI века, что можно наблюдать в работах литературоведов, занимающихся геоэтикой. Примером могут послужить исследования Анны Кронберг (польск. Anna Kronenberg) в ее работе под названием *Геоэтика: связи литературы и среды* (польск. *Geopoetyka: wiązki literatury i środowiska*)¹⁴⁷ и Эльжбеты Рыбицкой (польск. Elżbieta Rybicka) в ее работе под названием *Геоэтика. Пространство и место в современных теориях и литературных практиках* (польск. *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*)¹⁴⁸.

Как подмечает Тэн, из литературного памятника возможно раскрыть психологию души его создателя, зачастую психологию века, а если повезет, то и психологию целой расы¹⁴⁹. Из вышеупомянутой концепции следует, что автора литературного произведения стоит рассматривать как представителя национальной психологии и обладателя сознания,

эмансипации женщин. [W. Dietze, *Junges Deutschland und deutsche Klassik*, 3. Überarb. Aufl., Berlin 1962] Позднее по аналогии появились движения „Молодая Польша” и „Молодая Скандинавия”. Каждое из этих направлений выражало бунт против существующих порядков в стране и искусстве, в том числе литературе. Движения объединяло желание изменения сложившихся проблем в обществе их страны, для этого они начали использовать литературу как инструмент в своей борьбе. На фоне этого направление романтизма терпело упадок и изменения. [B. Hadaczek, *Młoda Polska*, w: *Historia literatury kresowej*, Kraków 2011, s. 203-243]

¹⁴⁴ И. Тэн, *История английской литературы...*, op.cit., с. 85.

¹⁴⁵ И. Тэн, *Философия искусства*, ред. А. М. Микиши, Москва 1996.

¹⁴⁶ Ibidem, с. 94.

¹⁴⁷ A. Kronenberg, *Geopoetyka: wiązki literatury i środowiska*, Łódź 2014.

¹⁴⁸ E. Rybicka, *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*, Kraków 2014.

¹⁴⁹ S. Skwarczyńska, *Nurt przyrodniczy w badaniach literackich, jego kierunki i rozgałęzienia*, w: *Kierunki w badaniach literackich*, Warszawa 1984, s. 95.

на которое оказывает влияние среда проживания и исторический момент. Индивидуальные характеристики автора являются вторичными. Рассматривая национальное как фактор художественности в литературе, автор *Методологии литературоведения*¹⁵⁰ Анатолий Андреев выделяет личность как внутреннюю социальность и продукт общественных отношений. При этом автор подчеркивает, что национальное не является формой общественного сознания, а лишь свойством психики. Национальная самобытность, в свою очередь, складывается из таких нравственно-психологических особенностей, как общность трудовых процессов, общественная жизнь и обычаи, формирующихся на основе биологических и природно-климатических факторов. К таковым факторам, в свою очередь, относятся этнические особенности, природные условия и общности территорий. Перечисленное приводит к формированию национальной характерности жизни и возникновению национального менталитета, целостного комплекса природно-генетических и духовных свойств¹⁵¹.

Тэн утверждает, что смена литературных форм также происходит в соответствии с действием таких естественных причин, как среда и момент. В своей работе под названием *Философия искусства* Тэн говорит о том, что литературное произведение является частью жизни художника, из чего вытекает следующее:

...чтобы понять какое-либо художественное произведение, художника или школу художников, необходимо в точности представить себе общее состояние умственного и нравственного развития того времени, к которому они принадлежат. В самом деле, если мы пробежим главнейшие эпохи в истории искусства, то найдем, что искусства появляются и исчезают одновременно с появлением и исчезновением известных умственных и нравственных состояний, с которыми они связаны¹⁵².

Из этого следует, что между писателем и современниками всегда устанавливается связь. Для того, чтобы раскрыть причины, побудившие писателя выбрать тот или иной колорит, изобразить те или иные чувства, стоит искать ответ в общем состоянии нравов и духе общества. Лучшим образом позицию данной концепции можно охарактеризовать цитатой из романа Томаса Манна *Волшебная гора* (нем. *Zauberberg*):

Человек живет не только своей личной жизнью, как отдельная индивидуальность, но — сознательно или бессознательно также жизнью целого, жизнью современной ему эпохи; и если даже он считает общие и

¹⁵⁰ А. Н. Андреев, *Методология литературоведения*, Минск 2000.

¹⁵¹ А. Н. Андреев, *Национальное как фактор художественности в литературе*, в: *Методология литературоведения*, Минск 2000, с. 105-113.

¹⁵² И. Тэн, *Философия искусства...*, op.cit., с. 10.

внеличные основы своего существования чем-то безусловно данным и незыблемым и далек от нелепой мысли критиковать их, то все же вполне возможно, что он смутно ощущает их недостатки и их воздействие на его нравственное самочувствие¹⁵³.

Говоря о принадлежности индивидуальности к целому в контексте окраин, Эугениуш Чаплеевич (польск. Eugeniusz Czaplejewicz) утверждает, что „из окраин мир виден лучше”. Под данным утверждением автор имеет ввиду, что со стороны окраин легче вычленишь важное и охватить целое. Чаплеевич добавляет, что прибытие в далекие и укромные места совсем не значит потерю контактов с миром, а наоборот более глубокое его восприятие. Одиночество и пространственная дистанция в свою очередь, способствует к образованию истинного сообщества¹⁵⁴.

Необходимо отметить, что культурно-историческая школа использует принцип историко-генетического изучения литературы. По своему содержанию историко-генетический метод в наибольшей степени соответствует принципу историзма. Основная цель историко-генетического метода состоит в объяснении фактов, выявлении причин их появления, особенностей развития и последствий, то есть анализе причинности¹⁵⁵. Исходя из этого, стоит отметить, что в литературоведении историко-генетический метод является методом исследования конкретных истоков литературного произведения, что позволяет выявить связь произведения с действительностью, которая его породила. Во внимание принимается конкретное историческое время и общественная ситуация, что помогает выявить связь произведения, как и творчества писателя в целом, с развитием литературного процесса и определенного литературного направления¹⁵⁶.

Уникальность метода заключается в том, что он помогает отразить нравы эпох, поэтому не концентрируется на произведении как на эстетическом феномене. Более того, метод не ограничивает исследователя, заставляя рассматривать один жанр, что очень важно

¹⁵³ Т. Манн, *Волшебная гора*, перевод В. О. Станевич, Москва 2015, с. 58

¹⁵⁴ E. Czaplejewicz, *Kresy i Europa*, w: *Królestwo różnorodności. Teoria i literatura w sytuacji ponowoczesności*, Warszawa 1996, s. 9.

¹⁵⁵ Л. Н. Мазур, *Историко-генетический метод*, в: *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь*, ред. А. О. Чубарьян, Москва 2014, с. 153.

¹⁵⁶ Подтверждением того, что литературные произведения транслируют исторические события, является то, что польские и русские писатели в начале XIX века особо заинтересовались территориями, на которых в наши дни расположены Латвийская и Эстонская республики. Обострением интереса, в первую очередь, послужили политические события, связанные с подписанием Ништадтского мирного договора между Шведским Королевством и Российским царством по итогам Северной войны, завершившейся в 1721 году. По итогам подписания вышеупомянутого договора Эстландия и Лифляндия вошли в состав Российской империи. В конце XVIII века также происходили разделы польско-литовского государства, что не могло оставить авторов равнодушными. Однако стоит отметить, что помимо политической ситуации большую роль в данном вопросе сыграли литературные предпочтения, а именно повышенный интерес к данному региону в конце XVIII века на волне романтического регионализма.

для представленной работы, в которой материальные и духовные особенности Польских Инфлянт рассматриваются в работах разного спектра, не ограничиваясь не только жанрами, но даже литературными родами.

Литературоведческие исследования XXI века вновь обратились к вопросу о соединении писателя с природой и землей. Например, Оксана Веретюк (польск. Oksana Weretiuk) в своей работе *Попытка определить и упорядочить значения, связанные с геополитикой*, говорит о понятии „поэтика земли”, под которым подразумевается геопэтика. Веретюк утверждает, что геопэтика включает в себя вопрос: „Возможно ли объединение философии, местности, мышления, природы и культуры?” Для художественного взгляда на мир, по утверждению автора, характерно выражение искусства через соотношение с землей¹⁵⁷.

Стоит помнить о том, что для геопэтики важны категории пространства и времени, а также понятие места. О раскрытии пространства говорит один из основателей гуманитарной географии И-Фу Туан в своей работе под названием *Пространство и место*, подчеркивая, что место является частью пространства, для которого немаловажную роль играет наполненность социальным и территориальным смыслом. В понятие пространства также входит переплетение социальных и общественных отношений¹⁵⁸. При анализе описаний пространства в произведении необходимо помнить о понятии хронотопа, которое было введено в 1930 году Михаилом Бахтиным, занимавшимся исследованием эпических форм повествования и жанров европейского романа. Объяснением тому, что вкладывается в понятие художественный хронотоп, может стать цитата Бахтина из его научного труда *Формы времени и хронотопа в романе*:

В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп¹⁵⁹.

¹⁵⁷ O. Weretiuk, *Próba określenia i uporządkowania znaczeń związanych z geopoetyką*, w: *Inny i podróży. Literackie świadectwa podróży na przestrzeni wieków*, T. I, Rzeszów 2013, c. 25-30.

¹⁵⁸ Yi-Fu Tuan, *Przestrzeń i miejsce*, Warszawa 1987. s. 176.

¹⁵⁹ М. М. Бахтин, *Очерки по исторической поэтике*, в: *Формы времени и хронотопа в романе*, Москва 1975, с. 121.

Следовательно, только в определенное время и на определенном пространстве может произойти то или иное событие, которое непосредственно зависит как от одного, так и от второго фактора.

Определение места происходит за счет личного контакта с конкретной территорией. Под контактом с территорией, в свою очередь, подразумевается воссоздание социальных связей, уникальных для конкретной местности¹⁶⁰.

Рыбицкая, в свою очередь, пишет о том, что существует тесная связь между литературным поэзисом и материальностью пространства. Следовательно, место и литература не только взаимосвязаны, но также нуждаются друг в друге. Место, оставившее свой след в литературе, восстанавливает в коллективной памяти свою историю и культуру, а литература, в свою очередь, укореняется в материи, являющейся следом прошлого¹⁶¹. Говоря о материальности пространства, стоит взять во внимание объекты, согласно заключениям Уляша, отражающие ценности, которые несет в себе общество окраин. Наглядными объектами, отражающими данные ценности являются: дом, семья, соседство, а также пейзаж и ландшафт, являющиеся фоном истории, формой культурной памяти. Таким образом, многочисленные мотивы рек, озер, курганов, долин, степей, пустынь, дорог, замков и дворцов, парков и садов в литературе пограничья не являются только лишь живописным пейзажем, а представляют собой художественный код, хранящий в себе информацию о истории территории пограничья¹⁶². Для литературы Польских Инфлянт, главным образом, таким культурным кодом являются реки, развалины замков, железная дорога, проселочные дороги, дворцы и дома знатных родов.

Продолжая тему „места”, литовский литературовед Инга Видугирите поднимает вопрос о существовании языка города, а иными словами, конкретной местности. Данный язык, согласно предположению автора, возможно реконструировать из текстов города. Текстом города могут стать как архитектура, гравюры, живопись, судьбы людей, так и непосредственно письменные тексты – поэзия, романы, эссе о городе¹⁶³. Зачастую авторы, обращающиеся к теме Польских Инфлянт в XIX веке, посвящали свои путевые очерки городам, примером чему является работы: *Инфлянты: Исторические судьбы края, известного под именем Польских Инфлянт* Сапунова, описывающие отдельно Крейцбург,

¹⁶⁰ Yi-Fu Tuan, *Przestrzeń i miejsce*, op.cit., s. 179.

¹⁶¹ E. Rybicka, *Miejsca wydrążone z pamięci*, w: *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*, Kraków 2014, s. 313.

¹⁶² S. Uliasz, *O kategorii pogranicza kultur*, w: *O literaturze kresów i pograniczu kultur*, Rzeszów 2001, s. 23-24.

¹⁶³ И. Видугирите, *Петербургский текст русской литературы и вильнюсский текст литовской литературы: еще раз об аналитическом потенциале концепции*, „Literatūra” 2013, № 2, с. 12.

Краславку, Аглону, Виляки, Ликсну, Люцин, Режицу и Динабург; *Люцин в Инфлянтах* и *Краслава* Мантейфеля; *Записки из разных путешествий по стране: Инфлянты, Жмудь, Литва, Побережье* Хлопицкого, описывающие Режицу, Динабург, Люцин, Краславу, Ликсну и Крейцбург.

После выявления того, что важным для исследования являются категории времени, пространства и места, стоит рассмотреть особенности изучения региональной литературы. Необходимо начать с того, что представленная работа вписывается в направление исследований региональной литературы, так как в качестве рассмотрения в ней представлены работы, посвященные региону Польских Инфлянт, входящих в состав Витебской губернии, написанные в период существования данной губернии 1802-1924 гг.

Согласно *Литературной энциклопедии терминов и понятий* Александра Николукина региональную или областническую литературу определяют произведения писателей, концентрирующих свое внимание на изображении определенной местности (как правило, сельской) и людей, населяющих ее¹⁶⁴. В свою очередь, Андрей Власов в своей статье, посвященной региональному аспекту изучения памятников письменности, региональную литературу определяет, концентрируясь на привязанности автора к местности, о которой он повествует. Таким образом, Власов в понятие „литература региона” включает совокупность текстов, которые были созданы местными авторами и при этом являются востребованными у местного читателя – одним словом, все то, что является устной и местной традицией данного края. Региональную литературу можно определить как систему нарративных текстов, находящихся в процессе функционирования в контексте локальной культурной традиции¹⁶⁵. Данная литература состоит из нескольких местных и взаимодействующих между собой на определенном хронологическом промежутке традиций¹⁶⁶. Рох Сулима (польск. Roch Sulima) отделяет понятие региональной литературы

¹⁶⁴ А. Н. Николукин, *Региональная литература*, в: *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, ред. М. Л. Гаспарова, Москва 2001, с. 864.

¹⁶⁵ Описывая регион, авторы так или иначе пересекаются. К примеру, Фаддей Булгарин в своей *Прогулке по Ливонии* 1827 года в отдельных местах излагает на русском языке фрагменты из *Древних времен Лифляндии* Гарлиба Меркеля, о чем пишет в своей статье Киселева, обвиняя автора *Прогулок по Ливонии* в искажении исторической концепции первоисточника. [Л. Киселева, *История Ливонии под пером Ф. В. Булгарина*, „Studia Russica Helsinkiensia et Tartuensia” 2006, № 1, с. 114–127] Сапунов в своей работе *Река Западная Двина* 1893 года многое заимствует от рассуждений Михаила Борха в его статье *Два слова о Двине* 1854 года, дополняя своими замечаниями. Именно в этом заключается диалог культур, который помогает разным культурам и национальностям увидеть свое отражение в других, вступить в полемику даже по прошествии времени. Ведь даже заядлый патриот поэт Аусеклис говорил о том, что нельзя заикливаться на своей народности и нет ничего плохого в том, чтобы взять лучшее от других культур: „Нельзя придерживаться слепого осознания своей народности и надо избегать ее превращения в пустую фразу“. [Auseklis, *Kopotī raksti*, Rīga 1923, Lpp. 463].

¹⁶⁶ А. Н. Власов, *Образы святых подвижников на Русском Севере. Региональный аспект изучения памятников письменности*, „Рябининские чтения – 1995” 1997, с. 432.

от литературы „в регионе”, подчеркивая таким образом, что для региональной литературы основным является тематика региона, историческая надстройка, при том как литературу „в регионе” создают авторы, совершенно не ограниченные какой-либо тематикой¹⁶⁷.

Подытоживая, стоит отметить, что представленная работа является частью направления компаративистских и историко-генетических исследований с использованием регионально-географического метода, геопоэтической концепции, понятий о литературе региона и метода культурно-исторической школы с элементами синхронного и диахронического подхода. Регионально-географический метод помогает определить особенности литературы пограничья, с помощью биографического метода возможным становится охарактеризовать инфлянтского писателя XIX века. В отношении исторических объектов используется генетический метод как поиск причинно-следственных связей. Исследования в области геопоэтики используются в отслеживании взаимодействий между литературным творчеством и географическим пространством, в широком смысле понимаемым как естественное место и социокультурное пространство. Согласно культурно-исторической школе, во внимание берутся происхождение автора, среда и момент.

5. Структура работы

Представленная работа состоит из вступления, четырех глав, заключения, библиографии, двух приложений и резюме на польском и английском языках. Во вступлении представлены рассматриваемый исследованием период, концепция, предыдущие исследования на данную тему, цели работы, интересующие авторы и источники исследования, методология работы, а также ее структура.

Первая глава под названием *В кругу инфлянтских писателей*, состоящая из четырех разделов, посвящена происхождению, истории рода рассматриваемых русских, польских, остзейских и латышских писателей в контексте окружающей среды и исторической ситуации, так называемого момента в истории нации, в которой они сформировались. Проводится параллель с тем, каким образом это сказалось на их жизнетворчестве.

¹⁶⁷ R.Sulima, *Literatura a dialog kultur*, Warszawa 1982, 148-149.

Вторая глава посвящена территориальным, историческим и географическим особенностям Польских Инфлянт в составе Витебской губернии. Рассматриваются также хоронимы Ливония, Польские Инфлянты, Лифляндская и Витебская губерния.

Третья глава, состоящая из трех разделов, под названием *Рубон, Двина, Даугава — три образа одной реки* посвящена реке Даугаве, ее историческим названиям и их этимологии, а также отражению образа реки в поэтическом творчестве инфлянтских поэтов, что также отразило особенности материальной и духовной культуры региона Польских Инфлянт. В разделах данной главы подробнее рассматривается Западная Двина Алексея Сапунова и исторические названия реки Даугавы, Двина и Даугава в альманахе „Rubon“, а также Даугава в поэзии латышских поэтов XIX века.

Четвертая глава под названием *Взгляд польских, русских, остзейских и латышских авторов на города и местечки Польских Инфлянт* состоит из четырех разделов, посвященных трем уездам Витебской губернии: Динабургскому уезду, Режицкому уезду, Люцинскому уезду, а также местечкам Аглоне, Дагде, Преилям, Ликсне и Вышкам. В каждом из разделов рассматриваются особенности материальной и духовной культуры, представленной инфлянтскими авторами в рассмотрении уездных городов и местечек.

В заключении представлены особенности, с которыми пришлось столкнуться в ходе исследования, а также ответы на вопросы, поставленные в начале работы.

ГЛАВА I. В КРУГУ ИНФЛЯНТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

1.1. Русские и белорусские авторы в кругу инфлянтских писателей

Обращаясь к инфлянтским авторам русского происхождения, чтобы определить их индивидуальность и позицию в изображении духовной и материальной культуры Польских Инфлянт, стоит согласно используемой в работе методологии обратить внимание на происхождение автора и его семью, социальные условия, а также момент в истории нации на волне концентрации внешних и внутренних сил.

Рассматривая жизненный путь Алексея Сапунова, Александра Сементовского и Игнатия Храповицкого, представляется необходимым обратить внимание на их молодые годы, становление писателей и, несомненно, происхождение. Все трое не родились непосредственно на территории Польских Инфлянт. Сапунова и Храповицкого, однако, объединяет то, что они родились в Витебской губернии, в состав которой в рассматриваемый период времени входили также Польские Инфлянты. Сапунов происходит из села Усвяты Велижского уезда¹⁶⁸, а Храповицкий – из фольварка Кохановичи Дриссенском уезда (автор будет жить там всю жизнь до самой старости). Стоит также отметить, что Кохановичи (белор. Каханавічы) принадлежали роду Храповицких с XVI века¹⁶⁹. Сам род Храповицких был достаточно известен в Речи Посполитой и в Московском государстве. В роде Храповицких присутствуют кастеляны, сенаторы, маршалы, старосты, дипломаты, судьи и генералы. Сама фамилия Храповицкий является древней белорусской фамилией герба „Гоздава”¹⁷⁰. Отцом Игнатия был камергер Евстафий Храповицкий. Благодаря образованности отца младший Храповицкий получил образование дома. В свою очередь, род Сапуновых происходил из семьи крепостных. Сапунов родился в православной купеческой семье. Отец его был купцом второй гильдии и имел возможность отправить

¹⁶⁸ М. В. Заболоцкая, *Идеи „западноруссизма“ в политической и культурно-национальной жизни Беларуси в конце XIX – начале XX века*, в: *Русский сборник. Исследования по истории России*, под ред. О. Р. Айропетова, Т. XI, Москва 2012, с. 163.

¹⁶⁹ *Храповіцкі Ігнат Яўстахавіч*, в: *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі*, под ред. П. Шамякіна, Т. 5, Мінск 1987, с. 453-454.

¹⁷⁰ В. В. Руммель и В. В. Голубцов, *Храповицкие*, в: *Родословный сборник русских дворянских фамилий*, Санкт-Петербург 1887, с. 594-612.

сына на обучение в губернскую гимназию. Смышленость Сапунова помогла ему на последнем году обучения в гимназии начать заниматься частной преподавательской деятельностью¹⁷¹. Александр Сементовский родился в деревне Семеновка Золотоношского уезда Полтавской губернии, соответственно детство его проходило дальше от Польских Инфлянт, чем у ранее упомянутых авторов. Отец Александра – Максим Филиппович Сементовский-Курилло был статским советником, помещиком-землевладельцем и врачом Полтавской губернии русско-украинского происхождения. Кроме Александра в семье было еще двое сыновей — Константин и Николай. Стоит отметить, что младший брат Николай и старший Константин так же, как Александр, занимались писательским делом, этнографией и историей. Константин Сементовский является автором нескольких работ, посвященных украинским праздникам, поверьям и обычаям, также Константин написал биографическую статью о своем брате Александре, в которой подробно описал его жизненный путь. Николай Сементовский является автором работ о памятниках и исторических местах Киева, а также о донецких и запорожских древностях¹⁷². Следовательно, Александр Сементовский воспитывался и рос в атмосфере писательского быта. В 1840 году Константин стал выпускником лицея князя Кушелева-Безбородко в городе Нежине Черниговской губернии.

Социальные условия жизни авторов выкристаллизовывались в период их молодых лет. Сапунов, поступив в 1869 году на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, выбрал себе стезю историка и жизни в метрополии. Во время учебы в университете хорошо освоил латинский и греческий языки. После окончания университета в 1873 году за прилежную учебу и выдающиеся способности получил предложение остаться на кафедре, однако вернулся в родную Витебскую губернию, так как был вынужден отработать министерскую стипендию. Был назначен преподавателем древних языков в Александровскую гимназию в Витебске, где остался на последующие двадцать четыре года¹⁷³. Из воспоминаний знакомого Сапунова Алексея Бондаренко следует, что во время своей преподавательской деятельности историк был интересен своими научными публикациями и вызывал уважение:

¹⁷¹ Л. Хмяльніцкая, *Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова)*, „Віцебскі шпытак” 2000, Вып. 4, с. 7.

¹⁷² О. В. Ясь, *Сементовский Константин Максимович, Сементовский Микола Максимович, Сементовский Олександр Максимович*, в: *Енциклопедія історії України*, ред. В. А. Смолій, Т. 9, Київ, 523-524.

¹⁷³ В. К. Стукалич, *А. П. Сапунов: к 25-летию его учёной и литературной деятельности*, Витебск 1905.

А. П. Сапунова я видел несколько раз в 1883-1886 гг. в Витебске, когда он прогуливался по вечерам на бульваре набережной Западной Двины. Тогда имя его было известно как строгого преподавателя латинского и греческого языков в гимназии. Во время прогулок он выделялся среди публики: высокого роста молодой бритый блондин; прогуливаясь по набережной Двины, он задумчиво и устремительно смотрел в даль, не обращая никакого внимания на проходящих. Его книги возбудили тогда оживленные суждения среди интеллигенции о прошлом Белоруссии, покрытом мраком неизвестности до того времени¹⁷⁴.

В свою очередь, Храповицкий выбрал себе стезю фольклориста. В молодости Храповицкий путешествовал, подтверждением чему является его стихотворение *Баркарола*, написанное в Италии. В основном Храповицкий писал на польском языке, при этом владея белорусским и старобелорусским. Занимался переводом белорусской народной поэзии на польский язык, а также перевел некоторые исторические документы времен Великого княжества Литовского¹⁷⁵. В 1840 году Храповицкий начал сотрудничать с Буйницким и издал несколько своих работ в альманахе „Rubon”. В названном периодическом издании опубликованы стихи Храповицкого, рассматриваемые в данном исследовании, а именно *Двина* (польск. *Dźwina*)¹⁷⁶ и *Баркарола* (польск. *Barkarola*)¹⁷⁷.

Социальная жизнь писателя всегда была полна событиями. Храповицкий принимал активное участие в общественной деятельности. Всегда выступал за права крестьян. В 1850 году в соавторстве с единомышленниками Сергеем Уброй (белор. Сяргей Убра) и Юстинианом Щитом (белор. Юстыніян Шчыт) представил проект по отмене барщины на территории Витебской губернии¹⁷⁸. На съезде дворян за проект проголосовало большое количество представителей дворянства Витебской губернии. Несмотря на это, проект не был реализован и не вступил в силу, однако данный факт характеризует Храповицкого как личность, борющуюся за права крестьян, а также характеризует настроение в обществе на подходе к восстанию 1863 года¹⁷⁹. После того, как в 1861 году был издан царский указ об отмене крепостного права и начале крестьянской реформы, Храповицкий активно занялся ее воплощением и был награжден медалью за труды по освобождению крестьян. С 1880 года стал маршалом и представителем дворянства Дриссенского уезда, а позднее всей Витебской губернии¹⁸⁰. Храповицкий занимал свою должность маршала до конца жизни, то

¹⁷⁴ Цит. по: В. А. Шишнов, *Материалы о А. Сапунове в РГАЛИ*, в: *Белорусская земля в воспоминаниях документах XIX-XX в.*, под ред. Д. С. Московской, с. 261.

¹⁷⁵ Л. М. Салавей, *Храповіцкі Ігнат Яўстахавіч*, в: *Беларуская энцыклапедыя*, Т. XVII, Мінск 2003, с. 58.

¹⁷⁶ I. Chrapowicki, *Dźwina*, „Rubon” 1842, red. K. Wujnicki, T. I, s. 1-2.

¹⁷⁷ I. Chrapowicki, *Barkarola*, „Rubon” 1845, red. K. Wujnicki, T. IV, s. 120-121.

¹⁷⁸ Л. М. Салавей, *Храповіцкі Ігнат Яўстахавіч...*, *op.cit.*, с. 58.

¹⁷⁹ К. Цвірка, *Ігнат Храповіцкі*, в: *Камянітых сядзібаў: шляхі паэтаў XIX стагоддзя*, Мінск 2004, с. 291.

¹⁸⁰ *Ibidem*

есть до 1893 года. Данный пример активной деятельности в жизни Храповицкого как раз является наглядным примером того самого „момента“ в жизни нации, когда в жизни конкретного индивидуума появляется вызов, который был принят белорусским интеллигентом.

Совсем иная социальная среда окружала Сементовского и принуждала автора справляться с другими вызовами времени. После окончания лицея Сементовский вступил в полк князя Михаила Павловича и после получения в 1841 году звания прапорщика был переведен в полк Александра Нидерландского. Служба не пришлась по душе юному Сементовскому, и он вернулся в родительский дом. Однако через год Сементовский снова поступил на государственную службу, более подходящую для его интересов. В 1860 году краевед был определен лесничим в Звенигородское лесничество Киевской губернии. В бурный период восстания 1863-1864 гг. был отправлен в Белоруссию¹⁸¹. После получения приглашения занять должность лесничего губернии Сементовский вместе со своей семьей переехал в Витебск. Стоит подчеркнуть, что Сементовский является автором статей про лесничество и сельское хозяйство на территориях Украины¹⁸². Этнограф публиковал свои статьи по сельскому и лесному хозяйству в „Киевском Телеграфе“, „Губернских ведомостях“, „Санкт-Петербургских ведомостях“ и „Трудах Императорского Вольного Экономического Общества“. С 1863 года писатель параллельно работал секретарем Витебского статистического комитета, где прослужил до 1882 года. В совокупности на службе лесничим Сементовский провел 24 года, при этом не забывая о карьерном росте. Начал службу простым лесничим, а дошел до Витебского губернского лесничего. Несмотря на то, что для Сементовского были важны чины, которые он получал в процессе своего служебного роста от прапорщика до статского советника, краевед уделял большое время науке и литературе, концентрируя внимание на направлениях практического толка¹⁸³.

Сапунов, в свою очередь, с большим энтузиазмом углублялся в интересующую его науку, но при этом всегда помнил о том, что автор, солидарный с позицией власти, будет иметь больше возможностей в продвижении и популяризации своего дела. Данное обстоятельство, несомненно, также продиктовано „моментом“ в истории нации, натиском политических внутренних сил на автора.

¹⁸¹ В. К. Бандарчык, *Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст.*, Мінск 1964, с. 122-126.

¹⁸² Е. Опфцыйкий, *Сементовський Олександр*, в: *Українська мала енциклопедія*, Т. XIII, Буенос Айрес 1964, с. 1715-1716.

¹⁸³ К. М. Сементовский, *А. М. Сементовский*, в: *Гимназия Высших Наук и Лицей Князя Безбородко*, Санкт-Петербург 1881, с. 460-463.

Говоря о том, как Сапунов шел к популяризации своих работ стоит рассмотреть последовательно некоторые детали. Издавать и печатать свои научные труды автор начал в начале восьмидесятых годов, издав в 1881 году очерк под названием *Исторические сведения про Витебский замок* в „Памятной книжке Витебской губернии на 1881 год”. Очерк заинтересовал читателя и послужил началом для публикации исторических и краеведческих работ, посвященных главным образом Витебской губернии. Сам Сапунов объясняет увлеченность своей деятельностью тем, что, будучи учеником гимназии, а затем студентом, он совсем ничего не слышал на лекциях по истории о Белоруссии, что, несомненно, его огорчало:

По истории мы хорошо знали всех Людовигов, всех Генрихов, всех Карлов, однако совсем ничего не знали не только о Белоруссии, но и вообще о славянах¹⁸⁴.

Одной из более известных работ Сапунова является сборник по истории Витебщины XI-XIX веков под названием *Витебская старина*. Сборник вышел в трех томах, первое его издание приходится на 1883 год. Первый том полностью посвящен городу Витебску. В четвертом опубликованы документы о событиях во время Ливонской и русско-польской войн. Пятый том представляет материалы по истории Полоцкой епархии. К сожалению, второй и третий том так и не были опубликованы – предполагается, что именно в них должны были находиться документы, связанные с другими городами Витебской губернии. Важным остается то, что сборник включает важную информацию по истории Белоруссии, в сборнике представлены до этого нигде не напечатанные рукописные документы, известия о городе, встречающиеся у известных польских и русских историков¹⁸⁵.

Обобщая, можно разделить издания Сапунова на две группы. К первой стоит отнести собрания документов и актов, сборники материалов, указатели и описи, а также исследования, посвященные, как правило, людям науки, изучающим местную историю. Ко второй смело можно отнести сочинения и статьи, обращенные к широкой публике и написанные популярным языком. Однако стоит помнить, что краевед всегда относился весьма серьезно к издательству и подготовке своих работ. К примеру, в 1892 году в Витебске

¹⁸⁴ Л. Хмяльніцкая, *Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова)* 2000, Вып. 4, с. 8.

¹⁸⁵ А. П. Сапунов, *Витебская старина*, Витебск 1883-1888.

по инициативе этнографа Евдокима Романова было основано церковно-археологическое древлехранилище, организацией которого занимался Сапунов. В 1909 году историк даже принял участие в создании Витебской ученой археографической комиссии, церковно-археологического музея.

Одним из важнейших трудов Сапунова, который улучшил его финансовое положение и прославил в научных кругах не меньше *Витебской старины*, является историко-географический обзор, впервые изданный в 1892 году под названием *Река Западная Двина*. Именно за данный труд Сапунов был удостоен поощрения Александра III и получил в вознаграждение пятьсот рублей, что было немалой суммой в те времена:

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Его Сиятельства, Господина Министра Народного Просвещения в 29 день февраля 1892 года, высочайше соизволил на выдачу автору настоящего издания единовременного пособия в размере 500 руб.¹⁸⁶

Стоит упомянуть о том, что Сапунов никогда не находился в конфликте с правящей властью, что благоволило продвижению его научных трудов. В период с 1897-1901 гг. в Москве служил помощником инспектора в университете. В 1907 году витебские землевладельцы избрали Сапунова депутатом Государственной Думы. 1911 год стал особо удачным, так как именно тогда историк получил потомственное дворянство за свои заслуги.

Существует предположение, что Александр III увлекался рыбалкой и именно поэтому так оценил труд Сапунова, который в том числе включает в себя главу под названием *Рыбы, водящиеся в Западной Двине*¹⁸⁷. Однако стоит рассмотреть взгляды и идеи историка, чтобы понять, чем именно данный труд удостоился похвалы императора.

Важным является то, что при рассмотрении работ Сапунова необходимо помнить, что историк относится к представителям западноруссизмов. В свою очередь, под западноруссизмом принято понимать историко-идеологическое общественно-политическое и научное направление. Возникло оно в Северо-Западной части Российской империи и было

¹⁸⁶ А. П. Сапунов, *Витебская старина*, Витебск 1883-1888, с. 2.

¹⁸⁷ Ю. Борисенок, *Царский подарок. Как выпускник Петербургского университета Алексей Сапунов расширил познания современников о белорусских землях*, „Родина” 2019, № 8, с. 100.

основано на постулате, что белорусы принадлежат к этнографической группе общерусского народа¹⁸⁸. Возможно, именно данный взгляд на вещи, а также критика теорий ученых за пределами Российской империи привлекли Александра III в труде *Река Западная Двина* гораздо больше рыбалки.

Большая часть трудов Сапунова представляет собой обращение к истории Витебской губернии, отражение ее духовных и материальных особенностей. В поле рассмотрения данной работы в основном находятся труды историка, в которых говорится о территории Латгалии, в прошлом Польских Инфлянт. Среди них *Река Западная Двина*¹⁸⁹, *Список населенных мест Витебской губернии*¹⁹⁰, *Двинские или Борисовы камни*¹⁹¹.

Сементовский в своих работах большое значение уделял этническому составу регионов. Автор критиковал работу 1846 года Родрига Эркerta (нем. Roderich von Erckert) *Взгляд на историю и этнографию западных губерний России*, утверждавшего, что религия наиболее ярко определяет черты, отличающие один народ от другого. Сементовский, в свою очередь, подошел к определению этнического состава населения с другой стороны. Согласно его подходу, главными определяющими национальность факторами стоит считать родной язык, прошлую историческую судьбу и современный быт, а также самобытность народа и его культуру. Стоит отметить, что взгляды Сементовского порой носили некоторый отпечаток великодержавной политики, что особенно выразалось по отношению к белорусам, как подметил белорусский этнолог и историк Василий Бондарчик¹⁹². Справедливости ради стоит добавить, что в основном Сементовский симпатизировал белорусскому народу, описывая его быт и культуру, отмечая трудное материальное положение и несчастные судьбы, виня в этом естественные условия жизни и физическую природу населения.

Главным этнографическим трудом Сементовского можно назвать *Этнографический обзор Витебской губернии*¹⁹³, изданный в Санкт-Петербурге в 1872 году. В предисловии к данной работе автор писал:

¹⁸⁸ А. Цьвікевіч, *Западно-руссизм. Нарысы з гісторыі грамадскай думкі на Беларусі у XIX і пачатку XX в.*, Мінск 1993.

¹⁸⁹ А. Сапунов, *Река Западная Двина*, Витебск 1893.

¹⁹⁰ А. Сапунов, *Список населенных мест Витебской губернии*, Витебск 1906.

¹⁹¹ А. Сапунов, *Двинские или Борисовы камни*, Витебск 1890.

¹⁹² В. К. Бандарчык, *Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст.*, Мінск 1964, с. 122-126.

¹⁹³ А. М. Сементовский, *Этнографический обзор Витебской губернии*, Санкт-Петербург 1872.

Никогда этнография, как наука, не обращала на себя столько внимания ученых или вообще образованных людей, как во второй половине текущего века, когда к делам государственной политики примкнул многозначимый вопрос о национальности¹⁹⁴.

Несмотря на то, что Сементовский, проживая в Витебской губернии, не жил в Польских Инфлянтах, последние годы жизни провел в своем имении Рожанщина Лепельского уезда, посвятил также другие историко-географические труды Витебской губернии, среди которых *Историко-статистические сведения об уездных городах Витебской губернии*¹⁹⁵ 1864 года и *Памятники старины Витебской губернии*¹⁹⁶ 1867 года.

В отличие от Сапунова и Сементовского, Храповицкий главным образом занимался исследованием белорусского фольклора. Самым его весомым трудом в данной области стоит назвать *Взгляд на поэзию белорусского народа (белор. Позірк на паэзію беларускага народа)*¹⁹⁷, изданный в 1845 году. Данный труд, посвященный изучению белорусского устного творчества, ставит Храповицкого на первое место среди исследователей белорусского фольклора первой половины XIX века¹⁹⁸. В вышеупомянутой работе автор высказал свое мнение о фольклорном историзме, в белорусском фольклоре в частности. Храповицкий принципиально не ставил перед собой задачу выискивать в народном творчестве политические события или описание жизни конкретной личности. Главной целью исследователя было продемонстрировать особенности жизни народа: быт, характер и нравы. Исследователь также отмечал, что, изучая обычаи, песни, легенды простонародья, не отыскивая их индивидуальной красоты, а пытаясь сложить их воедино, в результате получается характерный образ поколения. Изучая белорусский фольклор, Храповицкий впервые отмечает большое количество общих для белорусов и литовцев суеверий, легенд, обрядов, которые он объясняет общей исторической судьбой¹⁹⁹.

¹⁹⁴ А. М. Сементовский, *Этнографический обзор Витебской губернии*, Санкт-Петербург 1872.

¹⁹⁵ А. Сементовский, *Историко-статистические сведения об уездных городах Витебской губернии*, 1864.

¹⁹⁶ А. М. Сементовский, *Замки и замковища*, в: *Памятники старины Витебской губернии*, Санкт-Петербург 1867, с. 41-42.

¹⁹⁷ I. Chrapowicki, *Rzut oka na poezję ludu Bialo-ruskiego*, „Rubon” 1845, red. K. Wujnicki, T. V, s. 35-82.

¹⁹⁸ *Храповіцкі Ігнат Яўстахавіч*, в: *Каляндар знамянальных і памятных дат на 2007 год*, Віцебск 2006, с. 42-43.

¹⁹⁹ А. У. Русецкі, Ю. А. Русецкі, *Ігнацій Храповіцкі*, в: *Мастацкая культура Віцебскага Паазер'я: Ад старажытнасці да пачатку XX стагоддзя*, Мінск 2005, с. 264-269.

Вклад Храповицкого в особенности посвящен исследованиям окрестностей Витебска. Писатель и исследователь также планировал издать *Полное собрание сочинений белорусских песен (белор. Поўнага беларускага песнязбору)* и даже составил классификацию песен, что говорит о серьезности намерения. Однако сборник не вышел в свет²⁰⁰.

Однако Храповицкий интересен для данного исследования не как исследователь белорусского фольклора, а как один из тех самых „самородных цветов на берегу Двины“²⁰¹, вошедших в альманах „Rubon” и изобразивших в поэтическом творчестве свое видение Даугавы. Однако, оценивая стихотворения *Двина и Баркарола*, необходимо обратить внимание на интерес Храповицкого к народному творчеству и его желанию разобраться в трудном положении народов Витебской губернии.

Делая вывод, стоит отметить, что кроме принадлежности к восточным славянам, авторов также объединяет интерес к Витебской губернии, в частности, к Польским Инфлянтам. Русских авторов по происхождению, то есть Сапунова и Сементовского, объединяет также благостное отношение к правящей власти, что Сапунов особо выражено демонстрирует на протяжении своей жизни. Сапунов и Сементовский видят Польские Инфлянты как часть Витебской губернии, т. е. в составе Российской империи. Сильная линия рода в случае с Храповицким, скорее всего, повлияла на выбор писателя остаться в родных Кохановичах, издавна принадлежащих Храповицким. Храповицкий благодаря своему общению с Казимиром Буйницким получает возможность опубликовать стихи в сборнике „Rubon“. Общение с представителем польской аристократии Буйницким свидетельствует о том, что, несмотря на свое восточнославянское происхождение, общество польской интеллигенции было ему ближе.

1.2. Польские авторы в кругу инфлянтских писателей

Рассматривая писателей польского происхождения в кругу инфлянтских авторов, как и в случае с другими группами инфлянтских писателей, берутся во внимание:

²⁰⁰ М. Л. Салавей, *Ігнат Храпавіцкі – беларускі фалькларыст*, "Помнікі гісторыі і культуры Беларусі" 1976, № 4, с. 55-57.

²⁰¹ К. Вуйніцкі, *Od Wydawcy*, „Rubon” 1842, T. I, s. VI.

происхождение автора, его социальная среда, а также момент, в котором в данный период находится нация, к которой писатель принадлежит, и исторические обстоятельства, повлиявшие на жизнетворчество рассматриваемых личностей.

Почти все представленные в работе авторы польского происхождения родились в Польских Инфлянтах и являются инфлянтскими авторами не только по причине того, что круг их интересов сконцентрирован на данном регионе, а также по факту своего рождения. Лишь один автор, а именно Эдуард Хлопицкий, родился за пределами рассматриваемого региона, в Мазуришках под Вильной. Казимир Буйницкий, в свою очередь, происходит из местечка Дагда Динабургского уезда, где писатель провел большую часть своей жизни. Граф Адам Платер родился в городе Краславе, также находящемся в Динабургском уезде. Не менее важная фигура Польских Инфлянт — Густав фон Мантейфель родился в маленьком местечке Дрицанах Режицкого уезда. Представители аристократического рода Борхов Михал Ян Борх и Михал Борх также родились в Польских Инфлянтах – Михал Ян Борх в Вараклянах, а Михал Борх в Прейлях.

Обращаясь к происхождению авторов и их семьям, стоит отметить, что почти все они, кроме Хлопицкого, были представителями знати. Отцом Казимира Буйницкого был Анджей Буйницкий (польск. Andrzej Bujnicki) — арендатор имения Шкельтово (латыш. Šķeltova), находившегося в двадцати километрах от Краславы. В 1800 году владелец имения в Дагде — внук кастеляна инфлянтского воеводства и минского воеводы Яна Августа Гильзена (польск. Jan August Hylzen) Идзи Гильзен (польск. Idzi Hylzen) трагически погиб, когда съехал в овраг, переезжая верхом на лошади через мост. На этом завершилась династия древнего рода остзейцев Гильзенов на территории Польских Инфлянт. Жена трагически погибшего мужа вышла замуж за одного из Платеров, а имение продали Анджею Буйницкому²⁰². Буйницкие стали владельцами не только имения в Дагде, но также библиотеки богатой архивными историческими документами, связанными с Польскими Инфлянтами. Позднее данную библиотеку пополнял сам Казимир Буйницкий²⁰³. Семья Буйницкого относилась к польской шляхте, хоть род Буйницких не являлся аристократическим. Однако, дневники Буйницкого свидетельствуют о том, что он с раннего детства был в близком контакте с семьями знатных родов Польских Инфлянт, вместе рос и учился с младшими членами их семьи и во взрослой жизни также вращался в данных

²⁰² P. Zeile, *Laicīgo poļu kultūrdarbība 18.-19. gs. Kultūras novadnieciskuma veidošanās Latgalē. Kazimirs Buiņickis, krājumā Latgales kultūras vēsture*, Rēzekne 2006, Lpp. 210-212.

²⁰³ В. Brežgo, *Latgales muižnieku archīvi*, "Bibliotekars" 1938, Nr. 4, Lpp. 52.

кругах. Об этом факте также упоминает в своей монографии Самборска-Кукуць, говоря о том, что:

Будучи сыном шляхтича, выполняющего функцию опекуна в аристократическом доме, то есть работающего на благо богатых, не допускал, чтобы чувствовать себя в этом доме пришлым чужаком, не позволял воспринимать себя как официалиста или тем более принижать. Чувствовал себя в семье Платеров как ее равноправный член²⁰⁴. [Перевод с польского Э.Я.]

Казимир получил образование в миссионерской школе в Краславе, а затем в школе иезуитов в Динабурге. Писатель постоянно занимался самообразованием, кроме родного польского знал семь языков — французский, английский, русский, латынь, немецкий, латышский и латгальский. Детство провел с братьями Адамом и Вацлавом Платерами (польск. *Wacław Plater*)²⁰⁵.

Граф Адам Платер происходил из семьи графа Августа Платера (польск. *August Plater*) и Анны, урожденной Ржевуской (польск. *Anna Rzewuska*). Отец Адама был младшим сыном кастеляна трокского Константина Людвика Платера (польск. *Konstanty Ludwik Plater*), унаследовавшего от него дворец в Краславе в 1778 году. Дед Адама со стороны отца был не только кастеляном, но также инфлянтским и динабургским старостой, послом Речи Посполитой в России. Людвик Платер, будучи крупным землевладельцем на территории Латгалии и пользуясь влиянием и авторитетом в Латгальском крае, в 1755 году построил в Краславе костел Святого Людвика, ставший позднее кафедральным собором Польских Инфлянт. Через два года, в 1757 году, при костеле была открыта духовная семинария. В 1759 году построил в Краславе библиотеку. Благодаря Людвику Платеру Краслава стала во второй половине XVIII века важным ремесленным и торговым центром²⁰⁶.

Стоит отметить, что не только отец и дед Адама Платера были представителями аристократии – весь род по отцовской линии исследователя представлял собой древнюю линию знати. Дворянский графский род Платеров происходил с начала XIV века, в начале XV века переселился с Вестфалии в Прибалтику. В Вестфалии фамилия Платер угасла в

²⁰⁴ Jak syn szlachcicia pełniącego w arystokratycznym domu funkcję opiekuna, a więc pracującego na rzecz możnych, nie dopuszcza do tego, by czuć się w cudzym domu intruzem, nie pozwala traktować siebie oficjalisty ani tym bardziej poniżej. Uczestniczy w życiu rodziny Platerów jak pełnoprawny jej członek. [D. Samborska-Kukuć, *Polski Inflantczyk Kazimierz Bujnicki (1788-1878): pisarz i wydawca*, Kraków 2008, s. 97]

²⁰⁵ K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)*, opracował P. Bukowiec, Kraków 2001, s. 27.

²⁰⁶ Z. Zielińska, *Konstanty Ludwik Plater (Broel-Plater)*, w: *Polski Słownik Biograficzny*, T. XXVI, źródło elektroniczne: www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/konstanty-ludwik-plater, dostęp na 02.02.2022

1659 году, но ветвь ее появилась в Лифляндии²⁰⁷. На прибалтийских землях фамилия Платер известна с начала XV века — Альберт Платер (польск. Albert Plater) был комтуром Тевтонского ордена в городе Венден, а Фридрих Платер (польск. Fryderyk Plater) лифляндским ландмаршалом. Лишь во второй половине XVII века одна ветвь рода Платеров переселилась на Жмудь. Дворянская ветвь рода Платеров была внесена в дворянский матрикул Лифляндской губернии²⁰⁸. Известными людьми были также представители семьи Платеров, живущие в одно время с Адамом, что несомненно возлагало на него ответственность за достойное представление своей фамилии в свете и, в первую очередь, в своем родном городе. Стоит отметить, что современные Адаму представители его рода активно участвовали в политических событиях. К примеру, родившаяся в 1806 году в Вильне Эмилия Платер (польск. Emilia Plater) была активной участницей ноябрьского восстания 1830 года²⁰⁹. Станислав Платер (польск. Stanisław Plater), родившийся в селе Довгилишки Коневской губернии в 1784 году, был на службе во французской армии, а в 1815 году перешел в польское войско в чине майора артиллерии. Станислав также позднее занялся писательской деятельностью, но в отличие от Адама попал в гущу политических событий и был вынужден пребывать на службе²¹⁰.

Адам Платер после смерти родителей до 1807 года находился под опекуном своего дяди — динабургского старосты Казимира Платера (польск. Kazimierz Plater). Опекой Адама и его брата Вацлава фактически занимался отец Казимира Буйницкого — Анджей Буйницкий. По этой причине Адам и Казимир сблизились с раннего детства. Буйницкий-младший в своих дневниках писал следующее:

...Адаму доставались от учителя такие эпитеты как неуч и осел. Он плохо понимал математику, калечил французский, непонятно писал и при этом был мрачным и упрямым. Казалось, что так ничему не научится и станет священником, так как любимым его делом было смазывать алтари, что неплохо у него выходило [...] Позднее, когда стал полновластным хозяином, занялся минералогией, ботаникой, зоологией, даже археологией, путешествовал за границу и собирал, добывал минералы, покупал произведения искусств, красиво рисовал, писал короткие исторические статьи и оставил после себя минералогический кабинет и коллекцию других предметов, касающихся естествознания. Собрал коллекцию книг, создал сад с парком, богатым кустарниками, деревьями и цветами. Вацлав же, поначалу кажущийся более способным, женился

²⁰⁷ П. В. Долгоруков, *Графы Платеры и графы Платеры-Зибержи*, в: *Российская родословная книга*, ч. III, Санкт-Петербург 1856, с. 216-217.

²⁰⁸ В. Е. Рудаков, *Платер*, в: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, Т. XXVIII, ч. III, с. 822.

²⁰⁹ S. Kieniewicz, *Emilia Plater*; w: *Polski Słownik Biograficzny*, Т. XXVI, źródło elektroniczne: www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/emilia-plater-1806-1831-bohaterka-powstania-listopadowego, dostęp na 02.02.2022

²¹⁰ Ф. Ф. Вержбовский, *Платер, граф Станислав*, в: *Русский биографический словарь А. А. Половцова*, Т. 14, Санкт-Петербург 1910, с. 17-18.

очень рано, полюбил роскошную жизнь в свете и не дожил даже до 30 лет, не оставив ничего после себя.²¹¹ [Перевод с польского Э.Я.]

Цитата Буйницкого говорит о том, что, несмотря на то, что Платер не проявлял больших успехов в учебе в детстве, будучи взрослым, углубился в науку. По поводу обучения братьев Платеров и Буйницкого высказываются исследователи Петерис Зейле (латыш. Pēteris Zeile) и Станислав Кучинскис (латыш. Stanislavs Kučinskis). Оба автора утверждают, что братья Платеры и Буйницкий посещали иезуитскую гимназию в Динабурге²¹². В подтверждение данной теории Кучинскис приводит аргумент, говорящий о том, что иезуитская школа в Краславе, которую конечно Буйницкому было бы ближе и удобнее посещать, появилась лишь в 1814 году, когда Буйницкий был давно не в возрасте гимназиста²¹³.

Знатный род также представляет барон Мантейфель. Писатель и исследователь латгальского фольклора происходит из польско-остзейской семьи²¹⁴. Несмотря на то, что Мантейфель является польским писателем и большая часть его трудов написана на польском языке, необходимо помнить о его остзейском происхождении, которое связано с богатой историей семьи писателя. Стоит вспомнить о том, что Густав принадлежит к древнему рыцарскому роду, берущему свои корни из Померании²¹⁵. По мужской линии рода предки Мантейфеля прибыли на территорию тогдашних Инфлянт в XII веке. Происхождение их было отнесено к немцам. Однако сам Густав Мантейфель, как отмечает Будзиньский, утверждал, что его род происходит из кашубской части Померании, что свидетельствует не так о немецком, сколько о славянском происхождении²¹⁶. Балтийские

²¹¹ ...Adamowi dostawały się epitety nieuka i osła, bo też w rzeczy samej źle się uczył matematyki, kaleczył język francuzski, pisał nieczytelnie i był przy tem ponury i uparty. Zdawało się, iż się niczego nie nauczy, a zostanie księdzem, bo lubem jego zatrudnieniem było klecić ołtarzyki dość misternie [...] Później wszakże, gdy już został panem swej woli, oddał się minerologii, botanice, zbierał, nabywał minerały, kupował potrzebne dzieła, rysował piękne, pisał nawet niezłe historyczne krótkie artykuły i niemałej wartości zostawił po sobie gabinet mineralogiczny oraz kolekcje innych przedmiotów dotyczących historii naturalnej, księgozbiór zasobny w dzieła naukowe i ogród z parkiem, bogaty w nadobne krzewy i aklimatowane drzewa i kwiaty. Przeciwnie Waclaw, zacny także, a bystrzejszy odeń, w późniejszym czasie wcale się do nauk nie przykładał, ożenił się bardzo młody, polubił życie wystawne, wpadł w długi i umarł, nie mając lat 30, nic po sobie nie zostawiwszy godnego wspomnienia. [K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)*..., op.cit., s. 52]

²¹² P. Zeile, *Kazimierz Bujnicki – propagator reform społecznych w Łatgalii i jedności narodu łotewskiego, pisarz i publicysta*, w: *Łotwa – Polska. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej pt. "Polsko-łotewskich związków politycznych, ekonomicznych i kulturalnych od XVI w. Do 1940"*, red. J. Sozański, Ryga 1995, s. 36.

²¹³ S. Kučinskis, *Dagdas kungs un latviešu Kazimirs Bujnickis*, "Dzimtenes kalendārs 1980 gadam" 1979, Lpp. 75.

²¹⁴ V. Lōcis, *140 gadu nu Gustava Manteifela dzimšanas dienas*, „Latgolas Bolss“ 1972, Nr. 851, Lpp. 1-2.

²¹⁵ П. В. Долгоруков, *Мантейфели*, в: *Российская родословная книга*, Т. 3, Санкт-Петербург 1856, с. 175.

²¹⁶ R. Budzyński, *Historik z Inflant Polskich Gustaw Manteuffel*, Warszawa 2023, s. 58.

линии рода Мантейфель внесены в матрикулы всех остзейских губерний. Графская линия рода даже получила индигенат в Эстландии и Лифляндии. Основателем прибалтийской ветви Мантейфели-Цеге (нем. *Zoëge von Manteuffel*) был в 1325 году вассал датского короля в Эстландии Герардус Цеге, а Эверт Цеге в 1389 году стал доверенным лицом Ливонского ордена в Данциге и Мариенбурге²¹⁷. Густаф Мантейфель после изучения своего семейного архива определил, что фамилия его должна быть записана как “Manteuffel genannt Szoëge”²¹⁸. Стоит отметить, что изначальная форма фамилии - Szoëge, которая представлена в разных документах в разных версиях написания, постепенно перестала употребляется. Отец же Густова еще при жизни использовал фамилию Мантейфель для подписания только официальных административных документов, а в личных переписках использовал форму Sey (или Sej)²¹⁹.

В своем труде под названием *О древней тевтонско-рыцарской знати ливонского пограничья* (польск. *O starodawnej szlachcie krzyżacko-rycerskiej na kresach inflanckich*)²²⁰ барон Густав рассматривает историю своего генеалогического древа по материнской линии. Оказывается, что род матери Густава — Марии Рык (польск. *Maria Ryck*) также имеет богатую историю. Род дрицанских Рыков также имеет аристократическое происхождение и тесно переплетен с семьями польско-немецкого происхождения²²¹. Мария Рык была одной из последних представительниц дрицанско-вилянских Рыков²²². Несмотря на то, что представителей Рыков можно было встретить на всей территории Витебской губернии, не все они происходили от зажиточной дицанско-вилянской ветви рода. Виляны были местом концентрации рода Рыков²²³.

Родившись в семье двух знатных родов, Густав до 15 лет воспитывался дома матерью в духе польской католической традиции, а затем окончил немецкую классическую гимназию в Митаве. Мать прививала Густаву взгляды религиозного и патриотического характера. Стоит отметить, что отец был лютеранином и принял католичество лишь на смертном ложе, но он был человеком военным, часто болел и по этой причине не занимался

²¹⁷ О. Адеркас и С. Майдель, *Мантейфели*, в: *Немцы России. Энциклопедия*, под ред. В. Карева, Т. 2, Москва 2004, с. 387-389.

²¹⁸ G. Manteuffel, *Familiennotizen aus dem Bersegall-Dritzanschen Familien-Archiv*, Rīga 1907, S. 6-7.

²¹⁹ R. Budzyński, *Historyk z Inflant Polskich...*, op.cit., s. 60.

²²⁰ G. Manteuffel, *O starodawnej szlachcie krzyżacko-rycerskiej na kresach inflanckich*, Lwów 1910.

²²¹ G. Manteuffel, *Ród wygasłego w XIX. stuleciu domu Ryków Drycańskich*, w: *O starodawnej szlachcie krzyżacko-rycerskiej na kresach inflanckich*, Lwów 1910, s. 53-55.

²²² R. Budzyński, *Maria z Ryków Manteufflowa i jej nieznaną korespondencją do syna - Gustawa Manteuffla*, „Ruch Literacki” 2018, s. 458.

²²³ R. Budzyński, *Historyk z Inflant Polskich Gustaw Manteuffel*, Warszawa 2023, s. 64.

воспитанием сына. В Митаве, проводя досуг с польской молодежью, Густав лишь укрепил мировоззрение, построенное на польско-римско-католических ценностях²²⁴. Позднее изучал право в Тартуском университете, в 1859 году, удачно сдав экзамен, получил степень магистра по данному направлению²²⁵. Во время студенческих лет мать начала писать письма сыну на польском языке, до этого вся их переписка происходила на французском. Данный факт подтверждает то, что именно со стороны матери Густаву прививалась польская культура, а также то, что учеба в Тарту и контакт с польскими студентами привила молодого Мантейфеля использовать польский язык²²⁶. Происхождение личности было важным критерием для Мантейфеля, что транслирует его оценка Буйницкого. Исследователь житнетворчества Буйницкого Самборска-Кукуць подчеркивает, что Мантейфель скептически подходил к личности Буйницкого апеллируя тем, что он имеет лишь дворянское, но не аристократическое происхождение, также называл его „предположительным инфлянцем”²²⁷. Подобное отношение Мантейфеля к Буйницкому также отмечает историк польской литературы Яцек Колбушевский (польск. Jacek Kolbuszewski), подчеркивая, что Мантейфель не видел авторитетом Буйницкого так как тот, согласно своей родословной, не беря во внимание фактическое место рождения, не происходил с данных территорий, а значит не имел права считаться знатоком Польских Инфлянт²²⁸. Мантейфель также обвинял Буйницкого в излишней нелюбви к магнатам²²⁹. Однако с просьбой перевода своей работы *Польские Инфлянты* (нем. *Polnisch Livland*)²³⁰ на польский, а также с просьбой рецензирования и публикации обратился именно к Буйницкому, чему свидетельствует корреспонденция авторов²³¹. Буйницкий, в свою очередь, перевел и внес некоторые исправления в работу, но не согласился опубликовать по причине сомнения, что добавление „польские” к Инфлянтам может быть безопасным²³². Возможно, по причине отказа в публикации, а может и по искреннему недовольству

²²⁴ R. Budzyński, *Historyk z Inflant Polskich...*, op.cit., s. 138-140.

²²⁵ T. Zeiferts, *Latgaliešu raksti, zinātniskajā Latviešu rakstniecības vēsture*, 2. sēj, Rīga 1930, Lpp. 173.

²²⁶ R. Budzyński, *Historyk z Inflant Polskich...*, op.cit., s. 224.

²²⁷ D. Samborska-Kukuć, *Polski Inflantczyk Kazimierz Bujnicki (1788-1878): pisarz i wydawca*, Kraków 2008, s. 377-378.

²²⁸ J. Kolbuszewski, *Kultura polska na Łotwie. Przeszłość i teraźniejszość. Próba zarysu całości*, w: *Polacy na Łotwie*, red. E. Walewander, Lublin 1993, s. 52.

²²⁹ G. Manteuffel, *Nieco z dziejów księstwa inflanckiego i wybitniejszych postaci tego województwa od XVII do XIX stulecia*, w: *Z okolic Dźwiny*, Witewsk 1912, s. 39.

²³⁰ G. Manteuffel, *Inflanty Polskie: poprzedzone ogólnym rzutem oka na siedmiowiekową przeszłość całych Inflant*, Poznań 1879.

²³¹ K. Bujnicki, *List do G. Manteuffela z 26 czerwca 1869*, w: *Księga pamiątkowa na uczenie setnej rocznicy urodzin Adama Mickiewicza (1798-1855)*, Warszawa 1898, T. I, s. 119-122.

²³² Ibidem, s. 122.

проделанной работой Буйницкий делится в письме к писателю и публицисту Юзефу Крашевскому (польск. Józef Ignacy Kraszewski) тем, что остался недоволен переводом, после чего произведение стало существенно более архаичным, о чем упоминает в своей монографии Самборска-Кукуць, анализируя письмо Буйницкого к Крашевскому за 26 июня 1870 год²³³.

Говоря о происхождении Михаила Борха и Михаила Яна Борха, стоит взять во внимание нюанс, что история их семьи связана как с Германией, так и с Польшей, поэтому назвать их однозначно писателями польского или остзейского происхождения не представляется возможным. Остзейское происхождение объединяет Борхов, Платеров и Мантейфелей. Однако как сам Густав Мантейфель пишет в труде *О древней шляхте тевтонского рыцарства на инфлянтском пограничье* (польск. *O starodawnej szlachcie krzyżacko-rycerskiej na kresach inflandzkich*) – их семьи, несмотря на происхождение, несколько веков подряд связаны с Польшей²³⁴. В отношении данного вопроса Заяс отмечает парадокс Мантейфеля, который заключается в том, что будучи балтийским немцем по происхождению, описывая средневековую Ливонскую конфедерацию, он сохранял риторику польского патриотизма, для которого традиционно характерны антигерманские настроения. Благодаря своему немецкому происхождению, не отрицал цивилизационный труд, проделанный средневековыми рыцарями, пришедшими из Западной Европы²³⁵.

Истории названных выше семей действительно связаны с Польскими Инфлянтами в политическом и культурном поле, основаны на связи с метрополией Польши. Рассматривая историю рода Борхов стоит подчеркнуть, что писатели были родом из семьи, связанной с одним из главных центров искусств – Италией. Борхи являются представителями зажиточного знатного рода, берущего свои корни из Южной Италии. Изначально это неаполитанские феодальные владетели. В XII веке Борхи переехали в Германию, а именно Вестфалию и стали баронами. Позднее, в XIII веке, ветви семьи Борхов переселились на разные территории. Одни переехали к Балтийскому Поморью, другие в Польшу, а именно в Краковское воеводство, третьи в Ливонию. Позднее, а именно в период с XVII по XVIII век, ветвь Борхов, которая переехала в Ливонию, также разделилась на три ответвления: одно из них переехало на территорию Белоруссии, другое жило в

²³³ D. Samborska-Kukuć, *Polski Inflantczyk Kazimierz Bujnicki...*, op.cit., s. 375.

²³⁴ G. Manteuffel, *O starodawnej szlachcie krzyżacko-rycerskiej na kresach inflandzkich*, Lwów 1910, s. 13

²³⁵ K. Zajas, *Gustaw Manteuffel i kolonializm bałtycki*, w: *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej*, pod red. W. Walczaka i K. Łopateckiego, T. III, Białystok 2012, s. 346.

Прейлях, третье в Вараклянах. Среди ливонской ветви Борхов много личностей, известных в истории Лифляндии. К примеру, Бернгард Борх (нем. Bernhard Borch) был ландмейстером Ливонского ордена в период с 1477-1485 гг., а его брат Симон был коадьютором ордена. Племянник Симона и Бернгарда, названный так же, как его дядя-коадьютор, был ревельским епископом и папским легатом в Швеции и Дании. Младший Симон Борх (нем. Simon Borch) известен главным образом в истории тем, что основал в ревельской епархии два города: Борхгольм и Фейфейер. Фабиан Борх (нем. Fabian Borch) сыграл большую роль в истории Польских Инфлянт, так как был в числе ливонских депутатов, заключивших в 1561 году договор о поступлении Ливонии под польское управление. Представители рода Борхов занимали высокие должности в польско-литовских войсках. К примеру, сын вышеупомянутого Фабиана Геден-Симон был генерал-майором польских войск и сподвижником короля Яна Собеского (польск. Jan Sobieski), он был убит в бою против турок под стенами Вены в 1683 году. Фабиан был женат на княжне Каролине Кетлер (нем. Karolina Kettler), дочери герцога курляндского Якоба. Сын Фабиана и Каролины Фабиан-Казимир Борх был генералом от артиллерии Великого княжества Литовского, ставший позднее польским послом в Москве при правлении императора Петра I, с которым император поддерживал близкие отношения. Брат Казимира Юрий также служил в войске, был литовским полковником²³⁶.

Из вышеупомянутого стоит сделать вывод, что семья Михаила и Яна, как и весь род, была незаурядна как в военном деле, так и на политической арене. Михаил Ян был сыном важной персоны в Польских Инфлянтах, его отец Ян Енджей Борх (польск. Jan Jędrzej Borch) являлся люцинским старостой, дипломатическим и государственным деятелем Речи Посполитой, которому принадлежали владения в Прейлях и Вараклянах. Ян Енджей конкурировал с семьей Платеров, главным образом с Константином Людвиком Платером, за влияние на территории Польских Инфлянт. Данный конфликт привел к расколу шляхты Польских Инфлянт, так как часть знати поддерживала Борха, а другая Платера, что подробно описывает историк Селишка. До 1767 года Ян Анджей Борх находился в оппозиции к королю, однако с 1780 года стал канцлером Великой короны²³⁷. Не смотря на разногласия с Платером, его дочь и сестра Яна Михаила в 1770 году вышла замуж за

²³⁶ П. Долгоруков, *Князья Борхи*, в: *Российская родословная книга*, под ред. П. Долгорукова, Т. 3, Санкт-Петербург 1856, с. 80-83.

²³⁷ E. Seliška, *Latgales (Poļu Inflantijas) muižniecības (šļahtas) politiskā darbība Žečpospolītā pēc iekļaušanas Krievijas sastāvā un līdz Žečpospolītas trešajai dalīšanai (1772–1795)*, krājumā *Jauno vēsturnieku zinātniskie lasījumi VII*, red. K. Beķere, Rīga 2022, Lpp. 172-173.

Казимира Константина Платера²³⁸, что подчеркивает стремление к объединению местной аристократии, несмотря на политические разногласия. Мать Луиза также была представительницей знатного рода немецкого происхождения, а именно династии Зибергов (нем. Syberg). Благодаря своей семье Михаил получил очень хорошее образование, после домашних занятий в имении Варакляны с учителем из Франции поступив в варшавский Collegium Nobilium²³⁹. По значимости и важности в регионе не отставал от него и его племянник Михаил, рожденный в семье брата Яна Михаила Борха Юзефа Хенрика Борха (Józef Henryk Borch) и Анны из рода Богомольцев (польск. Bohomolców).²⁴⁰ Отец Михаила Борха был королевским каменгером, после раздела Польши был выбран представителем шляхты Витебской губернии²⁴¹.

На фоне столь знатных родов польских инфляндцев выделяется история семьи Хлопицкого. Автор путевых заметок, посвященных Польским Инфлянтам, родился в семье наполеоновского солдата Яна Хлопицкого (польск. Jan Chłopicki). Несмотря на то, что отец Хлопицкого был военным, творчество в его жизни также присутствовало. Ян Хлопицкий был мемуаристом наполеоновского периода. Старший Хлопицкий написал *Дневник*, посвященный военным подробностям 1807-1814 гг., изданный в 1849 году после смерти автора²⁴². Дневник был издан благодаря стараниям и материальным вложениям редактора и издателя Ромуальда Подбереского (польск. Romuald Podbereski). Существует мнение, что в своем дневнике, кроме некоторых бытовых описаний, автор допустил достаточно много ошибок, и его дневник является ничем иным, как типичной гавендой во вкусе наполеоновских легенд, характерных для того периода времени²⁴³. Основным же является то, что младшему Хлопицкому было у кого унаследовать талант писателя.

Эдуард Хлопицкий окончил школу в Кроже, после чего несколько лет пребывал в Париже, где посещал Коллеж де Франс²⁴⁴. Соответственно, жизнь его уже с ранних лет была связана с перемещениями, путешествиями.

²³⁸ E. Seliška, *Inflantijas (Latgales) muižnieki Žečpospolitās politiskajos notikumos (1677 – 1764)*, monogrāfijā *Vācieši Latgales teritorijā 16. gs. – 20. gs. sākumā: vesture un recepcija*, Daugavpils 2021, Lpp. 65-66.

²³⁹ . Stradins: Michał Jan Borch – polski przyrodnik XVIII w. [w:] „Kwartalnik Historii Nauki i Techniki” 1980, nr 25/3, s. 485.

²⁴⁰ T. Turkowski, Borch Michał, [hasło w:] PSB, t. 2, s. 314–315.

²⁴¹ R. Aftanazy, *Prele*, w: *Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej*, red. J. Kondro i L. Piąty, T. III, Wrocław 1992, s. 331

²⁴² J. Chłopicki, *Pamiętnik z czasów kompanij Napoleona*, Wilno 1849.

²⁴³ A. Skałkowski, *Jan Chłopicki*, w: *Polski Słownik biograficzny*, T. III, Kraków 1973, s. 310.

²⁴⁴ M. Danilewiczowa, *Edward Chłopicki*, w: *Polski Słownik biograficzny*, T. III, Kraków 1973, s. 309.

Каждый из рассматриваемых авторов вел активную общественную жизнь, ярко раскрываясь в социуме. К примеру, Буйницкий несколько раз был избран предводителем дворянства Режицкого и Динабургского уездов²⁴⁵. В 1811 году, после кончины отца, стал владельцем имения в Дагде²⁴⁶. Выступал в поддержку социальной реформы в Латгалии, активно старался отменить крепостное право в Латгалии в начале XIX века²⁴⁷.

Свою литературную карьеру Буйницкий начал после 1840 года, вдохновленный движением, которое происходило в Литве и России. Одним из первых его произведений представленных свету в 1860 году является драма *Костюшко в Швейцарии* (польск. *Kościuszko w Szwajcarii*), поставленная в Дагде в день золотой свадьбы автора. Пьеса выражала собой стремление к освобождению польского народа от Российской империи, веру в то, что рано или поздно зазвонит колокол свободы²⁴⁸.

Основываясь на примере „Athenaeum“ Крашевского, Буйницкий занялся изданием альманаха под названием „Rubon“, выходявшего в период 1842-1849 гг. Стоит отметить, что это было первое периодическое издание, раскрывавшие духовные и материальные особенности Латгальского края²⁴⁹. „Rubon“, как и многие в то время журналы, издавался в Вильнюсе в типографии Юзефа Завадского, официальном цензором являлся ректор вильнюсского университета Ян Вашкевич. Важным произведением Буйницкого, раскрывающим особенности Польских Инфлянт, панораму Латгалии XVII является роман *Дневники ксендза Иордана* (польск. *Pamiętniki księdza Jordana*)²⁵⁰. Не менее интересными являются личные дневники Казимира Буйницкого, охватывающие период 1795-1875 гг. В них Буйницкий, рассказывая о своей жизни, затрагивает истории значимых для Латгалии семей, таких как, к примеру, Сокольских (польск. Sokolscy), Борхов (польск. Borchowie), Платеров, Рыков (польск. Ruskowie), Гильзенев и многих других. Раскрывает особенности инфлянтских городов: Дагды, Динабурга, Краславы, Режицы. Исследователь житнетворчества Буйницкого Самборска-Кукуць вовсе не зря называет Буйницкого иллюстратором культурной жизни Польских Инфлянт²⁵¹.

²⁴⁵ D. Samborska-Kukuć, *Polski Inflantczyk Kazimierz Bujnicki...*, op.cit., s. 116, s. 129.

²⁴⁶ T. Turkowski, *Bujnicki Kazimierz*, w: *Polski Słownik Biograficzny*, T. III, Kraków 1937, s. 109-110.

²⁴⁷ P. Zeile, *Raksti. Runas. Referāti*, „Latvijas Vēstnesis” 1997, Nr. 89/90, elektroniskais avots: www.vestnesis.lv/ta/id/42883_pieejams_uz_01.02.2023.

²⁴⁸ Ibidem

²⁴⁹ P. Zeile, *Latgales pirmā atmoda: zvaigznes gaismā tumsā*, „Latvijas Vēstnesis” 1999, Nr. 240-241, Lpp. 5.

²⁵⁰ K. Bujnicki, *Pamiętniki księdza Jordana*, Cz. I-II, Wilno 1852.

²⁵¹ D. Samborska-Kukuć, *Polski Inflantczyk Kazimierz Bujnicki...*, op.cit., s. 117.

Буйницкий писал стихи, драмы, поэмы, исторические романы и романы нравов. Занимался переводами Шиллера и писал статьи критического и публицистического содержания. В своих трудах оставался верен костелу и национальной традиции, а в особенности местной региональной. В творчестве занимал позицию моралиста и консерватора, при этом сохраняя талант наблюдателя в оценке окружающей жизни и темперамент сатирика. В первом издании журнала „Athenaeum“ Крашевского были представлены два произведения Буйницкого — *Мои приключения* (польск. *Moje przygody*) и *Справедливый Гиерон, рыцарский роман времен короля Артура* (польск. *Gieron prawy, powieść rycerska z czasów Artusowych*). В 1841 году вышла первая серия так называемых „очерков обычаев“ в двух томах под названием *Странствия по проселочным дорогам. Очерки обычаев в провинции* (польск. *Wędrowka po małych drogach, szkice obyczajów na prowincji*)²⁵². Очерк отразил жизнь плебаний, дворов и городков Польских Инфлянт²⁵³.

Несмотря на неудачи в учебе, друг детства Буйницкого Платер во взрослой жизни также занял активную позицию в социуме. Высшее образование Платер получил в Виленском университете. В 1817 году стал председателем комиссии по разработке проекта, который был нацелен на предоставление избирательных прав крестьянам в Даугавпилском крае²⁵⁴. До 1830 года также был смотрителем школ Даугавпилса. Примерно в этот же период получил должность камергера, а в 1836 году был избран маршалом данного округа. С 1855 года являлся членом Виленской археологической комиссии. Ко всему прочему, Платер был сотрудником виленского научно-литературного журнала, выходившего в период 1841-1851 гг. по инициативе писателя Юзефа Крашевского. Платер вел переписку с редактором Крашевским, присылал ему информацию о художниках из Польских Инфлянт, Курляндии и Белоруссии, а также списки картин и скульптур из священных храмов и личных коллекций для словаря польских художников²⁵⁵. Платер также сам хорошо владел искусством рисования и к своим статьям в периодическом издании „Rubon” прикладывал собственные рисунки, всего 8 иллюстраций²⁵⁶.

В свою очередь, Хлопицкий работал в нескольких периодических изданиях: „Tygodnik Illustrowany”, „Kłosa”, „Wiek”, „Kraj”, „Bluszcz”. Был известен как эрудит и

²⁵² K. Bujnicki, *Wędrowka po małych drogach. Szkice obyczajów na prowincji*, Wilno 1841.

²⁵³ T. Turkowski, *Bujnicki Kazimierz...*, op.cit., s. 109-110.

²⁵⁴ A. Švābe, *Zeme mana, laiks tavs, zinātniskajā darbā Latvijas vēsture (1800-1914)*, 2. izdevums, Upsala 1962, Lpp. 149-150.

²⁵⁵ L. Hayto, *Adam Antoni Onufry Plater*, w: *Polski Słownik Biograficzny*, T. XXVI, Wrocław 1981, źródło elektroniczne: www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/adam-antoni-onufry-plater, dostęp na 04.02.2022

²⁵⁶ D. Samborska-Kukuć, *Polski Inflantczyk Kazimierz Bujnicki...*, op.cit., s. 400.

исследователь семейных архивов. С ним поддерживали контакт и вели переписку такие известные в то время польские литераторы, как этнограф и издатель Юзеф Крашевский, исследователь литовских и белорусских древностей Адам Киркор (польск. Adam Kirkor). Хлопицкий писал гавенды, стихи, воспоминания об известных писателях, таких как Мицкевич и Хенрик Ржевуский (польск. Henryk Rzewuski), занимался переводами, а также пробовал стать романистом²⁵⁷.

Мантейфель, со своей стороны, реализовывал свою карьеру и активную социальную жизнь в том числе в политике, с 1863 года поступил на службу чиновником в управление Министерства внутренних дел в Риге²⁵⁸.

Обращаясь к вопросу о том, как момент в жизни нации отразился на личных судьбах писателей, стоит вспомнить о том, что XIX век был веком восстаний для Польши, что несомненно является активным процессом борьбы. Особо трудным для Буйницкого оказался 1863 год, так как 24 марта этого года в имении Дагды умерла его жена Каролина, урожденная Соколовская (польск. Karolina Sokołowska). Спустя три недели после смерти супруги крестьяне взбунтовались и сожгли господский дом:

Собрание ценных писем вместе с моей личной библиотекой, состоящей из ценных и некоторых редких книг, сгорело в пожаре, устроенном разъяренными крестьянами в 1863 году.²⁵⁹ [Перевод с польского Э.Я.]

Стоит отметить, что Буйницкий всегда был помещиком, деятельность которого была направлена на борьбу за права крестьян. Буйницкий являлся одним из главных инициаторов и вместе с единомышленниками в период 1818-1819 гг. выступал за освобождение крестьян и ликвидацию крепостного права²⁶⁰.

Крестьяне взбунтовались по причине того, что местная полиция подталкивала местных крестьян-староверов сжигать дома польских владельцев. После восстания, весной 1863 года началась волна погромов польских имений. Когда сын Буйницкого – Зигмунт Буйницкий (польск. Zygmunt Bujnicki) вместе с Леоном Платером (польск. Leon Plater)

²⁵⁷ M. Danilewiczowa, *Edward Chłopicki...*, op.cit., s. 310.

²⁵⁸ T. Zeiferts, *Latgaliešu raksti, zinātniskajā darbā Latviešu rakstniecības vēsture*, 2. sēj, Rīga 1930, Lpp. 173.

²⁵⁹ Zbiór cennych tych listów wraz z biblioteką moją zasobną w dobre i niektóre rzadkie książki spłonął w podpalonym domu przez kupę rozwścieczonych chłopów w 1863. [K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)*..., op.cit., s. 219]

²⁶⁰ P. Zeile, *Kazimirs Buiņickis un Gustavs Manteifelis. Vieta un vērtējums Latvijas kultūrā*, "Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis" 1993, A daļa, Nr. 2, Lpp. 14-15.

попытались преградить дорогу транспорту с российским оружием под Краславой, полиция настроила старообрядцев против Буйницких. Имение в Дагде два раза подверглось пожару и в конце концов сгорело. Сгорела библиотека с рукописями Буйницкого, монография латышского народа и история Полоцка. Буйницкому с трудом удалось спастись от смерти, сыну удалось сбежать за границу, а жену сына сослали в глубь России²⁶¹. Из-за неизбежных волнений, происходящих в польской истории нации XIX века, Буйницкому пришлось доживать старость не в родном имении, а во владениях покойной жены в районе Лукна Режицкого уезда²⁶².

Говоря о Мантейфеле, стоит помнить, что, несмотря на то, что писатель и общественный деятель стремился развивать латгальских крестьян, при этом выступал против отмены крепостного права, в чем заключается основное отличие его взглядов от взглядов Казимира Буйницкого. После отмены в Латгалии крепостного права в 1861 году Мантейфель делал все возможное, чтобы сохранить привилегии помещиков²⁶³.

Хлопицкого также коснулись события польских восстаний. Стоит отметить, что Хлопицкий эмигрировал во Францию не по своей воле. Писатель относился к течению польского восстания и в возрасте 20 лет был вынужден уехать в Париж. Причиной эмиграции стала “Весна народов” 1848 года. Осенью 1850 года познакомился с Адамом Мицкевичем, с которым их объединили беседы об общих родственниках. Свои воспоминания о Мицкевиче Хлопицкий представил в гавенде под названием *Во дворе в Батиньоле* (польск. *W dworku na Batignolles*). Гавенда была опубликована в журнале „Bluszcz” 1870 года²⁶⁴.

После амнистии в России в 1858 году Хлопицкий вернулся в Литву. Страстью Хлопицкого на протяжении всей жизни были путешествия. До возвращения в родные края этнограф путешествовал по югу Франции и Бельгии. После возвращения из эмиграции Хлопицкий находился в трудном материальном положении. Старался устроиться журналистом, воспользовавшись знакомством с Крашевским, также работал гувернером в домах помещиков. В 1861 году временно работал на железной дороге в Каунасе. Не имел постоянного места работы, проживал жизнь на колесах, постоянно меняя место жительства. Часто проводил свой досуг в деревне у сестры Софии Климаньской (польск. *Zofia*

²⁶¹ T. Turkowski, *Bujnicki Kazimierz...*, op.cit., s. 109-110.

²⁶² P. Zeile, *Laicīgo poļu kultūrdarbība 18.-19. gs. Kultūras novadnieciskuma veidošanās Latgalē. Kazimirs Buiņickis, krājumā Latgales kultūras vēsture*, Rēzekne 2006, Lpp. 210-212.

²⁶³ P. Zeile, *Kazimirs Buiņickis un Gustavs Mantēfelis...*, op.cit., Lpp. 14-15.

²⁶⁴ M. Danilewiczowa, *Edward Chłopicki...*, op.cit., s. 309-310.

Kłimańska) в Диделишках в Ковенской губернии. После возвращения на родину писатель также совершил ряд краеведческих поездок по Польским Инфлянтам, Жмуди, Литве и Побережью²⁶⁵, описанных позднее в *Записках из разных путешествий по стране: Инфлянты, Жмудь, Литва, Побережье* (польск. *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*). Записки впервые были опубликованы в ежедневной газете, издаваемой в Литве на польском языке под названием „Kurier Wileński”. Позднее, а именно в 1863 году записки были изданы отдельным изданием в Варшаве. Стоит отметить, что наибольшее значение имеют его описания людей и земли Привислинского края, который известен ему благодаря долгим скитаниям по этим местам²⁶⁶.

В 1872 году был издан роман Хлопицкого под названием *Истории единственного сына в семье* (польск. *Dzieje jedynaka*)²⁶⁷. Перевел на польский язык в 1873 году трагикомедию *Саламейский алькальд* Педро Кальдерона (исп. Pedro Calderon)²⁶⁸, а в 1882 году *Летнюю ночь* Альфреда де Мюссе (фр. Alfred de Musset)²⁶⁹.

Стоит отметить, что о писателе Хлопицком известно немного, а фамилия Хлопицкий, как правило, ассоциируется с генералом дивизии Юзефом Хлопицким (Józef Chłopicki). Юзеф Хлопицкий является яркой личностью в истории Польши, если речь идет о XIX веке. Юзеф был не только генералом, но также диктатором восстания 1830 года²⁷⁰. Интересным фактом является то, что генерал после тяжелого ранения, пребывая в Кракове, также занялся написанием дневников, однако они были уничтожены во время краковских волнений в 1846 году²⁷¹.

У писателя и этнографа Хлопицкого также присутствовало в характере желание отстаивать права своей родины, с чем была связана его эмиграция, однако в данном исследовании он интересен в первую очередь как автор записок о Польских Инфлянтах, в которых Хлопицкий описывает свои впечатления о Крейцбурге, Ликсне, Краславе, Динабурге, Режице и Люцине. Несмотря на большое количество путешествий в своей

²⁶⁵ Под Побережьем (польск. Pobereże) Хлопицкий подразумевает территории Украины, повествуя о своем путешествии по Днестру от Ямполья до Ягорлыка. [E. Chłopicki, *Inflanty*, w: *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*, Warszawa 1863, s. 122-148].

²⁶⁶ Хлопицкий, в: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, Т. XXXVII, Санкт-Петербург 1903, с. 324.

²⁶⁷ E. Chłopicki, *Dzieje jedynaka*, Warszawa 1872.

²⁶⁸ E. Chłopicki, *Alkad z Zalamei : tragi-komedia Calderona w trzech odłonach*, Warszawa 1873.

²⁶⁹ E. Chłopicki, *Noc majowa* (z Musseta), Lwów 1882.

²⁷⁰ B. Pawłowski, *Józef Grzegorz Chłopicki*, w: *Polski Słownik biograficzny*, Т. III, Kraków 1973, s. 310-313.

²⁷¹ B. Pawłowski, *Józef Grzegorz Chłopicki...*, op.cit., s. 313.

жизни, Хлопицкий последние годы жизни провел на родине в Польше, прожив в Варшаве до 1894 года²⁷².

В свою очередь, жизнетворчество Платера было направлено на то, чтобы увековечить исторические места Польши. Он планировал издать серию тетрадей с рисунками интересных и важных объектов, однако вышел только один том в 1826 году под названием *Виды оставшихся памятников древней Польши (польск. Widoki pozostałych pomników starożytnej Polski)*²⁷³. В данном томе представлены рисунки с достопримечательностями Кракова и его окрестностей, выполненные вместе с польским художником Юзефом Гловацким (польск. Józef Głowacki). Благодаря широкому спектру интересов Платер пришел к решению изучать Польские Инфлянты со всевозможных сторон. Первый труд, посвященный изучению Платером Инфлянт, вышел под названием *Взгляд на геогностическое строение Инфлянт (польск. Rzut oka na skład geognostyczny Inflant)*²⁷⁴ в 1832 году и рассказывал о геологическом строении представленных территорий.

Наибольшие заслуги Платер имеет в археологии. Он работал вместе с Евстафием Тышкевичем, лучшим на тот момент специалистом в области археологии в первой половине XIX века в Виленском крае. Проведя раскопки в Польских Инфлянтах в период 1800-1840 гг, Платер обнаружил множество вещей, которые оставили после себя местные жители, проживающие на данных территориях. Собранную в Краславе коллекцию археолог описал в работе под названием *О древних гробах, обнаруженных в Польских Инфлянтах (польск. O dawnych grobach i starożytnościach odkrytych w Inflantach Polskich)*²⁷⁵. Одним из первых в Польше включил в работу систему трех археологических эпох — каменной, бронзовой и железной. Позднее Платер содействовал созданию музея древностей в Вильне, выступал посредником передачи древностей из Польских Инфлянт и Белоруссии от многочисленных коллекционеров, откликнувшихся на обращение Тышкевича²⁷⁶.

Исторические и доисторические исследования Платера охватывали Даугавпилсский край и районы возле реки Даугавы. Платер также описывал гранитные валуны, находившиеся в реке, и объяснял происхождение названия гидронима „Рубон“, используемого в древности как название реки Даугавы. Опираясь на немецкие источники и

²⁷² M. Danilewiczowa, *Edward Chłopicki...*, op.cit., s. 310.

²⁷³ A. Plater, *Widoki pozostałych pomników starożytnej Polski*, Kraków 1826.

²⁷⁴ A. Plater, *Rzut oka na skład geognostyczny Inflant*, Wilno 1832.

²⁷⁵ A. Plater, *O dawnych grobach i starożytnościach odkrytych w Inflantach Polskich*, „Rubon” 1945, red. K. Bujnickiego, T. V, s. 7-34.

²⁷⁶ L. Hayto, *Adam Antoni...*, op.cit., , źródło elektroniczne: www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/adam-antoni-onufry-plater, dostęp na 04.02.2022.

архивные документы в доме Платеров в Краславе, исследователь составил историю Даугавпилса, но, к сожалению, рукопись была утеряна. Особый интерес у Платера вызывал Динабургский замок и его история²⁷⁷.

Труд, посвященный истории Динабурга, был впервые опубликован в альманахе „Rubon“ в 1842 году в его I томе под названием *Короткая историческо-хронологическая заметка о древнем Динабурге и о динабургской крепости* (польск. *Krótko historyczno-chronologiczna wiadomość o dawnym Dynaburgu i o fortocy dynaburskiej*)²⁷⁸. В данной работе Платер описал более ста пятидесяти лет деятельности динабургских старост из своей семьи — Платеров. Позднее, в 1845 году, в III части того же альманаха была издана работа Платера, посвященная истории Динабургского замка от XIII до XVI века. Платер даже постарался графически реконструировать Динабургский замок²⁷⁹.

Платер занимался также естествознанием, особенно углубляясь в зоологию. Первые работы в этом направлении были представлены автором в пятидесятые годы как заключение, основанное на многолетнем исследовании. Важнейшим трудом, написанным Платером в этой области, является *Список млекопитающих, птиц и рыб страны, систематически упорядоченный* (польск. *Spis zwierząt ssących, ptaków i ryb krajowych systematycznie ułożony*)²⁸⁰, вышедший в 1852 году. Работа посвящена фауне польских земель, главным образом сконцентрирована на северо-восточном регионе. Главной целью автора было восполнение пробелов в зоологической литературе, так как более ранние труды и современные были основаны на представлении общей систематики мировой фауны²⁸¹.

Подробными были также ихтиологические исследования Платера, проведенные в водах Даугавы. В дар Зоологическому Кабинету в Варшаве Платер преподнес в 1859 году рукопись своей работы, посвященной рыбам, встречающимся в окрестных водах Динабурга вместе с тридцатью иллюстрированными таблицами, выполненными акварелью. Позднее, в 1861 году, Платер опубликовал работу под названием *Гидрографическое и статистическое описание Западной Двине и обитающих в ней рыб* (польск. *Opisanie hydrograficzno-statystyczne Dźwiny Zachodniej oraz ryb w niej żyjących*)²⁸².

²⁷⁷ F. Kreutzwald, *Gelehrte Gesellschaften*, „Das Inland“ 1843, Nr. 13, S. 115.

²⁷⁸ A. Plater, *Krótko historyczno-chronologiczna wiadomość o dawnym Dynaburgu i o fortocy dynaburskiej*, „Rubon“ 1842, red. K. Bujnicki, s. 19-60.

²⁷⁹ I. Ose, *Viduslaiku piļu pētniecība Latvijā no 18 gs. beigām līdz 20 gs. vidum*, Rīga 2001, Lpp. 54.

²⁸⁰ A. Plater, *Spis zwierząt ssących, ptaków i ryb krajowych systematycznie ułożony*, Wilno 1852.

²⁸¹ L. Hayto, *Adam Antoni Onufry Plater...*, op.cit., źródło elektroniczne: www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/adam-antoni-onufry-plater, dostęp na 04.02.2022.

²⁸² A. Plater, *Opisanie hydrograficzno-statystyczne Dźwiny Zachodniej oraz ryb w niej żyjących*, Wilno 1861.

Платер так же, как Хлопицкий, закончил свой жизненный путь на родной земле, в 1862 году умерев в Краславе на 72-м году жизни²⁸³.

Момент истории в судьбе Михаила Яна Борха отразился в неизбежности участвовать в военных действиях. С 1762 года Михаил отправился на военную службу и очень быстро преуспел на данном поприще, уже в 1771 году став капитаном литовской пешей гвардии. Благодаря своей смелости стал фаворитом польского короля и великого князя литовского Станислава Августа. Признание в глазах короля Михаил получил после того, как во время нападения разбойников на короля смело вступил в сражение и получил сильное ранение. В 1776 году стал полковником гусарского полка, однако не остался в Польше по причине того, что увлекался чтением описаний Сицилии – также, скорее всего, дали знать о себе корни и любопытство к местам происхождения рода. Вследствие этого Михаил отправился на юг Италии, а затем на Мальту. Апеннинский полуостров и окружающие его острова в плане геологии, ботаники и минералогии больше всего заинтересовывают графа. Этим территориям он посвящает свои исследования. Именно здесь он публикует свои работы о природных ресурсах Сицилии. Письма о Сицилии и Мальте, изданные в 1783 году на немецком нашли отклик восхищения даже самого Гете, что подробно описывает Рончка-Езерска²⁸⁴. Во время пребывания на Мальте Михаил Борх занимался созданием особого польского филиала ордена Св. Иоанна Иерусалимского²⁸⁵.

После возвращения в родные края Михаил продолжил военную службу и активно пошел вверх по служебной лестнице. В 1781 году стал генерал-квартирмейстером, часто выступал на сеймах как посол польской Лифляндии. Уже в 1786 году настолько заслужил доверие короля, что был назначен в Королевский Совет представителем по военной части. Борх пытался уговорить короля Станислава Августа стать пронумерантом на издание его собственных произведений 1785 года, однако затея оказалась неудачной. Стоит тем не менее отметить, что за время своей службы Михаил Борх был удостоен большого количества почетных наград, среди которых диплом на графское Римской империи достоинство, ордена Белого Орла, Купрпфальцкого Льва, Св. Станислава²⁸⁶. В 1787 году стал генерал-поручиком

²⁸³ L. Hayto, *Adam Antoni Onufry Plater...*, op.cit., , źródło elektroniczne: www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/adam-antoni-onufry-plater, dostęp na 04.02.2022.

²⁸⁴ T. Rączka-Jeziorska, *Narzędzia do eksploracji wnętrza ziemi podróżnika do Sycylii i Malcie, hrabiego Michała Jana Borcha (1753-1810)*, w: *Podróże do wnętrza ziemi*, red. J. Ławski i M. Burzka-Janik, Białystok-Opole 2020, s. 137-138.

²⁸⁵ T. Turkowski, *Borch Michał*, w: *Polski Słownik Biograficzny*, T. II, Kraków 1989, s. 313-314.

²⁸⁶ В. Шереметовский, *Борх Михаил-Иоганн*, в: *Русский биографический словарь*, Т. III, ред. А. А. Половцова, Санкт-Петербург 1908, с. 289-290.

королевского войска. В период с 1787-1791 гг. был воеводой Белзского воеводств.²⁸⁷ В отличии от Шерементовского, описывающего главным образом военные заслуги графа Платера, современные исследователи биографии Яна Михаила Борха рассматривают его личность, как особы склонной к авантюрам. В своей статье Павел Езерский (польск. Paweł Jeziorski), ссылаясь на переписку Борха с отцом, отмечает, что сын пользуясь зажиточным положением отца, всегда просил денег, которых ему не хватало, чтобы жить на широкую ногу за границей²⁸⁸. Магдожата Павелчык (польск. Małgorzata Pawełczyk) отмечает, что Борх получал свои звания от короля далеко не благодаря своим достижениям, а умениям ловко манипулировать контактами со знатными особами. Жадность к деньгам и комфорту спровоцировало конфликт с матерью по поводу наследства после смерти отца, а после смерти матери Борх затеял долгий спор по поводу наследства с мужем своей сестры Константином Платером²⁸⁹.

Однако в том, что интерес графа Яна Михаила был целиком посвящен науке и литературе солидарны все исследователи биографии Михаила Яна Борха, также как и тот факт, что в 1790 году Борх покинул службу и практически безвыездно поселился в Вараклянах. Дворец, в котором прожил свои последние двадцать лет жизни граф Борх, представлял собой роскошный дворец, построенный по проекту архитектора Винченцо Мадзотти (итал. Vincenzo Mazzotti) в стиле классицизма²⁹⁰. Именно в этом живописном месте граф Михаил написал свою поэму под названием *Сентиментальный сад в Вараклянах* (польск. *Ogród w Warklanach*). Проживая в своем дворце, Михаил Борх целиком и полностью углубился в естествознание. Собрал большую библиотеку и минералогическую коллекцию²⁹¹. Социальное окружение Борха всегда было насыщено людьми, известными в научной и творческой среде. Поддерживал контакт с мировыми

²⁸⁷ J. Dunin-Borkowski, *Borch herbu własnego czyli trzy Kawki*, w: *Almanach błękitny: genealogia żyjących rodów polskich*, Lwów 1908, s. 226.

²⁸⁸ P.A. Jeziorski, *Podróże edukacyjne zamożnej szlachty z województwa inflanckiego w XVIII wieku. Przykład Borchów i Hylzenów*, „Miscellanea Historico-Archivistica” 2017, T. XXIV, s. 12-19.

²⁸⁹ M. Pawełczyk: *Zapomniany awanturnik*. „Forum akademickie” 2004, Nr 1, электронный ресурс: forumakademickie.pl/media/archiwum/2004/01/artykuly/24-gwiazdy_i_meteorology.htm, доступно на 20.01.2024

²⁹⁰ Итальянский архитектор, работающий и живущий в Польских Инфлянтах построил не только дворец для Михаила Яна Борха и спроектировал дворцовый сад, но также возвел костел в Вараклянах, строительство которого было финансировано Борхами и считалось семейной святыней. Костел был построен в 1783 году. Еще одним архитектурным произведением была каплица в Вараклянах, построенная на средства жены Яна Михала Элеоноры Борх, В этой каплице и был похоронен ее муж. Каплица наилучшим образом вписывается в архитектурный пейзаж дворца и сада. Ее форма представляет собой ротонду, планировка и декор соответствует архитектуре барокко того времени, характерной для Польских Инфлянт. [R. Kamińska, *Polska sztuka sakralna na Łotwie*, Ryga 1996, s. 34]

²⁹¹ K. Maślankiewicz, *Michał Jan Borch (1751-1810) and his activity in mineralogy and geochemistry*, in: *Aces du XIe Congrès International d'Histoire des Sciences*, 4, Wrocław 1968, s. 284-286.

учеными, вел переписку с немецким естествоиспытателем Петром Палласом (нем. Peter Pallas), швейцарским физиком Даниилом Бернулли (нем. Daniel Bernoulli), французским биологом и математиком Жоржем-Луи Бюффоном (фр. Georges-Louis Leclerc), немецким биологом Иоганном Мюллером (нем. Johannes Peter Müller) и многими другими. Благодаря связям в научной среде и профессиональным научным сочинениям был членом многих научных обществ и академий во Флоренции и Италии²⁹². В 1786 году стал членом Императорского Вольного экономического общества в Санкт-Петербурге²⁹³.

Несмотря на то, что Михал Ян Борх более известен научными исследованиями в естествознании и биологии, как часто бывает, талантливый человек талантлив во всем: в связи с этим Борх известен не только открытием нового класса беспозвоночных животных, названных в честь их открывателя брахиоподами²⁹⁴, а также вышеназванной поэмой, посвященной своим родным Вараклянам.

В свою очередь, его племянник Михаил Борх известен описанием жизни княжны Ефросинии Полоцкой, жившей в XII веке, под названием *История в легенде* (польск. *Dzieje w legendzie*)²⁹⁵, а также поэмой *Ерсика* (польск. *Gercike*)²⁹⁶ и статьей с поэтическим отступлением *Два слова о Двине* в сборнике „Rubon”. Михаил был большим ценителем романтической поэзии, переводил поэзию Мицкевича на французский язык и даже самостоятельно издал перевод поэмы *Фарис* (польск. *Farys*)²⁹⁷.

Интересным случаем коммуникации между инфлянтскими авторами стало справедливое обвинение Меркеля Михаила Борха в плагиате статьи *Новость о старых католических костелах*, вошедшей в сборник „Rubon”²⁹⁸. В действительности статья представляет собой перевод статьи историка Фридриха Георга фон Бунге (нем. Friedrich Georg von Bunge) с немецкого, но подается автором читателям как личный труд²⁹⁹. Справедливости ради стоит отметить, что несмотря на такой неприятный случай с присвоением чужой работы, который был ловко замечен Мантейфелем, Борх был

²⁹² J. Stradiņš, *Par grāfu Mihalu Borhu – Eiropas mēroga zinātnieku, tepat Latvijā*, “Latvijas Vēstnesis” 2003, Nr. 73, электронный ресурс: www.vestnesis.lv/ta/id/74999, доступно на 20.01.2024

²⁹³ В. И. Штейн, *Борх Михаил-Иоганн...*, op.cit., с. 290.

²⁹⁴ J. Stradiņš, *Par grāfu...*, op.cit.

²⁹⁵ М. Borch, *Wyjatek z dzieła pod tytułem „Dzieje w legendzie”*, „Rubon”, Т. II, s. 7-36.

²⁹⁶ Латыш. Jersika – древнее латгальское государственное образование с руководящем центром в ерсиканском замке, расположенное на берегу Даугавы. [I. Šterns, *Krustakari, zinātniskajā darbā Latvijas vēsture (1180—1290)*, Rīga 2002, Lpp. 111].

²⁹⁷ М. Borch, *Farys A. Mickiewicza*, tłumaczenie na jęz. francuski, Petersburg 1833.

²⁹⁸ G. Manteuffel, *Inflanty Polskie oraz Listy znad Bałtyku*, Kraków 2009, s. 166.

²⁹⁹ F.G. von Bunge, *Archiv für die Geschichte Liv-, Esth-, und Curlands*, Dorpat 1842, Т. I, S. 75-77.

достойным автором своего времени, что даже отмечали его современники. К примеру, поэт Александр Гроза (польск. Aleksander Groza) писал в своем письме польскому романисту Михаилу Грабовскому (польск. Michał Grabowski) следующее:

Борх написал житие княжны Евфросинии заложившей Полоцк, в котором (как говорят) ему удалось распутать несколько исторических гипотез.³⁰⁰ [Перевод с польского Э.Я.]

Михаил Борх также как его дядя был большим любителем книг и поэтому собрал большую библиотеку, состоящую, главным образом, из исторических и религиозных книг. В его коллекцию входили уникальные рукописи, библиографические раритеты и тома немецкоязычных ливонских хроник. Михаил Борх также расширял свою библиотеку новейшими публикациями, которые заказывал, главным образом, у Завадского. В коллекции присутствовали такие труды как *История литовского народа* (польск. *Dzieje starożytne narodu Litewskiego*) Теодора Нарбута (польск. Teodor Narbutt), *Описание нравов* (польск. *Opis obyczajów*) Енджея Китовича (польск. Jędrzej Kitowicz), работы Гуго Коллонтая (польск. Hugo Kołłątaj), также литературные исследования, среди которых *История польской литературы* (польск. *Historia literatury polskiej*) Михаила Вишневого (польск. Michał Wiszniewski). Михаил Борх собирал также журналы, к примеру. „Athenaeum” и „Pielgrzym”. Работы, собранные в своей коллекции, подробно, а порой критически, Борх обсуждал в переписке с Завадским³⁰¹.

Михаил был владельцем имения в Преялях в Динабургском уезде. В период 1850-1852 гг. был маршалом Витебской губернии. Из-за конфликта с генерал-губернатором в 1852 утратил свой статус и был сослан в Ярославль³⁰². Последние же дни своей жизни провел в родных Преялях, где скончался в 1881 году³⁰³.

Рассматривая социальную деятельность другого польского автора немецкого происхождения – Мантейфеля, стоит отметить его большой вклад в изучение латгальской

³⁰⁰ Borch napisał życie księżniczki Eufrozyny założycielki Połocka, w którym (jak powiadają) udało mu się kilka hipotez historycznych szczęśliwie rozwiązać. [A. Groza, *List do M. Grabowskiego z 16 czerwca 1841*, w: *M. Grabowski, Korespondencja literacka*, Wilno 1842, T. I, s. 25-26]

³⁰¹ D. Samborska-Kukuć, „Chcę serio w świat literacki wyruszyć” - na marginesie listów Michała Borchy do Adama Zawadzkiego, „Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Polonica” 2011, s. 73.

³⁰² D. Samborska – Kukuć, *Literatura polska nad Dźwiną w: 1. poł. XIX wieku – zarys syntetyczny*, w: *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej*, T. VI, red. W. Walczak i K. Łopatecki, Białystok 2013, s. 584.

³⁰³ T. Turkowski, *Borch Michał*, w: *Polski Słownik Biograficzny*, T. II, Kraków 1989, s. 314.

культуры, подтверждением чего являются 320 работ по истории, из которых примерно третья часть посвящена Латгалии³⁰⁴. Мантейфель, будучи католиком, издавал молитвенники, библейские рассказы, христианские наставления. В 1888 году издал труд по истории латгальских церквей под названием *Terra Mariana*³⁰⁵, представляющий собой альбом с многочисленными иллюстрациями латгальских храмов, дворцов и замков. В текст *Terra Mariana* Мантейфель удачно интегрировал наблюдения и выводы своих ранних работ. Интересно, что в январе 1888 года Папа Римский Лев XIII по случаю пятидесятилетия со дня принятия сана священника принял в подарок известный альбом Мантейфеля, посвященный Ливонии³⁰⁶. Барон интересовался также фольклором и музыкой. Именно по этой причине Мантейфель собрал и опубликовал около 170 латгальских народных песен³⁰⁷. Будучи на государственной службе, Мантейфель позаботился о доступности издаваемых законов на латгальском языке³⁰⁸, а также всячески содействовал тому, чтобы латгалцы имели доступ к книгам на латгальском и имели возможность интеллектуально развиваться. В 1862 году даже издал книгу по арифметике, а в 1863 году составил руководство по расчетам на латгальском языке (латгал. *Rēkinu grōmota, cik zemņīku ļaudīm vajaga*)³⁰⁹.

Однако основным вкладом Мантейфеля в латгальскую культуру можно считать издаваемый им с 1862 по 1871 год календарь под названием *Временная книга Инфлянтских земель, или Календарь* (латгал. *Inflantu ziemes Lajkagromota aba Kalenders*). Это было первое периодическое издание, издаваемое на латгальском языке. Стоит отметить, что первый календарь на латышском языке впервые был издан в 1762 году в Курземе, спустя сто лет Мантейфель издал календарь в Латгалии. Календарь имел очень важное значение в жизни латгальских крестьян. Изданные календари часто использовались в качестве азбуки для

³⁰⁴ H. Strods, *Gustavs Manteifelis (Manteuffel Szoege)*, „Latvijas vēsture” 1991, Nr. 3, Lpp. 69.

³⁰⁵ „Terra Mariana” или „Земля Марии” - так принято было называть средневековую Ливонию. Главной темой альбома является распространение традиции христианской веры в Балтии в период с XII по конец XIX века. Материал в альбоме сгруппирован по следующим большим темам: история Ливонского ордена, история Ливонского епископства (от епископа Мейнарда до раздела Ливонского епископства и ликвидации в 1789 году), виды церквей, дворцов, остатки городищ (до 80-ых годов XIX века) на территориях, входивших в состав Ливонии: в Латгалии, Земгале, Видземе, Курземе и Эстонии. [X.Сомс, *Альбом „Terra Mariana” – подарок Папе Римскому Льву XIII (1888 г.): литовские эпизоды*, в: *Acta humanitarica universitatis Saulensis*, Vilnius 2009, с. 177]

³⁰⁶ X.Сомс, *Альбом „Terra Mariana” – подарок Папе Римскому Льву XIII (1888 г.): литовские эпизоды*, в: *Acta humanitarica universitatis Saulensis*, Vilnius 2009, с. 175-184.

³⁰⁷ G. Manteuffel, *Lettische Volkslieder gesammelt in der Gegend von Kraslaw im Dünaburgschen von Comtesse Celine Plater und in der Gegend von Dritzan im Rositenschen von Baron Gustaw Manteuffel*, „Magazin der lettisch-literarischen Gesellschaft” 1869, T. XIV, S. 162-206.

³⁰⁸ A. Švābe, *Poļu un leišu sacelšanās sekas, zinātniskajā darbā Latvijas vēsture (1800-1914)*, 2. izdevums, Upsala 1962, Lpp. 294.

³⁰⁹ T. Zeiferts, *Latgaliešu raksti, zinātniskajā darbā Latviešu rakstniecības vēsture*, 2. sēj, Rīga 1930. Lpp. 173.

обучения детей. Издание пропагандирует образование – к примеру, в календаре 1864 года говорится о пользе крестьянских школ, автор призывает крестьян самим строить для себя школы и обучать детей. В календаре был размещен диалог двух крестьян — разумного Павла и упрямого Якуба³¹⁰. Все номера календарей состояли из произведений практического и беллетристического характера, в нем были также представлены инструкции по ведению сельского хозяйства и быта, заметки с медицинскими советами, нравоучительные рассказы. В календарях можно найти сказки, пословицы и загадки. Важно отметить, что календарь Мантейфеля не касался политических вопросов³¹¹.

Мантейфель всегда придерживался точки зрения о том, что латгальская культура является частью польской культуры. Отражением того стали его связи с польской интеллигенцией и выступление на конгрессе историков в Кракове в 1880 году. На конгрессе Мантейфель познакомился и завел дружбу с польским историком и этнографом Юзефом Крашевским, которому впоследствии посветил свой труд *Лудза в Инфлянтах* (латыш. *Ludza Inflantijā*)³¹². Когда Крашевский был арестован по подозрению в шпионаже в пользу Франции, Мантейфель в номерах газеты „Reiģas avīze” за 1884 год развернул кампанию по его поддержке. Поддерживая контакты в Польше, Мантейфель активно работал в журнале „Kwartalnik Historyczny“. С 1888 года Мантейфель стал членом комиссии Краковской академии наук по изучению искусств. На территории Латвии поддерживал польских студентов Дерптского университета³¹³, собирая их, основываясь на заинтересованности историей³¹⁴.

Деятельность Мантейфеля имела широкий спектр, а его труды, написанные на латгальском, польском и немецком, затрагивали не только проблемы прибалтийских губерний, но также проблемы живущих в ней национальных групп. По этой причине историк Кшиштоф Заяс, углубленно занимающийся деятельностью барона Мантейфеля, высказывает утверждение о том, что в его творчестве соединяются, казалось бы, не соединяемые между собой национализм и регионализм. Заяс подтверждает данную идею

³¹⁰ P. Laizāns un P. Zeile, *Kritika un publicistika. Latgaļu literatūras un preses mantojumu vērtējot*, “Karogs” 1958, Nr. 11, Lpp. 108.

³¹¹ M. Bukšs, *Drukas aizlīguma un latgaļu grōmotu vojōšonas likmats (1865-1904)*, „Dzeive” 1949, Nr. 2, Lpp. 23-24.

³¹² G. Manteuffel, *Lucyn w Inflantach*, Kraków 1884.

³¹³ Ныне – Тартуский университет. Заяс подчеркивает, что Дерпт во времена Мантейфеля был оазисом свободы в царской России, находившейся под ее гнетом. Заяс также отмечает, что Рига и Дерпт в период 1863-1914 гг. были центрами польской культуры. [K. Zajas, *Nieobecna kultura. Przypadek Inflant*, Kraków 2008, *Polskich*, s. 157]

³¹⁴ H. Strods, *Gustavs Manteifeļs*, Mōras Zeme 1992, Nr. 45, Lpp. 2.

тем, что Мантейфель представляет себя польским патриотом, но при этом ярко подчеркивает принадлежность к родным землям³¹⁵. Однако стоит помнить о том, что Мантейфель, будучи инфлянтским писателем, едва ли разделял понятия „инфляндец“ и „поляк“. Ко всему прочему, стоит учитывать знатное немецкое происхождение барона³¹⁶, о котором он также не забывал и благодаря чему имел возможность представить свои труды на немецком языке, в том числе опираясь на архивные документы своей семьи. Необходимо помнить также о том, что Мантейфель посвящал свои работы не только Латгалии, а также Видземе и Курземе.

Стоит отметить, что не всегда работы Мантейфеля имели успех среди сообщества историков того времени. К примеру, в 1892 году Мантейфель завершил свой большой труд, посвященный Ливонии под названием *Очерки истории давней Ливонии* (польск. *Zarysy z dziejów krain dawnych inflanckich*). Однако труд так и не был опубликован по причине спорных моментов, с которыми были несогласны варшавские и краковские историки. Оппоненты обвиняли Мантейфеля в излишнем уклоне на католицизм, демонстрации антипротестанских взглядов и нечестности в отражении исторических фактов³¹⁷. Несмотря на то, что работа не вышла в ее оригинальном формате, были опубликованы некоторые ее фрагменты: *Элементы цивилизации на нижней Двине* (польск. *Pierwiastki cywilizacji nad dolną Dźwiną*)³¹⁸, *Ливонское герцогство XVII-XVIII вв.* (польск. *Księstwo Inflanckie XVII-XVIII stulecia*)³¹⁹.

К трудам Мантейфеля относятся также некоторые анонимные заметки на немецком языке, посвященные тематике русификации Латгалии³²⁰. В заметках писатель также говорит о том, что он является первым собирателем латгальского фольклора, который подошел к данному вопросу скрупулезно и применил селективный метод.

Барон Мантейфель, благодаря своей активной исследовательской деятельности, был очень популярной фигурой в конце XIX — начале XX века в Латгалии. Последние годы своей жизни писатель провел в родных краях и умер в Люцинском уезде в своем поместье в Бонифацове 24 июня 1916 года. Семейные погребения Мантейфелей находятся во дворе костела Святого Симона в Дрицанах, там также покоится барон Густав. В период первой

³¹⁵ K. Zajas, *Literatura polsko-inflancka*, w: *Neobecna kultura. Przypadek Inflant Polskich*, Kraków 2008, s. 327-328.

³¹⁶ A. Švābe, *Poļu un leišu sacelšanās sekas, zinātniskajā darbā Latvijas vēsture (1800-1914)*, 2. izdevums, Upsala 1962, Lpp. 301.

³¹⁷ K. Zajas, *Gustaw Manteuffel projektuje Inflanty*, w: *Inflanty Polskie oraz Listy znad Bałtyku*, Kraków 2009, s. 13.

³¹⁸ G. Manteuffel, *Pierwiastki cywilizacji nad dolną Dźwiną*, Warszawa 1894.

³¹⁹ G. Manteuffel, *Księstwo Inflanckie XVII-XVIII stulecia*, „Przegląd Powszechny” 1896-97.

³²⁰ G. Manteuffel, *Russische Sprach- und Schriftverbote*, „Hamburger Correspondent“ 1882, Nr. 327.

независимости Латвии местное общество учителей установило на могиле Мантейфеля памятную надпись:

Надпись на надгробной плите барона Густава Мантейфеля: „Другу лагышей. Исследователю латгальской истории Густаву Мантейфелю“ Источник: V. Lōcis, *140 godu nu Gustava Manteifeļa dzimšanas dīnas*, „Latgolas Bolss“ 1972, Nr. 851, Lpp. 2.

В завершение стоит отметить, что инфлянтских авторов польского происхождения объединяет связь с Польшей, ее традициями и историей. Связь настолько тесна, что она проходит через поколения, тем более что большинство авторов представляют аристократические древние роды со своими сложившемся традициями. Все они видят Польские Инфлянты частью польского ареала, имеющего свои особенности, о которых каждый из авторов говорит в близкой ему форме. Судьбы авторов также объединяет то, что они пострадали от агрессии Российской империи, которая привела к восстаниям. Если авторы русского происхождения лишь должны были представлять позицию, удобную власти, то польские авторы страдали не только морально, но и физически – Буйницкий и Хлопицкий были вынуждены поменять из-за данных событий место своего жительства. Несмотря на появляющиеся между собой разногласия на основе политических вопросов, взглядов, различий в происхождении, польские авторы, живущие на территории Польских Инфлянт остаются сплоченными.

Особой группой среди польских авторов в кругу инфлянтских писателей представляется необходимым выделить польских авторов, объединенных своим остзейским происхождением, представлявшим древние знатные роды Борхов, Мантейфелей и Платеров. К данным авторам следует отнести Михаила Борха и Михаила Яна Борха, а также Густава Мантейфеля, Адама Платера. Истории рода данных авторов относятся к балтийским немцам несмотря на то, что их личный жизненный путь связан с Польшей. Особенность такого толка является характерной для территории с пограничьем культур, что составляет мозаику из разных национальностей, отраженной также на личных примерах биографии авторов. Критерием, по которому данные авторы однако были отнесены в группу *Польских авторов в кругу инфлянтских писателей*, является не только личная связь с Польшей, но также и связь их семей, игравших важную роль в становлении польской идентификации на территории Польских Инфлянт, отстаивание интересов поляков на данной территории на политическом поле, а также культурная и геополитическая связь с метрополией Польши.

1.3. Остзейские авторы в кругу инфлянтских писателей

Как и в предыдущих разделах данной главы, при обращении к остзейским авторам в кругу инфлянтских писателей во внимание принимается происхождение, то есть род авторов, их социальная среда, а также момент, в котором находилась нация, что отразилось на личной судьбе каждого из авторов.

Гарлиб Меркель происходил из Ледурги (латыш. Lēdurga), находящейся на тот момент в составе Лифляндской губернии. Август Биленштейн, в свою очередь, родился в Митаве, которая была в составе Курляндской губернии. Соответственно Биленштейн и Меркель являются не просто авторами немецкого происхождения, а именно авторами остзейского происхождения. Стоит уточнить, что остзейцами являются балтийские немцы, то есть этнические немцы, проживающие на территории латвийских и эстонских земель с XII века³²¹.

Переходя к роду и происхождению авторов, стоит упомянуть, что Биленштейн представляет собой династию лютеранских пасторов. Август был сыном пастора Готфрида

³²¹ Н. С. Андреева, *Кто такие „остзейцы“?* в: „Вопросы истории“, № 10, 2001, с. 173-175.

Биленштейна (нем. Gottfried Bielenstein) из поселка Яунауце (латыш. Jaunauce) города Митава Курляндской губернии и его жены Эмили, урожденной фон Клебек (нем. von Klebeck). Позднее сыновья Августа Биленштейна пошли по стопам отца и продолжили династию лютеранских священнослужителей³²².

Меркель также происходил родом из религиозной остзейской семьи, его отец Даниэль Меркель (нем. Daniel Merkel) был лютеранским пастором. Его приход располагался в турайдской евангелистско-лютеранской церкви. Отец Гарлиба принадлежал к роду рижских ремесленников, в молодости получил хорошее образование в Страсбургском и Виттенбергском университетах. До 1770 года семья жила в Ледурге, затем переехала в Вецпиебалгу (латыш. Vecpiebalga), где отец Гарлиба занимался воспитанием многодетной семьи, состоящей из семи детей³²³. Несмотря на большую семью, отцу удалось обеспечить своего второго сына Гарлиба хорошим образованием. Будущий литератор учился в Домской школе, которая считалась одной из лучших в городе³²⁴.

В свою очередь, Биленштейн в начале своего жизненного пути посещал гимназию в Шульпфорте, затем изучал богословие в Дерптском университете и в 1850 году получил в нем степень доктора богословия³²⁵. В жизни Биленштейна важнейшими занятиями были языкознание и богословие. Свои дела жизни Биленштейн активно продвигал в общественную жизнь, желая ими влиять на окружающий его социум. С 1867 года стал вместо своего отца пастором в Яунауце, затем также стал пастором в Добеле. В 1864 году возглавил Латышское литературное общество и возглавлял его до 1895 года³²⁶. Общество имело также другое название, а именно Общество латышских друзей (латыш. Latviešu draugu biedrība). Членами общества в основном были священнослужители-протестанты из Курземе и Видземе, а также писатели и просто образованные люди остзейского и латышского происхождения³²⁷.

Обращая внимание на момент, затронувший историю нации и отразившийся на конкретной личности, принадлежащей к данной нации, в случае рассматриваемых авторов

³²² A. Bībenšteins, *Kāda laimīga dzīve: Dobeles mācītāja Dr. A. Bīlenšteina autobiogrāfija*, no vācu val. tulk. L. Kazeniece, Rīga 1995.

³²³ A. Birkets, *Merķeļa vecaki*, Garlibs Merķelis dzīvē un darbā, Rīga 1920, Lpp. 8-9.

³²⁴ B. Arnicāne, *Garlībs Merķelis*. Izlase. Rīga 1969, Lpp. 19.

³²⁵ G. Hillner, *Mācītājs Augusts Bīlenšteins, latviešu valodas pētītājs*, Rīga 1907, Lpp. 5.

³²⁶ E. Vēveris, *Augusts Bīlenšteins un viņa darbs, pētījumā Latviešu koka celtnes un iedzīves priekšmeti*, no vācu val. tulk. L. Kazeniece, Rīga 2001, Lpp. 224.

³²⁷ S. Kļaviņa, *Die Werke von August Bielenstein – eine bedeutende Quelle der Indoeuropäistik des 19. Jahrhunderts*, elektroniskais avots: Latviešu valodas pētniecība, www.vvk.lv/index.php?sadala=157&id=371 pieejams uz 01.02.2023.

немецкого происхождения, в основном писавших свои труды на немецком языке, берется во внимание момент в истории не немецкого народа, а момент в истории остзейцев, что следует подчеркнуть. Биленштейн, как представитель остзейцев, встретился на своем жизненном пути с русификацией родных земель по причине их вхождения в Российскую империю и борьбой латышской части населения против немецкого влияния на данных территориях³²⁸. Естественно, что он как представитель части священнослужителей лютеранских кирх в Курземе, а также будучи интеллигентом-остзейцем, стремящимся развить в том числе часть латышского населения, не мог не отреагировать на данные изменения. В 1846 году Биленштейн написал стихотворение под названием *Дерптский собор* (латыш. *Tērbatas doms*), которое было адресовано балтийским немцам и содержало в себе следующие строки:

Древние корни пущены в этой земле,
Тянутся они к вечному свету небес,
Здесь еще чувствуется благородная сила немецкой науки и немецкий дух.³²⁹ [Перевод с латышского Э.Я.]

Данное послание было не случайно, так как лютеране Видземе, к которым относились латыши и эстонцы, надеялись на то, что принятие православия улучшит их материальные условия, но данная надежда была ложной. Биленштейн отметил, что его расстроило, что многие эстонские крестьяне ринулись в православие, чтобы получить за это земли. Автором путевых заметок о Польских Инфлянтах было подмечено, что многие крестьяне, в 1846 году сменившие веру на православие, в 1864 году пожелали сменить ее обратно на лютеранство. Не нравилась Биленштейну также русификация школ³³⁰. Биленштейн был противником движения младолатышей, ибо понимал, что за этим последует тотальная русификация, что в итоге обернется против национальной идеи латышей. В данном народном движении лингвист также видел предпосылки к

³²⁸ A. Švābe, *Baltijas "jaunā ēra" un rusifikācija, zinātniskajā darbā Latvijas Vēsture 1800-1914, 2. izdevums, Upsala 1962, Lpp. 466.*

³²⁹ Senas saknes dzīvo zemē šajā,
Tiecas debess gaismā mūžīgajā.

Cēlu spēku te vēl sajūst var vācu zinātne un vācu gars. [A. Bībenšteins, *Kāda laimīga...*, op.cit., Lpp. 73]

³³⁰ A. Štrāle, *Dobeles apkārtnes mācītājmuižu bibliotēku un arhīvu liktenis 1905 gada revolūcijā: Augusta Bīlenšteina liecība dobeles evaņģēliski luteriskās baznīcas grāmatā, krājumā Informācija, revulūcija, reakcija: 1905-2005, Rīga 2005, Lpp. 80-81.*

революции³³¹. Причиной, которая может вызвать революцию, Биленштейн также называл создание и распространение газеты движения младолатышей „Pēterburgas Avīzes“, выходящей в период 1862 — 1865 гг. под редакцией Кришьяниса Валдемарса. Мотивировал Биленштейн негативное отношение к газете тем, что она распространяла национализм и ненависть по отношению к немцам³³².

Стоит отметить, что, несмотря на несомненный вклад в языкознание латышского языка, Биленштейн не был принят своими латышскими коллегами. К примеру, языковед и этнограф Петерис Шмидт (латыш. Pēteris Šmits) высказывал следующее мнение:

Биленштейн не такой непогрешимый, каким балтийские немцы его прославили. Этому нет причин удивляться, так как Биленштейн не латыш по рождению, не языковед по профессии. Ко всему прочему, Биленштейн занимается не только языкознанием, а также историей, поэтому у него не было возможности полноценно следить за новыми исследованиями на научных просторах.³³³ [Перевод с латышского Э.Я.]

Данная цитата несомненно говорит о диалоге или даже споре культур: пример того, как представитель латышской культурной среды не желает принять профессионализм остзейца лишь по причине того, что язык не является его родным. Похожие претензии были предъявлены ко всему Латышскому литературному обществу (латыш. Latviešu literārā biedrība), которое возглавлял Биленштейн. В своей автобиографии этнограф писал о том, что многие обвиняли общество в том, что оно подходит к латышскому языку лишь как к объекту исследования, чтобы представить данное исследование на международной арене. Однако сам руководитель общества заявлял, что нет ничего противоречивого в том, чтобы стараться представить изучение латышского языка на международной арене, что вполне удачно у него вышло, но при этом развивать литературное общество в Латвии³³⁴.

В 1905 году в дом Биленштейна два раза вломились русские революционеры, вследствие чего ценная библиотека автора, в которой хранились архивные данные, личная

³³¹ A. Švābe, *Tautas atmoda, zinātniskajā darbā Latvijas Vēsture 1800-1914*, 2. izdevums, Upsala 1962, Lpp. 369.

³³² A. Štrāle, *Dobeles apkārtnes...*, op.cit., Lpp. 78.

³³³ Tajā neesot atrodama nelabvēlīga politika pret latviešiem. Taču krājums neesot arī bez savām lielām kļūdām. Tik nemaldīgs šis autors nemaz neesot, kā to Baltijas vācieši (un arī daži ārzemnieki) esot izslavējuši. Par to arī nemaz nav jābrīnās, jo Bīlenšteins nav ne latvietis no dzimuma, ne valodnieks pēc specialitātes. Turklāt nodarbojas ne tikai ar valodniecību un etnogrāfiju, bet arī ar vēsturi, tā kā viņam nebija iespējams pilnīgi sekot visiem jaunākiem pētījumiem zinātnes laukā. [P. Šmits, *A. Bīlenšteina grāmata "Die Holzbauten der Letten"*, rakstu krājumā RLB ZK, Nr. 16, Rīga 1912, Lpp. 9]

³³⁴ A. Bielenstein, *Die lettisch-nationale Bewegung*, in: *Ein glückliches Leben. Selbstbiographie*, Michelstadt 1986, S. 421.

переписка автора с 1840 года, коллекция предметов научных исследований были уничтожены. Следовательно, Биленштейн пострадал от революции материально и духовно³³⁵. После нападения на свой дом Биленштейн отказался от сана священника, а последние годы жизни провел в родной Митаве.

В свою очередь, жизненный путь Меркеля тесно переплетается с его творчеством, а главное, с моментом истории, в котором писатель оказался. Он главным образом сконцентрировался на борьбе за права латышей, в особенности крестьян, выступал против феодализма. В период 1788-1792 гг. в имении Лиелупе Гарлиб работал учителем в семье пастора. Именно на данном этапе жизни увидел ужасы крепостного права и стал радикальным борцом с феодализмом³³⁶. В 1792 году Меркелю удалось попасть на службу в канцелярию рижского окружного суда. Во время работы в окружном суде Меркель ознакомился с материалами из архивных документов, которые послужили подтверждением бесправного существования латышских крестьян и привилегий их баронов. Писателю было необходимо обработать и детально изучить документы, для этого в 1793 году он уехал в Ригу, где одновременно подрабатывал частной преподавательской деятельностью в Нитауре. В момент работы над трудом Меркель понимал, что опубликовать столь провокационный труд на родине не удастся³³⁷. Именно по данной причине в 1796 году автор принял решение уехать в Германию, в город Лейпциг под предлогом дальнейшего обучения. Впрочем, причина была предлогом лишь отчасти, так как Меркель поступил на медицинский факультет Лейпцигского университета, при этом параллельно продолжая углубленно изучать теорию политики³³⁸.

Важнейшей книгой философа и идеолога для латышского народа является *Латыши, особенно в Ливонии, в исходе философского столетия* (нем. *Die Letten, vorzüglich in Livland am Ende des philosophischen Jahrhunderts*)³³⁹. Книга была опубликована в 1796 году в Лейпциге. Однако на первом книжном листе, словно бросая вызов будущему, а также соблюдая определенную политику книжного издания, был напечатан еще один год, а именно – 1797. Работа вызвала к автору большой интерес в Германии, Франции, а также

³³⁵ A. Štrāle, *Dobeles apkārtnes mācītājmuižu bibliotēku un arhīvu liktenis 1905 gada revolūcijā: Augusta Bīlenšteina liecība dobeles evaņģēliski luteriskās baznīcas grāmatā, krājumā Informācija, revulūcija, reakcija: 1905-2005*, Rīga 2005, Lpp. 77.

³³⁶ B. Amicāne, *Garlībs Merķelis. Izlase*, Rīga 1969, Lpp. 19.

³³⁷ A. Švābe, *Apgaismotā despotija, zinātniskajā darbā Latvijas Vēsture 1800-1914*, 2. izdevums, Upsala 1962, Lpp. 60.

³³⁸ G. Straube, *Garlībs Merķelis un viņa laiks, Latvieši sevišķi Vidzemē filozofiskā gadsimteņa beigās*, Rīga 1999, Lpp. 5-6.

³³⁹ G. Merkel, *Die Letten, vorzüglich in Livland am Ende des philosophischen Jahrhunderts*, Leipzig 1797.

скандинавских странах³⁴⁰. В своем труде в самых черных красках автор описывает жизнь лифляндских крестьян. Меркель одновременно надеется на помощь со стороны Российской империи и не видит каких-либо решений с этой стороны, в чем разочаровывается. Во введении труда можно найти фразу:

Я хотел вступить за права несчастного народа и обратить на него внимание Правительства, чтобы отменены были наконец дряхлые и бесчеловечные злоупотребления, и мое отечество пощажено было от насильственных потрясений... Только Русские штыки поддерживали до сих пор Немецкое деспотство в Ливонии³⁴¹.

Меркель опирается на идеи французских просветителей и вступает в борьбу с эксплуатацией латвийских крестьян. Автор берет на себя смелость выступить с призывом уничтожить крепостное право не только в Прибалтике, но также везде, где оно сохранилось. В Европе труд оценили не только с интересом, но также положительно приняли представленные в нем идеи. Одним из первых отзывов стала положительная рецензия известного немецкого философа Иоганна Гердера (нем. Johann Herder)³⁴². Стоит отметить, что, несомненно, на Меркеля повлияли труды Гердера, главным образом вдохновленные пребыванием философа в Риге в период 1764 — 1769 гг. Именно в этот период Гердер особенно ярко демонстрирует воззрения антифеодальной и демократической направленности³⁴³. Несомненно, на Меркеля повлияли *Идеи о философии истории человечества* (нем. *Briefe zur Beförderung der Humanität*)³⁴⁴ Гердера, в которых он с большим возмущением упоминает о несчастьях латышского народа³⁴⁵.

С 1797 года Меркель проживал в Веймаре, где близко познакомился с Фридрихом Шиллером, Августом Шлецером, Иоганном Вольфгангом фон Гете³⁴⁶. В том же году летом отправился в Копенгаген по рекомендации, где опубликовал анонимно новое произведение антикрепостнического характера под названием *Возвращение на родину* (латыш. *Ceļš uz*

³⁴⁰ G. Merķelis, *Latvieši, sevišķi Vidzemē, filozofiskā gadsimteņa beigās*, Rīga 1999, Lpp. 9.

³⁴¹ Г. Меркель, *Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия*, перевод с нем. А. Н. Шемякина, Москва 1870, с. 4-5.

³⁴² O. Zanders, *Merķelis un Herders*, "Karogs" 1969, nr 11, Lpp. 136-138.

³⁴³ Л. Янkelович, *Жизнь и деятельность великого немецкого гуманиста и демократа И. Г. Гердера в Риге, в: Ученые записки. Германия и Прибалтика*, под ред. К. Почса, Т. 159, Рига 1972, с. 3.

³⁴⁴ J. G. Herder, *Briefe zu Beförderung der Humanität (1793-1797)*, Riga 1793.

³⁴⁵ Л. Янkelович, *Жизнь и деятельность...*, op.cit., с. 47.

³⁴⁶ J. Eckardt, *Garlieb Merkel über Deutschland zur Schiller-Goethe Zeit (1797 bis 1806)*, Berlin 1887.

dzimteni). Стоит отметить, что в это время в Российской империи его труды были запрещены, а в провинциях Прибалтики конфискованы и уничтожены. В Копенгагене Меркель работал секретарем у министра финансов Дании, но уже под конец года вернулся в Германию. По возвращении автор принимается за новую работу, посвященную Прибалтике, которая выходит в свет уже в 1799 году. Таковой работой является исторический труд под названием *Древние времена Лифляндии* (нем. *Die Vorzeit Lieflands*)³⁴⁷, в котором автор освещает историю народов, населяющих прибалтийские провинции.

В 1800 году в жизни Меркеля начинается период, связанный с изданием журналов. В 1800-1803 гг. в Берлине выходит собрание его писем под названием „Письма к одной женщине о важнейших произведениях литературы” (нем. „Briefe an ein Frauenzimmer über die wichtigsten Producte der schönen Literatur”). После получения автором степени доктора философских наук в свет выходят журналы социально-политического характера, в которых Меркель высказывает свою крайне негативную точку зрения по поводу того, что происходит во Франции. В конце 1805 года он даже обратился к правительству Пруссии с предложением об издании официальной политической газеты, которая представляла бы собой противовес влиянию французской пропаганды на немецкое общественное мнение и политическую мысль³⁴⁸.

Меркель считал, что вредному влиянию французской пропаганды нужно противопоставить патриотические принципы, любовь к отечеству и пробуждение национального самосознания немцев. Во французской прессе он видел угрозу единству немецкого народа. В своих воспоминаниях Меркель отмечает, что пропаганда Наполеона пыталась расколоть немцев на отдельные группы, чтобы изолировать Пруссию от ее союзников: так, Гессен и Саксонию она старалась показать как территории, угнетенные Пруссией³⁴⁹. В связи со столь открытыми высказываниями в своей публицистической деятельности в 1806 году писатель и общественный деятель был вынужден вернуться на родину в Лифляндию. Однако на родных землях Меркеля не ожидало спокойствие, так как по его делу готовилось судебное расследование. Несмотря на это, Меркель поехал в Санкт-

³⁴⁷ G. Merkel, *Die Vorzeit Lieflands*, Berlin 1799.

³⁴⁸ J. Heeg, Die letzte Bastion politischer Publizistik im Kampf gegen Napoleon. Die Zeitschriften des Journalisten Garlieb Merkel aus Livland, „Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung” 1996, Bd. 45, 163–164.

³⁴⁹ M. Müller-Jabusch, *Thersites. Die Erinnerungen des deutsch-baltischen Journalisten Garlieb Merkel 1796–1817*, Berlin 1921, S. 185.

Петербург, чтобы получить разрешение на публикацию газеты с антифранцузским настроением. Разрешение писателю получить не удалось, но вопреки всему Меркель начал публикацию газет в 1807 году. Наглядным тому примером являются изданные им газеты под названием „Supplementblatter zum Freimüthigen” и „Zuschauer”. Обе газеты издавались в Риге, первая газета издавалась с апреля 1807 года, а вторая с июля 1807 года. В „Supplementblatter zum Freimüthigen” Меркель выражал свое резко отрицательное отношение к политике Наполеона, а также осуждал французскую прессу. В „Zuschauer” Меркель являлся политическим обозревателем событий в Европе. После заключения в 1807 году Тильзитского мира³⁵⁰ выпуск газеты „Supplementblatter zum Freimüthigen” был запрещен, однако Меркель продолжал критиковать действия Наполеона в „Zuschauer”. С началом Отечественной войны статьи и публикации Меркеля приобрели характер призыва жителей Российской империи к восстанию против вражеского наступления. Сам писатель вынужденно переехал в 1812 году в Дерпт по причине того, что к Риге приближались французские войска. Но уже в августе по просьбе генерал-губернатора прибалтийских провинций маркиза Филиппа Паулуччи (итал. Filippo Paulucci) вернулся в Ригу и активно занялся пропагандистской деятельностью, направленной на распространение антинаполеоновских воззрений среди солдат прусского вспомогательного корпуса; материалы также доходили до Германии³⁵¹.

В 1816 году Меркель снова отправился в Германию, желая опубликовать материалы, освещающие проблемы аграрного законодательства и положения крепостных в Прибалтике. Задуманный план не был реализован по причине того, что в Германии также было заведено судебное дело против писателя. Однако в том же 1816 году император Александр I наконец утвердил закон, согласно которому крестьяне Эстляндии и Курляндии перестали быть крепостными. На волне данных перемен в 1818 году Меркель решил снова вернуться на родину в Ригу. Философ продолжал свою издательскую и литературную деятельность, несмотря на преследования со стороны властей. По-прежнему рассчитывал на то, что Российская империя начнет активно заниматься внутренними делами прибалтийских провинций и на территориях распространятся наконец общегосударственные законы.

³⁵⁰ Тильзитский мир – мирный договор, заключенный в Тильзите в июне 1807 года между Александром I и Наполеоном после Войны четвертой коалиции 1806-1807 гг., в которой Российская империя помогала Пруссии.

³⁵¹ А. Черпинска, *Образ врага в публицистике Гарлиба Меркеля периода войны 1812 г.*, „Французский ежегодник: 200 лет Отечественной войны 1812 года” 2012, под ред. А. В. Чудинова, с. 383-394.

Большой радостью для Меркеля была новость об освобождении крепостных в Лифляндии в марте 1819 года. По данному поводу Меркель даже написал в 1820 году книгу под названием *Свободные латыши и эстонцы*, за что получил пожизненную пенсию от Александра I³⁵². Однако после введения закона в силу дела на практике обстояли совсем иным образом, что очень разочаровало автора. Несмотря на то, что крестьяне действительно получили личную свободу и их действительно больше нельзя было покупать или продавать, за использование земли по-прежнему необходимо было работать на поместье. Земля, как и прежде, оставалась во владении помещиков. Из этого следовало, что помещики также могли назначать телесные наказания. Поменять место жительства, перебраться в другую губернию крестьянин не мог по причине боязни помещиков потерять рабочую силу. В сущности, практически ничего не изменилось, крестьяне оставались зависимыми от своих помещиков³⁵³. Изменением было лишь то, что зависимость крепостная заменилась барщинной. Для Меркеля ситуация была однозначной, он видел лишь необходимость снова вступить в бой. В связи с этим выходит его газета под названием „*Provinzialblatt für Kurland, Livland und Esthland*”. Газета выходила в течение десяти лет в период 1828-1838 гг. В ней представлены особенности жизни в разных городах прибалтийских губерний, однако автор делает акцент на критике существующих в них порядков. По причине несогласия с действующими законами и критикой публикация периодического издания была приостановлена. Впредь Меркель не возвращался к изданию газет. Однако сам писал статьи в петербургские и рижские газеты, а в 1841 году стал почетным членом Латышского Литературного Общества³⁵⁴.

Жизнь Гарлиба Меркеля завершилась на родине в Лифляндской губернии, в Катлакалнсе в 1850 году. Несомненно, автор внес большой вклад в историческую литературу Латвии, что является главным итогом проделанной работы. Однако в представленном исследовании будут главным образом рассмотрены статьи из периодических изданий “*Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland*” и „*Livlandischer Merkur*”, в которых Меркель описывает жизнь в трех прибалтийских провинциях, а также статьи, посвященные Динабургу и Якобштадту.

³⁵² E. Meļķis, V. Millers, *Garlībs Merķelis un Krievija, Garlība Merķeļa politiskie uzskati*, Rīga 1972, Lpp. 199-226.

³⁵³ А. Рихтер, *Второй период преобразования крестьянского положения: Эстляндское 1816, Курляндское 1817, Лифляндское 1819 г.*, в: *История крестьянского сословия в присоединенных к России Прибалтийских губерниях с включением новейших постановлений*, Рига 1860, с. 83-128.

³⁵⁴ M. Svarāne, *Garlībs Merķelis un latvieši*, „*Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*“ 1997, nr. 588/589, Lpp. 63–67.

Жизнетворчество Биленштейна связано было на протяжении всей жизни автора с лингвистикой, в частности, грамматикой латышского языка. Примером могут послужить работа под названием *Латышский язык по его звукам и формам* (нем. *Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen*)³⁵⁵, изданная в 1863 году в Берлине, а также краткое руководство *Элементы латышского языка* (нем. *Die Elemente der lettischen Sprache*)³⁵⁶, изданное в Митаве в 1866 году. Будучи редактором крупнейшей газеты на латышском языке „Latviešu Avīzes“, Биленштейн публиковал статьи, посвященные языкознанию и этнографии. Исследователь издал в 1881 году в Митаве собрание латышских народных песен *Тысяча латышских загадок, переведенных и объясненных* (нем. *Tausend lettische Räthsel, übersetzt und erklärt*)³⁵⁷. Биленштейн, будучи связанным с религиозной жизнью, посвятил время модернизации Библии на латышском языке, издание которой вышло в 1877 году в Митаве. Биленштейн очень большое значение придавал латышским народным песням, говоря о том, что они занимают важное место в истории латышской культуры, в них констатируется время язычества в латышской традиции³⁵⁸. Под редакцией Биленштейна был издан в 1872 году латышско-немецкий словарь Карла Ульмана (нем. *Karl Christian Ulmann*). В данной диссертации во внимание принимаются путевые заметки Биленштейна, посвященные Польским Инфлянтам, под названием *Путевые заметки из горного края* (нем. *Reiseskizzen aus dem Oberlande*), опубликованные в 1882 году в периодическом издании „Baltische Monatsschrift“.

Рассматривая остзейских авторов в кругу инфлянтских писателей, стоит отметить, что представленные авторы, несмотря на свое общее происхождение и нахождение в одном моменте истории, выбирают разные убеждения касательно происходящих обстоятельств. Несмотря то, что Меркель и Биленштейн не только имеют остзейское происхождение, но также происходят из религиозных лютеранских семей, авторы имеют противоположное отношение к движению младолатышей. Меркель придерживается убеждения, что движение младолатышей необходимо для спасения латышской идентичности; в свою очередь, Биленштейн опасается того, что данное движение неизбежно приведет к русификации, что как раз негативно повлияет на идентичность латышской нации. Объединяет авторов интерес

³⁵⁵ A. Bielenstein, *Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen*, Berlin 1863.

³⁵⁶ A. Bielenstein, *Die Elemente der lettischen Sprache*, Mitau 1866.

³⁵⁷ A. Bielenstein, *Tausend lettische Räthsel, übersetzt und erklärt*, Mitau 1881.

³⁵⁸ H. Biezais, *18. un 19. gadsimta spriedumi par latviešu tautasdziesmām, pētījumā Seno latviešu galvenās dievietes*, no vāc.val. tulkojusi Rita Drīzule, Rīga 2006, Lpp. 24.

к Польским Инфлянтам и равнодушный взгляд касательно лютеранства на данных территориях и наследия крестоносцев.

1.4. Латышские авторы в кругу инфлянтских писателей

Обращаясь к латышским авторам в кругу инфлянтских писателей, также как в случае с русскими, польскими и остзейскими авторами, во внимание принимается происхождение авторов и история их рода, также момент в истории нации, особенности жизнетворчества и социальное окружение, сформировавшие личность автора.

Микелис Крозземис, известный под псевдонимом „Аусеклис“, родился в сентябре 1850 года, в год основания литературно-политического движения младолатышей³⁵⁹, в Алойской волости Вольмарского уезда, являющегося административной единицей Лифляндской губернии³⁶⁰. Кроземис происходил из семьи латышского крестьянина Екаба Кроземиса (латыш. Jēkabs Krogzemis), был пятым ребенком в многодетной семье. Семья Кроземиса относилась к гернутерам. Во владениях отца Микелиса было 30 гектаров земли, детство будущий представитель латышского романтизма проводил среди природы Лифляндской губернии: лесов, болот, лугов³⁶¹.

Янис Плиешканс, более известный под псевдонимом „Райнис“, родился на хуторе Варславаны Рубенской волости в Курляндской губернии. Янис происходит из семьи латышской сельской буржуазии. Отец Кришьянс Плиешканс (латыш. Krišjānis Pliekšāns) был крестьянином, занимавшимся бондарным промыслом, позднее стал арендатором поместий. Из-за деятельности отца детство Яниса было связано с частыми переездами с одного фольварка в другой. После рождения Яниса отец арендовал неподалеку от хутора

³⁵⁹ Младолатыши (jaunlatvieši) – общественное и литературное движение второй половины XIX века, распространившееся в 1850 году в Дерпте, а позднее в Санкт-Петербурге, Москве и Риге. Общество придерживалось национальной идеи, ссылаясь на рассуждения Меркеля на данный счет. Литературное творчество младолатышей представляло собой народный романтизм. [J. Kursīte, *Dzejas vārdnīca*, Rīga 2002, Lpp. 197].

³⁶⁰ Лифляндская губерния – средняя из трех прибалтийских губерний Российской империи, располагалась на берегу Рижского залива Балтийского моря. Образована в 1721 году на территории бывшей Шведской Ливонии.

³⁶¹ L. Jēkabs, *Bērība un pirmie skolas gadi (1850.—1868.)*, krājumā *Auseklis (Krogzemju Mikus)*, Rīga 1927, Lpp. 8-9.

Варславаны фольварк Таденава, а уже через три года семья перебралась в имение Рендене под Даугавпилсом. Позднее отец приобрел в свое владение также имения в Латгалии под названиями Эзермуйжа, Ясмуйжа и Василева³⁶².

В отличие от Микелиса, Янис был единственным сыном в своей семье, старшая сестра Лиза достаточно рано стала заниматься домашней работой, а младшая была моложе Яниса на пять лет, поэтому детство писателя проходило в одиночестве. В своих автобиографических воспоминаниях Плиешканс упоминает, что очень любил созерцать красоту природы и наблюдать за происходящими в ней процессами: „Солнце меня учило любить, луг и сад – учили видеть прекрасное, Даугава – понимать суть движения и красоту³⁶³“.

Еще одним представителем в кругу латышских авторов инфлянтского происхождения является Никодемс Ранцанс, родившийся в Зальмуйжской волости Лудзенского уезда в семье латгальского арендатора и сестры писателя Питера Миглиникса (латыш. Pīters Miglīņiks). Отец Никодемса Винцентс Ранцанс (латыш. Vincents Rancāns) умер, когда сыну было всего шесть лет, поэтому все обязанности легли на материнские плечи. Мать Анна с двумя сыновьями перебралась к своему брату Андриусу Миглиниксу (латыш. Andrīvs Miglīņiks). Ранцанс рос в семье Миглиников пару лет, пока его мать не нашла в Звиргздене (латыш. Zvērģzdīnes muiža) директора молочной фермы домовладельца Прушинского. Ранцанс учился у домашних учителей вместе с детьми Прушинского, которые выступали в роли образцов для подражания и помощников. Позднее Ранцанс окончил Лудзенскую уездную школу и продолжил образование в Псковском реальном училище³⁶⁴.

Говоря о социальной активности авторов и влиянии социума на становление их личности, стоит упомянуть, что формирование политических взглядов Аусеклиса связано с 1868 годом. Именно в этом году молодой 18-летний юноша поступил в Валкскую учительскую семинарию с целью стать педагогом и распространить свои убеждения в массы. Аусеклис был ярким атеистом, связано это было с тем, что он противился учениям пасторов немецкого происхождения³⁶⁵. По причине таких взглядов часто входил в конфликт

³⁶² Э. П. Сокол, *На подступах к великим битвам*, в: *Жизнь и творчество Яна Райниса*, Рига 1957, с. 4-5.

³⁶³ С. Виесе, *Жизнь и творчество Яна Райниса*, перевод Л. Осиповой, электронный ресурс: <http://maxima-library.org/component/maxlib/b/234627?format=read>, доступно на 25.01.2022.

³⁶⁴ М. Bukšs, *Nikodema Ranāna dzeīve un darbeiba*, krājumā *Nikodems Rancāns. Latgaļu rakstnieks un tautas audzinošs*, Rēzekne 1971, Lpp. 9-10.

³⁶⁵ O. Zanders, *Mans sapnis nebij tik sapņu prieks un Gaismas pils – nekāda gaisa pils*, “Latvijas vēstnesis” 2000, № 325, с. 4-5.

с преподавателем закона божьего, но благодаря таланту и старательности окончил семинарию и уже в 1872 году сам приступил к преподавательской деятельности. Изначально Аусеклис пытался устроиться учителем в столичную школу, но идея оказалась невозможной в реализации – главную роль сыграло происхождение молодого педагога. Педагогическую карьеру начал в провинциальном городе Лиелварде, который находится в западной части страны, и проработал в нем два года. Проживая в Лиелварде, молодой поэт подружился с Андрейсом Пумпурсом (латыш. Andrejs Pumpurs), автором народного эпоса *Лачплиесис* (латыш. *Lāčplēsis*)³⁶⁶. Пумпурс во многом стал наставником молодого патриота, познакомил его с народной песней³⁶⁷. Пумпурс и Аусеклис одинаково смотрели на реформирование жизни в Прибалтике и развитие латышской литературы, считали, что литературу следует использовать как средство идеологической борьбы, она должна откликаться на социальные проблемы своего времени, нести воспитательную функцию. Именно по причине вышеуказанных убеждений авторы интересовались фольклором и рассматривали народное творчество как основу не только литературы, но и всего национального искусства. Поэзия Аусеклиса по своей форме близка народным песням. Однако поэт учился также и на образцах мировой литературы. В этот период происходило становление творчества Аусеклиса, на которое повлияли произведения Иоганна Вольфганга Гете, Фридриха Шиллера, Гарлиба Меркеля, Жан-Жака Руссо, Людвиг Фейербаха и Александра Пушкина.

368

Латышская молодежь тянулась к молодому педагогу, что было связано в том числе с тем, что Аусеклис организовал хор, в котором подготавливал детей и молодых людей к выступлению на Празднике песен³⁶⁹. Аусеклис воспитывал в молодежи силу национального духа, при этом активно выступал за обучение в народных училищах на родном – латышском языке. Писатель и педагог также восставал против превращения училищ в церковную кафедру. Свои взгляды и возмущение сложившейся ситуацией поэт излагает в одном из первых своих произведений, в сатире под названием *Письмо из Цесуца* (латыш. *Vēstule iz Cēsīm*)³⁷⁰, написанной в 1872 году.

³⁶⁶ A. Pumpurs, *Lāčplēsis*, Rīga 1888.

³⁶⁷ I. Pijols, *Andrejs Pumpurs un Auseklis Lielvārdē*, Rīga 1976, Lpp. 25-29.

³⁶⁸ J. Kursīte, *Latviešu dzejas versifikācija 20 gs. sākumā 1900-1919*, Rīga 1988, Lpp. 44-50.

³⁶⁹ Праздник песни и танца (латыш. *Vispārējie latviešu Dziesmu un Deju svētki*) – традиционное культурное мероприятие в Латвии, фестиваль народных хоров и коллективов народного танца. Первый раз проведен в 1873 году.

³⁷⁰ Auseklis, *Vēstule iz Cēsīm*, „Baltijas Vēstnesis” 1872.

Вдохновленный интересом общественности к хору, Аусеклис отваживается поставить со своими учениками пьесу Рихардса Томсона (латыш. Rihards Tomsons), представителя первой волны латышского народного движения и основателя латышского общества. Представленная на городской сцене пьеса под названием *Мика* (латыш. *Mika*)³⁷¹ вызвала большую заинтересованность и восторг со стороны публики. Однако такой смелый шаг со стороны латышского патриота привел к его увольнению из школы. После увольнения Аусеклис не смог преподавать в родной стране и по причине этого уехал в Санкт-Петербург, где провел все последующие годы своей жизни. В Санкт-Петербурге писатель устроился на работу учителем в английскую школу и стал преподавать английский язык³⁷². В России Аусеклис познакомился со многими представителями латышской интеллигенции, у которых были похожие взгляды и убеждения, среди них были композитор и драматург Карлис Бауманис (латыш. Kārlis Blaumanis), фольклорист Андрейс Юрьянс (латыш. Andrejs Jurjāns), педагог и публицист Кажоку Давис (латыш. Kažoku Dāvis) и многие другие.³⁷³

Райнис также вел активную социальную жизнь, которая также во многом была связана с Санкт-Петербургом. В детстве будущий писатель получил хорошее домашнее образование, а затем обучался в немецкой школе недалеко от Даугавпилса (на Гриве). После окончания школы поступил в Рижскую городскую гимназию и проучился там четыре года, после чего в 1884 году поступил на юридический факультет Петербургского университета. В 1888 году Райнис получил степень кандидата права.

Плиешканс, кроме родного латышского, хорошо владел латгальским, немецким, русским, французским, итальянским, польским, белорусским. На его счету переводы на латышский произведений Гейне, Гете, Ибсена, Пушкина, Шекспира и Шиллера. Фактом подтверждающим диалог культур на пограничных территориях является то, что Райнис очень хорошо знал польский язык с детства, научился ему от матери, при том, что мать не была по происхождению полькой. Райнис с юных лет общался с соседями поляками, возможно, что это и возбудило в последствии в нем интерес к польской литературе³⁷⁴. В его частной коллекции можно было найти произведения Мицкевича, Словацкого, Конопницкой и многих других известных авторов. В 1870-1890 гг. переводил на латышский язык произведения этих авторов, а также произведения Залеского, Сенкевича, Сырокомли и

³⁷¹ R. Tomsons, *Mika*, Rīga 1870.

³⁷² L. Jēkabs, *Auseklis (Krogzemju Mikus)*, Rīga 1927, Lpp. 23.

³⁷³ J. Kalniņš, *Auseklis. Biogrāfisks romāns*, Rīga 1981, Lpp. 224-233.

³⁷⁴ K. Barkowska, *Jānis Rainis i literatura polska*, w: *Literatura polska w świecie*, T. I, Katowice 2006, red. Cudak, s. 210.

других³⁷⁵. Райнис даже был первым, кто отметил внимание на процессы, происходившие в польской литературе на рубеже веков. В своей статье, посвященной польской литературе, автор отметил, что именно польский роман лучшим образом передает читателю современную действительность, используя интеллектуальные способы, но при этом так, чтобы было понятно и интересно широкому читателю³⁷⁶.

Окончив Петербургский университет в 1889 году, Райнис поступил на службу в Виленский окружной суд, где стал кандидатом на судебную должность и секретарем. Проработав до января 1891 года, Райнис принял решение переехать в Митаву, где стал помощником присяжного поверенного.

Несомненно, на творчество и взгляды Райниса сильно повлияла его жена, являющаяся не менее значимой фигурой в латышской литературе — Эльза Розенберг (латыш. Elza Rozenberga), известная более под псевдонимом „Аспазия“ (латыш. Aspazija). Поэты познакомились, когда Аспазия была на пьедестале своей славы, в театре готовилась премьера первой романтической драмы в латышской литературе *Жрица* (латыш. *Vaidelote*), а Райнис только начинал литературную карьеру, работая редактором в революционно настроенной демократической газете „Dienas lapa“.

Стоит отметить, что Аспазия и Райнис были не только представителями одной национальности, но их также связывала среда происхождения. Несмотря на то, что Эльза родилась не в Латгалии, а в Земгале, недалеко от Митавы, она также происходила из семьи латышских крестьян — девочка росла, наблюдая все проблемы сельского общества изнутри³⁷⁷. Творчество Аспазии так же, как и во многом творческий путь Райниса, сформировалось под влиянием немецкого романтизма. Сходство Аспазии и Райниса заключается также в том, что условия их жизни с раннего детства толкали их к переменам, и возникало желание любым образом изменить положение латышей в современном обществе. В воспоминаниях Аспазии проходят красной нитью настроение и идеи, с раннего детства побудившие ее стать частью революционного движения:

Первые мои эмоции выразились в дикой вражде, жажде мщения. Один знакомый читал вслух матери запрещенную тогда книгу Меркеля *Латыши* — о том, как людей мучили... А еще — гнет, невыразимый гнет со стороны всех близких, желавших мне, как водится, добра. И все же мое стремление к свободе прорывало

³⁷⁵ Ibidem, s. 213.

³⁷⁶ J. Rainis, *Par poļu muslaiku rakstniekiem (O współczesnych polskich powieściopisarzach)*, „Dienas Lapa” 1899, Nr 36, Lpp. 37.

³⁷⁷ В. Amoliņa, *Aspazija - spēks un daiļums un mūžam nerimstošs gars*, Rīga 1990.

все, душа моя выламывалась на волю как зеленый лист из почки³⁷⁸. [Перевод с латышского Р. Добровенского]³⁷⁹

Мировоззрение Райниса так же, как и взгляды его жены, было связано с начальным периодом развития революционного движения. Связано это также с тем, что в начале восьмидесятых годов XIX века в Латвии начинает развиваться движение „Jaunā strāva“³⁸⁰. Работая в газете „Dienas Lapa“, Райнис завел дружбу с представителями данного течения и углубился в их воззрения³⁸¹.

В 1897 году Райнис начал работать адвокатом в Паневежисе, там же был арестован 31 мая. Райнис и Аспазия поженились в тюрьме на Рождество того же года, и оба сразу же отправились во временный лагерь в Пскове. В апреле 1899 года Райниса приказали сослать в Слободск Вятской губернии. В ссылке в 1903 году Райнис написал первый сборник стихов *Далекие отзвуки синим вечером* (латыш. *Tālas noskaņas zilā vakarā*)³⁸². В том же году Райнис получил разрешение вернуться на родину, где стал активным социал-демократом и поэтом революции 1905 года. Вернувшись из ссылки, Райнис активно занялся общественной деятельностью. Райнис начал выступать перед широкой аудиторией, вступать в революционные органы, в целом его деятельность стала более целенаправленной, о чем свидетельствуют записи в дневниках.

Впоследствии революция была подавлена, поэтому Райнису не только угрожали задержанием, но и сама его жизнь была в опасности. По причине этого в декабре 1905 года Райнис и Аспазия эмигрировали в Швейцарию и поселились в деревне Кастаньола на берегу озера Лугано³⁸³. В автобиографических записках Райниса, а именно в дневниковых записях швейцарской эмиграции, заметна резкая перемена в личности автора. Записки стали более эмоционально выдержанными, появилось больше деталей, из записей пропали фрагменты,

³⁷⁸ Pirmāemocija izteicās naidā, atriebes alkā. Kāds onkulis mātei lasīja priekšā Merķeļa aizliegto grāmatu *Latvieši par ļaūžu mocīšanu*. Un tad vēl spaidis, neizsakāms spaidis no visādiem labi domājošiem tuviniekiem... Tā izlauzās cauri mana brīves tieksme, mana dvēsele kā zaļa lapa caurīcietai mizai. [R.Dobrovenskis, *Rainis un viņa brāļi*, Rīga 1999, Lpp. 150]

³⁷⁹ Р. Добровенский, *Жизнь вторая. Семь жизней одного поэта*, в: *Райнис и его братья*, Рига 2000, с. 144.

³⁸⁰ Новое течение (латыш. Jaunā strāva) – массовое социально-политическое движение, существовавшее во время Первого латышского национального пробуждения, главную роль в котором играли младолатыши в период 1850-1880 гг., высшей точкой развития которого была Революция 1905 года. [A. Švābe, *Vēca un jaunā strāva, zinātniskajā darbā Latvijas vēsture 1800-1914*, Rīga 1958, Lpp. 502-540].

³⁸¹ К. С. Лицарева, „*Всечеловеческая*“ диалектичность поэзии Яна Райниса, „Вестник Вятского государственного гуманитарного университета“ 2015, с. 91.

³⁸² J. Rainis, *Tālas noskaņas zilā vakarā*, Rīga 1903.

³⁸³ E. Damburs, *Jānis Rainis - dzejnieks un revolucionārs*, Rīga 1949, Lpp. 12.

созданные фантазией³⁸⁴. Вернуться в Латвию удалось лишь в апреле 1920 года, за несколько дней до выборов в Конституционное собрание. Вернувшись в 1920 году на родину, Райнис создал по мотивам русских былин трагедию *Илья Муромец*, вышедшую в свет в 1922 году, и опубликовал роман в стихах под названием *Дагден роман: пять тетрадей с эскизами* (латыш. *Dagdas romāns: piecas skiču burtnīcas*)³⁸⁵.

Жизнетворчество Ранцанса также было связано с Санкт-Петербургом. После учебы в училище, а именно в 1890 году Ранцанс уехал в Санкт-Петербург и пошел на военную службу. Благодаря крепкому сложению и высокому росту, а также успехам в военном училище, Ранцанса отправили во Францию. Однако военная карьера и жизнь во Франции не пришлась по душе писателю, он чувствовал свою необходимость на родных землях. Ранцанс решил стать католическим священником и поступил в 1891 году в Петербургскую духовную академию, по окончании в 1903 году получив степень магистра богословия. В начале своей духовной службы Ранцанс вел богослужения в Краславе, а затем в Санкт-Петербурге при Латгальской католической колонии³⁸⁶.

В Санкт-Петербурге Ранцанс активно занимался общественной деятельностью. Священник вместе с Казимиром Скриндой (латыш. Kazimīrs Skrinda) и Францисом Трасунсом (латгал. FranĀs Trāsuns), а также другими латгальскими общественными деятелями организовал Петербургское латгальское музыкальное общество. Стоит подчеркнуть, что это было первое общество, объединявшее людей латгальского происхождения. В обществе организовывались концерты, в нем был создан первый латгальский театр, у общества была своя библиотека³⁸⁷.

В 1906 году Ранцанс начал издавать газету под названием „Sākla“, редактором которой являлся сам публицист. Газета выходила с 15 февраля по 28 апреля того же года, вышло только 10 номеров. Тематика газеты была направлена на вопросы благосостояния латышей и возможности его улучшения. Характер газеты настраивал читателя на желание распространения латышского языка в обществе. Не обходились стороной вопросы религиозного характера, что было важно для самого Ранцанса как священника³⁸⁸. В арсенале писателя можно найти несколько текстов, посвященных религиозной тематике,

³⁸⁴ А. В. Приедит, *Использование материалов дневника и тенденция рационализировать записи*, в: *Дневники Райниса. Главные функции и особенности*, Москва 2006, с. 69-100.

³⁸⁵ J. Rainis, *Dagdas romāns: piecas skiču burtnīcas*, Vesterosa 1963.

³⁸⁶ V. Zeile, *Nikodems Rancāns*, "Acta Latgalica 12" 2002, Zynōtniski roksti. Dokumenti. Apceres, Lpp. 157-158.

³⁸⁷ M. Apeļš, *Laikmeta izvaneitōji, krājumā Latgališu literatūras vēsture*, Rēzekne 1935, Lpp. 63-64.

³⁸⁸ S. Keišs, *Nikodema Rancāna roksti, krājumā Nikodems Rancāns. Latgaļu rakstnīks un tautas audzynōtōjs*, red. M. Bukšs, Rēzekne 1971, Lpp. 37.

таких как *Литургия или объяснение церемоний католической церкви* (латгал. *Liturgika vai katōļu Bazneicas ceremoniju izskaidrōšana*)³⁸⁹ 1922 года и *Основы веры* (латгал. *Ticeibas pamati*)³⁹⁰ 1923 года.

Необходимо вспомнить о том, что Ранцанс внес свой вклад не только в латгальскую литературу, но также в сферу образования в Латгалии. По возвращении в Латгалию, в 1907 году священник основал приходскую школу в Резекне, первую школу в Латгалии, в которой лекции проходили на латышском языке. В конце того же года Ранцанс основал также торговую школу, которая проработала 10 лет. Позднее, а именно в 1920 году на базе торговой школы под руководством Никодемса была создана Резекненская средняя школа. Благодаря активным действиям Ранцанса в 1912 году была основана также школа земледелия в Резекненском крае, в местечке Грейшкани. Благодаря открытию школы земледелия в Латгалии появились первые профессиональные земледельцы. Стоит отметить, что Ранцанс интересовался огородничеством и пчеловодством, чему посвящены многие его работы в преддверии открытия школы, такие, как например: *Фруктовый сад* (латгал. *Augļu dōrzs*)³⁹¹ 1910 года, *Корневой сад* (латгал. *Sakņu dōrzs*)³⁹² 1910 года, *Пчеловодство* (латгал. *Bišu kōpšona*)³⁹³ 1911 года, *Поля и их переустройство* (латгал. *Pļovas un viņu pōrlobōšana*)³⁹⁴ 1911 года. Однако писатель был главным образом не теоретиком, а практиком, благодаря чему все основанные им учебные заведения украшали сады с пчелами и цветники, за которыми Ранцанс ухаживал вместе со своими учениками. Никодемс также был директором Аглонской мужской гимназии в период 1923-1929 гг., а Яунаглонской женской гимназии в период 1928-1929 гг.³⁹⁵ Плодом педагогической деятельности Никодемса стали работы по образовательной литературе, среди которых: *История Латвии 1184-1924* (латыш. *Latvijas vēsture 1184-1924*)³⁹⁶ 1924 года, *Обзор деятельности Аглонской гимназии за семь лет* (латгал. *Aglyunas gimnazijas septiņu gadu darbības pōrskots*)³⁹⁷ 1929 года.

Кроме образования общества, Никодемса волновала общественно-политическая судьба Латгалии, именно поэтому в 1917 году он провел большую организационную работу

³⁸⁹ N. Rancāns, *Liturgika vai katōļu Bazneicas ceremoniju izskaidrōšana*, Rēzekne 1922.

³⁹⁰ N. Rancāns, *Ticeibas pamati*, Rēzekne 1923.

³⁹¹ N. Rancāns, *Augļu dōrzs*, Rīga 1910.

³⁹² N. Rancāns, *Sakņu dōrzs*, Rīga 1910.

³⁹³ N. Rancāns, *Bišu kōpšona*, Rīga 1911.

³⁹⁴ N. Rancāns, *Pļovas un viņu pōrlobōšana*, Rīga 1911.

³⁹⁵ V. Zeile, *Nikodems Rancāns*, "Acta Latgalica 12" 2002, Zynōtniski roksti. Dokumenti. Apceres, Lpp. 157.

³⁹⁶ N. Rancāns, *Latvijas vēsture 1184-1924*, Rēzekne 1924.

³⁹⁷ N. Rancāns, *Aglyunas gimnazijas septiņu gadu darbības pōrskots*, Rēzekne 1929.

по созыву и организации апрельского Конгресса латышей Латгалии³⁹⁸, предоставив помещения для нужд Конгресса в кинотеатре *Диана*, а также для размещения в Резекненской торговой школе и Резекненской церковной школе. Важным является то, что под влиянием Ранцанса многие делегаты склонились к поддержке идеи административного отделения Латгалии от Витебской губернии и объединения с Курземе и Видземе. Данные действия Никодемса главным образом характеризуют его желание объединить Латгалию с Латвией. Он так же, как и многие представители латышской интеллигенции своего времени, выступал за формирование латышского независимого национального сознания³⁹⁹.

Стоит вспомнить также о том, что Ранцанс владел девятью иностранными языками, среди которых русский, польский, немецкий, латынь и иврит — стандартный набор для латгальского священника XIX века, но также знал французский, английский, греческий и итальянский. По причине этого, на его счету довольно много переводов иностранной художественной литературы. Самым популярным текстом в то время стал перевод средневековой легенды в обработке Кристофора Шмидта *Геновефа*, переведенная на латышский Ранцансом в 1907 году.

Обращаясь к художественным произведениям, вышедшим в свет из-под пера автора, стоит отметить, что они представляли собой главным образом короткие рассказы и фельетоны дидактического характера, направленные на подчеркивание и высмеивание пороков латгальского общества. Никодемс видел проблему в алкоголизме латгальцев, оценивал его как самый большой порок, именно пьянство он высмеивает в рассказах из цикла *Миќелис* (латыш. *Miķelis*)⁴⁰⁰ 1909 года, демонстрируя в сатирической форме, что отрешение от Бога и алкоголизм приводят к безработице, безденежью и утрате здравого смысла⁴⁰¹. Годом позже продолжает тему в работе под названием *Пьянство – несчастье латышей* (латгал. *Dzeršona latwīšu nalaime*)⁴⁰². В дидактической форме Никодемс рассказывает о некоем костеле недалеко от Резекне, напротив которого расположен каба́к, и люди после мессы не могут пройти мимо него, проводя оппозицию с храмом божьим и

³⁹⁸ Я. Урбанович, *Как создавали Латвию. Конгресс в Резекне, с которого началась история Латвийской Республики*, Рига 2017, с. 160.

³⁹⁹ В. Spūļš, *N. Rancāna kultūrali sabīdriskās darbeibas nūzeime, krājumā Nikodems Rancāns. Latgaļu rakstnīks un tautas audzynōtōjs*, red. M. Bukšs, Rēzekne 1971, Lpp. 79-138.

⁴⁰⁰ N. Rancāns, *Miķelis*, Rēzekne 1909.

⁴⁰¹ M. Bukšs, *N. Rancāna literariskī dorbi periodikā, krājumā Nikodems Rancāns. Latgaļu rakstnīks un tautas audzynōtōjs*, red. M. Bukšs, Rēzekne 1971, Lpp. 56.

⁴⁰² N. Rancāns, *Dzeršona latwīšu nalaime*, Rēzekne 1910.

преисподней. Никодемс хочет донести до местных жителей, что именно черт отбирает у них разум и заставляет пить⁴⁰³.

Особенно интересным из художественных произведений Никодемса является сборник рассказов под названием *Путешествия по Латгалии*, которые Никодемс представляет читателю под псевдонимом „Кристапс Бремс“ (латыш. Kristaps Brems). В своих *Путешествиях по Латгалии* (латгал. *Ceļojums pa Latgolu*), представленных читателю в 1924 году, представляется как житель Латгалии, однако не конкретизируя своего места проживания. Нарратор в путевых записках не отождествляется с личностью автора, несмотря на то, что повествование ведется от первого лица. Если Никодемс Ранцанс всю жизнь положил на священнослужение в католической церкви, в связи с чем не состоял в браке, то Кристапс Бремс, что становится явным из повествования, женат, и именно по воле жены отправляется в путешествие по родным землям. Причиной для путешествия становится недовольство жены по поводу того, что друзья Кристапса рассказывают о своих приключениях за границей, а он даже не ориентируется на латгальских землях:

Другие много путешествовали, посмотрели мир, а ты как медвежонок — дальше своей берлоги нигде не был, даже не знаешь, что делается за пределами двора.⁴⁰⁴ [Перевод с латгальского Э.Я.]

Описывая свое путешествие, нарратор не указывает конкретное местонахождение, к примеру: „между общиной V... и V... стоит высокая гора“, „в месте N, в котором по четвергам организовывается рынок“, „церковь общины X...“ и т. д. Однако произведение передает отношение автора к Латгальскому краю через описание, пусть и без уточнения, где сформировались его впечатления.

Кроме того, что рассказы представлены на латгальском языке, повествование представлено в просторечной форме, что скорее всего является замыслом автора отразить взгляд на свою родину конца XIX – начала XX века с точки зрения простого жителя Латгалии. В рассказах присутствует дидактическая нота, призывающая латгальцев обратиться к вере и избавиться от пьянства, наивного взгляда на жизнь. Рассказы главным

⁴⁰³ M. Bukšš, *Laiceīga satura grāmots, krājumā Nikodems Rancāns. Latgaļu rakstnīks un tautas audzinošotājs*, red. M. Bukšš, Rēzekne 1971, Lpp. 45-46.

⁴⁰⁴ Cytī ir daudzi ceļojuši, redzējuši pasauli, a tu kai lōča bārns – tōļok sovas dūbes nikur naesi bejis, pat nazyni, kas dorōs aiz kulasātas. [K. Brems, *Prīkšvōrds, Ceļojums pa Latgolu*, red. V.Unde, Rēzekne 2002, Lpp. 3-4]

образом интересны также тем, что отражают многообразный национальный колорит Латгалии, затрагивают тему взаимодействия разных национальностей друг с другом.

В завершение рассмотрения биографии и краткого обзора творчества Никодемса Ранцанса стоит подытожить, что Ранцанс до самой смерти не был равнодушным к судьбе латгальского народа, что подтверждает его религиозная просветительская деятельность, рассказы и фельетоны дидактического характера, направленные на высмеивание пороков латгальцев, также активная педагогическая и социальная деятельность, направленная на организацию Конгресса латышей Латгалии и развитие сельского хозяйства. Данный вклад не мог не найти отклика в обществе, подтверждением чему стала многотысячная процессия жителей Латгалии и Латвии, приехавших издалека, около 50 священников и представителей правления на похоронах Никодемса 24 июля 1933 года⁴⁰⁵.

Для Российской империи не было выгодно господство остзейцев на прибалтийских землях. Поскольку губернии на данный момент уже принадлежали Российской империи, власти большого соседа были заинтересованы в русификации Ливонии, для чего было необходимо ликвидировать господство прибалтийских немцев и благожелательно настроить коренных жителей по отношению к Российской империи. По данной причине Санкт-Петербург принимал латвийских интеллигентов с распростертыми объятиями и поддерживал их во многих начинаниях. Главенство балтийских немцев, остзейцев на территории Лифляндской губернии в XIX веке подтверждается также примерами в произведениях русских писателей того времени. В частности, славянофил Юрий Самарин в своем памфлете *Письма из Риги*⁴⁰⁶ 1849 года поднимает вопрос о положении Риги, входящей в Лифляндскую губернию, и об отношении прибалтийских немцев к Российской империи. Интерес писателя к Риге был вызван не только увлечением историей, но и тем, что Самарин исполнял поручения при министерстве внутренних дел – в частности, состоял в комитете, отвечавшем за быт лифляндских крестьян⁴⁰⁷. Для написания памфлета, состоящего из семи писем, Самарин использовал архивные материалы по истории города Риги, но при этом его точка зрения сконцентрирована главным образом на господстве прибалтийских немцев на территории Ливонии на протяжении всей ее истории⁴⁰⁸. В качестве решения проблемы со своей стороны автор предлагает русифицировать Лифляндскую губернию.

⁴⁰⁵ *Nikodems Rancāns*, “Acta Latgalica 12” 2002. Zynōtniski roksti. Dokumenti. Apceres, Lpp. 161.

⁴⁰⁶ Ю.Ф. Самарин, *Письма из Риги и история Риги*, Москва 1889.

⁴⁰⁷ А. А. Половцов, *Самарин*, в: *Русский библиографический словарь: Сабанеев – Смыслов*, Т. 18, Санкт-Петербург 1904, с. 133-146.

⁴⁰⁸ Ю. В. Самарин, *Письма из Риги...*, op.cit.

Возвращаясь к латышскому патриоту и ярчайшему представителю латвийского романтизма Аусеклису, стоит отметить, что для него переезд в Санкт-Петербург был достаточно благотворным. В период пребывания Аусеклиса в Петербурге активно развивается его творческая карьера. В 1875 году выходит первый сборник стихотворений под названием *Дубовые венки* (латыш. *Ozolu vaiņaki*)⁴⁰⁹. В 1876 году к публикации готовится еще один поэтический сборник под названием *Вторая книга поэзии* (латыш. *Dzeiju otrā grāmata*).

Поэт известен не только своей поэзией, но также песнями, всю жизнь проявляя талант к музыке. Вместе с композитором Бауманисом Аусеклис готовил в 1877 году сборник хоровых песен под названием *Песенная ива* (латыш. *Dziesmu vītols*) к публикации, однако он так и не был издан.

Творческий путь писателя, несмотря на свое богатство, был достаточно коротким, так как в неполных 29 лет автор умер от тифа. Однако друг Аусеклиса Кажоку Давис взял на себя ответственность за написанные, но не представленные свету произведения автора. В 1888 году он опубликовал сборник в двух томах под названием *Сочинения Аусеклиса* (латыш. *Ausekļa raksti*)⁴¹⁰. Стоит отметить, что в художественном и идейном смысле поэзия Аусеклиса является наглядным примером латышского романтизма. Писатель, говоря в своих произведениях о народном пробуждении, всегда использовал форму настоящего, а не будущего времени для того, чтобы подчеркнуть готовность народа к переменам. Примером тому могут послужить строки из произведения под названием *Воскресение* (латыш. *Augšāmcelsšanās*): „Что мертвым казалось навеки, воскресло в народе самом“⁴¹¹. В стихотворении *Уничтожаемое, но не уничтоженное племя* (латыш. *Nīdēta, tomēr neiznīdēta cilts*)⁴¹² Аусеклис отмечает, что племя латышей „еще может борцов порождать“.

Говоря о творчестве Райниса, стоит сказать, что оно вписывается в романтизм конца XIX — начала XX века, который связан с национальной идеей и опирается на традиции и опыт европейской литературы, но при этом также близок новейшим течениям, связанным с именами Рембо, Верлена и Бодлера. Райнис в своем творчестве обращается к фольклору и латышской мифологии, продолжая традицию писателей-младолатышей. Воссоединение

⁴⁰⁹ Auseklis, *Ozolu vaiņaki*, Sanktpēterburga 1875.

⁴¹⁰ D. Kažoks, *Ausekļa Raksti*, 1-2 sēj., Rīga 1888.

⁴¹¹ Auseklis, *Rasa un asaras, dzejas krājums Ausekļa kopoti raksti*, , red. J. Lapiņš, Rīga 1923, Lpp. 282-283.

⁴¹² J. Līgotņū, *Auseklis. Biografija un raksti izlase*, Rīga 1927, Lpp. 43.

читателя с природой с помощью его поэзии очень важно для Райниса. В своем дневнике, будучи совсем юным, он написал:

Лежал на сеновале, думал: как хорошо, как весело сейчас на душе! Собираюсь все-таки придерживаться морали, без нее нет никакой основы и уважения тоже... Как мы прыгали сегодня на сене! Разве это не стихи? Детские глупости, конечно, но ведь есть в них своя поэзия.⁴¹³

Такая же позиция проходит через все творчество Райниса, природные образы: реки, земля, солнце и моря являются судьбоносными в жизни национальных героев и других персонажей в произведениях поэта.

В 1920 году, по возвращении на родину, Райнис был избран в Конституционное собрание Латвийской Республики от социал-демократической партии. В период 1926-1927 гг. Райнис был министром образования. В этот же период под его пером появилось на свет последнее произведение — пьеса под названием *Любовь сильнее смерти. Трагедия Майи в Турайде* (латыш. *Mīla stiprāka par nāvi. Turaidas Maijas traģēdija*), основанная на мотивах исторической легенды о Турайдской Розе. Последние дни жизни поэт провел в Юрмале, в Майори, скончавшись 12 сентября 1929 года.

Райниса можно назвать инфлянтским писателем в полной мере, основываясь на проведенном им детстве в Латгалии и по интересующим его вопросам крестьян. В данной работе будут рассмотрены его сборники стихов *Берега Даугавы* (латыш. *Daugavas krasti*) и *Конец и Начало* (латыш. *Gals un sākums*), а также поэмы *Огонь и ночь* (латыш. *Uguns un nakts*), *Даугава* (латыш. *Daugava*) и *Вей, ветерок!* (латыш. *Pūt, vējiņi!*), раскрывающие образ гидронима Даугавы.

Делая вывод, стоит отметить, что писателей латышского происхождения объединяет стремление к независимости латышской нации, активная борьба за это в любой форме. Интересной особенностью является также то, что авторы представляют свое творчество под псевдонимами. Если Аусеклис и Райнис ярко демонстрируют свой протест с помощью поэтического творчества, то Ранцанс лишь описывает в ироничной форме особенности Латгалии и ее общественных проблем.

⁴¹³ Р. Добровенский, *Жизнь вторая. Семь жизней одного поэта*, в: *Райнис и его братья*, Рига 2000, с. 141.

ГЛАВА II. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХОРОНИМОВ ЛИФЛЯНДИИ, ЛИВОНИИ, ИНФЛЯНТ, ПОЛЬСКИХ ИНФЛЯНТ И ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

География, по отношению к человеку, не что иное, как история в пространстве, точно так же, как история является географией во времени⁴¹⁴

Жан Элизе Реклю

Рассматривая региональную литературу, для которой характерна концентрация на определенной местности, необходимо быть осведомленным о территориальных и исторических особенностях данной местности. Перед тем как перейти к анализу трудов и произведений выбранных согласно методологии авторов, для начала необходимо скрупулезно разобраться в значении хоронимов⁴¹⁵, которые будут встречаться на протяжении всей работы. Территории, о которых пойдет речь, в связи с войнами, попаданием под влияния более сильных государств и постоянной сменой власти достаточно часто меняли свои названия и границы. Для ясности необходимым является рассмотрение хоронимов, которые в разный период времени относились к интересующей исследованию местности. Среди данных хоронимов: Лифляндская губерния, Ливония, Лифляндия, Инфлянты, Польские Инфлянты, а также Витебская губерния. В описании и характеристике вышеназванных хоронимов внимание уделяется не только территориальным и историческим, но также географическим особенностям по причине того, что выбранный регионально-географический метод большое значение придает географическим особенностям региона, из которого происходит автор, как, впрочем, и культурно-исторический метод, а роль земли имеет вес во взятом под внимание геопоэтическом аспекте.

⁴¹⁴ Ж.-Э. Реклю, *Человек и земля*, перевод П. Ю. Шмидта, Т. 1, Санкт-Петербург 1906, с. 1.

⁴¹⁵ Хороним — класс топонима. Собственное имя любой территории, области, района, в том числе хороним административный, природный. Административный хороним — вид хоронима, собственное имя любой административно-территориальной единицы, имеющей определенные границы, принятые в официальных документах, в том числе название государства, республики, края и т. д. [Н. В. Подольская, *Хороним*, в: *Словарь русской ономастической терминологии*, Москва 1988, с. 146-147].

Начать стоит с Лифляндской губернии и Лифляндии, с хоронима, который чаще всего можно встретить в текстах русскоязычных авторов. Именно говоря о Лифляндии, русский писатель и философ, славянофил Юрий Самарин в своем памфлете *Письма из Риги*⁴¹⁶ имеет в виду Лифляндскую губернию. О данных территориях также вспоминает Фаддей Булгарин⁴¹⁷ в своем путевом очерке *Поездка из Лифляндии в Самогитию, через Курляндию*⁴¹⁸, летом 1829 года, адресованном Гречу и опубликованном в „Северной пчеле” 29 августа того же года⁴¹⁹. Однако стоит помнить, что под хоронимом *Лифляндия* могут подразумеваться разные территории.

Лифляндская губерния является одной из трех прибалтийских губерний, входивших в состав Российской империи. История ее образования начинается от Рижской губернии, которая была образована в 1721 году на территории бывшей шведской Ливонии после подписания мирного договора в городе Ништадте. Изначально Рижская губерния делилась на Лифляндию и Смоленщину. К Лифляндской провинции относились Пернов, Рига, Венден и остров Эзель. В свою очередь, к Смоленской провинции относились Дорогобуж, Рославль, Вязьма и Смоленск. По указу 1719 года губерния была разделена на две провинции, а именно Смоленскую и Рижскую. В 1726 году вновь произошли перемены, в связи с чем Смоленская провинция была выделена в самостоятельную губернию. В этот

⁴¹⁶ Ю. Ф. Самарин, *Письма из Риги...*, op.cit.

⁴¹⁷ Фаддей Булгарин (польск. Jan Tadeusz Bułharyn) – польский писатель фельетонист и издатель родился 5 июля 1789 года в имении Мырашево Минского воеводства. С Лифляндией Булгарин связан очень тесно, так как проживал с 1828 года в имении Карлово, находящимся под Дерптом. Был вынужден переехать из Санкт-Петербурга в Карлово по причине ноябрьского восстания и накалившейся ситуации по отношению к писателю. Дерпт импонировал Булгарину, в письмах писатель делился, что видит в городе европейскую атмосферу, принципиально отличающуюся от России. Своими впечатлениями о проживании в Лифляндии также делился в путевых очерках *Прогулки по Ливонии*, публикуемых в собственной литературной газете „Северная пчела”, основанной Булгарином вместе с публицистом Н.И. Гречем. Газета существовала в период 1825-1864 гг., очерки, посвященные Ливонии были представлены в изданиях 1827 года в следующих номерах: № 59-64, 66-68, 70-71, 75-78, 80-82, 84-88. В своих Прогулках по Ливонии автор описывал нравы местного населения, колорит местности, особенность проживания на данных территориях разных национальностей, среди которых немцы, русские, латыши и эстонцы. Лифляндии посвящен также путевый очерк автора под названием *Поездка из Лифляндии в Самогитию, через Курляндию, летом 1829 года*, который был опубликован в № 103-106 „Северной пчелы” 1829 года. В *Поездке из Лифляндии... представлено* подробное описание Риги, в своем очерке автор описывает как городской пейзаж (городской текст, написанный в том числе прошлым), так и социальные уклады города, особенности быта местного населения. [P. Głuszkowski, *Barwy polskości, czyli życie burzliwe Tadeusza Bułharyna*, Kraków 2018, s. 198-214; Н. Вершинина, „Рижский текст” в путевом очерке Ф.В. Булгарина „Поездка из Лифляндии в Самогитию, через Курляндию, летом 1829 года (письмо Гречу)”, „Rusistica Latviensis” 2019, № 8, с. 9-16].

⁴¹⁸ Курляндия и Самогития отличались тем, что на протяжении с 1561 по 1795 гг. на их территории правили немецкие династии Кетлеров и Биронов. Лишь в 1796 году Курляндия вошла в состав Российской империи и стала именоваться Курляндской губернией [E. Andersons, *Kurzemes-zemgales hercogiste, Latvju enciklopēdijā 1962-1982*, 2. sēj., Rīga 1990, Lpp. 246-247].

⁴¹⁹ Ф. В. Булгарин, *Поездка из Лифляндии в Самогитию, через Курляндию, летом 1829 года*, „Северная пчела” 1829. № 104, с. 3.

момент в Рижской губернии были выделены пять провинций, к которым относились Рижская, Дерптская, Венденская, Эзельская и Перновская. Затем в 1783 году по указу императрицы Екатерины II Рижская губерния была преобразована в наместничество, и лишь в 1796 году наместничество было преобразовано в Лифляндскую губернию. В губернию вошли девять уездов, среди которых Венденский, Вольмарский, Рижский, Дерптский, Валский, Перновский, Эзельский, Верроский и Феллинский уезды. Позднее, а именно в 1893 году Дерптский уезд был переименован в Юрьевский⁴²⁰.

Лифляндская губерния в статье Льва Цетлина из *Энциклопедического словаря русского bibliографического института Гранате* представлена как территория, покрытая долинами и многочисленным количеством рек. Характеризуют местность Чудское озеро и Рижский залив. Автор отмечает, что береговая линия Рижского залива чрезвычайно неразвита, море очень мелко и образует только две бухты: Рижскую и Перновскую. Данная особенность повлияла на материальную культуру губернии. Несмотря на большое количество рек в Лифляндской губернии, судоходство не имело большого значения, но как сплавные, реки играли большую роль в хозяйстве губернии. Благодаря рекам в губернии развито рыболовство. Цетлин подчеркивает, что данный регион богат рыбой, хоть и не настолько, как северная часть России. Кроме рыболовства местные жители занимаются сельским хозяйством, выращивают главным образом картофель, лен, горох, рожь, овес и ячмень, что характеризует их быт⁴²¹.

Интересным является то, что название „Лифляндия“ появилось еще раньше, чем образовалась Лифляндская губерния и даже раньше, чем появилась Рижская губерния. Таковую Лифляндию, к примеру, описывает Иван Лажечников⁴²² в своем историческом

⁴²⁰ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, *Лифляндия*, в: *Географическо-статистический словарь Российской империи*, Т. 3, Санкт-Петербург 1863, с. 64-66.

⁴²¹ Л. Цетлин, *Лифляндская губерния*, в: *Энциклопедический словарь Русского bibliографического института Гранат. 11-е стереотипное издание*, ред. В. Я. Железнова и Ю. С. Гамбарова, Т. 27, Москва 1913, с. 264-266.

⁴²² Иван Иванович Лажечников – автор исторических романов, рожденный 14 сентября 1790 года в городе Коломне Московской губернии. Происходил родом из богатой купеческой семьи. Романы Лажечникова уникальны и интересны тем, что они стоят на стыке романизма и реализма, включая в себя черты двух направлений. Автор известен своими историческими романами: *Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого* (1831-1833), *Ледяной дом* (1835) и *Басурман* (1838). В его произведениях присутствует отклик на исторические романы В. Скотта, Ф. Купера, а также мотивы и образы романтической поэзии и новеллистики. Роман *Последний Новик* посвящен событиям Северной войны, происходящей на территории Лифляндии. Место действия романа выбрано не случайно, связано это с тем, что в Лифляндии родилась Екатерина I. В романе представлены также другие исторические личности, такие как Карл XII, Петр I, Эрнст Глюк, Борис Шереметьев и др. Лажечников строил свои романы на исторической базе, еще в юности, когда молодой писатель служил в Московском архиве иностранной коллегии, молодой автор набирался навыков работы с историческими материалами и документами. Именно там Лажечников научился обрабатывать и накапливать необходимую информацию о исторических фактах. Но на этом опыт автора в данном направлении не закончил свое развитие. Позднее, когда И.И. Лажечников жил в доме графа Остермана-

романе *Последний Новик*, описывая события Северной войны. Подтверждением тому является, к примеру, описание замка Гельмет, который находится недалеко от эстонского города Тярва:

На замки Лифляндии смотришь еще, как на представителей феодального ее быта, дикого и романического. Это ветераны некогда знаменитого и более не существующего войска, ветераны, изувеченные, отдающие уже дань времени и засыпающие сном вечным на изломанных трофеях своих⁴²³.

Лифляндия (нем. Livland) является немецким названием Ливонии. Однако понятие Лифляндии со второй половины XVI века, а именно после ликвидации Ливонской конфедерации имело более узкое значение – южная Эстония и северная часть Латвии до реки Даугавы. После заключения Альтмаркского перемирия в 1629 году Лифляндией именовалась отдельная провинция, образованная под властью Швеции – южная Эстония и сопредельная часть Латвии на север, ограниченная Даугавой и ее притоком Айвиесте⁴²⁴.

Хороним *Ливония* является самым древним из рассматриваемых. По поводу этимологии данного названия существует несколько версий. Одна из них связана с финно-угорским liv-, что в переводе означает „песок” с эстонского Liivimaa, соответственно Ливония переводится как „песчаный край”, что может быть вполне возможным, так как территория находится вдоль побережья Рижского залива, в песчаных почвах Приморской низменности⁴²⁵.

Более распространенная версия, поддерживаемая со стороны большого количества историков, предполагает другое этимологическое происхождение хоронима. Изначально, а именно в период с XII по XIII век, название „Ливония” распространялось лишь на территориях, на которых проживал прибалтийско-финский народ ливы, а именно

Толстого, для его научных возможностей были открыты редкие книги, среди которых встречались исторические рукописные романы. В *Последнем Новике* история и вымысел крепко связаны и переплетаются между собой. Примером того является присутствие реальных исторических персонажей и героев вымышленных. И.И. Лажечников пишет о своем романе следующие слова: „Чувство, господствующее в моем романе - есть любовь к отчизне” [И. Лажечников, *Последний Новик*, Москва 1961, с. 37], что говорит о имперских взглядах автора. [С.М. Исупова, *Эволюция прозы И. И. Лажечникова: Проблемы метода и жанра*, Тверь 2000, с. 22-23; Н.Н. Петрунина, *Романы И.И. Лажечникова*, Москва 1987, с. 2; Д.Д. Благой, *Первый исторический роман Лажечникова*, Москва 1983, с. 578].

⁴²³ И. И. Лажечников, *Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого*, Москва 1983, с. 80.

⁴²⁴ E. Dunsdorfs, *Polītiskā vēsture, zinātniskajā darbā Latvijas vēsture (1600-1710)*, Rīga 1962, Lpp. 128-129.

⁴²⁵ K. Valdis, *Tildes Datorenciklopēdija Latvijas vēsture*, Rīga 1998, электронный ресурс: old.historia.lv/index.htm доступно на 20.01.2023.

территория с северной стороны Западной Двины. Лишь после завоевания крестоносцами земель в первой половине XIII века данное название распространилось на всю современную территорию Латвии и Эстонии⁴²⁶. Подтверждением данной теории является *Хроника Генриха Латвийского* (латыш. *Indriķa hronika*). В самом начале хроники, в первой ее главе Ливония названа Землей ливов:

В Зегебергском монастыре был человек благородной и достопочтенной жизни, священник ордена святого Августина. Он приезжал на Землю ливов вместе с немецкими купцами только ради Христа, ради проповеди. Немецкие купцы, дружившие с ливами, часто приплывали на Землю ливов по реке Даугаве.⁴²⁷ [Перевод с латышского Э.Я.]

Данную версию также поддерживает историк Ян Август Гильзен. В своем историческом труде автор подчеркивает, что на немецком *Lieffland* или *Liwenland* обозначает страну ливов. Гильзен приводит примеры также других существующих версий касательно названия „Ливония“. К примеру, существует версия, что название „Ливония“ могло произойти от имени римлянина Либо или Либав, который, скрываясь от революций на родных землях, доплыл до берега Балтийского моря и, увидев свободные земли, начал на них распоряжаться. Название землям дал от своего имени Либония или Ливония. Есть также другое похожее предположение о том, что Ливония происходит от имени прусса Ливона Вандута. Однако сам автор выражает сомнения по поводу верности данных предположений⁴²⁸.

Современный польский историк Богуслав Дыбась придерживается версии, согласно которой, название „Ливония“ произошло от купцов, приезжавших из запада на данные земли в XII веке в поиске новых торговых путей на востоке. Под Ливонией купцы подразумевали „земли ливов“. Ливония фактически была немецкой колонией на восточных

⁴²⁶ В. Лебедев, *Ливония*, в: *Этимологический словарь мирового русского языка*, Т. 3. Л-Р, Москва 2019, с. 40-41.

⁴²⁷ *Zēgebergas klosterī bija kāds cienījamas dzīves un godājama sirmuma vīrs, Svētā Augustīna ordeņa priesteris. Viņš tikai Kristus dēļ, vienīgi lai sludinātu, ieradās Līvmē kopā ar tirgotājiem, jo vācu tirgotāji, ko ar līviem saistīja draudzības saites, mēdza bieži, braukdami kuģos pa Daugavas upi, apmeklēt Līvmē. [Indriķis, *Pirmā grāmata. Par Līvmē*, tulkojums Jānis Krīpēns, Rīga 1936. Lpp. 50]*

⁴²⁸ J.A. Hylzen, *O dziejach Inflantkich od pogaństwa do naszych czasów. Rozdział I. O kraju i obywatelach Inflantkich za pogaństwa*, w: *Inflanty w dawnych swych i wielorakich aż do wieku naszego dziejach i rewolucjach, z wywodem godności i starożytności szlachty tamecznej, tudzież praw i wolności z dawna i teraz jej służących, zebrane i polskiemu światu do wiadomości w ojczystym języku podane przez Jaś. Wielm. Jmci pana Jana Augustyna Hylzena, Kasztelana Inflanckiego, Starostę Brasławskiego*, Wilno 1750, s. 2.

берегах Балтийского моря, хоть и не имела такого единого политического уклада как Тевтонский орден с Пруссией. Историк также уточняет, что Ливонию данного периода часто называют давние Инфляты „*dawne Inflanty*”, на что немецкие историки имеют свое название во избежание путаницы: *Alt-Livland*⁴²⁹.

В период с XII века по XIII век Ливонией назывались только земли ливов в низовье рек Даугавы и Гауи. Лишь в XIII веке данное название начало относиться также к землям латгалов, куршей и к землям, завоеванным немецкими феодалами⁴³⁰. Большая часть Ливонии входила в состав Ливонского ордена, а именно 67 тыс. кв. км. Остальная территория Ливонии, которая составляла 41 тыс. кв. км, была разделена между рижским архиепископством и тремя епископствами, среди которых курляндское, дерптское и эзель-викское. Номинально ливонские государства за свою высшую власть считали Папу Римского, но в действительности высшим управлением в Ливонии на протяжении XIII-XVI веков занимался Ливонский орден⁴³¹. Даже архиепископ рижский и город Рига иногда попадали в прямую зависимость от ордена⁴³². Стоит уточнить, что в период 1435-1561 гг. на территории Ливонии существовала Ливонская конфедерация, которая представляла собой объединение немецких рыцарей Ливонского ордена и епископств Римской католической церкви. Ливонская конфедерация состояла из Селии (латыш. *Sēlija*), Лотыголы (латыш. *Letija*), Курземе (латыш. *Kurzeme*), Земгале (латыш. *Zemgale*), Видземе (латыш. *Līvzeme*) и Эстонии (латыш. *Igaunija*). Соглашение о создании Ливонской конфедерации было подписано между епископами из Дерпта, Ревеля, Эзель-Вика, Курляндии, а также архиепископом Риги и представителями Ливонского ордена, вассалами. Ливонская конфедерация не была изолированным и закрытым государством, подтверждением чему являются контакты с Русью на почве торговых вопросов. Главным образом это обстоятельство было связано с тем, что Русь во второй половине XV века была заинтересована в установлении торговых отношений со странами Европы. Новгородские и псковские купцы хотели развивать свою внешнюю торговлю в первую очередь в Ливонии. Самая оживленная торговля проходила в таких городах как Ревель, Рига, Нарва и Дерпт. Постепенно торговля русских купцов распространилась также на более маленькие города

⁴²⁹ B. Dybaś, *Inflanty, dawne Inflanty, Inflanty Polskie, Kurlandia, powiat piltyński – potyczki terminologiczne*, „*Wiadomości Historyczne*” 2013, Nr 4, s. 14.

⁴³⁰ *Livonija: Latviešu konversācijas vārdnīcā*, red. A. Švābe, 12. sēj., Rīga 1935, 23865-23866 sleja.

⁴³¹ T. Zeids, *Feodālisms Livonijā*, Rīga 1951, Lpp. 84.

⁴³² *Livonija: Latvijas padomju enciklopēdijā*, red. Pēteris Jērāns, 6. sēj., Rīga 1985, Lpp. 218.

Ливонской конфедерации⁴³³. Политика городов Ливонии по отношению к купцам из Руси была неоднозначной. Ливонские города стремились сохранить традицию Ганзы, пытались ограничить деятельность русских купцов⁴³⁴.

Несмотря на членство в Ганзейском союзе и экономическую развитость, в ходе Ливонской войны Ливонская конфедерация прекратила свое существование. После того, как русская армия разгромила войска ордена, внутри самой конфедерации произошли массовые волнения, что привело к ее распаду⁴³⁵. В 1561 году был заключен договор Виленской унии между польским королем Сигизмундом II и ландмейстером Тевтонского ордена в Ливонии Готхардом Кетлером (нем. Gotthard von Kettler)⁴³⁶. По итогам данного договора большая часть Ливонии отошла во владения Великого княжества Литовского. На территории бывшей Ливонии образовались Семигальское и Курляндское государства, которые возглавил ландмейстер Кетлер⁴³⁷. Историк Богуслав Дыбась отмечает, что развал конфедерации, а в последствии *Privilegium Sigismundi Augusti* с 28 ноября 1561 года привели к мобильности дворянства не только в пространственном, но также социальном отношении. В социальной сфере главным изменением было образование шляхты на данных территориях как группы, которая происходила из средневековых вассалов. Вышеназванный акт предоставлял возможность данной группе иметь во владении поместья, вместе с крестьянами и полной властью над ними. В этом смысле *Privilegium Sigismundi Augusti* стал основой социального положения шляхты до XIX века⁴³⁸. В свою очередь, после распада конфедерации епископства ожидала очень разная участь. Епископство Эзель-Вик отошло Швеции, Дания получила острова Эзель и Муху. Интересно то, что Рига не пожелала присоединиться к Речи Посполитой и просуществовала в статусе вольного города до 1581 года – лишь наступления со стороны Русского государства вынудили город дать присягу польско-литовскому королю Стефану Баторию (польск. Stefan Batory)⁴³⁹. Современный польский историк Анна Землевска (польск. Anna Ziemlewska) по данному вопросу уточняет, что это было связано

⁴³³ Н. А. Казакова, *Русь и Ливония 60-х - начала 90-х годов XV века*, в: *Международные связи России до конца XVII в.*, Москва 1961, с. 266-267.

⁴³⁴ V. Niitemaa, *Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter*, Helsinki 1952, S. 322-327.

⁴³⁵ *Livonijas Konfederācija: Latvijas PSR mazā enciklopēdijā*, red. Vilijs Samsons, 2. sēj., Rīga 1970, Lpp. 403.

⁴³⁶ J. U. Niemcewicz, *Zbiór pamiętnikow historycznych o dawnej Polsce z rękopisow, tudziaż dzieł w różnyh językach o Polsce wydanych, oraz z listami oryginalnemi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym*, T. II, Lipsk 1859, s. 17-24.

⁴³⁷ A. Jankiewicz, *Inflanty i Księstwo Kurlandii i Semigalii – inflanckie „Prusy” trochę inaczej. Kilka uwag o zapomnianej Unii Wileńskiej 1561 woku*, w: *Miscellanea Historico Archivistica*, T. XX, Warszawa 2013, s. 23-30.

⁴³⁸ B. Dybaś, *Inflanty nowożytnie – czynniki szlacheckiej migracji versus stabilizacji*, „Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym” 2015, T. XXXV, Nr 5, s. 76-77.

⁴³⁹ H. Łowmiański, *Stosunki z Moskwą a wojna o Inflanty*, w: *Polityka Jagiellonów*, Poznań 1999, s. 572-573.

с беспокойством Риги по поводу ее политических, экономических и религиозных привилегий. Рига отказывалась от контактов с Литвой, желая восстановить связь с рейхом и Гасбургским домом⁴⁴⁰.

Однако стоит учесть, что в литературных произведениях, посвященных Ливонии, не всегда идет речь только о периоде существования Ливонской конфедерации. Примером тому могут послужить *Прогулки по Ливонии* Фаддея Булгарина. В самой первой своей публикации *Прогулок по Ливонии* в „Северной пчеле”, датируемой 17 мая 1827 года, автор пишет следующее:

Начитавшись немецких книг, я по неволе следую немецкой системе изложения, и начинаю, как говорится, ab ovo, т. е. от древности. Ливонскую историю я разделю на три главных периода. Первый заключает в себе состояние Ливонии до пришествия немцев в сию страну... Второй период вмещает в себя правление епископов и гермейстеров ордена меченосцев, до Годгарда Кетлера, или до падения рыцарства и присоединения Ливонии к Польской короне, в 1560 году. Третий период излагает происшествия от сего времени до присоединения Ливонии к России...⁴⁴¹

На примере цитаты видно, что автор выделяет для себя три периода существования Ливонии. Использование исторического названия вполне логично, так как историческое повествование занимает примерно треть всего текста *Прогулок по Ливонии* и начинается оно с истории народов, населявших этот регион в древности.

Еще одним любителем Ливонии в русской литературе является Александр Бестужев-Марлинский⁴⁴², который в своих *Ливонских повестях* обращается к историческим событиям. Интерес, который вызывал у Бестужева-Марлинского данный регион, скорее

⁴⁴⁰ A. Ziemelewska, *Ryga w Rzeczypospolitej Polsko-Litewskiej*, w: *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej*, Т. III, red. W. Walczak i K. Łopatecki, Białystok 2012, s. 83-84.

⁴⁴¹ Ф. В. Булгарин, *Прогулка по Ливонии*, „Северная пчела” 1827, № 59, с. 3.

⁴⁴² Александр Бестужев-Марлинский – писатель декабрист родился в Санкт-Петербурге в аристократической семье. Судьба автора ливонских повестей и издателя альманаха „Полярная звезда” не была легкой, так как после восстания 1925 года он был сослан в Сибирь, после чего желая освободиться из ссылки воспользовался возможностью принять участие в войне на Кавказе. Дожил лишь до возраста 39 лет, трагически скончавшись в боях с горцами. Однако автор успел затронуть ливонскую тематику до ссылки в Сибирь, подтверждением чему являются путевой очерк *Поездка в Ревель* (1821) и повести *Замок Венден* (1821), *Замок Нейгаузен* (1823), *Ревельский турнир* (1824) и *Кровь за кровь* (1825). Ливонские повести связаны с традициями готического романа Анны Радклиф, также присутствует вдохновленность Вальтером Скоттом в изображении бытовых картин истории. Несмотря на то, что Бестужев-Марлинский на прожил в Лифляндии как Булгарин, а соответственно не мог хорошо ориентироваться в данных территориях, перед началом написания повестей автор обращался к ливонским хроникам. [С. Трубачев, *Александр Бестужев-Марлинский*, в: *Русский биографический словарь*, Т. II, Санкт-Петербург, 1900, с. 763-766; Н. Мордовченко, *Русская критика первой четверти XIX века*, Москва 1959, с. 365].

всего, связан с духом западного средневековья, которым были пропитаны остзейские губернии и вдохновляли автора на повествования о феодальных замках и средневековых рыцарях. Бестужева-Марлинского интересовала Ливония до ее разделения на конфедерации. В своей ливонской повести *Замок Венден* Бестужев-Марлинский описывает дух Ливонии через образ замка следующим образом:

Итак, я увижу сей столичный город древнего ливонского рыцарства, искони знаменитый битвами, осадами, усеянный костями храбрых, запечатленный кровию основателя. Винно фон Рорбах, первый магистр Меченосного ордена, построил Венден, первый замок в Ливонии.⁴⁴³

Важным хоронимом, основополагающим для представленной работы, так как в поле зрения находится литература именно данного региона, являются *Польские Инфлянты*. Для начала стоит отметить, что Инфлянтское воеводство образовалось после заключения Оливского мира между Речью Посполитой и Швецией 3 мая 1660 года в Оливе⁴⁴⁴. Речь Посполитая уступила Швеции большую часть Ливонии вместе с Ригой. Однако в состав Речи Посполитой вошла Латгалия. Данная территория с разных сторон: исторической, географической, статистической, этнографической описывается Густавом Мантейфелем в *Географическом словаре Королевства Польского*. Согласно XIX тому *Полного собрания законов Российской империи*, а конкретно по закону под номером 13850, к Польским Инфлянтам относились Динабургский, Режицкий и Люцинский уезды, на которых проживали главным образом латыши⁴⁴⁵. Однако в своей статье Мантейфель отмечает, что в законе достаточно много в том числе географических ошибок. Сам автор статьи делает пояснение касательно территориальной принадлежности округов к Польским Инфлянтам, уточняя, что в состав входило не три уезда, а четыре: к вышеназванным трем стоит добавить Мариенгаузский уезд. Другая часть Инфлянт вместе с Ригой отошла к Швеции и находилась в ее составе до введения войск Петра Великого в 1710 году. Польские Инфлянты были частью Речи Посполитой на протяжении 211 лет. В 1677 году Сейм Речи Посполитой наделил данные территории титулом Инфлянтского княжества. Столицей считался город Динабург. Площадь Польских Инфлянт составляла 256 миль. Граничили Польские

⁴⁴³ А. А. Бестужев-Марлинский, *Замок Венден (Отрывок из дневника гвардейского офицера)*, в: *Сочинения*, Т. I, Санкт-Петербург 1981, с. 69.

⁴⁴⁴ L. Kubala, *Pokój oliwski*, w: *Wojny duńskie i pokój oliwski 1657-1660*, Serja VI, Lwów 1922, s. 327-328.

⁴⁴⁵ *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года*, ред. Г. Г. Савич, Том XIX, Санкт-Петербург 1830, с. 553-554.

Инфлянты на востоке с Витебской и Псковской губерниями, а на западе с Инфлянтами шведскими. С южной стороны при устье реки Индры до реки Даугавы находилась граница с Виленской губернией, далее располагалась граница с Семигалией, которой в данном случае являлась сама река Двина⁴⁴⁶.

Автор статьи уточняет, что поверхность земли на данных территориях главным образом низменная. С точки зрения геологии землю можно охарактеризовать как глинисто-песчаную и болотистую. На территории много озер, ручейков и болот. К самым большим озерам относятся Лубане и Разнас, а важнейшими реками кроме Двины являются впадающие в нее Индра, Балтика, Сарянка, Краславка, Дубна, Ликснянка, Ужвалда, Айвиексте и Нерета. Кроме низменностей встречаются редкие холмы: примером является возвышенность, которая начинается в городе Прейли, проходит через Дагду, а заканчивается в деревне Замоша Дриссенского уезда. К горной части Динабургского уезда относится также возвышенность, находящаяся недалеко от Краславы, возле озера Разнас, высотой примерно 305 метров над уровнем моря. Данная возвышенность называется Волкенберг, что на немецком означает „гора облаков”. О ней в кругу местного населения ходили различные легенды. Примером одной из них, распространенной среди польско-инфлянтского населения, является рассказ о трех дочерях, мать которых была гордой вдовой и правительницей на горе Волкенберг. После смерти матери каждая из трех дочерей получила в наследство хозяйство, замок и стала владелицей территории, которая была названа от ее имени. Старшая Роза стала управлять Режицей, Люция Люцином, а самая младшая Мария Мариенгаузенем. Замок матери после ее смерти рассыпался в руины. Легенда является ярким примером того, как этимология является благодатной почвой для создания народного творчества. Климат в Инфлянтах благодаря многочисленности вод, озер, болот и обширной лесной территории влажный, переменчивый и холодный, однако очень здоровый. В окрестностях Краславы во владениях Аделинова находится здравница с богатыми и полезными по составу водами⁴⁴⁷.

В продолжение рассмотрения Польских Инфлянт, но в составе Витебской губернии, принимается во внимание главным образом статья Василия Анисимова из *Энциклопедического словаря Русского библиографического института Гранат* и продолжение статьи Густава Мантейфеля из *Географического словаря Королевства*

⁴⁴⁶ G. Manteuffel, *Inflanty*, w: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, red. Filipa Sulimierskiego, T. III, Warszawa 1882, s. 278-279.

⁴⁴⁷ Ibidem, s. 280-281.

Польского. В данных статьях также описываются исторические, географические, статистические и этнографические особенности местности.

Для начала стоит упомянуть, что после первого раздела Польши в 1772 году Польские Инфлянты отошли к Российской империи и поначалу входили в состав Двинской губернии, а в 1802 году вошли в состав Витебской губернии. Витебская губерния относилась к числу белорусских и граничила на юго-западе с Минской, Виленской, Курляндской, на северо-западе с Лифляндской, на северо-востоке с Псковской и на юго-востоке со Смоленской и Могилевской губерниями. Согласно статье, климат в данной местности умеренный и довольно влажный. На пространстве всей губернии можно наблюдать разнообразное чередование различных типов ледниковых наносов и связанных с ними форм рельефа. Кроме Западной Двины по губернии не протекают большие реки, зато местность изобилует большим количеством озер – автор утверждает, что их можно насчитать более двух тысяч. К самым большим из них относятся Лубан, Розно, Освея, Себежское⁴⁴⁸. Ландшафт губернии представляет собой низменную волнистую равнину. В отличие от Лифляндской губернии на землях Витебской губернии преобладают лиственные леса, из деревьев чаще всего встречаются береза, ясень, осина и дуб. Местность благодаря обилию водоемов богата разного вида рыбой, можно встретить окуня, судака, лосося, корюшку и быстрянку. Даже на небольших пространствах в губернии встречается сменяемость почвы, часто данное явление можно встретить в пределах одной деревни. В связи с этим бесплодных мест в губернии практически нет⁴⁴⁹.

Красоту природы на данных территориях отметил даже Иван Бунин, когда гостил летом 1912 года у своего друга Александра Черемнова в имении Клеевка под Себежем. В одном из писем писатель написал следующее:

Жить здесь очень приятно. Край оригинальный – холмистый, лесистый, пустынный, редкие маленькие поселки среди лесов, хлебов мало (...) Тишина здесь изумительная – жаль расставаться с ней⁴⁵⁰.

А в интервью „Московской газете” (22.10.1912) говорил:

⁴⁴⁸ G. Manteuffel, *Inflanty*, w: *Słownik geograficzny...*, op.cit., s. 280-281.

⁴⁴⁹ А. Ф. Селиванов, *Витебская губерния*, в: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, Т. VIа, Москва Санкт-Петербург, 1892, с. 560.

⁴⁵⁰ И. А. Бунин, *М. Горькому 12 августа*, в: *И. А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917)*, ред. А. К. Бабореко, Москва 1983, с. 194.

Огромный лесной край, чрезвычайно любопытный в бытовом отношении. Мне пришлось много ходить пешком, вступать в непосредственное соприкосновение с местными крестьянами, присматриваться к их нравам, изучать их язык. Причем я сделал ряд интересных наблюдений. У крестьян этой полосы, по моему мнению, в наиболее чистом виде сохранились неиспорченные черты славянской расы. В них видна порода. Да и живут они хорошо, далеко не в тех некультурных условиях, как наш мужик в средней России⁴⁵¹.

Касательно формирования населения на данных территориях стоит отметить, что В. Анисимов в своей словарной статье утверждает следующее: заселение территории Витебской губернии началось очень давно, но информация о населении появляется лишь во второй половине IX века нашей эры. Северо-западная часть была занята народом литовского племени – латыголой, юго-восточная часть племенем кривичей, которые попали сюда с восточной части по течению Западной Двины и основали Полоцкое княжество. Со временем Полоцкому княжеству удалось подчинить себе литовские племена, жившие вдоль Западной Двины до самого побережья Балтийского моря. Однако литовские племена вскоре перешли в подчинение к развивавшемуся Ливонскому ордену, который стремительно расширял свои территории. Примером тому является основание ливонскими рыцарями города Динабурга в XIII веке. Полоцкое, Витебское и другие русские княжества не смогли противостоять ордену и объединенным стремлениям литовских князей. В результате в середине XIII века западнорусские княжества, в том числе Витебское и Полоцкое, были объединены с литовскими землями под властью литовских князей. В середине XIV века данные земли вошли в состав польско-литовского государства. В 1561 году часть Ливонии отошла к Польше, образовав Инфляндское воеводство⁴⁵². В 1772 году Белоруссия была присоединена к России, часть ее составила Витебская провинция, а в 1777 году была учреждена Полоцкая губерния, состоящая из Полоцкого, Дриссенского, Себежского, Невельского, Динабургского, Режицкого, Люцинского, Витебского, Велижского, Городецкого и Суражского уездов. В 1796 году Полоцкая губерния была объединена с Могилевской в Белорусскую. В свою очередь, в 1802 году Белорусская губерния была разделена на Могилевскую и Витебскую. Витебская губерния делилась на двенадцать уездов, среди которых Витебский, Велижский, Городецкий, Динабургский, Дриссенский,

⁴⁵¹ И. А. Бунин, М. Горькому 12 августа..., *op.cit.*, с. 195.

⁴⁵² В. Анисимов, *Витебская губерния*, в: *Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 11-е стереотипное издание*, ред. В. Я. Железнова и Ю. С. Гамбарова, Т. 27, Москва 1913, с. 316-320.

Люцинский, Лепельский, Невельский, Полоцкий, Режицкий, Себежский и Суражский. Четыре западных уезда из них, а именно Динабургский, Дриссенский, Люцинский и Режицкий носят специальное название инфлянтских уездов или Инфлянт⁴⁵³.

Название „Инфлянты“ в момент их нахождения в Витебской губернии также встречается в литературе, к примеру, в дневниках Казимира Буйницкого. Стоит отметить, что Буйницкий в самом начале своих дневников, написанных в период с 1795 по 1875 гг., делает уточнение о том, что он родился в Витебской губернии в Польских Инфлянтах. Подтверждением тому может послужить следующая цитата:

Я родился в 1788 году 30 ноября на Анджея в семье камергера Витебского воеводства, кавалера Ордена Святого Станислава и Анны из рода Ширинов-Буйницких, в Инфлянтах Польских, в Краславе, где некоторое время жили мои родители, потому что мой отец занимался делами тракайского кастеляна Плятера, а после смерти его занимался опекой вдовы, урожденной княгиней Огинской.⁴⁵⁴ [Перевод с польского Э.Я.]

Однако на протяжении всего следующего повествования автор использует название „Инфлянты“. Связанно это несомненно с тем, что использовать хороним „Польские Инфлянты“ в составе Российской империи было бы не безопасно.

С 1802 года Витебская губерния сохраняла свои границы, но в начале 1860 года была заново разделена на уезды – из числа существовавших ранее уездов Суражский был упразднен, а отдельные его части присоединили к Витебскому, Велижскому и Городецкому уездам.

Анисимов в своей словарной статье отмечает, что исторический фактор не прошел незаметно и наложил отпечаток на Витебскую губернию. К особенностям исторического развития губернии автор относит сравнительно сильное влияние польской культуры и участие в довольно продолжительных войнах. Данные особенности отразились как на развитии общественно-хозяйственной жизни, так и на составе населения, размещении его по территории губернии. В северно-западной части среди населения преобладали представители латышской национальности – в Люцинском и Режицком уездах абсолютно,

⁴⁵³ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, *Витебская губерния*, в: *Географическо-статистический словарь Российской империи*, Т. 1, Санкт-Петербург 1863, с. 475.

⁴⁵⁴ Urodziłem się roku pańskiego 1788 listopada 30 z Andrzeja, podkomorzego województwa witebskiego, kawalera Orderu Świętego Stanisława i z Anny z Szyrynów Bujnickich, w Inflantach Polskich, w mieście Krasławiu, gdzie rodzice moi przemieszkawali czasowie, z powodu iż mój ojciec zajmował się interesami kasztelana trockiego Platera, a po jego zejściu był kuratorem pozostałej wdowy kasztelanowej, z domu księżniczki Ogińskiej. [К. Буйницкий, *Pamiętniki (1795-1875)*..., op.cit., s. 27]

а в Двинском относительно. Во всех остальных уездах преобладали белорусы, притом в процентном отношении данное преобладание было весьма заметно, более 80%. Исключением являлся Себежский уезд, в котором половину населения составляли великорусы. Большое количество примеси к белорусскому населению представителей великорусской и еврейской национальности в процентном отношении наблюдалось в Двинском, Дриссенском, Полоцком, Лепельском и Велижском уездах. Подводя общий подсчет, в характеристике национального состава всей Витебской губернии автор приводит следующую статистику: „В губернии преобладают белорусы, которые составляют 53% всего населения; великорусы – 13%, латыши – 18%, евреи – 12%, поляки всего 3,4%”⁴⁵⁵. Касательно вероисповедания упоминается, что большая часть губернии, более 55% исповедует православие, однако среди белорусов, латышей и поляков также распространен католицизм, из чего выходит 24% католиков на губернию. На территории губернии распространены также другие конфессии в меньшем процентном соотношении, среди них: иудеи, протестанты и старообрядцы.

В ранее упомянутой статье *Географического словаря Королевства Польского* также поднимается тема, касающаяся национального состава Инфлянт Польских на момент их вхождения в Витебскую губернию. Автор статьи называет национальности, которые заселяют Польские Инфлянты, и дает им субъективную характеристику касательно особенностей их менталитета. Среди названных национальностей: латыши, русские, русские старообрядцы, эстонцы, поляки и литовцы. Эстонцев, согласно статье, проживало около 3000 человек в Люцинском уезде, половина из них исповедовала римско-католическую веру, а часть была представителями униатской веры. Литовцев проживало очень мало, около 400 жителей. В Инфлянтах Польских также проживали русские старообрядцы-раскольники и русские, которые главным образом исповедовали католицизм и униатство. Однако русские и эстонцы, исповедующие униатство, перешли в православие в сороковых годах XIX века. Поляков осталось совсем немного, главным образом они проживали в Варажках⁴⁵⁶.

На распределение населения по территории губернии большую роль оказала Западная Двина. Самая большая концентрация жителей находилась у берега реки. В связи с этим в Двинском, Витебском и Лепельском уездах наблюдалась самая большая плотность

⁴⁵⁵ В. Анисимов, *Витебская губерния...*, op.cit., с. 316-320.

⁴⁵⁶ G. Manteuffel, *Inflanty*, w: *Słownik geograficzny...*, op.cit., s. 282-283.

населения, наименьшая же – в Люцинском, Себежском и Вележском уездах. Население было рассеяно по территории мелкими поселками. С конца 1870 года среди крестьянского населения на некоторых местностях губернии начало наблюдаться довольно необычное и совсем независимое от внешнего воздействия стремление к расселению отдельными дворами. Особенность эта была перенята местным населением от прибалтийских латышей. Основной причиной данного расселения были: пример соседей, округление участка и удобство при его удобрении. Внешним толчком послужил досрочный выкуп наделов некоторыми домохозяйствами. Среди городов губернии выделялись признаками довольно быстро развивающихся торгово-промышленных центров Двинск (так назывался с 1893 года Динабург) и Витебск. Прирост населения данных городов значительно превышал естественный, что подтверждало большой прилив населения со стороны.

Значительная часть населения в Витебской губернии занималась земледелием, что в своей статье Анисимов также подтверждает статистическими данными. Аграрные условия губернии прежде всего характеризуются сильным преобладанием частного землевладения над другими категориями. Реформа 1861 года, которая главным образом определила характер земельных отношений, была реализована в разных частях губернии на разных основаниях. Четыре лифляндских уезда подлежали действию особого положения, на другие уезды распространялось великорусское положение. В результате такого разделения в лифляндских уездах размеры крестьянских землевладений увеличились по сравнению с дореформенными, а в остальных уездах, наоборот, подверглись значительному сокращению. Наибольшее количество земельных участков получили крестьяне в северо-западной части губернии, а именно крестьяне так называемых лифляндских уездов, а также себежского и вельского⁴⁵⁷. Болеслав Брежго (латыш. *Boļeslavs Brežgo*) в своей работе *Латгальские крестьяне после отмены крепостного права, 1861-1914* (латыш. *Latgales zemnieki pēc dzimtbūšanas atcelšanas, 1861-1914*) говорит о том, что положение крестьян Латгалии даже после отмены крепостного права было по-прежнему тяжелым. Крестьянам не было выделено необходимого количества земли, численность населения росла, и земля делилась между членами семьи. Продуктов питания постоянно не хватало из-за чего крестьяне часто терпели голод. Единственным решением для себя крестьяне находили переселение. В 1878 году началось массовое переселение латгальских крестьян в поисках

⁴⁵⁷ В. Анисимов, *Витебская губерния...*, *op.cit.*, с. 316-320.

свободных земель. Главным образом, они перебирались в губернии, находящиеся на территории России.⁴⁵⁸

На территориях Польских Инфлянт активно росло национальное самосознание латгальского народа, который начал осознавать себя не частью Российской империи, Витебской губернии или Польских Инфлянт, а частью латышского народа, проживающего в Латгалии. В этот же период, а именно в марте 1917 года в Российской империи произошла революция, царь был свергнут, а в стране и армии начались процессы демократизации. На волне данных событий представители латгальской интеллигенции решили собрать в Режице конгресс по вопросу об объединении Видземе, Курземе и Латгалии на основе того, что данные регионы представляют собой один народ, говорящий на одном языке. 9-го мая 1917 года в Режице прошел Первый конгресс латышей Латгалии, что стало первым демократическим собранием латгальских депутатов от Витебской губернии, которые выразили желание отделиться от Витебской губернии с целью объединения с Курземе и Видземе для создания независимого государства. Единогласно было принято решение об отделении. По причине этого был созван временный совет, который представляли Ранцанс, Трасунс, Валерия Сеиле (латыш. Valerija Seile) и Янис Гришанс (латыш. Jānis Grišāns). Совет отправил запрос к временному правительству в России на отделение Латгалии. Однако запрос был принят и положительно рассмотрен только 14 декабря. Однако принятие решения со стороны властей России отделить Латгале от Витебской губернии и присоединить к Видземе не имело никакого веса, а было лишь политическим ходом, так как Видземе было в этот момент под немецкими войсками. В феврале 1918 года после немецко-советских мирных переговоров немецкие войска начали захват Латгалии (18 февраля взяли Динабург, 20 февраля – Режицу, а 22-го всю Латгалию). Данное событие привело к соглашению Германии и России, по которому к Германии отошла Литва, Курземе и Земгале, а Видземе и Эстония вошли в зону ее влияния. Латгалия же вошла в состав России, однако фактически на ее территории оставались немецкие войска и было создано немецкое оккупационное правительство. В этот же период создавались земельные советы по всей территории Латвии, не исключением был и динабургский уезд. 26 апреля 1918 года совет Динабургского уезда принял решение об объединении Латгалии с другими частями Латвии, что повторилось также на собрании совета 4 октября. На октябрьском собрании была

⁴⁵⁸ В. Brežgo, *Latgales zemnieku ieceļošana, krājumā Latgales zemnieki pēc dzimtbūšanas atceļšanas, 1861-1914*, Rīga 1954, Lpp. 112-120.

принята резолюция, которая не только в очередной раз подчеркивала желание объединения с Курземе и Видземе, но также включала в себя просьбу к правительству Германии не отдавать Латгалию России⁴⁵⁹. 11 ноября 1918 года было подписано перемирие между Германией и Антантой, что дало возможность Латвии наконец создать независимое государство. 18 ноября Народным советом Латвии была провозглашена независимость Латвийской Республики, признанная де-юре по Рижскому договору 1920 года. 30 ноября Латгальский земельный совет отдала управленческие полномочия Латвийскому народному совету, что формально объединило Латгалию с остальными территориями Латвии. Однако еще весь 1919 год Латгалия оставалась под советской властью, только лишь в 1920 году в начале января с помощью военной помощью Польши удалось присоединить Латгалию к Латвии⁴⁶⁰.

В конце декабря было Верховным командованием латвийской армии было заключено соглашение о военном сотрудничестве с польской армией. Целью данного заключения было освобождения южной части Латгалии, при условии подчинения латвийских войск во время операции командованию польских войск. В первый день операции поляки освободили Даугавпилс, до начала февраля, в ходе операции в несколько этапов территория Латгалии была полностью освобождена⁴⁶¹. В январе 1920 года в Москву отправился социал-демократ Фрицис Мендерсон (латыш.), тайной миссией которого было заключение перемирия. 1 февраля после долгих переговоров между Латвией и Советской Россией вступило в силу перемирие. По причине того, что оно было тайным, столкновения на фронте продолжались до мира 11 августа 1920 года⁴⁶². Мир бы не наступил без поддержки поляков на фронте, так как до конца Красная армия лелеяла надежду на свою победу на данных территориях⁴⁶³.

Стоит упомянуть, что на территорию Латгалии также претендовала Литва. После освобождения территории Илукстского уезда в 1919 году литовские войска изъявляли желание включить данный уезд в состав своего государства, а правительство Литвы настаивало на рассмотрении принадлежности Латгалии и города Даугавпилса в частности. Продолжительные споры между сторонами даже вывелись в вооружённый конфликт в

⁴⁵⁹ Ē. Jēkabsons, *1918. gads Latgalē, krājumā Neatkarības kara stāsti*, Rīga 2017, Lpp. 53-59.

⁴⁶⁰ Ibidem, Lpp. 59.

⁴⁶¹ Ē. Jēkabsons, *Latgales atbrīvošanas operācija, 1920. gada 3. janvāris - februāra sākums militāras norises*, krājumā *Cīņa par brīvību: Latvijas Neatkarības karš (1918-1920) Latvijas Valsts vēstures arhīva dokumentos*, 4. daļa, red. A. Čerpinska, Jelgava 2023, Lpp. 28-43.

⁴⁶² Ē. Jēkabsons, *Slepenais pamiers Latgales frontē 1920. gadā*, "Tēvijas sargs" 2005, Nr 2, Lpp. 28-29.

⁴⁶³ Ē. Jēkabsons, *Współpraca wojskowa łotewskiego-polska latem 1920 roku: żołnierze dywizjonu 18 pułku Ułanów wojska polskiego na Łotwie*, „Scripta Historica” 2021, Nr 27, s. 41-58.

сентябре 1920 года, который привел в итоге к заключению соглашения о границе в 1921 году⁴⁶⁴.

Согласно Рижскому мирному договору, Динабуогский, Режецкий и Люцинский уезды были переименованы и отошли к независимой Латвийской Республике. В феврале 1923 года были упразднены Дриссенский, Городокский и Сенненский уезды Витебской губернии. В марте 1924 года губерния полностью была упразднена⁴⁶⁵.

Из вышеупомянутого стоит сделать вывод, что Ливония (польск. *Inflanty*) на протяжении всей своей непростой истории много раз меняла свои физические границы и входила в состав разных государств, что необходимо принимать во внимание, рассматривая духовную и материальную культуру данного региона, отраженную в том числе в региональной литературе.

В рассмотренных словарных статьях, как стоит заметить, авторы к особенностям территории относят большое количество вод, что влияет на влажность и на почву местности. Из этого следует наличие большого количества и разнообразия рыб, что объясняет написание таких работ, как *Гидрографическо-статистическое описание Западной Двины и рыб обитающих в ней* (польск. *Opisanie hydrograficzno-statystyczne Dźwiny Zachodniej oraz ryb w niej żyjących*) Адама Платера, статья *Рыбы, водящиеся в Двине; ловля их* Алексея Сапунова. Реке Двине посвящено большое количество поэтических произведений и научных статей инфлянтских авторов, авторов, проживающих в Витебской губернии и за ее пределами. По причине того, что река для Польских Инфлянт является важным звеном в определении культурных особенностей местности, ей посвящается следующая глава.

К вышеупомянутым описаниям территориальных особенностей названных в заглавии хоронимов прилагается изображение гербов Инфлянтского воеводства⁴⁶⁶.

⁴⁶⁴ Ē. Jēkabsons, *Militāri politiskā situācija Latvijā 1919 gada jūlijā – decembra sākumā: vispārīgās iezīmes, krājumā Cīņa par brīvību: Latvijas Neatkarības karš (1918-1920) Latvijas Valsts vēstures arhīva dokumentos*, 3. daļa, red. V. Pētersone, Jelgava 2021, Lpp. 55-58; Э. Екабсонс, *Латвия, Литва и Эстония в 1918–1940 гг.: сходства и различия*. „Латвия и латыши” 2019, ред. Янис Страдиньш, Т. II, с. 500-501.

⁴⁶⁵ *Витебская губерния*, в: *Витебск. Энциклопедический справочник*, ред. И.П. Шамякина, Минск 1988, с. 95-96.

⁴⁶⁶ См. Приложение к главе II, с. 275.

ГЛАВА III. РУБОН, ДВИНА, ДАУГАВА – ТРИ ОБРАЗА ОДНОЙ РЕКИ

Гидроним реки в поэтических, историко-географических произведениях, а также в дневниковых записках латышских, польских, остзейских и русских авторов является отражением как духовной, так и материальной культуры Латгальского края и всей Витебской губернии. Географ XIX века Лев Мечников в своей работе под названием *Цивилизация и великие исторические реки* писал о том, что непосредственно река воздействует на социальную жизнь человека и общество в целом. Вода, а особенно проточная, по его мнению, сыграла самую большую роль в создании культуры и цивилизации. Река является синтезом всех физико-географических условий определенной местности⁴⁶⁷. Именно данный гидроним является не только образом места и дает географическую привязку, но также представляет из себя сложный многоплановый образ, несущий в себе локально-динамический, географический и философско-символический характер. Необходимо учитывать также то, что гидроним реки служит границей, чертой, проведенной между территориями, о чем говорит польский географ и картограф Евгений Ромер⁴⁶⁸. В данной главе гидронимы „Рубон“, „Двина“ и „Даугава“ рассматриваются на примере произведений инфлянтских авторов. Река под упомянутыми названиями отражает духовные и материальные особенности местности Латгалии – если в глобальном понимании реки являются артериями земли, то реку, протекающую в Польских Инфлянтах, уместно назвать веной данного региона.

3.1. Западная Двина Алексея Сапунова и исторические названия реки Даугавы

Краевед и историк Алексей Сапунов посвящает Даугаве свой историко-географический труд под названием *Река Западная Двина*. В своей работе автор представляет геологический очерк берегов Западной Двины, описывает состав ее русла, рыб, обитающих в реке, представляет ее физические координаты в подробном описании.

⁴⁶⁷ Л. И. Мечников, *Цивилизация и великие исторические реки: географическая теория развития современных обществ*, ред. М. Д. Гродецкий, Санкт-Петербург 1898, с. 218-131.

⁴⁶⁸ E. Romer, *Ziemia i państwo*, Kraków 1929, s. 34.

Труд включает в себя даже описание торговли и ее особенностей, начиная с древнейших времен. Присутствует также описание местности и ее колорита, жизни вдоль реки язычников ливов, зелов, русских и их противоборства с немцами⁴⁶⁹. Однако Сапунов обращается также к упоминанию Двины в поэтическом творчестве: в главе под названием *Двина в поэзии* автор анализирует образ реки в поэтических произведениях польских, латышских и белорусских авторов, делая следующее вступление:

Краса нашего края — Двина, у которой, по выражению Грозного царя, “берега серебряные, а дно золотое”. Красавица наша оставила след в поэзии классической, в народной поэзии исконных обитателей своих белорусов и латышей, наконец — в поэзии временных властителей — поляков⁴⁷⁰.

В продолжении, в первой части XX главы Сапунов желает подчеркнуть, что река Двина стара, подтверждением чему являются примеры упоминания о ней у древних греков и римлян. Данное утверждение Сапунова является достоверным: действительно, Двина, называемая Эриданом, встречается в поэме Гесиода *Теогония*, в которой присутствует следующая фраза:

От Океана ж с Тефией пошли быстротечные дети,
Реки Нил и Алфей и Эриданом глубокопучинным...⁴⁷¹.

О Эридане упоминает еще один древнегреческий поэт Аполлоний Родосский в своей поэме *Аргонавтика*. В поэме описывается путь аргонавтов домой, в связи с чем упоминается Эридан:

Стали, пока на святой Электриды не прибыли остров,
Самый крайний из всех островов у реки Эридана...
Плачущих горестно дев Гелиад, чьи янтарные слезы,
Масляным каплям подобно, с водою речной уплывали.
После герои вошли в глубокие воды Родана,
Что в Эридан впадает; сливаясь в узкой теснине,
Воды обеих рек шумят, клокоча⁴⁷².

⁴⁶⁹ А. Сапунов, *Торговля по Двине с древнейших времен*, в: *Река Западная Двина*, Витебск 1893, с. 266-267.

⁴⁷⁰ А. Сапунов, *Двина в поэзии*, в: *Река Западная Двина*, Витебск 1893, с. 491.

⁴⁷¹ Гесиод, *Theogonia (О происхождении богов)*, ред. М. Л. Гаспаров, Москва 1999, строфа 337-338.

⁴⁷² Аполлоний Родосский, *Песнь IV*, в: *Аргонавтика*, перевод Г. Ф. Церетели, Тбилиси 1964, строфа 505-512.

Вышеуказанные примеры подтверждают, что река интересовала не только поэтов XIX века, но также древнегреческих творцов. В древнеримской поэзии также можно встретить упоминание Эридана. Примером тому являются *Метаморфозы* поэта Публия Овидия. Во второй книге поэмы древнеримского поэта присутствует описание гибели Фаэтона на берегах янтарной реки Эридан. В описании Эридана присутствует характерное для творчества Публия Овидия повествование о различных метаморфозах-превращениях людей в животных и растения. Сестры Фаэтона оплакивают смерть своего брата и превращаются в деревья, а их дядя в лебедя:

Берег зеленый реки Эридана своей он печальной
Жалобой полнил и лес, приумноженный сестрами друга.
Вдруг стал голос мужской утончаться, белые перья
Волосы кроют ему, и длинная вдруг протянулась
Шея; стянула ему перепонка багряные пальцы,
Крылья одели бока, на устах клюв вырос неострый.
Новой стал птицею Кикн⁴⁷³.

Стоит подчеркнуть, что река встречается не только в произведениях древнегреческих и древнеримских авторов, но также в творчестве норманнских викингов. Однако в случае викингов река названа Диной. Примером тому является одно из поэтических произведений, посвященное датскому конунгу Раграгу Лодброку, в песне, состоящей из 18 строф. Автор песни упоминает бой, во время которого погибло множество воинов на устье Дины:

Ударили в мечи!.. Я помню день тот славы,
Сверкая молнией, открыла бой кровавый,
И восемь ярлов там легло, при устье Дины.
Я помню... кровь лилась на берегу, как реки:
От алых струй побагровело море⁴⁷⁴.

Рагнар поет свою песню из могилы, которая наполнена змеями, призывая своих бойцов сражаться. Поражением Рагнара стала попытка напасть на Элла, шотландского вождя. В песне Рагнара Лодброка появляется также упоминание притока Западной Двины

⁴⁷³ Овидий, *Метаморфозы*, перевод с латинского С. В. Шервинского, Книга II, Москва 1977, строфа 372-377.

⁴⁷⁴ А. Сапунов, *Западная Двина в древние и средние века*, в: *Река Западная Двина*, Витебск 1893, с. 26.

реки Эвикшты или Эвста, что является подтверждением того, что Диной викинги называли именно Даугаву.

В скандинавских сагах также встречается река Дина. К примеру, в саге *Gaungu-Hroles* Дина упоминается следующим образом:

Говорят, что король Реггвид, еще в юношеском возрасте, был неутомимым викингом и подчинил себе многие страны, лежащие на реке Дине, которая протекает по государству Гардарик⁴⁷⁵.

Сапунов, ко всему прочему, упоминает другие названия Даугавы, которые встречаются в сагах: среди них “Seimgala Дуна” (Семигальская Двина) и “Vina” (Вина). В труде *Река Западная Двина* пишется также о том, что название „Дина“ впервые упоминается у географа Равеннского в конце VII века, когда он приводит слова готского философа Маркомира:

Дания, говорит философ, рождает мужей весьма ученых и храбрых, но не настолько, однако, предприимчивых, как те же Даны, которые находятся на берегах Дины⁴⁷⁶.

Географ делает вывод, что слова ученого гота показывают, что берега Дины с давних времен были свидетельством подвига норманнских викингов. Сапунов же задается вопросом об этимологии названия „Двина“. Интересуясь этим вопросом, обращается к статье Михаила Борха *Два слова о Двине*. Стоит подчеркнуть, что труд Сапунова *Река Западная Двина* впервые был опубликован в 1893 году; в свою очередь, статья графа Михаила Борха *Два слова о Двине*, на которую ссылается историк, была представлена в четвертом томе альманаха “Rubon” в 1845 году⁴⁷⁷. Сапунов озвучивает версию Борха о происхождении названия „Дюна“ от существительного „дюна“. Данное название, по версии Борха, было дано германскими купцами, которые испокон веков заходили своими судами в устье реки, названия которой не знали и, видя, что доступ к ней загроможден песчаными холмами или дюнами, называли реку по аналогии Дюною или Диною. Сам Сапунов оспаривает данное предположение, говоря о том, что подобным образом выглядели также

⁴⁷⁵ А. Сапунов, *Западная Двина в древние...*, op.cit., с. 26.

⁴⁷⁶ Ibidem, с. 25.

⁴⁷⁷ М. Borch, *Dwa siowa o Dźwinie*, “Rubon” 1845, red. K. Bujnicki, T. IV, s. 20.

берега других рек в юго-восточной части Балтийского моря. Ко всему прочему, немецкие купцы знали только нижнее и среднее течение реки, а название присутствует также у туземцев, проживающих на ее верховье. Сапунов приводит свое предположение об этимологии названия. Он говорит о том, что название имеет славянское происхождение, подтверждая это однокоренными названиями озера и деревни Двинец, озера Двинье, реки Двиноса. Автор делает предположение о том, что норманны, а позднее немецкие купцы изменили название „Двина“. В подтверждение своей теории Сапунов говорит также, что не во всех сагах Двина называется Диной, а также Виною. Борх также приводит пример из поэтического произведения Лодброка и приводит слова о Дине готского философа Маркомира, согласно чему напрашивается предположение, что Сапунов целиком и полностью принимает во внимание статью Борха в данном вопросе, лишь оценивая представленные автором предположения.

Возвращаясь к статье Борха, стоит отметить, что он приводит несколько возможных вариантов этимологии. К примеру, название „Двина“, по мнению автора, также может происходить от глагола русского языка „двигать“. Борх делится также своими впечатлениями о реке, делает лирическое отступление, пишет о том, что течение Двины медленное и двигается она достаточно лениво, неспешно, но при этом движение на ней совершают лодки, течение пытаются ускорить подводные камни:

Она такая синяя, весело блестит под солнцем. Плыть в наше время ей тяжело, и во многих местах кажется, что река еле движется. Кое-где камни на дне, словно желая вялое ее течение пошевелить и побудить на скорейшее движение, чинят препятствия поперек ее вечного течения. Тогда только вспененная поднимается, с большой скоростью бросается на твердую скалу, что на грудь ее давит, трет, измельчает дерзкие преграды – и от этой мгновенной борьбы сразу, разъяренная, гремящая и яростная, течет стремительно мать родников наших, течет, а потом – потом снова скользит уныло задумчивая, не соизволя почти никогда проглотить, даже покачать маленькие или большие, пустые или загруженные, плывущие по ее голубому лону вдаль лодки.⁴⁷⁸ [Перевод с польского Э.Я.]

⁴⁷⁸ Ona tak modra, tak pod słońcem zda się wesoło lśniaca, płynie za naszych czasów ciężko, niedbale, i w wielu miejscach ledwo się zdaje ruszać, Gdziegdzie podnurtowe kamienie, jakby chcące ospały bieg jej poruszyć i do skorszego pobudzić ruchu, stawiają wpoprzek jej odwiecznego biegu opory. Natędy tylko zapieniona podnosi się, wielkim pędem wpada na twardą opokę, co jej pierś przygniata, ściera, miele zuchwałę zapory – i z tej walki jednochwilowej zrazu zawsze zapalczywa, dalej jeszcze grzmiąca i gniewna, biegnie chyżo matka źrójów naszych, biegnie, a potem – potem, wnet po dawnemu śliznie smętnie zadumana, nie racząc nigdy prawie pochłania, ba nawet pokołytać małe czy wielkie, próżne czy ładowne, po jej błękitnem łonie w dal płynie łodzie. [M. Borch, *Dwa słowa...*, op.cit., s. 31-32]

Интересно, что Двина в описании Борха так же, как Двина Храповицкого в стихотворении из первого тома, имеет двойственный характер. С одной стороны, она греется на солнце и еле движется, но с другой стороны находится в активном сопротивлении.

Автор не забывает охарактеризовать положение местного населения, говоря, что численность латгальцев сокращается:

...напоследок о бедствиях народа, чья национальность все меньше и меньше становится заметной, а может, и вовсе пропадет.⁴⁷⁹ [Перевод с польского Э.Я.]

Завершает свою статью Борх поэтически, в стихотворении также говорит о народе, который жил и живет на берегу Даугавы. Его характеристика, как и в прозе, не слишком положительна. В стихотворении народ характеризуется как бедный, но зато свободный:

Народ бедный, но свободный сидел здесь,
Твои прелести колыхал – берег тебя единственную.⁴⁸⁰ [Перевод с польского Э.Я.]

Сапунов также обращается к поэзии, отмечает, что очень мало песен можно найти у латышей о древнейших берегах Двины. Делает акцент на том, что в латышских народных песнях всегда присутствует нота пессимизма, в подтверждение тому приводит две следующие песни из сборника Яниса Спрогиса под названием *Памятники латышского народного творчества*:

Из крестов скованна Русская земля,
А эта (т. е. земля латышей) обессилена господами.⁴⁸¹ [перевод с латышского Я.Спрогиса]

Отчего худы, отчего малорослы

⁴⁷⁹ ...w ostatku klęsk ludu, którego narodowość coraz to mniej staje się wydatna, a wrychle też może i zupełnie zaginić. [M. Borch, *Dwa słowa...*, op. cit., s. 33]

⁴⁸⁰ Lud ubogi lecz wolny siedział tu dziedziną,
Twoje wdzięki kołysał – strzegł ciebie jedyną. [M. Borch, *Dwa słowa...*, op. cit., s. 40]

⁴⁸¹ Krustiem kalta Krievu zeme,
Šī kungiem izvērgota. [Я. Спрогис, *Памятники латышского народного творчества*, Вильна 1868, с. 294]

Стокмансгофския красавицы?
Днем они на барском поле,
Ночью молотят в рие⁴⁸². [перевод с латышского Я.Спрогиса]⁴⁸³

Примеры действительно подтверждают особенности тяжелого быта латышских крестьян, но с тем, что в латышских народных песнях не встречается упоминание Даугавы, согласиться крайне сложно. В вышеупомянутом труде Спрогиса, который включает в себя более 900 песен из разных латышских деревень, есть целая глава под названием *Река Даугава*. Глава расположена в первом разделе под названием *Воды, воздух, суша и времена года*. В основном песни о Даугаве трагичны, в них присутствует красный и черный цвет, как символ смерти и жертв:

Даугавушка, черноглазая,
Черная она течет вечером;
Как не течь ей черную, -
Она полна дорогих жизней.⁴⁸⁴ [перевод с латышского Я.Спрогиса]

Беги, беги, Даугавушка,
Покрытая красную пеною:
Этим летом упал в нее
Мой красный веночек из роз.⁴⁸⁵ [перевод с латышского Я.Спрогиса]

Однако встречаются песни, в которых образ Даугавы описывается радужно и жизнерадостно – таковой облик Даугавы окрашен серебряным и желтыми цветами:

⁴⁸² Рия (латыш. rīja) – сооружение (часто с соломенной крышей), которое встречается в северо-восточной Европе и служит для сушки и обмолота зерна. Часто к рие пристраивалось жилое помещение, которое назвалось жилой рией. [P. Kundziņš, *Latvju sēta*, Rīga 1974, 221-240]

⁴⁸³ Aiz ko sīkas, aiz ko mazas
Suntalnieku dzeltainītes?
Dienu kunga tīrumā,
Nakti rījas kūlejiņa. [Я. Спрогис, *Памятники латышского...*, op.cit., с. 148]

⁴⁸⁴ Daugaviņa, melnacīte,
Melna tek vakarā.
Kā tā melna netecēs,
Pilna dārgu dvēselīšu. [Я. Спрогис, *Памятники латышского...*, op.cit., с. 12]

⁴⁸⁵ Teci, teci, Daugavīna,
Sarkanām putinām:
Man iekrita šovasar
Sarkans rožu vainadziņš. [Я. Спрогис, *Памятники латышского...*, op.cit., с. 12]

За Даугавой длинные лозы,
С желтыми цветочками;
Если бы попасть на ту сторону,
Я свила бы веночек.⁴⁸⁶ [перевод с латышского Я.Спрогиса]

Беги, беги, Даугавушка,
Просевая, разбрасывая,
Беги, золото просевая,
Серебро разбрасывая.⁴⁸⁷ [перевод с латышского Я.Спрогиса]

Песенный шкаф (латыш. Dainu skapis)⁴⁸⁸ Кришьяниса Баронса также является подтверждением того, что в народных песнях (дайнах) часто встречается упоминание Даугавы. Основываясь на данной информации, стоит отметить, что заявление Сапунова о реке в народном латышском творчестве является неверным.

Также стоит отметить, что в латышских народных песнях река всегда названа Даугавой. Борх обращается в своей статье к названию „Даугава“, которое дали реке балтийские племена. Однако автор затрудняется наверняка разобраться с этимологией данного названия. Проблема заключается в том, что оно могло произойти как от латышского, как от литовского, так и от латгальского языков. Вполне возможно, что название произошло от латгальского глагола „гореть“ (латыш. dag), также могло произойти от латышского слова „много“ (латыш. daudz). В литовском также есть обозначение большого количества (лит. daug), к примеру, по-литовски выражение „Daug gavom“ переводится как „Мы много получили“⁴⁸⁹. Сапунов в работе *Река Западная Двина* также обращается к этимологии названия „Даугава“. Автор предполагает, что „Daugawa“ происходит от латышско-литовского корня “daug”- много и „awa” – вода. Корень „awa” Сапунов ассоциирует с латышским „avots” - „источник“, „ключ“, также с латинским “aqua”

⁴⁸⁶ Aiz Daugavas gari kārkli
Dzeltaņiem ziedņiem;
Kaut varetu pāri tikt,
Sev vaiņagu darinatu. [Я. Спрогис, *Памятники латышского...*, op.cit., с. 13]

⁴⁸⁷ Teci, teci, Daugaviņa,
Sijādama, nickādama,
Teci, zeltu sijādama,
Sidrabiņu nickādama. [Я. Спрогис, *Памятники латышского...*, op.cit., с. 13]

⁴⁸⁸ K. Barons, Dainu skapis, dainuskapis.lv – *Песенный шкаф* является картотекой латышских народных песен – дайн, собранной латвийским фольклористом Кришьянисом Баронсом в 1880 году.

⁴⁸⁹ M. Borch, *Dwa słowa...*, op.cit. s. 20.

и древнегерманским „aha”. Из данных предположений автор делает вывод, что название „Даугава” подразумевает под собой многоводную и великую реку⁴⁹⁰. Сапунов не забывает добавить, что предположения Борха на данный счет ему кажутся неверными.

Сапунов не скрывает того, что ему ближе название „Двина”, субъективно подходит к оценке поэтического творчества, посвященного реке. Если латышская поэзия кажется ему унылой, то в польской автор не находит обширного количества примеров:

Поляки, долгое время господствовавшие над средним течением Двины, оставили несколько прекрасных стихотворений о нашей реке. Впрочем, справедливость требует сказать, что лучшая из них принадлежит белорусам по происхождению⁴⁹¹.

В качестве примера Сапунов приводит народную песню на белорусском языке, записанную этнографом Николаем Никифоровским в деревне Островские в Витебской губернии. Образ реки в народной белорусской песне имеет динамичный характер, связанный с плесканием в ее водах птенцов воронов. Белые берега реки противопоставляются черным перьям воронов. Взрослые вороны своим воронятам наказывают умыться в Двинке:

На том берегу,
На том да на белом
Вороны каркали,
Вороны каркали.

Летите, детки,
На Двинку,
Вымойте, детки,
Черные перышки.⁴⁹² [Перевод с белорусского Э.Я.]

⁴⁹⁰ А. Сапунов, *Река Западная Двина*, Витебск 1893, с. 494.

⁴⁹¹ Ibidem

⁴⁹² На тымъ на бяроззю,
На тымъ да на беломъ
Груканы грукали,
Груканы грукали.

Ды й лятитя, детки,
На тую й на Двинку,
Вымывайтя, детки,
Тьяную пяринку. [А. Сапунов, *Двина в поэзии*, в: *Река Западная Двина*, Витебск 1893, с. 494]

Гидроним в народной белорусской песне представлен в уменьшительной форме „Двинка”, что также ассоциативно откликается в детках воронов. Однако ворон в фольклоре восточных славян, как правило, является вестником беды, представителем мира мертвых. Если начало песни имеет оптимистичный характер, то в конце лирический герой, представляясь рыболовом, со слезами прощается с воронятами и местностью, толи покидая местные края, толи мир живых:

Поклюйте, гручки,
Поклюйте, черные,
Мои искренние слезы!

Вспоминайте, гручки,
Вспоминайте, черные,
Меня – рыболова.⁴⁹³ [Перевод с белорусского Э.Я.]

В качестве примера Сапунов приводит песню на белорусском языке, записанную этнографом Николаем Никифоровским в деревне Островские в Витебской губернии. Если перевод белорусской песни не предоставляется автором, то элегия польского поэта и этнографа Тадеуша Лады-Заблоцкого (польск. Tadeusz Łada-Zabłocki) представлена как в оригинале, так и в переводе Генриха Теодоровича на русский. Стоит упомянуть о том, что Лада-Заблоцкий является представителем польского романтизма, поэтому для его творчества характерна элегическая поэзия, наполненная тоской и меланхолией, настроениями неспособности человека противостоять течению времени, чему противопоставлено спокойствие вечности природы. Выделяется Лада-Заблоцкий среди романтиков своего времени тем, что был неформальным лидером, так называемого круга кавказских писателей, представителем польских писателей в России общества любителей отечественной поэзии. По причине активного участия в обществе, а в последствии

⁴⁹³ Подювбайтя, гручки,
Подювбайтя чорны
Моихь слезокь щирыхь!

Спомянитя, гручки,
Спомянитя, чорны,
Мене – рыболовца. [А. Сапунов, *Двина в...*, op.cit. с. 495]

написания стихотворения, направленного против царя Лада-Заблоцкий был сослан на Кавказ⁴⁹⁴, где поэтически описывал красоты местной природы, в духе романтизма XIX века. Польский историк и исследователь романтизма Мечислав Инглот (польск. Mieczysław Inglot) даже называет Ладу-Заблоцкого самым выдающимся польским поэтом, пишущим о Кавказе⁴⁹⁵.

Интересным является то, что Ладу-Заблоцкого порой относят к поэтам „белорусской школы”. К примеру, Ромуальд Бодбереский (польск. Romuald Podbereski), являющийся сторонником белорусского регионализма, определил Ладу-Заблоцкого в круг поэтов „белорусской школы”⁴⁹⁶. Мария Янион (польск. Maria Janion) пишет о том, что белорусский регионализм был использован Ладой-Заблоцким для создания определенной поэтической мифологии: „Автор выбирает отдать свои чувства „нашему северу”, легендарной Белоруссии” – пишет литературовед⁴⁹⁷. Говорит это о том, что Лада-Заблоцкий также является в какой-то степени поэтом пограничья, являясь представителем польского романтизма, но при этом также демонстрируя в своем творчестве произведения характерные для белорусского регионального романтизма, к примеру такие, как баллады *Заколдованная дева* (польск. *Zakłeta dziewica*)⁴⁹⁸ и *Ляшка* (польск. *Laszka*)⁴⁹⁹.

Зачастую польские литературоведы относятся достаточно скептически к определению творчества Лады-Заблоцкого к кругу „белорусской школы” на что есть свои основания⁵⁰⁰, однако нельзя отрицать факт, что красота регионов Белоруссии встречается часто в творчестве поэта, особенно в первой его половине. Подтверждением тому служат, к примеру, поэма *Окрестности Витебска* (польск. *Okolice Witebska*) и стихотворение *Должанское озеро* (польск. *Dolżańskie jezioro*). Однако в данной работе Лада-Заблоцкий более интересен как поэт, посвятивший свою элегию Двине, также связанной с землями Белоруссии. Стоит отметить, что реки достаточно часто присутствуют в творчестве Лады-Заблоцкого, в его поэтических произведениях можно встретить Неман, Днепр, Вилию, Лучосу, Шарум, Аракву и другие. Элегии же поэт посвящает лишь Двине и Вилии.

⁴⁹⁴ T. Osuch, *O судьбе ссыльных польских литераторов в Грузии во второй трети XIX века: Тадеуш Лада-Заблоцкий*, „Acta Polono-Ruthenica”, №7 2002, с. 15-23.

⁴⁹⁵ M. Inglot, *Rosja i Rosjanie w oczach polskich Kaukazyków*, w: *Spotkania literackie z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu*, red. B. Galster i J. Kamionkowa. Wrocław 1973, s. 199.

⁴⁹⁶ R. Podbereski, *Białoruś i Jan Barszczewski*, w: *J. Barszczewski, Szlachcic Zawalnia, czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*, Petersburg 1844, T. I, s. 19-21.

⁴⁹⁷ M. Janion, „Szkola białoruska” w *poezji polskiej*, „Przegląd Wschodni” 1991, T. I, z. 1, s. 41.

⁴⁹⁸ T. Ł.-Zabłocki, *Zakłeta dziewica*, „Rubon” 1846, red. K. Bujnicki, 1846, T. VII, s. 143-151.

⁴⁹⁹ T. Ł.-Zabłocki, *Laszka*, „Biruta” 1838, red. J. Krzeczковского, s. 204-209.

⁵⁰⁰ D. Ossowska, *Wstęp*, w: *Poezje Tadeusza Łady-Zabłockiego*, Petersburg 1845, s. 14-15.

Литературоведы, занимающиеся исследованием творчества Лады-Заблоцкого, часто замечают влияние на его поэзию творчества Адама Мицкевича. К примеру, литературовед Оссовская отмечает сильное вдохновение Мицкевичем в стихотворении Лады-Заблоцкого, относящегося к его интимной поэзии, под названием *К Н... П... Т...эфф* (польск. *Do N... P... T..eff*) с подзаголовком: *Отправляющейся в путешествие на Крым* (польск. *Wyjeżdżącej w podróż do Krymu*)⁵⁰¹, написанного в Пружках в 1843 году⁵⁰². Период кавказских тем в поэзии Лады-Заблоцкого также имеет большое количество схожих мотивов с поэзией Мицкевича и пропитан вдохновенностью в его творчество⁵⁰³. Данные наблюдения наводят на рассуждения о том, насколько уникальным является поэтическое переживание по поводу Двины самого поэта Лады-Заблоцкого? Вопрос также может затрагивать более широкое поле в данном направлении, а именно: являются ли уникальными поэтические переживания по поводу рассматриваемого гидронима всех названных в разделе польских авторов, или это лишь дань характеру романтической поэзии и влиянию такого масштаба поэта современника, как Адам Мицкевич? По данной причине представляется необходимо рассмотреть примеры из произведений поэтов и сопоставить их. Элегия *К Двине* Лады-Заблоцкого во многом перекликается с сонетом Адама Мицкевича *К Неману*. Лада-Заблоцкий так же, как Мицкевич, обращается к реке в воспоминаниях о безмятежности своей юности; для каждого из поэтов река ассоциируется с родным душе слушателем, знающим автора с его раннего детства:

Река родимая, как много лет прошло
С той ночи, когда я, в путь трогаясь далекий...
Задумчиво смотреть на вод твоих стекло
И берег твой лобзать пустынный и широкий⁵⁰⁴. [Перевод Г. Теодоровича]⁵⁰⁵

Неман, родная река моя! Где эти воды,
Что я черпал когда-то в горсти, бывало!
На которых потом ещё в дикую глушь уплывал я,

⁵⁰¹ T. Łada-Zabłocki, *Do N... P... T... eff*, „Rubon” 1846, T. VII, s. 152-156.

⁵⁰² D. Ossowska, *Wstęp...*, op.cit., s. 10.

⁵⁰³ P. Wojciechowski, *Góry kaukaskie w liryce Władysława Strzelnickiego i Tadeusza Łady-Zabłockiego*, w: *Gruzja i Polska: transfer wartości kultury*, red. Jarosław Ławski i Wera Occheli, Białystok 2022, s. 119-129.

⁵⁰⁴ Т. Л.-Заблоцкий, *К Двине*, в: *Река Западная Двина*, Витебск, 1893, с. 498.

⁵⁰⁵ Rodzinna rzeko! Ileż lat ubiegło,
Gdym nad twym brzegiem dumał raz ostatni;
I złożył jadąc w krainę odległą
Na twojej fali pocałunek bratni. [T. Ł-Zabłocki, *Do Dźwiny*, w: *Poezje Tadeusza Łady-Zabłockiego*, Petersburg 1845, s. 27]

Ища беспокойному сердцу прохлады свободной⁵⁰⁶? [Перевод И. Оммулевского]⁵⁰⁷

Поэты, погружаясь в свои воспоминания, тоскуют по любимой, с которой они были вместе над рекой, и задаются похожими лирическими вопросами, связанными с утратой юных лет, дружбы и любви:

Где лучшего бурного века тревоги?
Где Лаура моя? Где друзья мои тоже?⁵⁰⁸ [Перевод И. Оммулевского]⁵⁰⁹

Ах, где теперь тех чудных дней мечты,
Которые меня манили бесконечно?
Где дружбы и любви душистые цветы,
Которые в душе я так растил беспечно?⁵¹⁰ [Перевод Г. Теодоровича]⁵¹¹

Исходя из выше представленных примеров стоит сделать вывод о том, что для Лады-Заблоцкого Двина является такой же родной, как для Мицкевича Неман⁵¹², что, вполне

⁵⁰⁶ А. Мицкевич, *Сонеты*, в: *Собрание сочинений Адама Мицкевича*, ред. П. Н. Полевой, Т. 1, Москва 1902, с. 104.

⁵⁰⁷ Niemie, domowa rzeko moja! Gdzie są wody,
Które niegdyś czerpałem w niemowlęce dłonie,
Na których potem w dzikie pływałem ustronie,
Sercu niespokojnemu szukając ochłody? [A. Mickiewicz, *Do Niemna*, w: *Sonety i sonety krymskie*, Warszawa 1922, s. 11]

⁵⁰⁸ А. Мицкевич, *Сонеты...*, op.cit., s. 104.

⁵⁰⁹ Gdzie miłsze burzliwego wieku niepokoje?
Kędy jest Laura moja? Gdzie ją przyjaciele? [A. Mickiewicz, *Do Niemna*, w: *Sonety i sonety krymskie*, Warszawa 1922, s. 11]

⁵¹⁰ T. Ł-Zabłocki, *Do Dźwiny*, w: *Poezje Tadeusza Łady-Zabłockiego*, Petersburg 1845. s. 27-29.

⁵¹¹ Ach! Gdzież te mary młodej wyobraźni,
Co mię maniły niegdyś bezustanku?
Gdzież urojenie miłości, przyjaźni
Którem wypieścił w moich lat zaranku? [T. Ł-Zabłocki, *Do Dźwiny*, w: *Poezje Tadeusza Łady-Zabłockiego*, Petersburg 1845, s. 28]

⁵¹² Неман в творчестве Мицкевича встречается не только в вышеуказанном сонете, а также в исторической поэме Конрад Валленрод (польск. Konrad Wallenrod). В поэме Неман играет также судьбоносную роль, так как он „отделяет литовцев от врагов”, лирический герой надеется на гибель врагов, несущих зло и разруху, в водах Немана, за Неманом находится башня, в которой прибывает в одиночестве, вдали от возлюбленного, любимая главного героя поэмы Альдона. В поэме присутствует песнь, посвященная реке Вилии (Вилия (польск. Wilia) – самый длинный приток Немана.), которая изображается в женском образе, влюбленном в мужской образ Немана. В песни Мицкевича Неман обнимает Вилию, и возлюбленные погибают в морской пучине. Таким образом автор проводит аналогию между втекания притока в реку и судьбы влюбленной Альдоны, которая принимает тяжбы борьбы Конрада Валленрода и также гибнет. Ассоциация человеческой судьбы с природными явлениями характерна для романтизма. Лада-Заблоцкий, обращаясь к рекам Кавказа, также делит их на мужские (Терек, Шамур) и женские (Алазани, Араква, Кадора). [A. Mickiewicz, *Konrad Wallenrod*, Paryż 1851, s. 2, 3, 9-10, 28; T. Ł-Zabłocki, *Rusalka Tereku*, w: *Poezje Tadeusza Łady-Zabłockiego*, Petersburg 1845. s. 151-152, 162, 168-169, 172, 174-177].

возможно, направило авторов на отражение экзистенциальных вопросов в своей поэзии, обращенной к реке. Двину Лада-Заблоцкий характеризует как родимую и любимую, но при этом обладающую всепоглощающей силой, способной перевернуть судьбу.

Неман в творчестве Мицкевича является символом его „малой родины” - Виленского края⁵¹³, скорее всего, именно поэтому автор ввел в романтическую поэзию мотив самой большой реки, протекающей на родных землях автора, о чем также говорит исследователь Хелена Билютенко (польск. Helena Bilutenko) в статье под названием *Функции Немана в романе Элизы Ожешко „Над Неманом”*⁵¹⁴. Ко всему прочему, в творчестве Мицкевича Неман символизирует пережитую историческую трагедию первым поколением польских романтиков. Неман также выступает мотивом „домашней реки”, являясь сентиментальным символом⁵¹⁵. Однако такой же сентиментальный символ „Домашней рекой” представлен и в творчестве Лады-Заблоцкого, родившегося в Витебской области (польск. Witebszczyzna)⁵¹⁶. Этим символом является Двина, что подтверждают следующие обращения к реке лирического героя: „Река родимая!”, „Прощай, Двина моя!”. Присутствует также мотив прощания с родиной и противопоставление дома чужбине, что отражено в последнем четверостишье:

Прощай, Двина моя! Быть может навсегда
Уйду я теперь с тоской моей безумной,
И праха моего не донесет сюда
С полей страны чужой на крыльях ветер шумны.⁵¹⁷ [Перевод Г.Теодоровича]⁵¹⁸

Стоит отметить, что несмотря на вдохновение авторов своими современниками, использование принятых форм, остаются также важные точки опоры, по которым стоит судить о уникальности поэтического переживания относительно какого-либо объекта или

⁵¹³ Польск. Wileńszczyzna

⁵¹⁴ Х. Билютенко, *Функции Немана в романе Элизы Ожешко „Над Неманом”*, в: *Eliza Orzeszkowa: pamięć kultury: studia i głosy*, Białystok-Grodno 2019, с. 208.

⁵¹⁵ K Samsel, *Rzeki w „Królu-Duchu”*, „Prace Filologiczne. Literaturoznawstwo” 2015, Nr 5 (8), s. 486.

⁵¹⁶ W. Śliwowska, *Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny*, Warszawa 1998, s. 694-695.

⁵¹⁷ А.Сапунов, *Река Западная Двина*, Витебск 1893, с. 499.

⁵¹⁸ Żegnam cię, Dźwino! Dzień już niedaleki,
Może odpłynę znów od brzegu twego;
Lecz już odpłynę na długo, na wieki,
I wiatr tu prochu nie doniesie mego. [Т. Ł.-Zabłocki, *Do Dźwiny*, w: *Poezje Tadeusza Łady-Zabłockiego*, Petersburg 1845, s. 27]

события. Несомненно, таковой точкой опоры в случае Лады-Заблоцкого является его родной край, которому он посвящает свою поэзию.

В приложении к своему труду Сапунов также помещает два стихотворения, посвященных Двине и написанных на русском языке. Авторство принадлежит жителям города Велиж, купцу-меценату и краеведу Киселеву, а также неизвестному автору, записавшему народное творчество недалеко от Велижа.

В стихотворении купца Киселева большую роль играет эпифора, которой заканчиваются все четыре шестистишия:

Эх, Двина, Двина, Двина,
Двина — матушка моя!⁵¹⁹

Прием такого типа намекает на то, что автор черпает вдохновение от народного творчества. Начало стихотворения также похоже на народную песню:

Выйду на берег весной
Любоваться я Двиной⁵²⁰.

Второе стихотворение также обладает настроением народного фольклора. Нарратором в нем выступает сирота, желающая скрыться от злой мачехи и ищущая убежища у реки Двины. Двина представляется ей могущественной — глубокой, широкой, быстрой, великой. Река также наделена способностью очищения:

Ах, пойду я, младшенька, да на речку на Двину.
Як пришла я, сиротинка, на крутой бережок Двины;
Ах, глубокая, широкая, ты быстрая Двина,
Унеси ты мое горе от меня⁵²¹.

⁵¹⁹ А.Сапунов, *Река Западная...*, op.cit., с. 346.

⁵²⁰ Ibidem

⁵²¹ Ibidem

В русском народном творчестве вода обладает целебным свойством, примером чему может стать живая и мертвая вода. Скорее всего, согласно данной аналогии вода реки в данном стихотворении обладает способностью смыть горести. В последней строфе говорится о том, что лирический герой любит Двину как родную мать. Именно эта последняя строфа объединяет рассматриваемое стихотворение со стихотворением купца Киселева, в котором Двину автор называет своей матушкой.

Оценивая рассуждения Сапунова касательно этимологии и названия гидронимов реки в поэзии, представленные в его очерке *Река Западная Двина*, стоит отметить, что ему ближе белорусское и русское поэтическое изображение Даугавы, к латышскому и польскому он относится весьма скептически – так же, как и к научным рассуждениям Борха на тему этимологии названия реки. Однако автор отображает в работе примеры стихотворений на польском языке с переводом и даже несколько латышских народных песен, что делает данный труд интересным и весьма познавательным не только с историко-географической точки зрения. Обращение Сапунова к изображению Даугавы у других авторов, а также вхождение в спор об этимологии гидронима с точкой зрения Борха говорит о том, что автор находится в состоянии диалога культур, согласно инфлянтской риторике. Данную ситуацию лучшим образом может охарактеризовать цитата философа Библиера по поводу связи между личностью, этноцентризмом и признания другого и отличного:

Чтобы быть настоящим участником мира культуры необходима культура другого человека. Нельзя ограничиться тем, чтобы дать ему возможность быть чужеродным. Каким-либо образом необходимо ввести его культуру, его ценности и его правду в сферу своего мышления. Начать внутренний диалог с другой культурой и с этим отличающимся способом мышления. Это не только уважение чего-то отличного от своего, но также понимание, что без этого иного невозможно быть самим собой⁵²².

Действительно, мог бы очерк *Река Западная Двина* быть самим собой, без обращения Сапунова к другим авторам, заинтересованным инфлянтской риторикой, а в частности гидронимом Даугавы? Однозначно он бы не отражал „диалог культур” и не подчеркнул бы позицию самого автора по данному вопросу. Еще одним ярким примером „диалогом культур” является периодическое издание „Rubon”, о котором пойдет речь в следующем разделе.

⁵²² V. S. Bibler, *Myślenie jako dialog*, przełożył J. Dobieszewski, Warszawa 1982, s. 187.

3.2. Двина и Даугава в альманахе „Rubon”

Впервые альманах под названием „Rubon” был издан в 1842 году. Издавался последующие семь лет, примерно по два тома в год. Стоит отметить, что это было первое периодическое издание, раскрывавшее духовные и материальные особенности Латгальского края. Идея создания альманаха целиком и полностью принадлежала публицисту и краеведу Казимиру Буйницкому. Именно он был его главным редактором, финансирование издания осуществлялось на его средства⁵²³. С 1842 по 1849 гг. были изданы десять томов, представляющие собой исторические, этнографические и литературные труды на тему особенности жизни в Латгалии. Издавался альманах в Вильне в типографии издателя и книготорговца Юзефа Завадского. Издательство считалось престижным, его основателю принадлежало также университетское издание, а в 1826 году Завадский получил титул императорского типографа Виленского университета и научного издателя. Благодаря финансированию государственного деятеля Адама Чарторыйского в типографии работали заграничные специалисты, были закуплены качественные печатные машины, были доступны шрифты разных алфавитов. Издательство Завадского было одним из самых крупных в Вильне, оно также известно изданием работ, сыгравших важную роль для польской литературы. В издательстве были изданы первые тома поэзии Адама Мицкевича, в период с 1816 по 1822 гг. издавался научно-литературный альманах „Tygodnik Wileński”, в 1822 году был также издан *Латино-польский словарь* Бобровского. Выходили книги на шести языках. Стоит упомянуть, что после передачи Вильно Литве Советским Союзом в 1939 году типография была продана литовскому издательскому обществу „Спиндулис”⁵²⁴. Альманах Буйницкого издавался в типографии Завадского после смерти типографа.

По причине того, что некоторые исследователи, к примеру, такие как Юзеф Голомбек (польск. Józef Gołąbek) и Тадеуш Станислав Грабовский (польск. Tadeusz Stanisław Grabowski) характеризуют альманах „Rubon” как отражение региона Белоруссии, стоит отметить, что это утверждение является принципиально ошибочным. Голомбек утверждает,

⁵²³ P. Zeile, *Kazimirs Buiņickis – sociālo reformu rosinātājs Latgalē, latviešu vienotības paudējs, rakstnieks un publicists*, „Acta Latgalica 10” 1999, Lpp. 241-256.

⁵²⁴ B. Bieckowska, *Książka na przestrzeni dziejów*, Warszawa 2005.

что „Rubon” больше всего внимания уделяет проблемам Белоруссии⁵²⁵, а Грабовский вовсе относит авторов альманаха к „польско-белорусской” школе⁵²⁶. Литературовед Инглот полностью опроверг данное утверждение в своем исследовании, доказав, что:

...не существовала группа польско-белорусских писателей, сконцентрированных в свете альманаха „Rubon”. Правдой является то, что альманах имел региональный характер, но понятие региона в альманахе не ограничивалось землями Белоруссии или частью Латвии. Границы региона литературной и фольклорной деятельности установил редактор альманаха „Rubon”, согласно с границами окраин некогда бывших воеводств Речи Посполитой⁵²⁷. [Перевод с польского Э.Я.]

Следовательно альманах был посвящен Польским Инфлянтам. Позднее свои исследования альманаху посвящали некоторые польские литературоведы. К примеру, Мария Анкудович (Maria Ankudowicz) в своей статье под названием *Восточнославянский фольклор в альманахе „Rubon” (1842-1849)*⁵²⁸ упорядочивает и презентует тексты альманаха, пробуя интерпретировать их с точки зрения народной тематики. Данута Оссовская, в свою очередь, исследует исторические и археологические темы, представленные в альманахе, а также рассматривает положение сельского хозяйства в Польских Инфлянтах и раскрывает тему местного фольклора через призму текстов, представленных в альманахе „Rubon”. Литературовед исследует насколько важным историческим вкладом могут быть представленные тексты для Латгалии и ее жителей⁵²⁹.

Самборска-Кукуть в своей работе, посвященной Буйницкому, подчеркивает, что общественно-политической направленностью альманаха был консерватизм, что напрямую связано с тем, что ее издателем был потомок в нескольких поколениях аристократического рода, к тому же ортодоксальный католик:

Христианская модель жизни, культивирование давних, аристократических укладов, также верность как родовым, так и национальным традициям, холение польского языка и культуры вместе с его местным

⁵²⁵ J. Gołabek, *Wincenty Dunin-Marcinkiewicz*, Wilno 1932, s. 8.

⁵²⁶ T. S. Grabowski, *Z pogranicza polsko-białoruskiego*, w: *Księga pamiątkowa ku czci Stanisława Pigonia*, Kraków 1961, s. 452-452.

⁵²⁷ ...nie istniała romantyczna grupa pisarzy polsko-białoruskich, skupiona wokół Rubona. Rubon był co prawda piśmieniem regionalnym, ale pojęcie regionu nie ograniczało się w piśmieniu do Białorusi, lecz obejmowało również część Łotwy. Granice regionu działalności literackiej i folklorystycznej wytyczał redaktor Rubona zgodnie z granicami kresowych województw dawnej Rzeczypospolitej. [M. Ingłot, *Polskie czasopisma literackie ziem litewsko-ruskich w latach 1832-1851*, Warszawa 1966, s.197-198]

⁵²⁸ M. Ankudowicz, *Folklor wschodniosłowiański na łamach „Rubona” (1842-1849)*, „Slavia Orientalis” 1984, Nr 2.

⁵²⁹ D. Ossowska, *Pismo „Rubon” (1842-1949) jako źródło do dziejów kultury Polskiej Inflant*, w: *W kręgu kultur bałtyckich*, red. W. Piłat, Olsztyn 1998, s. 33-42.

оттенком, стремление сохранить этническую идентичность и культурный суверенитет, склонность к морализаторству, умеренное отношение к реформаторству, осторожность в развязывании набухших социальных проблем, враждебность к разрушительному поведению как в политическом пространстве, так и в социальном или экономическом, привязанность к „малой родине”, но в тоже самое время признание политического статуса-кво и смирение со статусом подданных российского государства - вот это обличие альманаха К.Буцницкого.⁵³⁰ [Перевод с польского Э.Я.]

Историк польской литературы Колбушевский также отмечал влияние консерватизма на творчество авторов, представленных в альманахе „Rubon”. Регионализм данных территорий представлял в себе соединение мифологического историзма и консерватизма, согласно заключению литературоведа. Проявлялось это в акцентуации на принадлежности авторов к Речи Посполитой, с подчеркиванием древних традиций польской аристократии и ее отличительности. Таким образом, ощущение этнической и культурной чужеродности инфлянтских поляков не приуменьшало в каком-либо смысле их польскость или принадлежность к Польше, но создало свою локальную традицию⁵³¹. На основе данных особенностей вырисовывается региональный инфлянтский романтизм, для которого характерно понятие „малой родины”, вдохновение польскими романтиками во главе с Мицкевичем. Клеменс Кантенcki (польск. Klemens Kantencki) также подметил, что на территориях Польских Инфлянт в XIX веке действительно представлена миниатюра давней Польши⁵³².

Центром романтического пейзажа сборника, несомненно, является река Даугава. Согласно замечанию Езерской-Рончки, авторы посвящающие свои произведения на страницах „Рубона”, среди которых Адам Платер, Михаил Борх, Юзеф Казимеж Платер, Александр Гроза, Ян Ходько и Михал Грабовский, сделали Даугаву покровителем своей поэтической лодки⁵³³.

Все десять томов альманаха „Rubon” состоят из трех разделов: первый раздел под названием *Серьезные вещи* (польск. *Rzeczy poważne*), второй под названием *Литература*

⁵³⁰ Chrześcijański model życia, kultywowanie dawnych, szlacheckich wzorców, wierność zarówno rodowym, jak i narodowym tradycjom, pielęgnowanie języka i kultury polskiej wraz z lokalnym jej odcieniem, dążenie do zachowania etnicznej idetykacji i suwerenności kulturowej, skłonności moralizatorskie, postawa umiarkowanie reformatorska, ostrożność w rozwiązywaniu nabrzmiałych społecznie problemów, wrogość wobec zachowań burzycielskich zarówno w przestrzeni politycznej, jak i społecznej czy gospodarczej, przywiązanie do „małej ojczyzny”, ale zarazem uznanie politycznego status quo i pogodzenie się z losem poddanych państwa rosyjskiego – oto oblicze pisma K. Bujnickiego. [D. Samborska-Kukuć, *Polski Inflantczyk Kazimierz Bujnicki...*, op.cit., s.404-405]

⁵³¹ J. Kolbuszewski, *Kultura polska na Łotwie...*, op. cit., s. 53-54.

⁵³² K. Kantencki, *Recenzja pracy Gustawa Manteuffla: Inflanty Polskie, poprzedzone krótkim rzutem oka na siedmiowiekową przepaść całych Inflant*, „Przewodnik Naukowy i Literacki” 1879, R. 7, Nr 1, s. 380.

⁵³³ T. Rączka-Jeziorska, *Dżwina*, w: *Nowa Ponorama Literatury Polskiej*, электронный ресурс: nplp.pl/artukul/dzwina/#p2, доступно на 07.02.2024

(польск. *Literatura*), третий – *Полезные вещи* (польск. *Rzeczy użyteczne*). В конце каждого тома также представлен список пренумерантов. Стоит отметить, что среди пренумерантов встречаются важные инфлянтские аристократы: судьи Грегорович и Иероним Мирский, члены графской семьи Платеров, полковник Станислав Шадурский, депутат Бернард Мирский и многие другие известные общественные деятели Витебской губернии.

Во вступлении к первому тому Буйницкий говорит, что главная идея альманаха заключается в том, чтобы собрать вместе произведения местных авторов, объединенных духом провинции, в которой они живут. Буйницкий поэтически характеризует творческую группу альманаха: „букет самородных цветов на берегу Двины”⁵³⁴ [Перевод с польского Э.Я.]. Издатель, ко всему прочему, выделяет цель альманаха, содержащую в себе два основных направления. Во-первых, тексты должны представлять для читателя полезное и увлекательное развлечение. Во-вторых, альманах должен заинтересовать молодое поколение литературным творчеством и зародить в их умах интерес к интеллектуальным, высоким размышлениям. В завершение своего вступительного слова Буйницкий отмечает, что в общем и целом „*Rubon*” не является периодическим изданием, о чем свидетельствуют как его содержание, так и манера, в которой альманах выходит.

За вступительным словом издателя следует стихотворение поэта Игнатия Храповицкого, которое является поэтическим вступлением к сборнику. Самборска-Кукуць даже видит в нем литературный манифест, представляющий собой поэтическое сокращение программы культурной элиты Польских Инфлянт, заключающейся в усилении собственной культурной принадлежности с помощью интеллектуального труда и творческого акта, а также преломлении инерции и пробуждении в поляках, живущих над Двиной, творческого потенциала, что должно привести к оживлению Польских Инфлянт значившихся до этого „культурной пустыней”⁵³⁵.

В характеристике, данной Храповицким Двине, скрываются особенности всего Латгальского края. Сравнивая Двину с другими реками, такими как Неман, Висла и Вилия, поэт отмечает, что река, протекающая в Латгалии, характерно отличается:

На берегах Немана и Вилии слышно пение бардов,
Цветущие поселения возвышаются над Вислой.
А тут пусто — вокруг глухое молчание,

⁵³⁴ „wiązka samorodnych kwiatów na brzegach Dźwiny” [K. Bujnicki, *Od Wydawcy*, „*Rubon*” 1842, T. I, s. VI]

⁵³⁵ D. Samborska-Kukuć, *Polski Inflancki Kazimierz Bujnicki...*, op.cit., s. 406-407.

Как будто толпы моих сыновей сбежали от меня⁵³⁶. [Перевод с польского Э.Я.]

Реки Виляя и Неман характеризуются ассоциациями с песнями бардов, Вислу характеризует эпитет „цветущие селения“. В свою очередь, эпитет, подобранный поэтом для Двины – это „глухое молчание“. Таким образом, веселость и игривость рек Белоруссии и Польши противопоставляется молчанию реки на инфлянтских землях. Тишина распространяется на все, что связано с Двиной, однако присутствуют звуки, которые пробиваются сквозь тишину – тихий хор смешанных голосов, ветры, заглушающие все вокруг. К звукам ветра поэт обращается несколько раз: в самом начале, в первой строфе – это вихрь, шепчущий заклинания. В середине стихотворения, в начале пятого четверостишия ветер поет свою неустанную песню. В конце стихотворения, в последнем его четверостишии, в последней поэтической строке ропот ветра заглушает все иные звуки. С чем связано присутствие ветра на протяжении всего стихотворения? Скорее всего, таким образом поэт говорит о ветре перемен, настигшем Польские Инфлянты после кровопролитных войн. Совсем недавно на месте, где сейчас царит тишина и спокойствие, полыхал огонь войны:

Если бы вы могли только знать, какие дикие шумы
Бушевали на моих берегах в те времена войны,
Если бы вы могли только знать, как прекрасна задумчивость.
Безмятежный звездный луч тонет в моих глубинах!⁵³⁷ [Перевод с польского Э.Я.]

В стихотворении Храповицкого отражено настроение регионального романтизма через призму „земли прохожих“. О „землях прохожих“ как особенности романтизма регионов пишет в своем исследовании *Романтизм земли переходов: попытки*

⁵³⁶ Na brzegach Niemana, Wilji, słycać bardów pienie,
Ponad Wisłą kwitnące wznoszą się osady,
A tu, pusto w około – i głucho milczenie,
Jak gdyby mię odbiegły mych synów gromady. [I. Chrapowicki, *Dźwina*, „Rubon” 1842, red. K. Bujnicki, T. I, s. 1]

⁵³⁷ Gdybyście wiedzieć mogli, jakie dzikie szумы
Wrzały na moich brzegach, w owych czasach wojny,
Gdybyście wiedzieć mogli jak cudne zadумы
Niesic w głąb mojej toni gwiazd promień spokojny! [I. Chrapowicki, *Dźwina...*, op.cit., T. I, s. 2]

территориальной истории литературы⁵³⁸ Эльжбета Дамбрович (польск. Elżbieta Dąbrowicz). Именно такие земли, являющиеся источником политических и социальных волнений, претерпевают от войн и революций, переходя из рук в руки⁵³⁹. В стихотворении Храповицкого данная особенность подчеркнута прошедшими бушующими временами войны на территории Польских Инфлянт, по которой протекает Даугава.

В стихотворении представлены два лирических „я“. В двух первых строфах и в двух последних повествование происходит от лирического „я“, существование которого ограничено планом повествования, а в последующих строфах повествование осуществляется от имени самой реки – Рубон. Лирическое „я“, находящееся в повествуемом мире, обладает антропоморфными признаками. Олицетворение Рубона помогает читателю прочувствовать усталость, с которой он, словно старец, рассказывает о прожитых нелегких временах. Само собой, говоря о войне, поэт имеет в виду Северную войну, длившуюся с 1700 по 1721 гг., во время которой происходила борьба за прибалтийские земли. Однако ассоциация Рубона со старцем не является однозначной, поскольку образ реки также ассоциируется с кормящей матерью: „Пейте силу и вдохновение из моей набухшей груди“ [Перевод с польского Э.Я.]⁵⁴⁰

Важно также то, что поэт отмечает движение, происходящее на реке. Этим движением является крестьянин, а также судоходство, для которого течение Рубона всегда открыто. Данные, довольно активные процессы контрастируют с пейзажем на фоне, который характеризуют ленивый туман, сонное течение, спокойный звездный луч. Сам Рубон говорит, что эта атмосфера его утомляет и вводит в скуку:

Дети! Кто же вас от мертвого сна разбудит?
Я жду – как долго ждать – проходят года и века,
А расцвет наших сил по-прежнему далек,
Ах! Эта медлительность мучает и утомляет нас.⁵⁴¹

⁵³⁸ E. Dąbrowicz, *Romantyzm ziemi przechodów. Próby teritorialnej historii literatury*, Białystok 2019.

⁵³⁹ Ibidem, s. 17.

⁵⁴⁰ „Pijcie moc i natchnienie z moich piersi wzdętych” [I. Chrapowicki, *Dźwina...*, op.cit., T. I, s. 2]

⁵⁴¹ Dzieci! Ktoż was z uśpiania martwego obudzi?

Ja czekam – długo czekać – mkną lata i wieki,

A kres naszych przeznaczeni, jak wprzódy, daleki,

Ach! Ta zwłoka nieczynna dręczy mię i nudzi. [I. Chrapowicki, *Dźwina...*, op.cit., T. I, s. 1]

В чувства Рубона автор вкладывает свои ощущения по поводу Латгалии, носящие двойственный характер. С одной стороны, радость по поводу завершения войны и успокоения, а с другой – разочарование и тоска по поводу затишья и бездействия на инфлянтских землях. Исследователи инфлянтской поэзии Кристина Барковская (польск. Krystyna Barkowska) и Андрис Казюкевичс (латыш. Andris Kazjukevičs) также отмечают, что через введение в стихотворение гидронима Рубон и использование конкретного эпитета “старый Рубон”, Храповицкий отсылает читателя своего стихотворения к древним контекстам, мифологическим границам. Исследователи подчеркивают, что таким образом река не просто разделяет разные части мира, а является пространством, хранящем память о том, что когда-то происходила. Рубон разделяет мир домашний и мир других, является границей между сном и реальностью, своим и чужим⁵⁴².

После поэтического вступления в сборнике представлен первый раздел *Важные дела*. На протяжении всех томов данный раздел посвящен историческим фактам. Несколько раз в данном разделе авторы обращаются к разным названиям реки Двины и предположениям по поводу этимологии названия. В первом томе это статья *О происхождении названия Рубон* Адама Платера, в третьем томе поэтическое отступление от общего характера раздела, стихотворение *Два слова о Двине*, в четвертом томе продолжение статьи из третьего тома *Два слова о Двине* Михаила Борха.

В первом томе первой главы раздела *Важные дела* археолог и натуралист Адам Платер рассуждает о происхождении исторического названия реки Двины „Рубон“ или „Рубо“. Автор утверждает, что изначально на балтийских землях обитали древнегерманские племена кимвры, а также кельты и скандинавы. В 1190 году, после того как балтийские земли настигло наводнение, упомянутые племена были вынуждены переселиться. Обитателей балтийских земель, территориально проживавших от Вислы до Невы, называли скандинавами, считалось, что они произошли от готов. Однако название „Рубо“ река получила не от скандинавов и не от латышей, а от славян, которые осели в Прибалтике после кимбров. Латыши называли реку Даугавой, а славяне Рубо, что означало широкую границу. От названия „Рубо“ происходит слово „рубеж“, которое часто использовалось на Руси для обозначения границы. Свою теорию Платер подтверждает цитатой из хроники Матая Стрыйковского: „Я поведал край севера, где курские, финские, шведские, московские и

⁵⁴² A. Kazjukevičs K. Barkowska, *Pogranicze w utworach pisarzy inflanckich*, w: *Polonistyka na początku XXI wieku*, Katowice 2018, s. 202.

лифляндские рубежи”⁵⁴³ [Перевод с польского Э.Я.]. Автор из вышесказанного делает вывод о том, что на территориях Польских Инфлянт первыми появились племена славян – еще перед тем, как на землях осели ливы⁵⁴⁴.

В третьем томе в главе под названием *Два слова о Двине* автор статьи граф Михаил Борх в заглавии указывает адресата — это Мартин Карницкий. Мартин, которому граф адресует письмо, является не только хорошим приятелем Михаила Борха, но также родственником – он муж сестры Михаила Зофьи, то есть его зять. Статья начинается с лирического вступления, со стихотворения, посвященного Двине, написанного сицилийской октавой с твердой схемой рифмовки. В конце стихотворения указаны место и дата его написания: 20 апреля в 1843 года в Преялах. В стихотворении, обращаясь к Мартину, лирический герой говорит о том, что река его заинтересовала, и он планировал ее изучить:

Пошел я, Мартин,
Реки изучать шум.
О! Сколько ж в ней
Великих чудных эр!
Ах, верь – только там,
Там, для мысли корм!⁵⁴⁵ [Перевод с польского Э.Я.]

На примере цитаты в приведенных поэтических строках видно, что поэт восхищается историей описываемых мест, а сама река несет в себе загадки многих эр. Вполне возможно, что изначально река Двина привлекла Борха с точки зрения естествознания. Однако лирическая форма, с помощью которой автор обращается к своему приятелю, говорит скорее о том, что его заинтересовала духовная культура Польских Инфлянт, а также история, повлиявшая на ее становление. Борх в своем стихотворении несколько раз подчеркивает, что у Даугавы давняя история:

⁵⁴³ „Zwiedzałem kraj Północy, gdzie kurskie, fińskie, szwedzkie, moskiewskie i liflantskie Rubieże” [M. Strykowski, *Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi*, Królewiec 1846]

⁵⁴⁴ A. Plater, *O pochodzeniu wyrazu Rubo*, „Rubon”, red. K. Bujnicki 1842, T. I, s. 5-7.

⁵⁴⁵ Poszedłem ja, Marcinie,
Rzeki badać szmer.
O! Peż w jej dziedzinie
Wielkich, świetnych er!
Ach wierzaj – tam jedynie,
Tam, dla myśli żer!... [M. Borch, *Dwa słowa o Dźwinie*, „Rubon” 1843, red. K. Bujnicki, T. III, s. 43]

Есть река туманом окутанная,
Что ее прошлое знает,
Старого Эридана...⁵⁴⁶ [Перевод с польского Э.Я.]

В четвертом томе, в главе под названием *Два слова о Двине* Борх говорит о том, что интерес южной Европы к Прибалтике пропал после того, как прекратились торговля и экспорт янтаря. Интерес пропал ко всем балтийским территориям вместе с его реками, в том числе Рубоном: „...как будто тронуты вечным молчанием”⁵⁴⁷ [Перевод с польского Э.Я.].

Известно, что Борх интересовался и вдохновлялся творчеством немецких и французских романтиков. Влияние романтизма присутствует также в стихотворении, посвященном Даугаве. Для любого представителя этого литературного направления описание природы является практически долгом. Возможно, именно по этой причине сама Даугава и пейзаж вокруг нее описаны поэтом по канонам романтизма. Среда представлена таинственной и экзотической. Черты присутствуют также на уровне метрики, Борх использует пятистопный ямб. Зачастую в романтической поэзии отражены идеи пантеизма, когда сама божественная сила находится в природных объектах. В свою очередь, природа осознается как живое существо. Данные особенности ярчайшим образом представлены в стихотворении о Даугаве, которую поэт олицетворяет с таинственной девушкой. Поэт вопрошает, обращаясь к ней как к таинственной обманщице:

Плутовка!.. для каждого холодно мила,
А всегда тосклива! – скажи, любимая,
Какая мысль так сильно сковала твою грудь,
Что ты ни голосов не слышишь, ни лютни усилий,
Хотя те не раз хотели убаюкать тебя на бегу?⁵⁴⁸ [Перевод с польского Э.Я.]

⁵⁴⁶ Jest rzeka mgłą owiana,
Co ją przeszłość zna,
Starego Eridana... [M. Borch, *Dwa słowa...*, op.cit., T. III, s. 43]

⁵⁴⁷ „...jakby wiecznem dotknięte milczeniem” [M. Borch, *Dwa słowa o Dźwinie*, „Rubon” 1843, red. K. Bujnicki, T. IV, s. 23]

⁵⁴⁸ Zwodnico!... Dla każdego chłodnie przymilona,
A przecie zawsze tęskna! – powiedz, ulubiona,
Jaka myśl tak potężnie pierś twą okowała,
Że ty głosów nie baczysz, ni lutni zabiegu,
Choć te nieraz cię chciały ukołysać w biegu? [M. Borch, *Dwa słowa o Dźwinie...*, op.cit., T. IV, s. 38]

Тоска, так же как разочарование и неудовлетворенность, являются семантическими полями для романтической поэзии. Стихотворение Борха имеет меланхолический характер.

Стоит отметить, что многие представители романтизма, такие, к примеру, как Шелли, считали, что между природой и человеком существует связь, союз, объединяющих двух живых существ. Эта идея также присутствует в упомянутом стихотворении:

Спрашиваешь и зовешь средь валов грохота –
Рада, что до тебя не доходит человеческий говор,
В то время, когда гонишь призраков давних дней? –
Я спрашиваю – а ты течешь!.. разве не думаешь
О тайных незнакомцах, гостях будущих веков?⁵⁴⁹ [Перевод с польского Э.Я.]

На приведенном примере видно, что река обладает такими человеческими качествами, как способность спрашивать, гордиться. На протяжении всего стихотворения появляется множество таких качеств, а именно: умение думать, мечтать, дышать, говорить, ласкать, звать, веселиться, мыслить, слышать.

Женские образы, с которыми поэт сравнивает реку, очень печальны и несчастны — это сирота, вдова, дева в трауре. Еще более несчастными представлены люди, которые влюблены в Даугаву, но на чьи голоса она безмолвна.

Важно заметить, что в третьем томе в своем стихотворении *Два слова о Двине* Борх называет реку Двиной, а в четвертом томе, также обращаясь в поэтической форме, называет реку Даугавой:

Иногда высунувшись — голосом без надежды,
По-прежнему зовут тебя: Даугава! Даугава...⁵⁵⁰ [Перевод с польского Э.Я.]

⁵⁴⁹ Dopytujesz i wołasz wśród wałów łoskotu –
Rada, że cię tam ludzkie nie dochodzą gwary,
Podczas, kiedy dni dawnych ty uganiaś mary? –
Ja pytam – a ty płyniesz!... Czy nie dumasz może
O przybyszach tajemnych, wieków przyszłych gości? [M. Borch, *Dwa słowa o Dźwinie...*, op.cit., T. IV, s.

39]

⁵⁵⁰

Wychylając się nieraz – głosem bez nadziei
Wciąż wołają za tobą: Daugawa! Daugawa!... [M. Borch, *Dwa słowa o Dźwinie...*, op.cit., T. IV, s. 40]

Однако гидроним „Двина” также встречается в поэтической форме у Борха в сборнике „Rubon”, примером тому является поэма Ерсика, также присутствует гидроним „Дина” в поэтическом романе *Рохнеда* (польск. *Rohneda*).

Гидроним „Дина”, встречающейся также в скандинавских сагах, что следует из предыдущей главы, употребляется Борхом при написании поэтического романа *Рохнеда*, основанного на местных легендах, в котором идет речь о гордой нормандке, которая выбирает мечь за отца и брата князю Владимиру, который без ее согласия делает Рохнеду наложницей, увозит из родных мест в Берестов, убивая ее родных. Романтический поэтический роман передает в себе дух давних рыцарей и страстное напряжение, перемешанное с желанием мести во имя свободы духа. Присутствует в поэтическом романе также отголосок вдохновения произведением Мицкевича *Конрадом Валленродом*. Борх, при написании, романа использует два гидронима, относящихся к Даугаве – Двина и Дина. Гидроним „Двина” используется лирическим героем при описании появления под окном Рохнеды барда из родных краев:

И уже решила девушка уйти, и рукой
Потянулась за половинки окон, желая закрыть их.
Как тень моргнула под окном, и тихой песнью,
Ах! нотой детских лет, напоминанием звучащим
В могиле, как родной Двины гудалле⁵⁵¹
Все сердца боли сразу убаюкал.⁵⁵² [Перевод с польского Э.Я.]

Гидроним „Дина” произносит сам бард в своей песне, напоминая главной героини, о страданиях норманнов от русских завоевателей и о необходимости мести:

Идут, видел над Диной грузы...
Кровавая должно быть там дань!⁵⁵³ [Перевод с польского Э.Я.]

⁵⁵¹ Гудалле – водные нимфы норманнов.

⁵⁵² I odejść już zamyśla dziewczyna, i ręką
Sięga okien połowy, i chce zawrzeć obie.
Wtem cień mignął pod oknem, i cichą piosenką,
Ach! Młodzieńczych lat nótą, pamiątką już w grobie
Brzmiącą, jak Dźwiny rodzinnej Gudalle,
Wszystkie serca odrazu ukotysał żale. [M. Borch, *Dwa Fragmenta z niewydanej dotąd Normńskiej powieści pod tytułem: Rohneda*, „Rubon” 1845, red. K. Bujnicki, T. V, s. 112]

⁵⁵³ Idąc, widziałem грузы nad Diną...
Krwawe musiały tam być haracze! [M. Borch, *Dwa Fragmenta z niewydanej...*, op.cit., red. K. Bujnicki, T. V, s. 115]

О Дина! Дина!
Скажи ты, одна,
Кто из живых еще остался и плачет?

[..]

О Дина! Дина!
Хоть ты одна
Помни, какие были там слезы!

[..]

О Дина! Дина!
Хоть ты одна
Помни, какие там будут слезы!

[...]

О Дина! Дина!
Ты одна
Будешь помнить давние слезы?

[...]

Королевская дочь! – тебе нужно сердце.
Я буду близко! [...]
О Дина! Дина!
Уже не одна
Будет помнить мечь и слезы!⁵⁵⁴ [Перевод с польского Э.Я.]

554

O Dina! Dina!
Powiedz, jedyna,
Kto z żywych jeszcze został, i płacze?

[...]

O Dina! Dina!
Choć ty jedyna
Pamiętaj, jakie były tam płacze!

[...]

O Dina! Dina!
Choć ty jedyna
Pamiętaj, jakie tam będą płacze!

[...]

O Dina! Dina!
Czyliż jedyna
Pamiętać będziesz dawniejsze płacze?

[...]

Królewsko córo! – trzeba ci serca.
Ja będę blisko, ja Skald... obaczę;
I Dina, Dina,
Już nie jedyna
Pamiętać będzie zemsle i placze!

[M. Borch, *Dwa Fragmenta z niewydanej...*, op.cit., red. K. Bujnicki, T. V, s. 115-116]

На примере цитат, в которых использовался гидроним „Дина” в песне барда, давшего Рохнеде кинжал, присутствует временное растяжение и мотив неизбежности: страдания норманнов от врагов есть, были, будут и они неизбежны. Изменить ситуацию можно лишь отомстив, тогда словно появится некий смысл и все не утечет напрасно в водах реки. Скорее всего Борх неслучайно в песне барда применяет гидроним „Дина”, ведь он является родным для норманнов и это еще больше подчеркивает тот факт, что вестник с кинжалом прибыл из родных земель Рохнеды. Гидроним „Двина”, в свою очередь, использует лирический герой, то есть сторонний наблюдатель.

Гидроним „Двина” в поэме Борха Ерсика, также связан с давней историей края. В поэме автор описывает противостояния русского правителя Всеволода княжества Ерсика, зависимого от Полоцка, с крестоносцами. Двина в поэме несет в себе двойственный характер. С одной стороны, река связана с войной, фатумом, который захватывает личные судьбы и судьбы народов. Образ трагичный, связан со смертью:

Какие это стены с треском валятся в Двину?
Кровавое чрево пожара командует разрушением.

[...]

А Всеволод? ... Как только он увидел гибель своего войска,
Жены, ребенка, плен – сразу в отчаянии гнева,
Прямо с высоких валов бросился в Двину; -
Переплыл ее? Или утонул? Дангеруга не знает.

[...]

И вставал, и снова спешил, и снова ломал кисти...
И издеваясь над душой, что горько сожалеет,
Хотел бросится в водоворот Двины – отдохнуть в ее чреве:
А потом вспомнил о другой жизни, о Валхаллии!⁵⁵⁵ [Перевод с польского Э.Я.]

⁵⁵⁵ Jakież to mury z trzaskiem wałą się do Dźwiny?
Krwawe łono pożaru przyświeca zniszczeniu.

[...]

A Wissewald?... On, skoro ujrzął zgon drużyny,
Żony, dziecka, niewolę – wnet w rozpaczonym gniewie,
Prosto z wałów wysokich rzucił się do Dźwiny; -
Czy przebył ją? Czy zginął? Dangeruta nie wie.

[...]

I wstawał, i znów śpieszył, i wciąż łamał dłonie...
I gorzko szydząc z duszy co cię marnie żali,
Chciał w Dźwiny wir się rzucić – w jej odetchnąć łonie:
A wtem, wspomniął o życiu drugim, o Walhalli! [M. Borch, *Gercike*, „Rubon” 1842, red. K. Bujnicki, T. I, s.

Второй образ находится во мгле, тайне, неясно, что он в себе скрывает и чего от него можно ожидать. Он спокоен на данный момент, но несет в себе историю былых трагедий:

Тщетно!... все мертвое, глухое, словно из валуна,
Волна за волной, а на воде
Иногда Луна покажет, как бы часть картины
А вскоре исчезнет за облаком – и картина изменится.

[...]

Лишь иногда странник, провозглашая искреннюю скорбь.
Тоскливой мыслью заговорит с глубиной реки:
Увидит фигуру... Что поднимается с мглистой Двины!
Посмотрит на берег, заплачет, и провалится на дно.⁵⁵⁶

Завершает Борх поэму пожеланием, чтобы туман был легким для „нашей Двины”. Второй образ Двины, связанный с таинственной и мглистой загадочностью, напоминает характер образа реки в стихотворении *Двина* Храповицкого. За тишиной и безмолвием с одной стороны скрывается тяжелое и кровавое прошлое, а с другой стороны туманное будущее, неизвестность. На этот счет известный русский филолог Виктор Виноградов, ссылаясь на труды Александра Потебни, отмечает, что “поэт-лирик пишет историю своей души, при этом, косвенно отображая историю своего времени, в свою очередь лирическое я несет в себе не только образ автора, но также является представителем большого человеческого общества”⁵⁵⁷.

Вполне возможно, что Борх называет реку Даугавой по причине того, что название гидронима в стихотворении отдано возгласу местных жителей. Похожую версию выдвигает также современный польский литературовед Кшиштоф Заяс в своей статье, посвященной инфлянтской поэзии. Заяс предполагает, что река осознанно называется в данном стихотворении по-латышски, что связано с культом местного языческого божества. Именно

⁵⁵⁶ Daremnie!... wszystko martwe, głuche, jakby z głazu,
Fala płynie za falą, a na wód przestrzeni
Czasem księżyc ukaże jakby cień obrazu,
I wnet niknie za chmurą – i obraz się zmieni.
[...]
Tylko czasem, wędrowiec, gdy żal szczerzy głosi,
I myślą bardziej tęskną rzeki głąb zagadnie:
Widzi postać... Co z mglistej Dźwiny się podnosi,
Spójrzy na brzeg, zapłacze, i przepada na dnie. [M. Borch, *Gercike...*, op.cit., T. I, s. 70-71]

⁵⁵⁷ В.В. Виноградов, *О теории художественной речи*, Москва 1971, с. 113.

поэтому Даугава всегда находится в центре поэтических произведений о Польских Инфлянтах. Называя Даугаву по-латышски, автор хочет выразить свою солидарность с коренными жителями и подчеркивает их идентичность, индивидуальность⁵⁵⁸.

Вышеупомянутый лингвист и литературовед Александр Потебня в своих работах часто говорит о важности внутренней формы в художественных, в том числе поэтических произведениях, отмечая, что „внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, т.е. представление”⁵⁵⁹. Следовательно, под образом конкретного гидронима могут скрываться различные представления о нем⁵⁶⁰. Связан ли гидроним Даугавы с язычеством, можно узнать, обратившись непосредственно к поэзии инфлянтских авторов латышского происхождения, что подробнее рассматривается в следующей главе.

3.3. Даугава в поэзии латышских авторов XIX века

Обращаясь к образу Даугавы в латышской поэзии XIX – начала XX века, представляется необходимым обратиться к творчеству Микелиса Крогземиса, известного под псевдонимом „Аусеклис“, который продолжив традицию Юриса Алунанса (латыш. Juris Alunāns), развивая в латышской поэзии пейзажную лирику, проникнутую общественными мотивами. Характерной чертой творчества Аусеклиса, как подробнее говорилось в разделе *Латышские авторы в кругу инфлянтских писателей*, является то, что он связывает пробуждение природы с пробуждением народного сознания, красота латвийских лесов, холмов и долин возбуждает в его лирическом герое стремление к свободе. Если поэтическое творчество польских инфлянтских писателей связано, как правило, с региональным романтизмом, подтверждением чему является предыдущий раздел данной главы, то

⁵⁵⁸ K. Zajas, *Wielokulturowe Inflanty Polskie. Część II: Literatura polsko-inflancka*, „Scripta Neophilologica Posnaniensia” 2016, T. XVI, s. 237.

⁵⁵⁹ А.А. Потебня, *Мысль и язык*, Киев 1993, с. 91.

⁵⁶⁰ Потебня в своей работе под названием *Слово и миф* представляет анализ разных образов реки (как собирательного образа, так и конкретного гидронима – Дуная) в различных народных песнях. [А.А. Потебня, *Слово и миф*, Москва 1987, с. 336; 339-340; 501; 561] Автор также отмечает, что „предметы называются в языке каждый по одной из примет, взятой из совокупности остальных: река—текущая (корень рик, скр. рич, течь, или, что кажется вероятнее, ри, то же, что в малорус. ринуть и нем. rinnen). [А.А. Потебня, *Слово и миф*, Москва 1987, с. 135]

творчество латышских писателей пропитано народным или национальным романтизмом. Под национальным романтизмом в творчестве латышских писателей, в том числе инфлянтских писателей латышского происхождения, подразумевается направление, процветающее в период 1905-1911 гг. Для поэзии латышского национального романтизма характерно обращение к фольклорным образам, образам богов балтийского пантеона, прославление их и обращение к ним с просьбами о спасении от господства „чужих” на родных землях латышей⁵⁶¹. Особое внимание поэта Аусеклиса обращено к реке Даугаве, которая становится для него синонимом родины, матери народа, а песня ее волн – выражением тяжелой его судьбы. Лучшим наглядным примером тому является стихотворение *Тримпула* (латыш. *Trimpula*)⁵⁶², написанное в 1874 году. Позднее композитор Эрнестс Вигнерс (латыш. Ernests Vīgners) положил слова стихотворения на музыку, и *Тримпула* стала известной патриотической хоровой песней под названием *Как Даугава стонет* (латыш. *Kā Daugava vaidā*)⁵⁶³.

Обращаясь к первоисточнику, стоит отметить, что *Тримпула* написана трех- и четырехстопным амфибрахией, присутствует чередование трех- и четырехстопных строк. Такого вида рифмовка характерна для романтической баллады. К примеру, такая же рифмовка присутствует в балладе Александра Пушкина *Песнь о вещем Олеге*⁵⁶⁴, написанной в 1825 году.

Название „Тримпула” связано с богом пивоварения, который представлен в латышской мифологии. Стоит подчеркнуть, что вымышленный бог Тримпус схож с богом виноделия Дионисом из древнегреческой мифологии. Его также в какой-то степени можно сравнить с греческой богиней Деметрой, которая является богиней земледелия и плодородия. Само имя Тримпус (латыш. Trīmpus) происходит от греческого слова „thriambos”. Существует предположение также о том, что название произошло непосредственно от латышского „tīrum-pus”, что обозначает половину поля. Фридрих Стендерс (латыш. Frīdrihs Stenders), выдвигая такое предположение, имеет в виду, что латыши могут переработать в алкогольные напитки и выпить половину своего урожая. В латышской мифологии рядом с

⁵⁶¹ J. Kursīte, *Dzejas vārdnīca*, Rīga 2002, Lpp. 197-198.

Дух народного романтизма породил в период 1920-1930 гг. движение под названием диевтуриба (латыш. dievturība от латыш. Dievs – Бог). Движение представляло собой неоязыческие направление, ставило целью вернуться к истокам латышской духовной культуры, то есть к дохристианским воззрениям, существовавшим на территории Латвии. Лидером движения был художник и исследователь Эрнестс Брастиньш (латыш. Ernests Brastiņš). [J. Kursīte, *Dzejas vārdnīca*, Rīga 2002, Lpp. 101-102].

⁵⁶² Auseklis, *Trimpula*, dzejas krājumā *Ausekļa izlasīti raksti*, Pētersburga 1910, Lpp. 23-24.

⁵⁶³ См. Изображение № 2 в приложении к III главе с. 277-278.

⁵⁶⁴ А. Пушкин, *Песнь о вещем Олеге*, „Северные цветы” 1825, с. 253-257.

Тримпусом представлены еще два бога, связанные с переработкой урожая в алкоголь. К ним относятся морской бог Антримпус (латыш. Antrimpus) и речной бог Потримпус (латыш. Potrimpus)⁵⁶⁵.

В стихотворении также упомянут Стабурагс – сталактитовая скала, находящаяся на левом берегу реки Даугавы. Когда-то, до вторжения немецких рыцарей, на берегах Даугавы ликовали свободные, веселые люди, а теперь эти берега тихи, только скала Стабурагс льет слезы. На берегу Даугавы сидит лирический герой и наблюдает за происходящим со стороны. Он видит не только бедствия народа, не только железные пути, которыми скован народ. Он чувствует, как пробуждается его мужественная сила:

Пусть русло Даугавы высохнет до основания,
Пусть даже море высохнет,
Пиву Тримпуса вечно течь,
Выпьем же из чаши!⁵⁶⁶ [Перевод с латышского Э.Я.]

Поэт концентрирует внимание на том, что Даугава находится в упадке, в одном из труднейших моментов своего существования. Даугава высыхает до дна, два раза упоминается, что река стара, что ассоциируется скорее не с мудростью, а с увяданием. Имея в виду под Даугавой родину, автор желает сказать: несмотря на то, что ее русло практически высохло и обезвожено, ее сыны обращаются с просьбой к богу пивоварения и, выпивая, насыщаются силой и влагой, которой лишена река. Наглядным примером тому служит последнее четверостишие:

Давайте выпьем, давайте споем, давайте пустимся в пляс,
Пусть свят для нас будет божественный закон,
Пусть Тримпус снова нам нальет пиво,
Пусть оживет благодетель праотцов!⁵⁶⁷ [Перевод с латышского Э.Я.]

⁵⁶⁵ P. Šmits, *Latviešu mitoloģija*, Rīga 1926, Lpp. 68-69.

⁵⁶⁶ Lai Daugavas grīva līdz pamatiem žūst,
Pat jūra lai izsīktu sausa;
Tad Trimpum vēl mūžīgi alum būs plūst!
Lai sausam ir paši iz kausa. [Auseklis, *Trimpula, Ausekļa izlasīti raksti*, Pētersburga 1910, Lpp. 23]

Пусть в русле Двина высыхает до дна! —
И море убудет ко благу, —
Коль чаша хмельная, как древле, полна,
Коль Тримпусу держим присягу. [Перевод Вяч. Иванова]

Вяч. Иванов, *Переводы с латышского. Тримпула (1916)*, в: *Стихотворения и поэмы*, Ленинград 1976, с. 491.

⁵⁶⁷ Lai dzerām, lai dziedam, lai uzsākam diet!
Lai svēts mums ir dievības likums!

В третьей строфе первого четверостишия появляется олицетворение „дубы стонут”. Стоит отметить, что дуб является важным символом для балтийской мифологии, будучи священным деревом⁵⁶⁸. Это видно также в романе Казимира Буйницкого *Дневники ксендза Иордана* (польск. *Pamiętniki księdza Jordana*). Во второй части романа описывается обряд племен латышских язычников, который происходит возле священного дуба:

Тогда вуршайт [жрец] сказал нам, что он сделал по велению богов; и чтобы убедить в этом, он повел нас сегодня утром к священному дубу и принес вiktums [жертву]. Едва в горы взнеслось пламя, мы услышали голос, исходящий из недр дуба⁵⁶⁹... [Перевод с польского Э.Я.]

Под дубом подразумевается древо жизни, в его стволе и ветках находится жизненная сила. Латышских воинов принято сравнивать с крепкими дубами. В стихотворении также упоминается Перконс (латыш. Rēkōns). Перконс также относится к балтийской мифологии, являясь одним из главных богов балтийского пантеона⁵⁷⁰. Бог-громовержец властвует над воздухом и отвечает за справедливость. В стихотворении *Тримпула* Перконс выкопал

Lai Tmmpus mums alu no jauna sāk liet!
Lai atdzīvo sentēvu tikums! [Auseklis, *Trimpula, Ausekļa izlasīti...*, op.cit., Lpp. 23]

Отшедших обычай святите, сыны:
Пиры, благочестье, отвагу!
Пьют пращурь с вами у старой Двины
Любезную Тримпусу влагу! [Перевод Вяч. Иванова]

Вяч. Иванов, *Переводы с латышского. Тримпула (1916)*, в: *Стихотворения и поэмы*, Санкт-Петербург 1976, с. 491.

Приведенные литературные поэтические переводы Вячеслава Иванова содержат в себе гидроним “Двина”, тем временем как в оригинале используется гидроним “Даугава”, либо вовсе не используется название реки. По данной причине переводы представлены в сносках, а в тексте используется перевод автора работы, так как для контекста диссертации важен данный нюанс.

⁵⁶⁸ Для латышской мифологии немаловажными являются верования, связанные с лесом и его деревьями. Деревьям отводилась не меньшая роль, чем природным явлениям или душам предков. Согласно народным песням, деревья имели способность разговаривать человеческим голосом. Главными деревьями в латышской мифологии считаются дуб и липа, им отводится особая роль. Дуб и липа являются символическим отображением мужского и женского начала. Зачастую положительная характеристика мужского пола сравнивается с „сильным дубом”, а женская с „полной липой”. Дуб символизирует не только силу, но и источник жизни, который может защищать людей своими ветвями от болезней и смертей. В противоположность липа, как правило, является кладбищенским деревом, в котором может жить душа умершего. [P. Šmits, *Latviešu mitoloģija*, Rīga 1926, Lpp. 126-128]

⁵⁶⁹ Wtedy wurszajt powiedział nam, że to uczynił z rozkazu bogów; i aby o tem przekonać, powiódł nas dziś rano do świętego dębu, i sprawił wiktums. Zaledwie się podniósł w górę płomień ofiarny, usłyszeliśmy głos wychodzący z wnętrza dębu... [K. Bujnicki, *Pamiętniki księdza Jordana*, T. II, Wilno 1852, s. 33]

⁵⁷⁰ H. Biezais, *Seno latviešu debesu ģimene*, Rīga 1998, Lpp. 64-103.

Даугаву для защитников родины. Поэт предлагает выпить пива, так как когда-то это делали деды⁵⁷¹. Почему, задается вопрос, именно этот напиток? С одной стороны, он является общедоступным и народным, а с другой, используется в различных ритуалах латышей-язычников, о чем также говорится в *Дневниках ксендза Иордана Буйницкого*. Пиво⁵⁷² считается напитком богов, и его даже кладут в гроб покойнику:

Мы такого же должны были попробовать пива, такового же нектара, которым-то, по их мифологии, упиваются боги.⁵⁷³ [Перевод с польского Э.Я.]

...опускали тело без гроба, в вырытую в земле глубокую яму, а с ним наперед копьё и каменный снаряд... потом две буханки хлеба..., наконец в могилу опустили графин с пивом и маленькую глиняную кружку со слезами плакальщиц.⁵⁷⁴ [Перевод с польского Э.Я.]

Аусеклис в стихотворении *Тримпула* все время обращается к предкам: деды умели богов ублажать, слышны загробные бормотания дедов. Данная особенность является подтверждением того, что для поэта важен опыт поколений его народа.

Гидроним „Даугава“ встречается в творчестве Аусеклиса не только в стихотворении *Тримпула*, но также в других его поэтических произведениях. К примеру, в стихотворении *Народу* (латыш. *Tautai*)⁵⁷⁵, представленном в сборнике 1910 года под названием *Избранные сочинения Аусеклиса* (латыш. *Ausekļa izlasīti raksti*). Данный сборник состоит из стихотворений, написанных автором в 1850-1879 гг. Стихотворение *Народу* является характерным для всего творчества автора, так как написано четырехстопным хореем и содержит в себе дух народной песни, затрагивает народную тематику. На примере первого четверостишия видно, как поэт ассоциирует Даугаву с родиной:

⁵⁷¹ Auseklis, *Trimpula*, dzejas krājumā *Ausekļa izlasīti raksti*, Pētersburga 1910, Lpp. 23.

⁵⁷² Предки латгальцев считали, что пиво обладает магическими свойствами и использовали его в различных ритуалах. В записках иезуитов XVI века о жертвоприношении богу полей и подчеркивается убежденность латгальцев в том, что боги не услышат их без пива. Считалось, что данный напиток был способен соединять профанный и сакральный миры. [*Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca*, galv. red. I. Šuplinska, 1 sēj., Rēzekne 2012, Lpp. 516-518]

⁵⁷³ Musielišmy takoz skosztować piwa, owego to nektaru, którym, podług ich mytologii, napawają się bogowie. [К. Буйницки, *Pamiętniki księdza...*, Т. II, op.cit., s. 57]

⁵⁷⁴ ...spuszczono ciało, bez trumny, do wykopanego w ziemi głębokiego dołu, a z niem naprzód dzidkę i kamienny pocisk... potem dwa bochenki chleba..., nakoniec spuszczone do grobu konewkę z piwem i mały gliniany kubeczek ze łzami płaczek. [К. Буйницки, *Pamiętniki księdza...*, Т. II, op.cit., s. 55]

⁵⁷⁵ Auseklis, *Tautai*, dzejas krājumā *Ausekļa izlasīti raksti*, Pētersburga 1910, Lpp. 21-22.

Народ, где твоя поэзия,
Прекрасная небесная невеста?
Тиха сейчас песенная долина,
Жалостно стонет Даугава.⁵⁷⁶

[Перевод с латышского Э.Я.]

Автор обращается к народу с вопросом „Где же твоя поэзия?”. Данный вопрос побуждает латышей начать творить на своем родном языке, ведь именно творческий процесс способен создать культурную основу народа. Даугава так же, как и в стихотворении *Тримпула*, не находится в спокойном состоянии – она стонет. Скорее всего, это значит, что родина уже готова к переменам и к активным действиям. Аусеклис спрашивает у народа не только о поэзии, но и о богах, говоря: „Народ, где твои боги?”. Поэт задается вопросом, где место латышских богов, отвечая с досадой, что в их святилищах сейчас прах:

Народ, где твои боги?
Где их обитель?
Далеко, далеко твои боги,
Их святилище в пепле.⁵⁷⁷

Тема латышской мифологии появляется во втором четверостишии и раскрывается на протяжении всего стихотворения. Поэт упоминает важных богов для латышской мифологии: таких, как Перконса (латыш. *Pērkonš*), Потримпса (латыш. *Potrimps*) и Пиколса (латыш. *Pīkols*). Данные боги, стоит отметить, представлены также в мифологии пруссов и являются тремя главными богами поклонения. Перконс аналогичен славянскому Перуну, он один из главных богов в латышской и балтийской мифологии. Перконс является богом-громовержцем, ему подвластен воздух и все, что находится на возвышении, в том числе деревья и горы. Само название происходит от латышского „*pērkonš*”, что значит „гром”. Символическим изображением бога-громовержца является огненный крест⁵⁷⁸.

⁵⁷⁶ Tauta, kur ir tava dzeja,
Daiļa debess līgava?
Klusa tagad dziesmu leja,
Žēli vaida Daugava. [Auseklis, *Tautai...*, op.cit., Lpp. 21-22]

⁵⁷⁷ Tauta, kur ir tavi dievi?
Kur ir viņu sēdekļis?
Projām, projām tavi dievi,
Pīšļos viņu svēteklis. [Auseklis, *Tautai...*, op.cit., Lpp. 22]

⁵⁷⁸ H. Biezais, *Seno latviešu debesu ģimene*, Rīga 1998, Lpp. 68-69.

Бог Потримпс отвечает за море и плодородие, также представляет главных богов прусского пантеона⁵⁷⁹.

Пиколс является одним из самых неоднозначных божеств, согласно толкованию Петериса Шмидта. С одной стороны, Пиколс может быть назван Пиекалнисом (латыш. Piekalnis) и является богом гор и пригорков. С другой стороны, Шмидт подчеркивает, что нельзя путать Пиколса и Пеколса (латыш. Pekols), так как второй является представителем темных сил, богом отвечающим за преисподнюю. Однако иногда Пиколс также выступает как божество, отвечающее за смерть и загробную жизнь⁵⁸⁰. В общей сложности можно насчитать десять различных названий данного бога, в зависимости от этого будет меняться его функция.

В стихотворении Аусеклиса также упоминается культовое место балтийских племен, находящееся на границе Самбии – Ромава. Упоминается священный дуб, в этом священном месте и находятся Pērkons, Potrimps и Pīkols:

Бредя к богам по развалинам,
Упал святой дуб Ромавы,
Где когда-то в мифе высокой чести
Были Перконс, Потримпс, Пиколс.⁵⁸¹

В разделе под названием *Быту и идеалам* (латыш. *Sadzīvei un ideāliem*) находится стихотворение, посвященное латышскому обществу, под характерным названием *Рижскому латышскому обществу на 10 фев. 1872 г.* (латыш. *Rīgas latviešu biedribai uz 10 feb. 1872 g.*). В стихотворении, состоящем из одного четверостишия, Аусеклис говорит о том, что пока бурлит Даугава, в Латвии возникает новая Ромава. За Даугаву борются настоящие защитники, сыновья бога Перконса, они защищают ее от остзейцев:

В ней пусть приумножаются защитники Даугавы,
Сыны Перконса, что остзейцев осуждают сурово.⁵⁸² [Перевод с латышского Э.Я.]

⁵⁷⁹ Ibidem, Lpp. 77.

⁵⁸⁰ Ibidem, Lpp. 71-72.

⁵⁸¹ Auseklis, *Tautai*, dzejas krājumā *Ausekļa izlasīti raksti*, Pētersburga 1910, Lpp. 21.

⁵⁸² Viņā lai vairojas īstajie Daugavas sargi,
Pērkona dēli, kas bizmaņus nosoda bargi. [Auseklis, *Rīgas latviešu biedribai uz 10 feb. 1872 g.*, krājumā *Ausekļa kopoti raksti*, red. J. Lapiņš, Rīga 1923, Lpp. 187]

Соответственно в данном стихотворении образ Даугавы связан с родиной, которую необходимо защищать. Пока существует родина, на ней всегда найдется центр для ее исконных жителей.

Похожий характер имеет также стихотворение *Копатели Даугавы* (латыш. *Daugavas rāceji*)⁵⁸³, опубликованное в разделе под названием *Роса и слезы* (латыш. *Rasa un asaras*) в сборнике под названием *Собрание сочинений Аусеклиса* (латыш. *Ausekļa kopoti raksti*) 1923 года. Раздел состоит из латышских народных песен (латыш. *teikas*)⁵⁸⁴, измененных Аусеклисом. *Копатели Даугавы*, как практически все стихотворения автора, посвященные народной тематике и прошлому народа, написаны четырехстопным хореем. Главная идея стихотворения заключается в том, что все птицы, под которыми подразумевается дружный народ, копают Даугаву, мать своей родины:

Летите сюда, стаи птиц!
Будем копать большую Даугаву.
Она будет мамочкой народа,
Свободных сынов убаюкивайте!⁵⁸⁵ [Перевод с латышского Э.Я.]

Проблематика заключается в том, что протагонист, самый трудолюбивый из всех птиц – желна оказывается обманутым и оклеветанным антагонистом, черным вороном, перед Отцом, вследствие чего Отец выгоняет его и не дает напиться из Даугавы:

Нет для него ни капельки
Из Даугавы напиться.⁵⁸⁶ [Перевод с латышского Э.Я.]

⁵⁸³ Auseklis, *Daugavas rāceji, dzejas krājumā Ausekļa kopoti raksti*, red. J. Lapiņš, Rīga 1923, Lpp. 268-269.

⁵⁸⁴ Латыш. *teika* - лироэпическое произведение с фантастическим сюжетом или очертаниями исторического события. Жанр *тейки*, основанный на латышских народных песнях, сказках был введен в латышскую поэзию Аусеклисом. Позднее в этом жанре писали Вилис Плудонис (латыш. Vilis Plūdonis), Карлис Скалбе (латыш. Kārlis Skalbe), Зинаида Лазда (латыш. Zinaīda Lazda), Артурс Каугарс (латыш. Arturs Kaugars) и другие. Латыш. *teiksma* – от „teikt”, т.е. от „сказать”. Во второй половине XIX века младолатыши ввели данный неологизм, который по началу являлся синонимом слову „teika”. В период 1920-1930 гг. *тейксма* стала лироэпическим жанром в латышской поэзии, который представляет собой мифологическое послание о событиях прошлого времени. По композиционному строению *тейксма* близка поэме и балладе. В жанре *тейксмы* писал Янис Меденис (латыш. Jānis Medenis) (сборник *Тейксмы* (латыш. *Teiksmu raksti*) 1942 года). [J. Kursīte, *Dzejas vārdnīca*, Rīga 2002, Lpp. 405].

⁵⁸⁵ Nākat šurpu, putnu bari!
Raksim lielo Daugavu.
Tā būs tautas māmuliņa,
Brīvu dēlu aijātās! [Auseklis, *Daugavas rāceji*, op.cit., Lpp. 268]

⁵⁸⁶ Tam nav brīvi ne lāsītes
No Daugavas padzerties. [Auseklis, *Daugavas rāceji*, op.cit., Lpp. 269]

Скорее всего, Аусеклис неспроста включает данную тейку в свой сборник – он хочет продемонстрировать несправедливость того, как ущемлен латышский народ на собственных землях, на которых так много его вклада в развитие и упорного физического труда.

Гидроним „Даугава“ встречается также в двух стихотворениях, посвященных Гарлибу Меркелю: одно из них включено в первую часть сборника под названием *Дубовые венки* (латыш. *Ozolu vaiņaki*)⁵⁸⁷ 1875 года. Вся первая часть сборника *Дубовые венки* посвящена выдающимся личностям, которые повлияли на становление латышского независимого самосознания и внесли, по мнению Аусеклиса, большой вклад в историю Латвии. Среди них находится остзеец Гарлиб Меркель. Стихотворение посвящено памяти автора романа *Латыши* (латыш. *Latvieši*). Однако поэт призывает Меркеля вновь прийти на защиту народа, чему подтверждением являются первые две строфы стихотворения:

Возле святой реки Даугавы
Ты приходи защищать народ.⁵⁸⁸ [Перевод с латышского Э.Я.]

Второе стихотворение под названием *Памяти Меркеля* (латыш. *Merķeļa piemiņa*) повествует о том, что он прожил свою тяжелую участь воина не на Рейне, а на Даугаве:

Не на Рейне, а на латвийском берегу Даугавы
Меркель нес тяжелое бремя воина.⁵⁸⁹ [Перевод с латышского Э.Я.]

Автор таким образом, скорее всего, желает подчеркнуть вклад Меркеля для латвийских земель, несмотря на свое немецкое происхождение. В последней строфе стихотворения автор упоминает бога Атримпуса. Аусеклис говорит о том, что даже после смерти Меркеля латыши помнят его и опускают на его могилу жемчужины из венка невест Атримпуса.

⁵⁸⁷ Auseklis, *Ozolu vaiņaki*, Pētersburga 1875.

⁵⁸⁸ Pie svētas upes Daugavas
Tu tautu sargāt nāci. [Auseklis, *Ozolu vaiņaki*, krājumā *Ausekļa kopoti raksti*, red. J. Lapiņš, Rīga 1923, Lpp. 245]

⁵⁸⁹ Nevis uz Reinas, bet Latvijas Daugavas krasta
Nesama bij Merķeļam smagajā kareivja nasta. [Auseklis, *Izlase*, Rīga 1955, Lpp. 38]

Атримпус отвечает за море, он также схож с Нептуном, соответственно жемчужинами с венков его невест являются соленые капли или слезы.

Собственно, Аусеклис никогда не выступал против принятия латышами лучшего от других культур и наций. Он также не был ненавистником всего немецкого при том, что, несомненно, был националистом. Подтверждением тому является его цитата: „Неправильное и слепое осознание своей народности все превращает в пустую фразу. Святые, почтенные слова и значения в таком осознании теряют свой вес и значение“⁵⁹⁰. На примере цитаты видно, что автор, несмотря на то, что яро выступал за развитие национальной культуры, старался остерегать латышский народ от возможности замкнуться в своих национальных особенностях.

К вышеупомянутым примерам из поэзии Аусеклиса стоит лишь добавить, что автор практически одновременно является основателем народной романтической поэзии и ее эпигоном⁵⁹¹. В завершение стоит также подчеркнуть, что для поэта очень важны образы из латышской мифологии, а также их символические значения. Стоит подчеркнуть, что псевдоним „Аусеклис“ также связан с древнелатышскими традициями. В латышской мифологии под Аусеклисом подразумевается воплощение утренней звезды, в мифологических мотивах он часто выступает как жених дочери богини Солнца. Аусеклиса часто можно встретить в народных песнях – дайнах. Символическое изображение является символом латышской культуры и часто изображается на национальных нарядах. Впоследствии Аусеклис стал также символом национального движения⁵⁹².

Наглядным примером взаимодействия культур и взаимного проникновения в поэтической сфере является поэма польского поэта Платера *На дуб в Инфлянтах* (польск. *Na dąb w Inflantach*), так как вышеназванные боги из балтийской мифологии, образы которых характерны для творчества Аусеклиса, также как и образ дуба, а именно священного дуба *Vaublis*, встречаются в его произведении. Поэма носит дидактический характер, наставляя латышский народ думать о будущем, учась на ошибках прошлого, в котором на землях предков латышей воевали литовцы, немцы, русские, поляками и шведы.

Видал ли ты павшего в бою вождя Коббе,

⁵⁹⁰ Nepareiza un akla tautas apziņa visu padara par frazi. Svēti, cienījami vārdi un nozīmējumi caur to zaudē savu svaru, un paliek par citu ļauzu valodām un izmēdījumiem. [Auseklis, *Paidagoģiska gada grāmata*, krājumā *Ausekļa kopoti raksti*, red. J. Lapiņš, Rīga 1923, Lpp. 463]

⁵⁹¹ J. Kursīte, *Latviešu dzejas versifikācija 20 gs. sākumā 1900-1919*, Rīga 1988, Lpp. 44.

⁵⁹² H. Biezais, *Seno latviešu debesu ģimene*, Rīga 1998, Lpp. 21-34.

И зарево горящих укреплений русских князей,
Вооруженные строения Кокнесе и Ерсики,
Разрушенные рыцарями германских народов?
Слышал ли ты громкий пожар и звук оружия ляхов,
Лязг скандинавских мечей Карла Густава,
Бегущих из Кирхгольма от погони Орла?⁵⁹³ [Перевод с польского Э.Я.]

В завершении поэмы нарратор заключает, что судьба дуба неизвестна, он может быть полностью уничтожен, а может на его месте появится новое дерево:

В нем уже не было жизни, только слабый куст
Отрастая из пня, светил приятным светом...
Вырастит ли из него когда-нибудь вновь дерево,
Будет ли смотреть на ушедшие времена взором отца.⁵⁹⁴ [Перевод с польского Э.Я.]

Символически Платер переносит образ дуба на латышский народ, дальнейшая судьба которого ему неизвестна. Стоит подчеркнуть, что Платер в своей поэме использует гидроним „Даугава”, что еще раз подтверждает его проникновение в латышскую культуру, желание увидеть ее изнутри. Лирический герой поэмы представлен странником, таким же странником в латышском народном романтизме является сам автор. Он наблюдает со стороны, оценивая историю веков, относясь с сочувствием к коренному местному населению, подчеркивая факт жизни на данных территориях разных культур.

Литературовед Заяс справедливо отмечает, что поэма Платера вписывается в распространенную в данный период тенденцию написания произведений в духе регионализма⁵⁹⁵. Однако поэма несет в себе нечто большее, согласно рассматриваемой теме.

⁵⁹³ Widziałeś wodza Kobbe w bitwie poległego,
I łuna gorejącego ruskich książąt grodów,
Zbrojnego Kokenois, i Gercike gmachów,
Zburzonych przez rycerzy germańskich narodów?
Słyszałeś gromki ogień, i dźwięk broni Lachów,
Huk barmat skandynawskich Karola Gustawa,
Uchodzących z Kircholmy przed Orłem-pogonią? [A. Plater, *Na dąb w Inflantach*, „Rubon” 1842, red. K. Bujnicki, T. II, s. 78]

⁵⁹⁴ Nie było już w nim życia, słabe tylko krzewo
Z pnia odrosłe świeciło przyjemnym kolorem...
Czy się z niego utworzy kiedyś znowu drzewo,
Czy na wieki spoglądać będzie ojca wzorem. [A. Plater, *Na dąb...*, op.cit., T. II, s. 80]

⁵⁹⁵ K. Zajas, *Wielokulturowe Inflanty Polskie...*, op.cit., s. 228-230.

В поэме присутствуют боги балтийского пантеона – Перконс, Атримпус, Поклус. Странник в поэме взывает к ним, обращаясь к дубу:

Какую честь тебе, мой дуб, отдавали народы,
И богам, охраняемым тобой? Где грозный Перкон,
Неумолимый Поклус и молодой бог Атримпут?⁵⁹⁶ [Перевод с польского Э.Я.]

С позиции обращения с просьбами к богам балтийского пантеона взывали лишь латышские авторы в данный период, а обращение к ним автора польского происхождения свидетельствует о примере диалога культур, а точнее способности одной культуры услышать другую и войти в ее положение.

Продолжая говорить о Даугаве в творчестве латышских поэтов XIX – начала XX века, необходимо также вспомнить об инфляндце Янисе Плиекшансе, более известном под псевдонимом „Райнис“. В творчестве Яниса Райниса Даугава представляет образ реки-судьбы.

В стихотворении *Берега Даугавы* (латыш. *Daugavas krasti*) из сборника 1909 года под названием *Тихая книга* (латыш. *Klusā grāmata*)⁵⁹⁷ Райнис просит об очищении, восстановлении реки:

Берега омой ты, Даугава,
Ты должна омыть их, реченька;
Вековечная волна твоя
Не очистила от пятен их;
Как бы в бурю ты ни пенилась,
Не заблещет пена белая.⁵⁹⁸ [Перевод Г. Горского]⁵⁹⁹

⁵⁹⁶ Jaką ci cześć, mój dębie, dawały narody,
I bóstwom, których strzegłeś? Gdzie jest Perkun groźny,
Nieubłagany Poklus i Bóg Atrymp młody? [A. Plater, *Na dąb...*, op.cit., T. II, s. 78]

⁵⁹⁷ J. Rainis, *Klusā grāmata*, Pētersburga 1909.

⁵⁹⁸ Я. Райнис, *Берега Даугавы*, в: Я. Райнис. *Стихотворения. Пьесы*, ред. С. Виесе, Москва 1976, с. 111-112.

⁵⁹⁹ Skalo savus krastus', Daugava,
Tavi krasti skalojami gan;
Gadu gadus ūdens skalojot
Nenoīrīs tos no traipekļeem;
Viļņo, putodama dusmojees,
Tavas putas baltas nemirdzēs. [J. Rainis, *Daugavas krasti, dzejas krājumā Klusā grāmata*, Pētersburga 1909, Lpp. 119]

В стихотворении *Вели и души* (латыш. *Veļi un dvēsles*) из сборника *Конец и начало* (латыш. *Gals un sākums*)⁶⁰⁰ 1912 года Даугава является проводником живых и мертвых душ:

Спит земля во тьме. Лишь вели
Двигутся по Даугаве.
Где земля впадает в небо,
Там начало звездным рекам:
В путь таинственный пускаясь,
Вели подплывают к звездам.⁶⁰¹ [Перевод В. Елезаровой]⁶⁰²

Снова присутствует обращение к латышской мифологии. В древности латыши верили, что душа каждого человека после смерти отправляется на солнце и присоединяется к велям. Велями (латыш. *veļi*), в свою очередь, являются человеческие души, которые продолжают жить после смерти. Если умирал молодой человек, то считалось, что он женится на дочери Матери велей или Матери земли. Велями управляет Мать велей, которая очень схожа с Матерью земли. Вели так же, как люди, ведут хозяйство, у них есть свои коровы и свои псы, а душа человека присоединяется к ним после смерти. Нет точных сведений о том, когда конкретно культ души перешел в культ велей. Однако известно, что такой же культ присутствовал у литовцев. Петерис Шмидт предполагает, что Мать велей появилась в латышской мифологии по аналогии с Матерью земли и Солнцем⁶⁰³. Главной и доминирующей функцией Матери велей является отнятие жизни, проведение умершего в царство мертвых⁶⁰⁴.

Писатели зачастую обыгрывают образ Матери велей, представляя ее особой душой некогда умершей выдающейся и необыкновенной женщины. К примеру, стихотворение поэтессы Аспазии из сборника *Цветочный букет* (латыш. *Ziedu klēpis*)⁶⁰⁵, которое так и называется *Мать велей* (латыш. *Veļu māte*), представляет Мать велей поистине необычной и красивой женщиной, проезжающей в карете:

⁶⁰⁰ J. Rainis, *Gals un sākums*, Pēterburga 1912.

⁶⁰¹ Я. Райнис, *Вели и души*, в: Я. Райнис. *Стихотворения. Пьесы*, ред. С. Виесе, Москва 1976, с. 233.

⁶⁰² Lejā zeme guļ iekš tumsas,
Melnā Daugavā brauc veļi.
Tur, kur gals ir veļu upei
Debesmalā, sākas zvaigznes:
Briesmuceļu nobraukuši,

Veļi uzceļas uz zvaigznēm. [J. Rainis, *Veļi un dvēsles*, dzejas krājumā *Gals un sākums*, Pētersburga 1912, Lpp. 192]

⁶⁰³ P. Šmits, *Latviešu lautas tīcejumi*, 4 sēj., Rīga 1940, Lpp. 211.

⁶⁰⁴ J. Kursīte, *Latviešu folklorē mītu spoguļi*, pētījumā *Dievību savstarpējās attiecības*, Rīga 1996, Lpp. 249.

⁶⁰⁵ Aspazija, *Ziedu klēpis*, Rīga 1911.

Мать велей, мать велей,
Что так широка твоя телега?
Что ты приехала сама?
...Какие длинные, черные твои вожжи!⁶⁰⁶ [Перевод Э.Я.]

Автор идеализирует образ Матери велей, он соединяет в себе мистическое, божественное начало с земным, человеческим. С одной стороны, это явление, изменяющее мир вокруг себя, а с другой стороны – женщина, едущая на телеге и управляющая лошадей.

Гидроним „Даугава“ встречается также в пьесах Райниса *Огонь и ночь* (латыш. *Uguns un nakts*)⁶⁰⁷ и *Вей, ветерок!* (латыш. *Pūt, vējiņi!*)⁶⁰⁸, а также в поэме *Даугава* (латыш. *Daugava*). В пьесе *Огонь и ночь* 1905 года Даугава обозначается как геолокация, на которой происходят главные события для Латвии: на дне Даугавы хранится ключ свободы, а замок отца персонажа-протагониста Айзкрауклиса находится на берегу Даугавы, замок Лиелвардиса также находится на берегу Даугавы.

В пьесе 1913 года *Вей, ветерок!* Даугава принимает окрас судьбоносности в жизни главных персонажей. Главный персонаж является лодочником, его называют даугавчанином, что отождествляет Улдиса с родом его занятия. Уже в прологе, который впервые был написан и добавлен к тексту автором в 1925 году, три раза упоминается река:

...По Даугаве воздушной, морем звуков.
...О Даугаве любимой, об отчизне.
И юноша, сиротки покоритель,
Встал из-за Даугавы белокипучей⁶⁰⁹... [Перевод Н. Асеева]⁶¹⁰

⁶⁰⁶ Veļu māte, veļu māte,
Ko tik plati tavi rati?
Ko tu atbraukusi pati?

... Cik tev gari, melni groži! [Aspazija, *Veļu māte*, dzejas krājuma *Ziedu klēpis*, Rīga 1911, Lpp. 85]

⁶⁰⁷ J. Rainis, *Uguns un nakts*, Rīga 1907.

⁶⁰⁸ J. Rainis, *Pūt, vējiņi!*, Pētersburga 1913.

⁶⁰⁹ Я. Райнис, *Вей, ветерок!*, в: Я. Райнис. *Избранные произведения*, ред. А.А. Щербакова, Ленинград 1981, с. 371-372.

⁶¹⁰ ... Pār gaisa Daugavu, pār gara jūru.
... Par tālo dzimteni, par Daugaviņu.
Iet bārenīti iegūt tautas dēls,

Kas nāk pār Daugavu ar baltām putām... [J.Rainis, *Pūt, vējiņi!*, Rīga 1930, Lpp. 7]

Сам главный герой говорит о Даугаве в уменьшительно-ласкательной форме:

Эй, Даугавушка родная,
Вей, вей, ветерок, гони челнок,
Уноси нас в Видземе!⁶¹¹ [Перевод Н. Асеева]⁶¹²

Что ты рвешься? Глазки прячешь?
Ведь они синее, чем
Волны Даугавушки синей.⁶¹³ [Перевод Н. Асеева]⁶¹⁴

Однако в водах Даугавы Улдис теряет свою возлюбленную, и Даугава отнимает у него самое дорогое.

Поэма под одноименным названием *Даугава* 1919 года раскрывает образ реки как судьбы целого латышского народа, сам автор называет ее символическим поясом жизни. Райнис писал: „В этой драматической поэме отражаются мечты и цели, связанные с борьбой за свободу Латвии. Люди собираются на берегу Даугавы, чтобы пройти сквозь ночь через «черную Даугаву» к «солнечной Даугаве»⁶¹⁵”.

В первой части поэмы *Черная Даугава* (латыш. *Melnā Daugava*) река показана как Черная мать, которая выступает как хранительница умерших душ – велей, она также находится в состоянии слушателя, который выслушивает беды и тяжбы народа. Вторая часть *Пожар* символизирует огонь войны, который пробуждает народ и вынуждает к действиям.

В третьей части под названием *Полночь* (латыш. *Pusnakts*) пробуждаются народные герои, которые в борьбе за родину погибли, среди них: Лачплиесис, Спидола, Лайкавецис и Иманта. Они плывут на черной лодке велей и пробуждают народ. В четвертой части под названием *Белая Даугава* люди пробуждаются ото сна, их становится все больше. Новопришедшие призывают охранять свою страну от двух больших змей. Естественно, что

⁶¹¹ Я.Райнис, *Вей, веткрок...*, op.cit., с. 502.

⁶¹² Aila, mana Daugaviņa!
Pūt, vējiņi, dzen laiviņu,
Aizdzen mani Vidzemē! [J. Rainis, *Pūt, vējiņi!*, Pētersburga 1913, Lpp. 148]

⁶¹³ Я.Райнис, *Вей, веткрок...*, op.cit., с. 389.

⁶¹⁴ Ko tu bēdz? acis sedz?
Tev actiņas zilas bij
Kā Daugavas zili viļņi. [J. Rainis, *Pūt, vējiņi!*, Pētersburga 1913, Lpp. 24]

⁶¹⁵ E. Gintere, *Rainis laikabiedru atmiņās*, Rīga 1985, Lpp. 25-26.

под змеями подразумеваются немецкая аристократия, которая по-прежнему отстаивает свои права на территории Латвии, и Российская империя, стремящаяся к русификации.

Наконец, пятая часть под названием *Красная Даугава* (латыш. *Sarkanā Daugava*) аллегорически представляет осень 1919 года, когда на берегу реки Даугавы разразились протесты против полковника Павла Бермондта-Авалова, требующего от Латвии вновь войти в состав России. Данные протесты вновь окрасили Даугаву судьбоносным ореолом. Шестая часть под названием *Солнечная Даугава* содержит в себе призыв народа к продолжению борьбы в надежде на перемены к лучшему:

Солнце, солнце, солнце встает!
Даугава улыбается.⁶¹⁶ [Перевод с латышского Э.Я.]

Через творчество Райниса образ Даугавы проходит красной нитью. Река в его произведениях несет в себе философско-символический образ. В его поэмах и стихотворениях Даугава выступает рекой-судьбой. Одноименную поэму, изданную в 1919 году, сам автор называл символическим поясом жизни, что также подчеркивает влияние Даугавы на судьбу латышского народа.

Делая вывод, стоит отметить, что гидроним Даугавы под разными историческими названиями несет в себе длинную историю, берущую свое начало еще со времен древнегреческих философов. Совершенно верно подметил польский лингвист XX века Станислав Роспонд (польск. Stanisław Rospond), говоря о том, что ни один народ на земле до конца не понимает названий своих великих рек. Связано это с тем, по точному замечанию ученого, что названия рек отдают эхом древних веков и не единожды умирающих народов⁶¹⁷. По мнению рассмотренных выше авторов, этимология гидронима реки Даугавы может иметь балтийские, германские и даже славянские корни.

Интересным является также то, что образ реки значительно отличается у разных инфлянтских поэтов XIX века. Оценивая исконно латышских писателей, стоит помнить о том, что божества и языческие явления, представленные в их творчестве, в том числе в поэзии Аусеклиса и Райниса, составляют весомую часть латышской культуры. Тенденция обращать внимание на особенность языческих ритуалов и упоминание богов из пантеона

⁶¹⁶ Saule, saule, saule lec!

Daugaviņa iesmējās. [J. Rainis, *Daugava*, Rīga 1919, Lpp]

⁶¹⁷ S. Rospond, *Mówią nazwy*, Warszawa 1976, s. 234.

латышской мифологии является отличительной чертой, в том числе при упоминании Даугавы.

Несомненно, большим вкладом в инфлянтскую поэзию является альманах „Rubon”, объединивший польскоязычных авторов, желающих внести свою литературную лепту в историю Польских Инфлянт. Необходимо отметить, что поэты польского происхождения, связанные с Латгалией, не остаются равнодушными по отношению к гидрониму Даугавы, а в особенности к судьбе местности, по которой река протекает. Отличие заключается в том, что образ реки представлен авторами с позиции латвийских исконных жителей, борющихся за свои права, и с позиции аристократов, наблюдающих за происходящим на землях Польских Инфлянт со стороны. В поэзии Аусеклиса и Райниса река названа Даугавой, она тесно связана с образом родины. В творчестве Борха присутствуют как Двина, так и Даугава. Двина для автора представляет собой источник, которой несет в себе память поколений, напоминая читателю о войнах и страданиях местного населения. Борх и Храповицкий смотрят на реку со стороны как на символ латвийских земель и непростой истории. Важным является образ, представленный Храповицким, ведь он обращается к самому Рубону и его древней истории, и скорее всего неспроста Рубон представлен уставшим от бездействия жителей, живущих на его берегах. Мотив вечного сна, медлительности и бездействия также прослеживается у Борха, играя гидронимами, поэт отдает Даугаву местным жителям Польских Инфлянт, Дину – норманнам, а лирический герой в последней строфе поэмы Борха Ерсика желает покоя „нашей Двине”, что свидетельствует о том, что родной для себя автор белорусского происхождения выбирает Двину. Стоит отметить, что в народной белорусской песне, представленной Сапуновом в труде *Река Западная Двина*, также выступает гидроним „Двина”, отличием является лишь использование уменьшительной формы – Двинка. Характерным для стихотворений на польском языке является отображение противоречивого образа реки, который с одной стороны – спокоен, молчалив и умиротворен, а с другой – всегда готов к противоборству. Аристократическое происхождение Борха и благополучная жизнь не давали повода для излишнего беспокойства по поводу происходившей ситуации, однако его интересовала история края, этимология названия. Он подходил к вопросу как исследователь, вдохновленный своими исканиями. Аусеклиса и Райниса, в свою очередь, волновала несправедливость по отношению к их народу, они были озабочены призывом к борьбе – именно поэтому в произведениях авторов так много отголосков латышской мифологии. Поэты стремились сохранить ценности и

культурное наследие нации, для них поэзия – это инструмент для призыва народа к активным действиям. В стихотворении Борха лирический герой говорит о том, что река не отвечает на просьбы о помощи народа, в стихотворениях Аусеклиса народ сам стремится спасти Даугаву. Поэтов объединяют одни исторические события, они, несомненно, принадлежат к одной расе, но при этом разнятся их национальные интересы и взгляды на текущую ситуацию. Примером диалога культур и взаимного проникновения послужила поэма польского инфляндца Адама Платера в которой не только присутствует гидроним „Даугава”, но также боги балтийского пантеона и священный дуб, к которому странник обращается с вопросом о будущем латвийских земель, латышского народа и судьбе его богов.

На фоне вышеописанной картины выделяется историко-географический труд Сапунова, который, несмотря на свой историко-социальный и геологический характер, все же обращается к теме поэзии и не только оценивает ее, но также предоставляет примеры польских авторов с переводом на русский, белорусских авторов без перевода и творчество малоизвестных русских авторов, описывающих Двину под вдохновением народного творчества. Двина в элегии Лады-Заблоцкого, вдохновленного творчеством Мицкевича, представила собой мотив „домашней реки”, связанной с малой родиной. Сам Сапунов не прибегает к поэтической форме, лишь делится своими субъективными эстетическими впечатлениями на тему поэзии. Труд Сапунова, несомненно, интересен рассуждениями на тему этимологии названий, в том числе рассуждениями на тему статьи Борха. Впрочем, все перечисленное характеризует позицию Сапунова как наблюдательную.

ГЛАВА IV. ВЗГЛЯД ПОЛЬСКИХ, РУССКИХ, ОСТЗЕЙСКИХ И ЛАТЫШСКИХ АВТОРОВ НА ГОРОДА И МЕСТЕЧКИ ПОЛЬСКИХ ИНФЛЯНТ

4.1. Динабургский уезд

4.1.1. Динабург

Город Динабург встречается в работах инфлянтских авторов XIX века польского, немецкого и русского происхождения. Упоминание о Динабурге можно встретить как в работах историко-географического характера, так и в художественной литературе. Авторы вспоминают о Динабурге как в личных дневниках, так и в заметках периодических изданий. Объединяет их важность в отражении образа Динабурга и его устройства через описание в разных формах его материальной и духовной культуры, а также неповторимый субъективный взгляд на город, его особенности и проблемы. Стоит отметить также то, что представленные авторы отражают взгляд в первую очередь инфлянтских писателей, находящихся в диалоге культур, но при этом выражающих свои взгляды согласно принадлежности к определенной национальной группе.

Во внимание берутся работы историка и краеведа Алексея Сапунова, который уделяет Динабургу внимание как в своих исследовательских работах по истории, к которым относятся исследования *Двинские или Борисовы камни* и *Список населенных мест Витебской губернии*, так и в историко-географическом обзоре *Река Западная Двина*. Особо интересным является труд, впервые изданный в 1886 году под названием *Инфлянты. Исторические судьбы края, известного под именем Польских Инфлянт*. Данное исследование включает в себя материал о Латгальском крае с XII до начала XIX вв., в том числе Сапунов обращается к истории города Динабурга. О Динабурге вспоминает еще один русский исследователь XIX века — Александр Сементовский, его работы также имеют историко-географический характер. В работе 1872 года под названием *Этнографический обзор Витебской губернии* Сементовский подробно рассказывает о народах, проживающих в разный период времени в Витебской губернии, затрагивая в том числе и Динабург. Принимаются во внимание также работы, посвященные Динабургу авторами немецкого

происхождения, к которым относятся остзейцы, то есть балтийские немцы. Рассматриваются работы философа Гарлиба Меркеля и лингвиста Августа Биленштейна. В своем периодическом издании под названием „Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland“, выходящем в период 1828-1838 гг., Меркель описывает в том числе жизнь в Динабурге. устройство города. В свою очередь, лингвист и фольклорист Август Биленштейн говорит о Динабурге в своих путевых заметках под названием *Reiseskizzen aus dem Oberlande*, посвященных Польским Инфлянтам и изданных в 1882 году. Информация о Динабурге также берется из работ польского историка и этнографа Густава Мантейфеля. Исторические справки о Динабурге изложены в его обзоре под названием *Инфлянтское княжество XVII и XVIII столетий. Обзор его самых выдающихся деятелей*, а подробное описание истории города Динабурга – в очерке 1876 года под названием *Польские Инфлянты*. Рассматриваются также статьи латгальского аристократа польского происхождения Адама Платера под названием *Еще несколько слов о Динабурге, О динабургских старостах с 1670 года* и *Исторически-хронологическая справка о Динабурге*. Во внимание принимается упоминание о Динабурге польского публициста и краеведа Казимира Буйницкого в его романе нравов *Дневники ксендза Иордана* и личных дневниках. Рассматриваются также путевые заметки 1863 года польского этнографа и путешественника Эдуарда Хлопицкого под названием *Записки из разных путешествий по стране: Инфлянты, Жмудь, Литва, Побережье*. Дополнением к рассмотрению вышеупомянутых работ является сборник фельетонов латгальского публициста Никодемса Ранцанса *Путешествие по Латгалии*.

Динабург на духовном уровне характеризует нахождение города в мультикультуральной и мультилингвистической среде, что в целом характерно для всех больших и маленьких городов Польских Инфлянт. Однако на территории самого большого города данного края эта особенность выражена наиболее ярко, что также заметно в разных названиях города на определенных отрезках истории. Говоря о Динабурге, расположенном на реке Даугаве, Сапунов начинает с того, что обращается к нескольким его названиям, упоминая Невгин, Динабург и Борисоглебск. Стоит отметить, что название „Невгин“ встречается в грамотах и русских летописях⁶¹⁸ в период с XIV по XV вв. Сапунов же

⁶¹⁸ Двинск, в: *Военная энциклопедия*, под ред. К. И. Величко, Т. 9, Санкт-Петербург 1912, с. 2-3.

высказывает свое предположение о том, что „Невгин“ происходит от „Naujenes Pilis“ - названия, которое дали Динабургу местные жители⁶¹⁹.

Мультикультуральная среда продиктована временем и стратегическим нахождением динабургского замка и его крепости, которым больше всего уделяют внимание инфлянтские авторы. Разные народы завоевывали замок на протяжении истории, что приводило к смене главенства на рассматриваемых территориях и укоренению на них разных культур. Замок, несомненно, является частью материальной и духовной культуры Польских Инфлянт.

Сапунов говорит о старом и нынешнем Динабурге, поясняя, что от основанного магистром Ливонского ордена Эрнстом фон Ратцебургом (нем. Ernst von Ratzeburg) в 1274 году города практически ничего не осталось. Нынешним Динабургом автор называет современный для него город, который он наблюдает в конце XIX века. Наблюдаемый Сапуновым Динабург был основан в 1582 году польским королем Стефаном Баторием (польск. Stefan Batory). Во время основания города Баторий перенес замок, прежде находившийся на правом берегу Западной Двины, к озеру Шун⁶²⁰.

Обращаясь к Динабургу, Сапунов концентрирует свое внимание главным образом на замке и его истории, описывая ее в хронологическом порядке. Автор начинает описание судьбы замка с 1277 года, когда едва оконченную постройку пожелали разрушить литовские и полоцкие князья. Однако усилия литовского князя Тройдена (литовск. Traidenis) по разрушению оказались напрасными, и лишь в 1315 году великому князю литовскому Витеню (литовск. Vytenis) удалось разрушить замок, который вскоре был отстроен. На протяжении всего XIV века и начала XV века замок постоянно завоевывали и разрушали литовские войска во главе с великим князем Витовтом (литовск. Vytautas), а затем снова отвоевывали рыцари Ливонского ордена по причине важного стратегического положения Динабурга. В 1481 году Динабург был взят русскими во время войны князя московского Ивана III с ливонскими рыцарями. В середине XVI века, а именно в 1559 году, ослабленный Ливонский орден отдал под залог Динабург польскому королю Сигизмунду Августу (польск. Zygmunt II August)⁶²¹. После окончательного падения Ливонского ордена, в 1561 году Динабург был присоединен к Польше, после чего в 1566 году король назначил город

⁶¹⁹ А. П. Сапунов, *Инфлянты. Исторические судьбы края, известного под именем Польских Инфлянт*, Витебск 1886, с. 38-41.

⁶²⁰ Ibidem, с. 42.

⁶²¹ К. W. Cruse, *Curland unter den Herzogen*, T. I, Mitau 1833, s. 28.

главным в Инфлянтском воеводстве. Сапунов вспомнил также про 1577 год, когда во время войны короля Стефана Батория с Иваном Грозным русским войскам во главе с царем удалось ненадолго овладеть Динабургом, и некоторое время царь даже проживал в городе, но на следующий год полякам удалось вернуть замок благодаря смекалке полковника Платера, который напоил русских стражников и впустил внутрь польскую армию. Данный факт не подтверждается автором какими-либо достоверными источниками, однако заметно, что Сапунов больше благоволит к обладанию замком русскими, оценивая поступок Платера как коварство⁶²².

В описании судьбы края автор отмечает, что после большого количества нападений динабургский замок постепенно приходил в упадок, по причине чего Баторий в 1582 году велел вернуть постройку на ее прежнее место и соорудить новый высокий земляной замок. Сапунов называет несколько версий, которые бытовали в его время по поводу переноса замка. Среди них существовала версия о том, что замок могли перенести шведы, однако автор опровергает данную версию фактом о том, что Шведская война последовала несколько лет спустя. Существовала также версия о том, что Иван Грозный, в 1577 году взяв Старый Динабург, пожелал в более удобном месте для укрепления возвести земляной замок и лишь потом Баторий перенес туда город. Данная версия подтверждается лишь слухами, по версии которых в 1819 году при сооружении крепости вблизи иезуитского костела была найдена медная доска с надписью на русском языке, что якобы свидетельствовало о заложении шанца Грозным⁶²³. Многочисленное количество версий, представленных Сапуновым на данный счет, свидетельствует лишь о том, что Динабургский замок имеет богатую историю, связанную с многочисленными историческими событиями, в которые были вовлечены многие народы, воевавшие за господство на данных территориях.

Сапунов подробно описывает расположение и особенности строения старого замка, уточняя, что еще к началу XIX века развалины древнего замка были видны, но местные крестьяне достаточно быстро разобрали их, продавая кирпичи и камни подрядчику, доставлявшему материалы на строительство крепости. Исходя из этого обстоятельства, от старого замка достаточно быстро ничего не осталось. Касательно нового замка Сапунов утверждает, что его судьба мало чем отличалась от старого, так как под его стенами постоянно бились завоеватели. К примеру, в 1600 году герцог Зюдермандландский ворвался

⁶²² А. П. Сапунов, *Инфлянты...*, *op.cit.*, с. 38-41.

⁶²³ *Ibidem*, с. 41-43.

со своим войском в Инфлянты и осадил Динабург, взяв его штурмом. В 1656 году замок был завоеван русскими во главе с царем Алексеем Михайловичем, а в 1667 по договору в Андрусове вернулся к Польше. Однако в 1772 году Динабург вошел в состав России и был назначен провинциальным городом Двинской провинции, входившей в состав Псковской губернии. В 1795 году Динабург был сожжен польскими конфедератами под начальством князя Огинского. Позднее, а именно в 1811 году правительство, коллегия и иезуитские имения в Динабурге были обращены в крепость⁶²⁴. Таким образом, Сапунов детально описал историю динабургского замка, лишь частично затрагивая историю самого города.

В своем историческом очерке 1876 года Мантейфель также обращается к истории динабургского замка. Его повествование об истории Динабурга напоминает работу Сапунова, описывавшего судьбу Инфлянтского края. Мантейфель также начинает от замка, построенного в 1277 году Эрнстом фон Ратцебургом, уточняя, что возведен он был на горке, в двух милях от современной автору крепости, на правом берегу реки. Мантейфель так же, как Сапунов, отмечает выгодное расположение замка в военное время. Описание судьбы замка Мантейфелем и Сапуновым практически идентично, что неудивительно, так как Сапунов написал свой труд через десять лет после очерка Мантейфеля и ссылается на его работу, добавляя свои комментарии. Автор текста на польском языке уточняет, что после того, как Польские Инфлянты были присоединены к России, польская аристократия все реже стала проводить свои собрания в Динабурге⁶²⁵.

Мантейфель говорит также о современном ему Динабурге, касаясь в том числе описания крепости. Наиболее характерной деталью в понятии автора является длинный мост, который соединяет крепостные сооружения, находящиеся на разных берегах реки. Упоминается также еще один городской мост, через который проходит железная дорога, ведущая из Санкт-Петербурга через Динабург на Варшаву⁶²⁶. Наличие мостов и дороги, соединяющей большие города стран, влияющее на жизнь в Польских Инфлянтах, в

⁶²⁴ А. П. Сапунов, *Инфлянты...*, op.cit., с. 44-47.

⁶²⁵ G. Manteuffel, *Inflanty Polskie oraz Listy...*, op.cit., s. 125-126.

⁶²⁶ Создание и дальнейшее развитие железной дороги в Латгалии во второй половине XIX века предопределило выгодное географическое положение региона и политические и экономические интересы Российской империи. Латгалия стала важной транзитной территорией, когда было открыто дорожное сообщение Санкт-Петербург-Варшава. Для развития промышленных и торговых связей с Западной Европой, император Николай I в 1851 г. подписал указ о строительстве железнодорожной линии по этому маршруту. Одной из семи станций первого класса был выбран Динабург, а в Резекне должны были построить станцию второго класса. В строительстве принимали участие крепостные близлежащих поместий и военно-строительные бригады. Строительные работы были завершены в 1862 году. [*Latgales līngvoteritoriālā vārdnīca*, galv. red. I. Šuplinska, 1 sēj., Rēzekne 2012, Lpp. 648-650]

очередной раз подчеркивает положение Динабурга и самих Польских Инфлянт на границе, за которую борются и благодаря которой на данных территориях происходит смешение разных культур. Впервые к описанию Динабурга остзейский публицист Меркель обращается в своих заметках от 22 октября 1830 года. Автор посвящает Динабургу целую статью под названием *О Динабурге* (нем. *Über Dünaburg*). В ней автор главным образом описывает крепость, процесс ее постройки и особенность проживания в ней. Начинает Меркель с того, что Динабург активно развивается:

В 1810 году Динабург был только убогой еврейской деревней, окруженной песчаными холмами и болотом, и путешественники едва ли могли найти там укрытие на ночь. В 1812 году, в год войны, итоги двухлетней работы над новой крепостью были уничтожены врагом. Насколько разнообразен и приятен для глаза вид Динабурга 1830 года!⁶²⁷ [Перевод с немецкого Агаты Хайдук]

Далее автор обращается к главному, по его мнению, объекту в городе, который способствует его развитию и делает его интересным. Располагается данный объект, согласно заметке, в 200 верстах от Риги, а именно в Витебской губернии. Автор отмечает, что несмотря на то, что это место стоит посмотреть, все же оно малоизвестно даже в соседних губерниях. Внутренняя площадь самого укрепления динабургской крепости в два-три раза больше, чем площадь рижской цитадели, сами укрепления очень большие и обширные, они были прочно и аккуратно выложены в соответствии с новейшим искусством фортификации. Автор отмечает, что даже эксперты классифицируют данное место среди крепостей первого ранга в Европе. Меркель подчеркивает, что крепость строится регулярно, пострадала лишь в 1828 году от ледника. Крепость предназначена только для военных и поэтому заполнена каменными постройками, однако внутри крепости также находятся пять больших выделяющихся частных домов. Именно архитектура домов, их убранство, как снаружи, так и внутри придает шарм крепости и даже напоминает автору архитектуру на улицах Санкт-Петербурга. Автор описывает также казармы и хозяйственные постройки,

⁶²⁷ Im Jahr 1810 war Dünaburg nichts weiter als ein elender Judenflöcken, von Sandhügeln und Morästen umgeben, und es ward dem Reisenden schwer, ein Obdach für die Nacht daselbst zu erhalten. Im Kriegsjahr 1812 wurde die zweijährige Arbeit an der neuen Festung durch den Feind zerstört. Welch einen andern und erfreulicheren Anblick gewährt Dünaburg im Jahr 1830! [G. Merkel, *Über Dünaburg*, „Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland“ 1830, Nr. 43, s. 170]

характерным для которых являются крыши, покрытые листовым железом. Самой красивой площадью, по утверждению Меркеля, является Парадная площадь (Paradeplatz), окаймленная двойным рядом тополей и окруженная со всех четырех сторон красивейшими зданиями. В крепости есть также своя больница с апартаментами семи врачей и аптекой. Сбоку от больницы, как уточняет автор, находится тюрьма с высокой стеной, собственным колодцем и небольшим садом. Меркель говорит также о самом старом здании Динабурга, которым является бывшая иезуитская церковь вместе с примыкающим к ней монастырем⁶²⁸.

Представитель латгальской аристократии польского происхождения, древнего рода Платеров, археолог и натуралист Адам Платер так же как Сапунов, Мантейфель и Меркель не остается равнодушным к истории динабургского замка, что подтверждает его статья в периодическом издании „Przyjaciel Ludu“ за 1844 год под названием *Еще несколько слов о динабургском замке*. В начале своей исторической заметки Платер говорит о том, что написать следующую статью его вдохновила его собственная публикация из 1-го тома альманаха „Rubon“, вышедшая два года назад. В связи с этим стоит вспомнить, что это была *Исторически-хронологическая справка о Динабурге*. В данной справке Платер упомянул о создании динабургского замка, достаточно коротко без излишних подробностей, вписав данное событие в список важных, по его мнению, событий для города, хронологически и кратко описанных автором начиная с 1277 года (постройка замка) и заканчивая 1825 годом (полное уничтожение, сравнение с землей шанца Батория)⁶²⁹. В продолжении своей справки, также соблюдая хронологический порядок, Платер описывает судьбу динабургской крепости от 1667 года, когда крепость была оборудована под гарнизон и арсенал. В процессе автор плавно переходит к подробному описанию существования динабургского гарнизона и арсенала. Завершает Платер свою справку информацией о динабургских старостах с 1670 года. Информации о старостах в справке Платера отдается особое внимание, что происходит неспроста, а по причине того, что шесть старост Динабурга подряд носили фамилию Платер и являлись представителями рода самого автора. Первым старостой, представляющим род Платеров, был Ян Анджей (польск. Jan Andrzej), затем его сын с таким же именем, а после смерти отца и брата старостой стал Ян Людвик II (польск. Jan Ludwik II). После смерти Людвика в 1736 году старостой стал его сын Константин Людвик (польск. Konstanty Ludwik); в 1770 году место старосты занял его

⁶²⁸ G. Merkel, *Über Dünaburg...*, op.cit., s. 171.

⁶²⁹ A. Plater, *Historyczno-chronologiczna wiadomość o Dynaburgu*, „Rubon” 1842, red. K. Bujnicki, T. I, s. 19-26.

старший сын Юзеф (польск. Józef), а последним старостой рода Платеров стал брат Юзефа Казимир (польск. Kazimierz)⁶³⁰. Через упоминания старост автор сохраняет память не только о лицах, важных для города, но также память о членах своей семьи.

Возвращаясь к статье о Динабурге, опубликованной Платером в 1844 году, стоит отметить, что в ней, главным образом, автор повествует о строительстве и расположении старого динабургского замка, о его появлении над Даугавой, а также о динабургских командорах. Строительство замка началось, как утверждает Платер, в 1278 году в спешке, причиной которой послужило желание как можно скорее расположить Тевтонский орден в восточной части Семигалии на берегу Двины, что помогло бы взять рыцарскому ордену контроль над местным населением и следить за перемещением разбойников со стороны Литвы. Несмотря на то, что литовцы желали всячески воспрепятствовать строительству замка, магистру Ливонского ордена Эрнсту фон Ратцебургу удалось возвести на Двине замок. Однако еще долгое время замок был причиной войны ордена с литовской стороной, во время которой замок разрушался и вновь восстанавливался⁶³¹. Платер приводит цитату о замке, найденную им за 1555 год:

Динабург был мощным замком, расположенным на реке Двине, между значимыми поместьями и городом, в котором находилась резиденция командора⁶³². [Перевод с польского Э.Я.]

Комментируя цитату, автор перечисляет имена командоров динабургского замка, а также уточняет, что к динабургскому форту относились люцинский и режицкий форты, однако режицкий не подчинялся динабургскому по причине того, что был ему равным⁶³³.

Динабург и динабургский замок упоминаются в работах еще одного польского автора XIX века, родившегося в маленьком провинциальном городке Дагде – Казимира Буйницкого, публициста и краеведа, известного такими своими трудами, посвященными

⁶³⁰ A. Plater, *O Starostach dynaburskich od roku 1670*, „Rubon” 1842, red. K. Bujnicki, T. I, s. 35-42.

⁶³¹ A. Plater, *Jeszcze słów kilka o dynaburskim starym zamku*, „Przyjaciel Ludu” 1844, No. 31, s. 241-243.

⁶³² Dyneburg był zamek mocny, nad Dźwiną położony, między znaczniemi dobrami, z miastem, w którym to zamku Komptur rezydował. [A. Plater, *Jeszcze słów kilka...*, op.cit., No. 31, s. 242]

⁶³³ A. Plater, *Jeszcze słów kilka...*, op.cit., No. 31, s. 243.

Польским Инфлянтам, как *Странствия по проселочным дорогам. Очерки обычаев в провинции*, а также активным участием в издании альманаха „Rubon“. Упоминание о Динабурге можно встретить в его романе нравов *Дневники ксендза Иордана* и личных дневниках.

В первом томе *Дневников ксендза Иордана* встречается следующее описание Динабурга, представленное как субъективное впечатление главного героя:

Мы без сожалений уехали из Динабурга. Во-первых, потому, что для солдата нет ничего более скучного, чем праздность на поле боя, а во-вторых, потому, что эта местность совсем не очаровательна. Эти бескрайние песчаные просторы в окружении мрачных лесов. Сам замок словно утопает в песках. Легкий ветерок поднимает облака пыли, и в этой огромной метели видны только две видимые точки: высокий оборонительный вал, построенный над Двиной для короля Стефана, и деревянная церковь миссий иезуитских священников⁶³⁴. [Перевод с польского Э.Я.]

Из данного описания вытекает, что ксендз Иордан не восхищен пейзажами Динабурга по причине их скудности. Вполне возможно, что это связано с неприятными воспоминаниями из детства Буйницкого. Обращаясь к его личным дневникам, можно найти следующие воспоминания:

Мне тогда было 6 лет, и я хорошо помню эту эпоху, она врезалась в детскую память повествованием о вторжении Михаила Огинского в Динабург и сожжении нескольких казенных зданий в многонаселенном на тот момент городе⁶³⁵. [Перевод с польского Э.Я.]

⁶³⁴ Opuszczaliśmy Dyneburg bez żalu; raz, że nic nudniejszego dla żołnierza, jak bezczynność na polu wojny, a powtóre, że okolica ta żadnego nie przedstawiała powabu. Niezmierzone te piaszczyste rozłogi, okolone posepnemi bory. Gród sam zdaje się być zatopiony w piaskach. Najmniejszy wietrzyk wznosi tumany kurzawy, a na tej obszernej zamieci dwa tylko widoczne wystają punkta: wysoki obronny szaniec, usypany nad Dźwiną za Króla Stefana, i kościół drewniany missji księży Jezuitów. [K. Bujnicki, *Pamiętniki księdza...*, T. I, op.cit., s. 127]

⁶³⁵ Miałem już wówczas lat 6 i dobrze pamiętam tę epokę, a wraziła się ona w dziecinną psmięć opowiadaniem wtargnienia Michała Ogińskiego z jazdą do Dyneburga i spalenia kilku skarbowych budynków w licznym tym podówczas grodzie. [K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)*..., op.cit., s. 31]

Стоит подчеркнуть, что для приятных ассоциаций с городом Динабургом у Буйницкого не было причин и во взрослом возрасте, подтверждением чему также являются его дневники. К примеру, в первом десятилетии XIX века во время своей предсмертной болезни отец отправил Буйницкого представлять себя на выборах судьи и подсудка в Динабурге. Буйницкий вместе с семьей Платеров и Жебровских высказался против того, чтобы витебский губернатор Сумароков отстранил от работы Шредерса и Камиенского, пребывавших ранее на вышеуказанных постах, несмотря на то, что имел право лишь приостановить их деятельность. По причине недовольства губернатор отправил молодых людей, выразивших свое несогласие, на суд. Несмотря на то, что в итоге суд был на стороне Буйницкого, в сознании молодого человека могли остаться не лучшие воспоминания⁶³⁶.

Важным локусом Динабурга в дневниках Буйницкого можно назвать тюрьму. Польское восстание 1863 года отразилось также на жизни в Польских Инфлянтах. На волне гонений повстанцев в тюрьму попадают родные и близкие Буйницкому люди. К примеру, зять Буйницкого Урбан Бениславский (польск. Urban Benisławski) лишается своего имущества и попадает в заключение в динабургскую крепость:

14 апреля в Дубно украли имущество моего зятя Урбана Бениславского. Усадьба его по неизвестной причине не пострадала от пожара во время поджога, но жилой дом внутри был сильно разрушен, имущество разграблено, зерно, скот, лошади, экипажи и т. д. стали добычей агрессивной дикой орды. Хозяина похитили и увезли в Динабург, где он был заключен в крепость вместе с другими гражданами, разделившими ту же участь⁶³⁷. [Перевод с польского Э.Я.]

Не удастся скрыться также внуку Буйницкого, который подобно отцу попадает в заключение, ровно так же, как страдает вся инфлянтская польская интеллигенция, на борьбу с которой „отправлен транспорт с огнестрельным оружием из динабургского форта“⁶³⁸.

⁶³⁶ K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)*..., op.cit., s. 98-99.

⁶³⁷ Tegoż dnia 14 kwietnia zostało zrabowane Dubno, majątność zięcia mojego Urbana Benisławskiego. Dwór tam jakoś nie doznał kłęski pożaru do podpalenia, ale dóm miewszkalny został weeniątrz srodze porujnowany, ruchomość rozgrabiona, zboże, bydło, konie, powozy itd. zabrane jako zdobycz napastniczej dzikiej hordy. Właściciel porwany i zaprowadzony do Dyneburga, gdzie wraz z innemi obywatelami poddanemi równemuż losowi, osadzony został w więzieniu w twierdzy. [K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)*..., op.cit., s. 125]

⁶³⁸ Ibidem, s. 123.

Трагедия заключается в том, что крестьяне, среди которых много раскольников, рады пойти против своих господ и участвуют в том, чтобы их выдать.

Наилучшим образом ассоциации Буйницкого с Динабургом характеризует следующая цитата:

В Динабурге тюрьмы ежедневно наполнялись гражданами и священниками, похищенными из их домов и утащенными крестьянами в этот город⁶³⁹.

Локус тюрьма также связан с пограничьем, а именно пограничьем на духовном уровне, состоянием между свободой и несвободой. Когда духовная свобода выбора и право на самоопределение ограничиваются физической свободой. В свою очередь, раскольники, наказывающие своих господ польского происхождения, также не находились в состоянии свободы, а лишь исполняли указания из-за ограниченности своего понимания и недостатка образования. Суммируя, стоит отметить, что дух пограничья между свободой и несвободой также характерен для Динабурга, что отражается в творчестве Польских Инфлянт.

Единственным приятным воспоминанием, связанным с Динабургом для Буйницкого, согласно дневнику, было знакомство с новыми людьми из Литвы и Белоруссии, а также других частей Польских Инфлянт, приезжающими увидеть своих заключенных родственников и в меру возможности позаботиться о них. Следующие обстоятельства привели к тому, что Буйницкий познакомился со своей дальней родней, о которой прежде ничего не знал⁶⁴⁰. Однако нельзя отрицать тот факт, что все воспоминания писателя о Динабурге покрыты тенью тяжелых и напряженных событий. Скорее всего, именно с этим связано отсутствие восхищения Динабургом ксендза Иордана в произведении Буйницкого.

Более оптимистичный образ Динабурга представлен польским этнографом и путешественником Эдуардом Хлопицким в его путевых заметках под названием *Записки из разных путешествий по стране: Инфлянты, Жмудь, Литва, Побережье* 1863 года. Автор говорит, что город расцветал во время правления Батория и Сигизмунда III. Хлопицкий утверждает, что с этими временами не могут сравниться ни основание Гонсевским в 1629

⁶³⁹ W Dyneburgu więzienia zapelniały się codziennie obywatelami i księżmi porywanymi z domów i ciągnionymi przez chłopów do tego miasta. [K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)*..., op.cit., s. 132]

⁶⁴⁰ K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)*..., op.cit., s. 145.

году здесь костела и коллегии иезуитов, ни присвоение городу статуса столицы в 1660 году, ни реставрация замка в 1670 году. Ко всему прочему, Хлопицкий подчеркивает, что современное ему время дает динабургской крепости второе дыхание⁶⁴¹. Стоит отметить, что Хлопицкий наблюдает Динабург лишь проездом, в отличие от Буйницкого, проживающего недалеко от Динабурга.

Кроме замка и крепости, несомненно, являющихся главными объектами материальной культуры Динабурга, инфлянтских авторов также привлекает вопрос конфессионального состава города, вопрос национальных групп и их особенностей, проживающих на данных территориях, а также род деятельности, которой занимались жители Динабурга.

В 1906 году выходит еще один труд Сапунова, в котором упоминается город Динабург, а именно *Список населенных мест Витебской губернии*. Потребность в сознании данного списка, согласно автору, зрела очень давно. Главной же причиной его создания является вышедший за двадцать лет перед изданием *Алфавитный список уездных городов, местечек, селений и деревней* с большим количеством ошибок, что вызвало необходимость в их исправлении и предоставлении достоверной информации в другом издании подобного рода, о чем сообщает сам Сапунов⁶⁴².

Во второй главе списка Сапунова под названием *Города Витебской губернии* отводится место Динабургу, который, как говорилось выше, в 1893 году был переименован в Двинск. В начале, обращаясь к истории города, автор так же, как и в своем вышеуказанном труде обращается к замку Динабург, пересказывая его историю. Однако далее появляется информация о современном городе: к примеру, Сапунов указывает на наличие церквей разных конфессий, затрагивая вопросы духовной жизни Динабурга. Автор уточняет, что больше всего православных церквей – их семь. Есть одна кирха и один костел, а также два старообрядческих молитвенных дома и 35 еврейских молитвенных домов.

Интересно, что Меркель в своих ранее упомянутых заметках от 22 октября 1830 года большое внимание уделяет церкви, расположившейся на большом холме и выступающей из крепостного вала не только двумя башнями, но почти всей своей конструкцией. Автор

⁶⁴¹E. Chłopicki, *Inflanty*, w: *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*, Warszawa 1863, s. 23-24.

⁶⁴² А. П. Сапунов, *Список населенных мест...*, op.cit., с. 2.

уделяет церкви большое внимание и детально описывает ее убранство, в чем сочетается духовное с материальным. Автор уточняет, что снаружи и внутри церковь поражает своим убранством, а именно настенными украшениями и колоннами. Данное строение Меркель относит приблизительно к середине XVIII века⁶⁴³. Однако стоит уточнить, что изначально деревянная церковь была построена в XVII веке, а именно в 1626 году после победы над шведами воеводы Гонсевского. При построенном костеле была основана коллегия иезуитов, а храм в стиле барокко действительно был построен в XVIII веке на месте деревянного костела⁶⁴⁴. Здание коллегіума было построено в конце XVII — начале XVIII вв. русскими мастерами⁶⁴⁵.

В следующем номере своих заметок от 29 октября того же 1830 года Меркель продолжает описание церкви, упомянутой в прошлом выпуске. На сей раз автор углубляется в детальное описание внутреннего убранства храма, уточняя, что в украшении церкви используются золото, серебро и позолота. Согласно описаниям автора, за последний год Святая Святых была поднята на две ступени выше, а иконостас, отделяющий святилище от остальной части церкви, был не только облицован золотом и серебром, но также украшен картинами учеников Санкт-Петербургской академии. Главную дверь, ведущую в Святая Святых, практически полностью покрыли золотом. В храме появились иконы в исполнении питерских иконописцев, изображающие воскресение Христа, лик Богородицы, апостолов Петра и Павла, архангелов Михаила и Гавриила, лик Николая Чудотворца и многие другие. Меркель восхищается художественной ценностью данных изображений и профессионализмом их авторов⁶⁴⁶.

Отходя от вопросов духовной жизни и переходя к вопросам повседневного характера, Сапунов указывает наиболее распространенные промыслы среди горожан: к ним относятся торговля, извозничество и плотничество. Несмотря на то, что в городе развита торговля, ярмарок в нем не устраивается, базар же работает еженедельно по пятницам и средам, а главными предметами торга являются сельскохозяйственные продукты. Однако Меркель в своих заметках от 29 октября 1830 года говорит о ярмарках, проводимых в Динабурге:

⁶⁴³ G. Merkel, *Über Düna*, „Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland“ 1830, Nr. 43, s. 171.

⁶⁴⁴ И. Н. Львов, *История Динабурга с XII по XIX столетие*, в: *Крепость-склад Двинск*, Двинск 1913, с. 7.

⁶⁴⁵ Л. Л. Тайван, *Под стенами Динабурга*, в: *По Латгалии*, Москва 1988, с. 76.

⁶⁴⁶ G. Merkel, *Über Düna*, „Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland“ 1830, Nr. 44, s. 174.

В Динабурге проходят две большие ежегодные ярмарки, которые начинаются 5 июня и 25 декабря и длятся 14 дней. С каждым годом их посещают все больше и больше людей, на них приезжают даже купцы из Москвы и Варшавы. Здесь также проводятся два еженедельных рынка, которые проводятся по пятницам и воскресеньям. Здесь все можно купить по довольно низкой цене. Ни количество домов, ни количество жителей за время моего краткосрочного пребывания нельзя было определить; но оба показателя увеличиваются с каждым годом⁶⁴⁷. [Перевод с немецкого Агаты Хайдук]

Цитата подтверждает, что в XIX веке в Динабурге развивалась торговля, несмотря на то, что Сапунов говорил о том, что в Динабурге не проводятся ярмарки. Возможно, данное расхождение связано с разным временем издания работ авторов.

Впечатления Мантейфеля о Динабурге складываются как о городе, который благодаря своему расположению и сложившейся в нем атмосфере выглядит крупнее, чем есть на самом деле:

Динабург благодаря своей обширности, широким улицам, с каждой стороны которых находятся низкие дома с огородами, а также оживленности за городом на берегах Двины, на которой находится множество кораблей, загруженных различными предметами торговли, производит впечатление большего, чем есть на самом деле, города⁶⁴⁸. [Перевод с польского Э.Я.]

Автор делает вывод согласно своим впечатлениям, что Динабург является действительно важным торговым пунктом. Способствует тому расположение города на Двине, а также железная дорога, ведущая в пяти направлениях.

⁶⁴⁷ In Dünaburg gibt es zwei große Jahrmärkte, welche den 5ten Juny und 25sten December anfangen, und 14 Tage dauern. Sie werden mit jedem Jahre mehr besucht, sogar von Kaufleuten aus Moskau und Warschau, die doch wohl schon ihre Rechnung dabei finden müssen. Außerdem finden hier zwei Wochenmärkte statt, am Freitage und am Sonntage. Man soll hier Alles ziemlich wohlfeilen Preises kaufen. — Weder die Zahl der Häuser, noch die der Einwohner, konnte ich bei meinem kurzen Aufenthalte erfahren; aber beide nehmen jährlich ansehnlich zu. [G. Merkel, *Über Dünaburg...*, op.cit., Nr. 44, s. 175]

⁶⁴⁸ Dyneburg wskutek swej rozległości, szerokich ulic, mających po obu stronach niskie po większej części domy i ogrody, tudzież ożywionego ruchu za miastem, na brzegu Dźwiny, którą pokrywa mnóstwo statków naładowanych rozmaitymi artykułami handlu, robi wrażenie większego, niżeli jest rzeczywiście miasta. [G. Manteuffel, *Inflanty Polskie oraz Listy...*, op.cit., s. 127]

Биленштейн также говорит о значимости Динабурга благодаря его крепости и нахождению возле железной дороги: „Динабург важен как крепость и как торговый центр в железнодорожном узле для всей империи“⁶⁴⁹ [Перевод с немецкого Э.Я.].

Описывая быт города, Сапунов входит в некоторые детали, упоминая, что в городе издается одна газета, а именно „Двинский листок“, рабочих же типографий в городе восемь. Автор указывает не только стоимость квартир в городе и заработную плату жителей, но даже берет на себя смелость утверждать, что в городе нет постоянно живущих нищих. Важной особенностью города является крепость-склад того же названия. В уезде находится курорт в 6 верстах, в имении графа Платера-Зибера под названием „Погулянка“. Автор отмечает, что это весьма красивое место с лечебным заведением, а сообщение с городом происходит посредством пароходов⁶⁵⁰.

Общая картина современного автору города описана вполне положительно. Сапунов делает акцент на том, что многонациональный и многоконфессиональный город развивается на основе торговли и сельского хозяйства.

В свою очередь, Меркель также уделяет внимание теме образования на территории Динабурга, что также относится к духовной жизни города. Возвращаясь к заметкам Меркеля о Динабурге, стоит обратить внимание на заметку под названием *Из Динабурга (нем. Aus des Dünaburg)*, написанную 2 декабря 1831 года. В ней Меркель рассказывает о коронной школе, открытой 1 сентября, которую планируется преобразовать в гимназию по мере увеличения количества учеников и классов. Автор сообщает, что на данный момент в школе всего два класса, но планируется расширение. Окончившие коронную школу студенты смогут обучаться далее в высших учебных заведениях по педагогическому предмету, что говорит об уровне подготовки школы. Все предметы в данном учебном заведении преподаются на русском языке, но изучаются также немецкий, французский и польский языки. В школе всего 42 ученика, представители римско-католической веры изучают религию на польском языке. Всего в школе пять учителей, но планируется увеличить педагогический состав до четырнадцати. Меркель отмечает, что в школе пока учатся только местные жители, так как школа открылась недавно и информация об этом еще не распространилась по всей стране.

⁶⁴⁹ Dünaburg hat Bedeutung als Festung und als Handelsplatz in dem Eisenbahnknotenpunkt für das ganze Reich. [A. Bielenstein, *Reiseskizzen aus dem Oberlande*, „Baltische Monatsschrift“ 1882, Bd. XXIX, Heft 9, von J. Deubne r., S. 724]

⁶⁵⁰ А. П. Сапунов, *Список населенных мест...*, *op.cit.*, с. 26-27.

Автор выражает в своей заметке надежду на то, что школа станет процветающим учебным заведением, известным на всю губернию и на всю страну⁶⁵¹.

О школах и образовании в них в Польских Инфлянтах в своих путевых заметках также высказывается Биленштейн. Стоит уточнить, что автор описывает школы не в самом Динабурге, а в округе Динабурга. Обращаясь к описанию обучения в школах, автор отмечает проблему того, что занятия в них идут только на русском языке, а книги на латышском недоступны. Автор уточняет, что после восстания книги на польском вообще запрещены. Биленштейн большое внимание уделяет религиозному обучению, считая, что оно невозможно в данных школах, поскольку учителя с учениками являются представителями разных конфессий и разных национальностей:

Не может быть уроков пения в начальной школе без религиозных, церковных песен. Как учитель из иностранной конфессии должен предложить это детям? И если народная песня могла бы иметь место и в начальной школе в известных пределах, то как же учитель и ученики, являющиеся разной национальности и ни один из которых не понимает языка друг друга, в той или иной народной песне? [...] Греко-католическое религиозное обучение, естественно, приводит в ужас римско-католических родителей учеников. Римско-католическое духовенство исключено из начальной школы. В государственных школах разрешено преподавание религии, но по закону оно также должно быть на русском языке. Конечно, священники находят достаточно веских причин, чтобы использовать родной язык детей, без которого религиозное обучение было бы бессмысленным. Однако религиозное обучение в этой системе сведено к минимуму⁶⁵²... [Перевод с немецкого Э.Я.]

Следующим образом автор видит проблему в мультикультуральной и многоконфессиональной среде Польских Инфлянт. Главным образом, Биленштейн видит проблему отсутствия качественного религиозного образования, что, по его мнению, может привести общество к нигилизму⁶⁵³.

⁶⁵¹ G. Merkel, *Aus Dünaburg*, „Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland“ 1831, Nr. 48, s. 190.

⁶⁵² Einen Gesangunterricht kann es in der Volksschule nicht geben ohne religiöses, kirchliches Lied. Wie soll der Lehrer aus einer fremden Confession den Kindern das bieten? Und wenn das Volkslied in gewissen Grenzen auch einen Platz in der Volksschule haben könnte, wie soll der Lehrer und der Schüler, die verschiedener Nationalität sind und von denen keiner des anderen Sprache versteht, an des Einen oder des Anderen Volkslied sich erquicken? [...] Der röm.-katholische Geistliche ist aus der Volksschule ausgeschlossen. In den städtischen Schulen darf er Religionsunterricht geben, aber auch dieser soll nach dem Gesetz in russischer Sprache stattfinden. Natürlich finden die Priester vernünftigen Grund genug doch auch die Muttersprache der Kinder zu benutzen, ohne welche der Religionsunterricht sinnlos wäre. Jedenfalls wird der Religionsunterricht bei diesem System... [A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 713-714]

⁶⁵³ Ibidem, S. 714.

Динабургу в периодическом издании Меркеля посвящена еще одна короткая заметка, затрагивающая тему наводнения, которое миновало город, хотя угроза потопа была:

Страх перед большим наводнением и здесь оказался напрасным. Уже 4 апреля лед начал двигаться плотными массами при низком уровне воды, но с большими перерывами. Вода значительно поднялась и ступила там, где еще не достроили высокую плотину, над берегом, над новым пригородом. Вода стояла до 8 апреля, после пробилась через промежуточный шлюз и упала на луга, лежащие между крепостью и окраиной. В то время на Даугаве огромными массами стоял лед – и нужно было опасаться, что он упадет через шлюз. 10 числа вода быстро спала, и опасность миновала⁶⁵⁴. [Перевод с немецкого Э.Я.]

Данная цитата подтверждает тот факт, что автор с разных сторон рассматривает город Динабург – его, в том числе, волнуют климатические условия города. Однако оценивая все записки Меркеля о Динабурге, стоит отметить, что больше всего его волнует судьба городской крепости, но автор обращает внимание также на развитие города в целом, не исключая образования.

Биленштейн в своих путевых заметках также описывает школу, находящуюся недалеко от Динабурга.

В своем обзоре Мантейфель подходит к Динабургу еще с одной стороны, с которой не описывали его вышеназванные авторы, а именно со стороны политической значимости в Польских Инфлянтах. Мантейфель говорит о том, что некогда там находился штаб командора ливонского отделения Тевтонского ордена, а с 1677 года Динабург является столицей Польских Инфлянт. Во время польского правления, утверждает автор, в Динабурге проходили заседания правления, там даже выбирали членов парламента в Варшаву, и польско-инфлянтская аристократия принимала свои важные решения только там. Именно в Динабурге, согласно старопольской традиции, проходила торжественная церемония вступления нового высокопоставленного должностного лица — старосты или инфлянтского

⁶⁵⁴ Die Furcht vor einer großen Überschwemmung ist auch hier eitel gewesen. Schon am 4ten April fing das Eis in dichten Massen bei niedrigem Wasser an sich zu bewegen, aber mit großen Unterbrechungen. Das Wasser stieg bedeutend und trat, wo der hohe Damm noch unvollendet war, über das Ufer, oberhalb der neuen Vorstadt. So stand das Wasser bis zum 8ten April, da bahnte es sich einen Weg durch die Interims-Schleuse und stürzte auf die Wiesen, welche zwischen der Festung und Vorstadt liegen. Indessen stand das Eis in großen Massen auf der Düna — und es war zu befürchten, dass es sich über die Schleuse stürzen würde. Am 10ten fiel das Wasser rasch, und die Gefahr war vorüber. G. Merkel, *Aus Dünaburg*, „Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland“ 1838, Nr. 17, s. 52]

воеводы. В 1677 году город приобрел особое значение по причине того, что там находилось местожительство инфлянтского епископа⁶⁵⁵. Первым епископом инфлянтским, реально жившим в Динабурге, был Николай Корвин-Поплавский. Во время своего епископства, а именно в период 1685-1710 гг., Корвин-Поплавский, расположившийся рядом с собором, являвшимся также приходской церковью, занимался восстановлением местных костелов. Мантейфель уточняет, что по причине мизерного оклада динабургского епископства каждый из епископов предпочел бы поселиться в Польше или в Литве⁶⁵⁶.

В оценке духовных ценностей также участвуют нормы и образцы поведения, характерные для определенных групп общества. По данной причине берутся во внимание характеристики национальных групп, проживающих в Динабурге, которые были даны Сементовским. В работе 1872 года под названием *Этнографический обзор Витебской губернии* Сементовский подробно рассказывает о народах, проживающих в разный период времени в Витебской губернии, затрагивая в том числе и Динабург. В своей работе автор выделяет народности славянского происхождения, среди которых белорусы, великороссы и поляки. К народам же литовского племени автор отнес латышей, а к народам финского происхождения — эстов и чухн. Отдельно выделяет цыган, евреев и немцев. Все названные народности проживают на территории Динабурга и взаимодействуют друг с другом. Первыми автор выделяет белорусов, так как на территории Витебской губернии представителей данной национальности проживает больше всего. Особенности характера данного народа автор называет набожность, суеверность, трудолюбие, робость в общении с чиновниками, скрытность, осторожность и пристрастие к алкогольным напиткам. Сементовский описывает взаимодействие белорусов с евреями, утверждая, что евреи используют наивность и пристрастие к водке своих соседей в качестве наживы:

Жиды, зная страсть белорусских мужчин и женщин к водке и даровому угощению, страшно эксплуатируют этот бедный народ⁶⁵⁷.

⁶⁵⁵ G. Manteuffel, *Księstwo Inflanckie XVII. I XVIII. stulecia. Przegląd wybitniejszych jego postaci*, Kraków 1897, s. 6-7.

⁶⁵⁶ Ibidem, s. 7-8.

⁶⁵⁷ А. М. Сементовский, *Народы славянского племени*, в: *Этнографический обзор Витебской губернии*, Санкт-Петербург 1872, с. 11.

Касательно евреев Сементовский подчеркивает настойчивость данной национальности, ибо несмотря на постановления, запрещающие евреям селиться на данных территориях, к XIX веку им удалось расселиться во всех городах Витебской губернии, а главным образом в Витебске и Динабурге. Представителей данной национальности, согласно наблюдениям автора, больше всего интересовали города, где можно было осуществлять какой-либо промысел и заниматься торговлей. Земледелием и сельским хозяйством, в отличие от белорусов, евреи не занимались, презирая физический труд. Говоря о религии евреев, главным образом это были представители хасидов и миснагедов⁶⁵⁸.

Интересным является то, что латгальский писатель Ранцанс в своем фельетоне подобным образом описывает характер еврейской национальности, проживающей в Латгалии. Ранцанс подчеркивает предприимчивость, хитрость и отрицательное отношение евреев к алкоголю⁶⁵⁹. Главным занятием персонажей-евреев в фельетоне Ранцанса является торговля, подтверждением чего является следующая цитата:

(Шмуль учит сына Янкеля торговле) Продай корову и уток. За корову проси 5 рублей, а за уток 8000 рублей. Но всем покупателям говори, что корова без уток и утки без коровы не продаются⁶⁶⁰. [Перевод с латгальского Э.Я.]

В свою очередь Сементовский отдает особое предпочтение великороссам, говоря о том, что на территории Динабурга они главным образом появились с дозволения русского правительства в период 1656-1667 гг. и представляют собой переселившихся раскольников. Автор подчеркивает, что во время их переселения город назывался Борисоглебском. Самое большое количество великороссов, согласно статистике Сементовского, проживало в Режице и Динабурге. Причинами, по которым великороссы переселялись в Витебскую губернию, а главным образом в Динабург, автор называет полную свободу вероисповедания, низкие арендные платежи, личную свободу, большое количество земли, а при поступлении

⁶⁵⁸ А. М. Сементовский, *Евреи и жидаы*, в: *Этнографический обзор Витебской губернии*, Санкт-Петербург 1872, с. 67.

⁶⁵⁹ N. Rancāns, *Iceks un Šmuļka*, feļetonu krājumā *Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002, Lpp. 64-69.

⁶⁶⁰ Izvede uz oplot gūvi un kači. Par gūvi grib 5 rubli, a par kači 8000 rubļu. Un vysim pērcējim soka, ka gūvi bez kača un kači bez gūvs nav pōrdūdami. [N. Rancāns, *Iceks un Šmuļka...*, op.cit., Lpp. 69]

в панцирные бояры даже возможность получить даровой надел земли и свободу от податей⁶⁶¹. Автор вновь не обходит стороной описание взаимодействия между собой соседствующих народов, подчеркивая, что переселение раскольников в польско-литовскую провинцию не было бы столь легким, если бы польское население было против и не принимало их:

Поляки очень хорошо понимали, что раскольники, бежав из пределов России вследствие религиозного гонения, явно становились в ряды неприемлемых врагов своего прежнего отечества, а следовательно, волей-неволей, - сторонниками Польши⁶⁶².

Сементовский говорит о взаимодействии великороссов не только с поляками, но также с евреями и белорусами. Автор оценивает быт великороссов исключительно с положительной стороны, постоянно сравнивая с белорусами — их одежда богаче и наряднее, изба больше и чище, женщины намного красивее, даже головные уборы разнообразнее и богаче. Евреи же, по мнению автора, видят в великороссах конкурентов в торговле и в отличие от белорусов боятся обманывать⁶⁶³. Однако когда речь заходит о нравственной оценке, автор говорит о том, что белорусы более нравственны, их девушки ценят девство, в то время как женщины раскольников часто поддаются свальному греху, и бывает, что выходят замуж за представителей другой национальности. В целом, великороссов чаще, чем белорусов можно уличить в воровстве, грабеже и насилии. Главными занятиями великороссов Сементовский называет полеводство, огородничество и торговлю льном.

Сравнивая утверждение Сементовского по поводу торговли и великороссов с еще одним фельетоном Ранцанса, стоит отметить, что присутствует достаточно много совпадений. В фельетоне *Торговый день* (латгал. *Tērga dīna*) автор говорит о том, что торговлей занимаются русские, цыгане и евреи. Торгуют, главным образом, урожаем —

⁶⁶¹ А. М. Сементовский, *Народы славянского племени...*, op.cit., с. 17.

⁶⁶² Ibidem

⁶⁶³ Ibidem, с. 21.

льном, зерном, а также продуктами животного происхождения — яйцами, маслом, мясом, курицей. Можно приобрести также изделия ремесленников⁶⁶⁴.

Сементовский вспоминает о раскольниках, чему также есть подтверждение в фельетоне Ранцанса *Медведь* (латгал. *Lōcs*), в котором русский типичный житель Латгалии описывается с важнейшим атрибутом внешности старовера — бородой:

Мадаля⁶⁶⁵ шла из церкви в сад. Мимо ехал русский с длинной-длинной, до самого пояса бородой⁶⁶⁶.
[Перевод с латгальского Э.Я.]

О бороде как элементе внешнего вида старообрядцев также упоминает Биленштейн, подчеркивая, что мода ношения бороды распространилась также на латышское население:

Борода является здесь частью костюма. Давным-давно латыши здесь ее не носили, сейчас же борода здесь распространена, и это большая борода, как если бы она была постоянным украшением восточных соседей⁶⁶⁷. [Перевод с немецкого Э.Я.]

Цитата подтверждает взаимодействие и взаимовлияние национальностей, проживающих в Польских Инфлянтах, в том числе в городе Динабурге.

⁶⁶⁴ N. Rancāns, *Tērga dīna, feļetonu krājumā Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002, Lpp. 27.

⁶⁶⁵ Мадаля (латыш. *Madaļa* или *Madaļiņa*) – в латышской мифологии богиня или дух женского порядка, который обычно сидит на яблоне и прядет пряжу, а молодые девушки приходят к нему с просьбами. Мадалю боятся, но ее функцией является помогать женщинам. Реже Мадаля также указывается как Мать покоя (латыш. *Mēra mate*), то есть мать отвечающая за смерть. [J. Kursīte, *Latviešu dievības un gari*, Rīga 2020, Lpp. 123-124]

Символичным является то, что Ранцанс отправляет духа женского характера в костел в своем фельетоне, прикрывая образом обычной женщины. Данный прием используется либо для того, чтобы образ костела приблизить пониманию латышского люда, еще не привыкшего к христианству, либо продемонстрировать возможность слияния языческих идей с христианством, перерождения через духа смерти, либо автор попросту иронизирует, что свойственно характеру фельетона.

⁶⁶⁶ Pļōpu solas Madaļa gōja nu bazneicas uz sātu. Pretim ļai brauce kīivs ar garu, leidz pošai jūstai, bōrdu. [N. Rancāns, *Lōcs, feļetonu krājumā Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002, Lpp. 18]

⁶⁶⁷ Zur Tracht gehört der Bart. Der Lette hat auch hier vor alters keinen getragen, heute greift der Bart um sich und zwar der Vollbart, wie er bei den östlichen Nachbarn der stende Schmuck ist. [A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 711]

Однако касательно отличительно богатого вида русского в фельетоне Ранцанса представлен диаметрально противоположный стереотип, который, вполне возможно, присутствует только в сознании латгальского люда, что хотел продемонстрировать автор:

Принимая во внимание, что сейчас в России такая нищета, что не только человеку, но и животному нечего в рот взять, так что медведи без всякого разрешения пересекают границу Латвии⁶⁶⁸. [Перевод с латгальского Э.Я.]

Скорее всего автор имел в виду не только стереотипное представление латгальцев о России, но также хотел сатирически отобразить в голодном медведе неконтролируемую, обезумевшую силу, которая лишилась разума и нарушает чужие границы, на что была направлена политика России.

Возвращаясь к Сементовскому, стоит отметить, что он не забывает вспомнить также о поляках, численность которых меньше вышеназванных славянских народностей и главным образом сконцентрирована в Динабургском, Лепельском и Полоцком уездах. Автор подчеркивает, что польское население выделяется главным образом своим положением и материальными средствами. Если среди чиновников поляков немного, то среди арендаторов, экономов и управляющих имениями в основном представители данной национальности. Сементовский подчеркивает, что поляки являются лучшими сельскими хозяевами в Витебской губернии и самой образованной и богатой, а соответственно самой влиятельной частью населения⁶⁶⁹.

Большая часть исследования Сементовского посвящена особенностям балтийских племен, живущих в Витебской губернии, а именно латышам и эстам. Сементовский говорит о том, что латыши населяют в основном Динабургский, Люцинский и Режицкий уезды. Автор оценивает латышей как грамотный народ, однако такая грамотность ограничена чтением богословских книг, так как на более широкое развитие нет времени по причине тяжелого физического труда. Единственным источником дохода латыша, согласно

⁶⁶⁸ Īvārojūt tū, ka tagad Krievijā ir bods, ka na tikai cilvēkam, bet i meža zvēram nav kō ībōzt mutē, tod trejs lōči bez vysaidas atļaušonas pōrgōjuši Latvijas rubežus. [N. Rancāns, *Lōcs...*, op.cit., Lpp. 19]

⁶⁶⁹ А. М. Сементовский, *Народы славянского племени...*, op.cit., с. 26.

исследованию Сементовского, является земледелие, а в частности полеводство, огородничество, скотоводство. Благодаря этим занятиям латыши могли оплачивать подати и оборы, а соответственно содержать семью. Описание быта латышей полностью совпадает в фельетоне Ранцанса *Утиная гора* (латгал. *Piles kolns*), в котором вечер латгальцев описывается следующим образом:

Девушки запевают звонкую песню, а парни говорят об урожае этого года, про лен⁶⁷⁰. [Перевод с латгальского Э.Я.]

Сементовский подчеркивает, что жилище латышей неприхотливо и просто так же, как одежда. Говоря о взаимодействии с другими соседними народностями, Сементовский утверждает, что латыши ладят с великороссами и литовцами, приводя в подтверждение слова народной песни:

Из крестов скована Русская земля
А эта (латышская) обжилена господами
Через крест восходит солнце,
А через господ заходит.
Русскому я даю свою сестрицу,
А сам себе беру литовку;
Хожу я к русским, хожу к литовцам.
Везде мне зятя — родня⁶⁷¹.

В самом начале своей статьи Сементовский подчеркивает, что латыши относятся к литовскому племени, поэтому латыши и литовцы родственны. Между балтийскими немцами, также проживающими в Польских Инфлянтах, и латышами существует, по мнению автора, скрытая нелюбовь, связанная с зависимостью латышских крестьян от немецких господ. Немцев, согласно информации, не слишком много в Витебской губернии

⁶⁷⁰ Meitenes nūdzīd kaidu skaneigu dzīsmenū, puīši parunoj par šō goda ražu. [N. Rancāns, *Piles kolns*, feļetonu krājumā *Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002, Lpp. 8]

⁶⁷¹ А. М. Сементовский, *Народы литовского племени...*, op.cit., с. 34.

и в Динабурге. Все представители немцев — выходцы из бывших прибалтийских губерний. Сементовский уточняет, что в основном представители данной национальности сконцентрированы в Динабургском и Дриссенском уездах. Среди них главным образом землевладельцы и богатые купцы, занимающие лучшие должности в государственной, военной и гражданской службе. Среди них встречаются также приказчики, управляющие имениями и разного рода ремесленники, такие как башмачники, столяры и булочники. К чертам, выделяющим немцев, Сементовский относит гордость и самоуверенность⁶⁷².

На основе предоставленного многогранного образа Динабурга, сложившегося из взглядов вышеупомянутых авторов, стоит отметить, что можно выделить особо часто встречающиеся объекты, на которых писатели концентрировали свой взор. Несомненно, к таким объектам стоит отнести динабургскую крепость и динабургский замок. Объединяет авторов также интерес к истории Динабурга: Сапунов, Платер и Мантейфель с предельной точностью разбирают хронологию создания и упадка динабургского замка. Однако есть особенности, отличающие ракурс внимания каждого из авторов.

Начиная с оценки представленного образа Динабурга русскими авторами, стоит отметить, что исследования Сапунова дают информацию главным образом по истории города Динабурга, а в особенности его замка, а исследования Сементовского направлены на отражение быта населения Витебской губернии, в том числе Динабурга, отражение национальных особенностей и особенностей взаимодействия национальностей, проживающих на данной территории. Несмотря на то, что Сементовский уделяет большое внимание всем живущим в Польских Инфлянтах и, в частности, в Динабурге национальностям, необходимо подчеркнуть, что особенно его внимание сконцентрировано на великороссах, хоть автор называет не только положительные черты их представителей. Однако среди грехов, к которым склонны великорусские девушки, он относит замужество с иноверцами других национальностей, что выдает в нем равнодушный взгляд на жизнь данной народности в Польских Инфлянтах. Описываемые положительные черты также достаточно субъективны, что подтверждается примером из фельетонов латгальца Ранцанса, у которого образ евреев, латышей и отчасти образ жизни русских совпадает с утверждениями Сементовского, но при этом образ „богатого вида великороссов” отличается от представления латгальцев о бедности русских. Сапунов достаточно нейтрален к быту

⁶⁷² А. М. Сементовский, *Немцы*, в: *Этнографический обзор Витебской губернии*, Санкт-Петербург 1872, с. 67-68.

жителей Динабурга, оценивает его взглядом со стороны, за исключением равнодушного отношения к возвращению поляками в 1578 году динабургского замка, завоеванного русскими.

Немецкие авторы сохраняют нейтралитет в оценке Динабурга. Меркель описывает устройство города с точки зрения архитектуры, убранства церкви, экологии, развития образования. Мантейфель, в свою очередь, обращает внимание на политическую роль Динабурга в Польских Инфлянтах, его важность в коммуникации и нахождении на границе. Несмотря на то, что авторы так же, как прочие представленные, являются инфлянтскими писателями, их взгляд несет в себе меньшую эмоциональную окраску касательно событий, происходивших в Динабурге.

Совсем иная ситуация в случае польских авторов. Если Хлопицкий взглядом путешественника отмечает развитие Динабурга по сравнению с упадком прошлых лет и выделяет процветание города во время правления Батория, то для Буйницкого данный город связан с личной трагедией его семьи. Личная трагедия Буйницкого лишь маленький фрагмент в картине всеобщего несчастья для польской инфлянтской аристократии во время восстания. Платер, упоминая динабургских старост, несомненно, также преследует цель оставить в памяти поколений информацию о своем роде.

Соединяя воедино голос каждого автора, упоминавшего Динабург, в целом получается диалог разных культур в рамках инфлянтской риторики. Важным является также то, что авторы вне зависимости от своей национальной принадлежности не относятся предвзято к какой-либо этнической группе, проживающей в Динабурге, а лишь хотят высказать свой взгляд на происходящее на протяжении истории и современное для них время.

4.1.2. Краслава

Рассматривая материальные и духовные особенности Динабургского уезда, представляется необходимым вспомнить о Краславе. К Краславе обращается Мантейфель в *Kronika Rodzinna*, Хлопицкий описывает Краславу в своих путевых заметках *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże* и упоминает в дневниках.

Биленштейн также говорит о Краславе в своих путевых заметках *Reiseskizzen aus dem Oberlande*, а Сапунов вспоминает Краславу в *Списке населенных мест Витебской губернии*. Во внимание также принимается фельетон Ранцанса под названием *Второе письмо жене*.

В *Списке населенных мест Витебской губернии* Сапунов относит Краславу к главе *Местечки Витебской губернии*. Стоит отметить, что под местечком подразумевался тип населенного пункта, для которого было характерно отдавать предпочтение ремесленничеству и торговле, нежели скотоводству и рыболовству. Главным отличием местечка от города была низкая численность населения⁶⁷³. Подчеркивая, что Краслава является не городом, а местечком, Сапунов называет упомянутый населенный пункт Краславкой. Хлопицкий, в свою очередь, говоря о Краславе в своих путевых заметках, в самом начале относит ее, так же как Ликсну и Крейцбург, к местечкам, однако на протяжении всего повествования называет городом⁶⁷⁴.

Говоря о материальных особенностях местечка Краславы, Сапунов упоминает, что в Краславке было развито рукоделие, изготавливались ковры, бархат, ситец, сукно, различного вида золотые и серебряные изделия. По причине того, что в Краславе производили достаточно большое количество различных изделий, местечко было известно четырьмя ярмарками, которые предоставляли возможность сбыть изделия в Россию и в Польшу⁶⁷⁵. В Краславу даже приезжали ремесленники из городов Германии и Варшавы. Данная информация подтверждается также Хлопицким в заметках и Мантейфелем в разделе *Kraslaw* из *Kronika Rodzinna*. Мантейфель, ко всему прочему, с сожалением подчеркивает, что после первого раздела Речи Посполитой в Краславе полностью пришло в упадок фабричное производство. Автор утверждает, что к началу XIX века в Краславе осталась только продукция керамики и карет, но позднее даже это производство перестало функционировать должным образом. Мантейфель пишет, что дубление — единственное ремесло, которым промышляли в Краславе после раздела Речи Посполитой⁶⁷⁶.

Интересным является то, что Хлопицкий и Мантейфель говорят о том, что первые упоминания о Краславе датируются XVI веком, когда магистр ордена Вильгельм Фюрстенберг (нем. Wilhelm Fürstenberg) отдал Краславку Энгельберту Плюмперу (нем. Engelbrecht Plumper), после чего местечко часто меняло своих владельцев. Хлопицкий

⁶⁷³ А. І. Лакотка, *Мястэчка*, в: *Беларуская энцыклапедыя*, под ред. Г. П. Пашкоу, Т. 11, Мінск 2000, с. 79-80.

⁶⁷⁴ E. Chłopicki, *Kraslaw*, w: *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*, Warszawa 1863, s. 27-30.

⁶⁷⁵ А. П. Сапунов, *Список населенных мест...*, op.cit., с. 37-38.

⁶⁷⁶ E. Chłopicki, *Kraslaw...*, op.cit., s. 11.

также добавляет, что в этот же период времени есть упоминание о Краславе в русских исторических документах, в которых говорится о том, что на данной территории должны были быть пойманы Иван и Дмитрий — сбежавшие сыновья суздальского князя Андрея, которые ранее удерживались насильно царем Иваном Васильевичем⁶⁷⁷. Хлопицкий, однако, добавляет, что речь могла идти о какой-либо другой территории, так как в тот период времени Краслава называлась Краславкой, а изгиб Даугавы Краснолюкой. Сходятся авторы также в том, что известным город стал во второй половине XVII века, Хлопицкий даже подчеркивает, что в это время Краслава являлась известной и прекрасной. Именно в этот период Краслава переходит во владение Платеров.

Духовная культура Краславы, несомненно, связана с родом Платеров. Стоит отметить, что династия Платеров сыграла важную роль не только для данного города, но и для Польских Инфлянт в целом: „Платеры, как известно, являются инфлянтским родом с давних рыцарских времен“⁶⁷⁸ [Перевод с польского Э.Я.]. Ян Людвик Платер основал в Краславе главную резиденцию рода Платеров. Построив данную резиденцию, Ян привлек внимание к этому прекрасному месту всей инфлянтской интеллигенции и сделал его центром главных событий культурной жизни Инфлянт. С Краславой ассоциируются, безусловно, также имена Адама и Михала Платеров. Однако особый вклад в развитие Краславы внес кастелян трокский, староста инфлянтский и динабургский, сын Яна Платера Константин Людвик Платер, который ставил перед собой цель развить местечко до статуса города. Кроме этого, он желал сделать Краславу духовным центром Инфлянт, в связи с чем в планах было построить в городе кафедральный собор инфлянтских епископов⁶⁷⁹. В период 1755-1767 гг. был построен кирпичный костел в стиле Возрождения. Инфлянтский епископ Антоний Островский (польск. Antoni Ostrowski) обустроил убранство костела и установил орган. Несмотря на старания Константина Платера, в Краславе не удалось создать резиденцию инфлянтского епископа по причине отторжения провинции в 1772 году от

⁶⁷⁷ E. Chłopicki, *Krasław...*, op.cit., s. 27.

⁶⁷⁸ Platerowie, jak powszechnie wiadomo, stanowią odwieczną rodzinę inflancką z dawnych czasów rycerskich. [G. Manteuffel, *Krasław*, w: *Kronika Rodzinna*, Warszawa 1901, s. 8]

⁶⁷⁹ Наследие храмостроительства Краславского района периода второй половины XVIII века отражает сосуществование нескольких стилистических течений. Представлены крупные по объему и строгие по формам здания, пластика фасадов которых представляет собой монументальные формы. В XVIII веке появляются сведения о конкретных мастерах, среди которых представлены фамилии итальянских авторов, если речь идет о храмостроительстве Краславы и ее округа. На службе у Платеров работали такие архитекторы как Антонино Людовико и Доменико Франческо, происходившие из местечка Кастелло Вальсольда на границе Италии и Швейцарии. [A. Bistere, R. Kaminska, *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums vēsturiskajā Krāslavas rajonā*, Rīga 2015, Lpp. 290-291]

Польши, что подчеркивает Мантейфель⁶⁸⁰. Однако в 1778 году произошло значимое событие в религиозной католической жизни города: из Рима в Краславу были привезены мощи святого Доната, который стал покровителем города. Каплица святого описывается автором семейной хроники следующим образом:

В середине этой единственной в своем роде каплицы возносится великолепный алтарь, увенчанный стеклянным гробом с реликвиями святого патрона Краславы, привезенными из Рима в 1778 году. Этот алтарь очень напоминает возносящийся в середине краковского кафедрального собора на Вавеле алтарь епископа и святого мученика Станислава⁶⁸¹. [Перевод с польского Э.Я.]

Стоит отметить, что центральный алтарь краславского костела до 1884 года был украшен фреской итальянского художника Кастальди. Фреска изображала короля Людвика, который после благословения архиепископа отправлялся в крестовые походы. По причине прошедшего времени и северного климата, далеко не свойственного Италии, произведение было сильно испорчено и нуждалось в замене. Работу такого же размера с таким же сюжетом заказали у мастера живописи из Польши Яна Матейко (польск. Jan Matejko). набросок был сделан самим Матейко, а картину нарисовал профессор Яблонский (польск. Jabłoński) с несколькими своими учениками⁶⁸². Несомненно, факт, говорящий о том, что главный духовный центр Краславы — католический костел был построен благодаря стараниям Константина Платера, а его внутренний интерьер был украшен мастерами из Польши, говорит о том, что в Краславе доминировал дух польской культуры. Стоит отметить, что Платеры вводили польские традиции не только в жизнь религиозную, но также и светскую. Примером тому может послужить описание Мантейфелем того, как согласно старопольскому обычаю происходил въезд в город нового правителя:

При въезде Я. А. Хилзен обращался к брату своей второй жены именем инфлянтского воеводства. Высказывал свои сожаления по поводу утраты отца и давал наставление наследовать сыну его деятельность. Говорил Константину Людвигу Платеру: „Стремись к славе великого отца, следуй за ним с этой степенью юридического и экономического достоинства, не только за его сенаторскими почестями, но и за теми, что он

⁶⁸⁰ G. Manteuffel, *Krasław...*, op.cit. s. 13.

⁶⁸¹ W środku tej jedynej w swoim rodzaju kaplicy wznosi się ołtarz okazały, ukoronowany szklaną trumną z relikwiami tego świętego Patrona Krasławia, sprowadzonemu z Rzymu w roku 1778. Ołtarz ten bardzo przypomina, wznoszący się w środku krakowskiej katedry na Wawelu, ołtarz św. Stanisława. [G. Manteuffel, *Krasław...*, op.cit. s. 21]

⁶⁸² R. Kamińska, *Polska sztuka sakralna na Łotwie*, Ryga 1996, s. 32-33.

презирал. Следуй примеру отца чужим на восхищение, родным на уважение, у всех на честь и любовь, и докажешь, что похвалы, излитые на отца, также будут твоими похвалами⁶⁸³. [Перевод с польского Э.Я.]

Цитата доказывает, что в Краславе благодаря роду Платеров процветали польские традиции, в том числе не связанные с делами костела⁶⁸⁴, хотя стоит отдать должное тому, что религиозные вопросы всегда доминировали. Мантейфель уделяет большое внимание тому, что Краслава всегда была центром римско-католической веры в Польских Инфлянтах, в котором концентрировалась жизнь древнего католического инфлянтского княжества. Именно благодаря усердию и верности вере краславских священнослужителей латышский народ имел возможность развиваться, склоняться к вере в Бога и развивать в себе религиозную мораль – считал автор *Семейной хроники*. Однако для понимания того, как в действительности латышский народ воспринимал христианскую веру, стоит обратиться к фельетонам Ранцанса. Вера в бога в понимании простого латышского народа связывается с противоборством нечистой — чертовской силы и силы светлой — божественной. Данное противоборство происходит не только на высшем уровне, но главным образом на бытовом, повседневном. К примеру, данную особенность можно наблюдать в фельетоне Ранцанса под названием *Второе письмо жене* (латгал. *Ūtrō vēstule sīvai*), в котором говорится о том, как рассказчика встретил черт и склонил к употреблению алкогольного напитка — шмаковки⁶⁸⁵. При этом черт представлен антропоморфным созданием, олицетворяемым с живым существом, обладающим конкретными физическими характеристиками:

⁶⁸³ Przy wjeździe J.A. Hylzena przemawiał imieniom województwa inflanckiego do brata swojej drugiej żony. Ubolewał nad stratą teścia i synów kazał go naśladować. Mówił do Konstantego Ludwika Platara: „Docieraj sławy wielkiego ojca, postępuj za nim dalej z tego stopnia dostojności prawnej i gospodarskiej, nie tylko na jego senatorskie honory, ale i na te, któremi pogardził: „Wnijdź przykładem ojcowskimi u postronnych w podziwienie, u swoich w poszanowanie, u wszystkich w cześć i miłość, a dokażesz tego, że pochwały, sypane ojcu, będą i twojemi pochwałami”.[G. Manteuffel, *Kraslaw...*, op.cit. s. 9-10]

⁶⁸⁴ Несмотря на то, что Мантейфель не пишет об этом, стоит добавить, ссылаясь на современные работы, занимающиеся изучением духовной культуры Краславы, что важная роль в истории Краславы отведена не только христианским конфессиям, но также еврейским общинам. Стремясь создать из Краславы значимый экономический, культурный и духовный центр, уже в XVIII веке графы Платеры обосновали тут ремесленников разных национальностей. Ремесленники активно развивали торговлю, к этому процессу активно подключились евреи. Для еврейской общины в 1764 году была построена синагога, своей величиной подтверждающая большое количество прихожан. В 1781 году также был построен молитвенный дом. [A. Bistere, R. Kaminska, *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums vēsturiskajā Krāslavas rajonā*, Rīga 2015, Lpp. 11]

⁶⁸⁵ Шмаковка (латгал. šmaukauka) – самодельный алкогольный напиток, изготавливаемый в домашних условиях в результате дистилляции. Крепость напитка составляет от 30 до 45 градусов. Об этимологии лексемы "шмаковка" точных сведений нет. Однако есть предположения, что это заимствование из польского языка от „smaczego”, либо от русского „смажный, смак” – т.е. вкусный. Слово шмаковка в своей речи часто использовали живущие в Латгалии евреи, возможно, что оно также произошло от идиша. [*Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca*, galv. red. I. Šuplinska, 1 sēj., Rēzekne 2012, Lpp. 732-733]

Иду я мимо кабака со шмаковкой и вижу: идет навстречу мне такой черный с тощими ногами. Чувствую, что приближается несчастье! Smuts! С рогами, ногами, хвостом и мордой... Словом говоря, со всем, что есть у Смутса! Я замер от страха. А он ко мне подходит и говорит: „Кристапнь, что ты боишься, пойдём в кабак со шмаковкой“, - и поймал меня, злодей, за руку⁶⁸⁶. [Перевод с латгальского Э.Я.]

К умению черта или Смутса автор относит также умение менять свое обличье и оборачиваться другими существами и людьми разных полов. К примеру, Смутс, заведя Кристапса в кабак, полностью перевоплотился:

Как только черт завел меня в кабак, его обличье полностью изменилось и он стал выглядеть как обычный латгалец: с длинными каштановыми волосами, без бороды, с маленькими усиками и сигаретой в зубах⁶⁸⁷. [Перевод с латгальского Э.Я.]

Стоит уточнить, что Смутс в латгальской мифологии выступает духом природы, который обманывает людей⁶⁸⁸. Соответственно латышский народ переносит восприятие библейского дьявола на понятного им духа из латгальской мифологии. Спасение души от черта Богом ассоциируется с наличием материального предмета — креста. Надевая на грудь крест, Кристапс отпугивает черта и перестает пить шмаковку. При этом персонаж-антагонист Микелис отмахивается от веры в Бога, поэтому его затягивает алкоголизм и желание хвастаться, что высмеивает и осуждает автор фельетона⁶⁸⁹.

Если Мантейфель вспоминает только о католическом костеле и его судьбе в Краславе, то Хлопицкий в своем путевом очерке, говоря о Краславе, вспоминает также о том, что Платер построил синагогу, и в 1764 году решением сейма был утвержден фонд на нужды

⁶⁸⁶ Eimu es sev tai caur šmakovskas sylvu un radzu: it maņ pretim nazkas malns uz tīvom kūjam. Dagōju klēt, tovu nalaimi! Smuts! Rr roгим, nogim, asti, purnu... Vōrdu sakūt, vysā, kai pīder byut eistam smutam. Es tai i apmyru nu bailes. A jys pi manis vē! tyvōk i soka: “Kristopeņ, kō tu beistīs, īsuim uz šmakovkas krūgu”, - un pajēme maņ, īnaidnīks, zam rūkas. [N. Rancāns, *Ūtrō vēstule sīvai*, feļetonu krājumā *Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002, Lpp. 39

⁶⁸⁷ Kai tikkū valns īvyļka mani krūgā, tai jys pōrmaineja sovu izskotu un palyka par vīnkōršu latgalīti: ar garu, bryuno, sajūstu sveitu, bez bōrdas, ar nagarom ūsenom, cepure golvā un peipe zūbūs. [N. Rancāns, *Ūtrō vēstule sīvai*, feļetonu krājumā *Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002, Lpp. 41]

⁶⁸⁸ J. Kursīte, *Latviešu dievības un gari*, Rīga 2020, Lpp. 207.

Смутс (латыш. Smuts или Smūts) – дух природы в фольклоре Латгалии, который обманывает людей. Иногда так называется также земной и подземный бог (латыш. Velns), т.е. черт. Исследователь Курсите также предполагает, что „Смутс” заимствовано от глагола русского языка „смутить”. [J. Kursīte, *Latviešu dievības un gari*, Rīga 2020, Lpp. 207, 231-234]

⁶⁸⁹ N. Rancāns, *Ūtrō vēstule sīvai*, feļetonu krājumā *Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002, Lpp. 44-46.

кагала при синагоге⁶⁹⁰. Кроме костела и синагоги, Константин Платер построил в Краславе библиотеку и площадь над Двиной, о чем вспоминают оба польских автора. Хлопицкий также упоминает о том, что после смерти мужа Константина вдова Платер продолжила развитие Краславы и в 1789 году построила больницу, которая находилась под наблюдением сестер милосердия.

О национальном составе местечка данные предоставляет лишь Мантейфель, говоря о том, что в Краславе и ее поселках проживают главным образом латыши польско-инфлянтского происхождения римско-католического вероисповедания. Встречаются также литовцы, которые проживают главным образом в деревнях под Краславой. Литовцы в своей повседневной речи используют литовский, а катехизис учат на польском или на латышском. Трудно определить, когда именно они стали жить на территории Польских Инфлянт. Автор предполагает, что это произошло в тот период, когда Платеры были одновременно динабургскими старостами и старостами даугельскими в Литве. Данное обстоятельство вновь подчеркивает пограничное положение Краславы – в данном случае она является границей между Латвией и Литвой, а старосты Платеры выступают духовным связующим элементом этих двух культур.

Численность населения согласно статистике, составленной графом Михаилом Платером в 1865 году, составляла почти в два раза меньшее число населения по сравнению с 1901 годом, с 11 с половиной тысяч оно возросла до 22 тысяч. Связано это, несомненно, с тем, что в 1865 году в Краславе была построена железная дорога, которая вернула значимость местечку, поскольку двинско-витебская железная дорога, входившая несколько лет в состав рижско-орловской линии, ввела несколько дополнительных путей, ведущих через Краславу в Ригу. Станция получила название „Краславка“. Благодаря появлению данной станции в городе снова начала развиваться торговля⁶⁹¹.

Мантейфель, подчеркивая важность Краславы, говорит о том, что, когда в 1772 году на Польские Инфлянты напали российские войска, столицей Динабургского уезда был не Динабург, а Краслава. Связано это было с тем, что на данный момент в Динабурге не было необходимых строений, в которых можно было бы разместить окружной суд и другие административные учреждения. Только в 1812 году, когда Наполеон обратил свое внимание на Динабург как на важный стратегический объект, там началось активное строительство

⁶⁹⁰ E. Chłopicki, *Kraslaw...*, op.cit., s. 29-30.

⁶⁹¹ G. Manteuffel, *Kraslaw...*, op.cit., s. 6.

крепости, что привело к тому, что все важные административные органы были перенесены в 1822 году из Краславы в Динабург. До 1854 года в Краславе оставалась окружная школа, но позднее ее перенесли в Режицу, оставив в Краславе только почтовую администрацию⁶⁹². Таким образом Краслава начала все больше терять свою значимость, а центр влияния перешел в Динабург. Даже семинария в 1842 году была перенесена в Могилев⁶⁹³.

На основании вышеупомянутой информации стоит отметить, что в некотором смысле местечко Краслава конкурировало с городом Динабургом. Именно там находилась резиденция Платеров, административные центры и костел со святыми мощами Доната. Если обратиться к дневникам Буйницкого, то можно убедиться в том, что именно в Краславе бурлила жизнь культурная и политическая. К примеру, молодой Буйницкий пишет в своих дневниках:

Возвращаюсь в Краславу. Приближалось важное событие, возвращение из-за границы канцлеров Платеров. Прибытие таких достойных гостей способствовало тому, что молодые парни и девушки воспользовались данным событием, чтобы организовать развлечения на радость гостям и себе. Имея давно организованный и всем необходимым оснащенный театр, перед нами стояла задача только выбрать постановку и распределить роли...⁶⁹⁴ [Перевод с польского Э.Я.]

Молодые представители краславской провинциальной интеллигенции для развлечения разучивали оперы и даже ставили балет, о чем сообщает Буйницкий. В резиденции Платеров ставили оперу *Земира и Азор* Кристофера Глюка (нем. Christoph von Glück), драмы Боньча-Томашевского (польск. Wończa Tomaszewski), комедии Мольера. В саду танцевали балет ученицы из пансионата графини пани Левицкой. Буйницкий вспоминает такие времена своей молодости с лучшей стороны, при этом свидетельствуя, что культурная жизнь в Краславе в годы его жизни была ключом.

Биленштейн также в своих путевых записках говорит о том, что резиденция Платеров в Краславе была культурным центром. Автор описывает, как при встрече с графом

⁶⁹² G. Manteuffel, *Kraslaw...*, op.cit., s. 17-18.

⁶⁹³ E. Chłopicki, *Kraslaw...*, op.cit., s. 30.

⁶⁹⁴ Wracam do Krasławia. Nadchodził ważny wypadek, powrót z zagranicy kanclerstwa Platerów i zapowiedzenie ich przybycie do Krasławia. Sposobiono się tedy do okazałego tak dostojnych gości przyjęcia, my zaś młodzież płci obojej korzystaliśmy z okoliczności, by urządzić zabawy dla przyjemności kanclerstwa i razem dla naszej. Mając teatr już dawniej urządzone i we wszystko należycie opatrzone, chodziło tylko o wybranie sztuk i rozdanie rol... [K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)...*, op.cit., s. 65]

Платером он познакомился с интереснейшим обустройством дворца и провел досуг в интеллектуальной среде владельцев:

Граф Платер был достаточно любезен, чтобы сопроводить нас в интерьеры замка, где он показал нам обширную библиотеку и различные коллекции природных диковинок, художественных изделий (со времен, когда еще существовала фабричная промышленность), древностей (оружие, ювелирные изделия, монеты)⁶⁹⁵. [Перевод с немецкого Э.Я.]

Благодаря встрече с Платерами автор путевых заметок утверждает, что интеллигенция Польских Инфлянт, которая главным образом сконцентрирована в Краславе, не лишена интеллектуальных и научных интересов. Биленштейн с восхищением говорит о содержимом библиотеки Борхов:

Другой член семьи, действующий библиотекарь замка граф Михаил Платер был так любезен показать нам большое количество старых пергаментов, документов религиозного характера на латинском и немецком языках, которые были бы более важны для историка, и великолепную работу, содержащую виды замков и церквей⁶⁹⁶... [Перевод с немецкого Э.Я.]

Биленштейн вспоминает также о произведениях Мантейфеля, говоря о том, что Краслава богата литературными талантами. Действительно, в семейной хронике польский автор Мантейфель много вспоминает о Краславе.

Несомненно, Краслава всегда была связана с Динабургом. Неспроста Мантейфель начинает свои заметки с того, что Краслава расположена на Даугаве, в которую впадает река Краславка. Данное природное соединение рек словно объединяет Динабург с Краславой.

Важным для Краславы является также расположение на границе. Мантейфель отметил, что это, согласно физическим факторам, расположение на границе поспособствовало тому, что долгое время в Краславе стояли российские войска при первом разделе Речи Посполитой. По этой же причине в Краславе проживало большое число

⁶⁹⁵ Graf Plater war so Freundlich, unseren morgenbesuch zu erwidern und uns in das Innere des Schlosses zu geleiten, wo er uns die umfangreiche Bibliothek und die verschiedenartigen Sammlungen von Naturmerkwürdigkeiten, Kunstproducten (aus Zeiten, wo es hier noch Fabrikindustrie gab), Alterhümern (Waffen, Schmuckgegenstände, Münzen) zeigte. [A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 708]

⁶⁹⁶ Ein anderes Familienglied, der eigentliche Bibliothekar des Schlosses, Graf Michael Plater, war so gütig, uns eine grosse Menge alter Pergamente zu zeigen, lateinische und deutsche Urkunden aus der Ordenszeit, die näher zu durchforschen für einen Historiker gewiss der Mühe werth wäre, und ein Prachtwerk, enthaltend die Ansichten von Schlössern, Burgen, Kirchen...[A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 708]

военных, что также повлияло на особенность города. Пограничное расположение явилось причиной тому, что в Краславе проживало много литовцев. Мантейфель, подчеркивая, что больше всего в Краславе проживает латышей польско-инфлянтского происхождения, затронул важный вопрос пограничья не только на материальном, но и на национальном, духовном уровне. Кем являются латыши польско-инфлянтского происхождения – латышами или поляками, а может, их стоит обобщить согласно территориальному признаку и отнести к инфлянтцам? Возможно также, что под „польско-инфлянтским“ происхождением автор подразумевал отделение поляков, проживающих в Латгалии, от поляков, проживающих на других территориях Польши. В любом случае данное понятие остается где-то между, в состоянии пограничья.

Делая вывод, также стоит отметить, что у русских авторов достаточно мало информации о Краславе по причине того, что Краславка не считалась для них важным в каких-либо смыслах городом. Польские авторы, наоборот, уделяют Краславе особое внимание – связано это, несомненно, с тем, что там происходило вековое становление польско-инфлянтской культуры, Краслава была центром жизни польской интеллигенции в Латгалии. В Краславе главенствовал польский род Платеров, о чем также упомянул в своих путевых записках остзейский автор Биленштейн.

Краслава находится также где-то между понятиями города и местечка. С одной стороны, там долгое время находились важные административные органы, а с другой стороны, город так и не получил магдебургское право⁶⁹⁷.

4.1.3. Крейцбург

Рассматривая местечко Крейцбург (польское название – Кръжборк; *Kryżbork*), входящее в состав Динабургского уезда, во внимание принимаются тексты польских авторов Мантейфеля и Хлопицкого, остзейских авторов Меркеля и Биленштейна, а также русских авторов Сапунова и Сементовского. Мантейфель обращается к Крейцбургу в своем очерке *Inflanty Polskie oraz Listy znad Bałtyku* и в словарной статье под названием *Lucyn* в

⁶⁹⁷ Привилегией Стефана Батория 26 марта 1582 года городу Динабургу было даровано магдебургское право, позволяющее установление характера работы администрации городом. [B. Breżgo, *Przywilej miasta Dyneburga z roku 1582*, Dyneburg 1932, s. 4]

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Хлопицкий описывает Крейцбург в своих путевых заметках *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*. Остзейский автор Биленштейн также говорит о Крейцбурге в своих путевых заметках *Reiseskizzen aus dem Oberlande*. Сапунов вспоминает о Крейцбурге в *Списке населенных мест Витебской губернии*, а Сементовский упоминает Крейцбург в своем историко-географическом труде *Памятники старины Витебской губернии*. Во внимание также принимаются статьи Меркеля из его периодического издания „*Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland*“ для сравнения Крейцбурга с Якобштадтом.

Крейцбург, как многие города и местечки Польских Инфлянт, характеризует пограничное состояние в материальном и духовном плане. Говоря о материальном, стоит отметить, что Крейцбург находится на границе с Курляндией, от которой местечко отделяет река Даугава. Замок, расположенный в Крейцбурге, на протяжении веков принадлежал правителям разных государств, о чем говорит Сапунов. Автор вспоминает о том, что замок в 1237 году был построен рижским епископом Николаем I, в 1561 году он достался Польше, после чего в 1577 году был завоеван Иваном Грозным и перешел к России, но уже в 1660 году, согласно Оливскому договору, вновь вернулся к Польше. Однако в следующем столетии, а именно в 1772 году был вновь присоединен к России. Сапунов также вспоминает о том, что в 1585 году замок был отдан польским королем Стефаном Баторием во владение Николая Корфа⁶⁹⁸. Данная тема также отражена в заметках Мантейфеля, автор лишь добавляет, что Николай Корф относится к польско-инфлянтской ветви рода Корфов, происходящих из Курляндии, а в 1632 году становится послом инфлянтской земли на сейм, был также венденским воеводой и в последней битве оборонял Смоленск. В начале XVIII века у Крейцбурга было два старосты Корфа, вначале Николай, а затем его сын Зигмунт⁶⁹⁹. Следовательно, частый переход замка вместе с местечком из владений Польши во владения России свидетельствует о его характере пограничья, которое отмечают русский и польский авторы. Разница в их мнениях заключается лишь в том, что Мантейфель уделяет больше внимания личности Николая Корфа – скорее всего по причине того, что он имеет польское происхождение. Еще один русский автор – Сементовский, обращаясь к Инфлянтам Польским, пишет о крейцбургском замке, ссылаясь на древние русские летописи. В своем

⁶⁹⁸А. П. Сапунов, *Местечки Витебской губернии*, в: *Список населенных мест Витебской губернии*, Витебск 1906, с. 38.

⁶⁹⁹G. Manteuffel, *Kryżbork*, w: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, T. IV, red. F. Sulimierskiego, Warszawa 1883, s. 769.

историко-географическом труде автор утверждает, что замок, заложенный тевтонцами, не раз испытал силу русского оружия на себе, но при этом сохранил следы своего существования⁷⁰⁰.

Граница на духовном уровне проявляется в проживании разных национальностей и конфессий на территории местечка. Мантейфель отмечает, что в местечке находится римско-католическая каплица, три еврейских молитвенных дома и особое внимание уделяется протестантской кирхе. Кирха привлекла как Сапунова, так и Мантейфеля. Польский автор подчеркнул, что протестантский костел выделяет красивый готический стиль⁷⁰¹. Обращая свое внимание к населению Крейцбурга, Мантейфель сообщает о том, что деревенскую часть местечка населяют исключительно латыши, среди которых представлена меньшая часть католиков и большая, а именно две трети, лютеран. Автор утверждает, что, скорее всего, именно по причине того, что на территории Крейцбурга проживают латыши-католики и латыши-протестанты, зачастую ошибочно отмечают среди прочих жителей эстонцев. По словам Мантейфеля, достаточно часто такую ошибку совершают российские чиновники, ведущие статистический отчет, которые латышей-католиков записывают как „латышей“, а лютеран как „чухн“, что обозначает принадлежность к эстонцам или финнам⁷⁰². Данное обстоятельство свидетельствует о нахождении Крейцбурга в пограничном состоянии.

Немецкий автор Биленштейн в своих записках также обращает внимание на то, что большую часть населения в Крейцбурге составляют протестанты, лишь в восточной части местечка можно встретить католиков. Автор уточняет, что для крейцбургского пастора церковь местечка является центральной, но он также проводит службы в ее филиалах, а именно в Трентельберге (нем. Trentelberg) и Леменене (нем. Lemehnen). Биленштейн отмечает, что в Польских Инфлянтах в Крейцбурге находится самая большая организованная протестантская община, вторую можно наблюдать в Динабурге⁷⁰³. О населении местечка других конфессий автор не вспоминает. В свою очередь, в своих записках Мантейфель говорит о том, что в Крейцбурге также проживают евреи и вполне ошибочно считается, что они занимаются сельским хозяйством и живут благодаря прибыли

⁷⁰⁰ А. М. Сементовский, *Замки и замковища, в: Памятники старины Витебской губернии*, Санкт-Петербург 1867, с. 44.

⁷⁰¹ G. Manteuffel, *Krzyżbork, w: Inflanty Polskie oraz Listy znad Bałtyku*, Kraków 2009, s. 127.

⁷⁰² G. Manteuffel, *Krzyżbork, w: Inflanty Polskie...*, op.cit., s. 127.

⁷⁰³ A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 734-735.

от данного дела. Автор утверждает, что чтобы убедиться в том, что жители местечка не занимаются сельским хозяйством, достаточно пройтись по улицам:

В каждом доме, с очень жалкой поверхностью, помещается магазинчик, обычно настолько маленький, что невозможно понять, каким способом может прокормить целую семью. Все внутреннее обустройство домов и дворов таково, что нельзя предположить, что жители могли заниматься чем-то иным, кроме торговли⁷⁰⁴. [Перевод с польского Э.Я.]

В свою очередь, Хлопицкий не разделяет Крейцбург на деревенскую и городскую часть в своей путевой заметке, утверждая, что вся территория Крейцбурга является деревней. Выделяется тот факт, что в отличие от Мантейфеля и Сапунова, называвших Крейцбург местечком, Хлопицкий называет его именно деревней. Автор разделяет жителей Крейцбурга по другому принципу, нежели Мантейфель, а именно на бедных и богатых, беря во внимание материальный критерий. Высший слой деревенского общества Хлопицкий также делит на две части, а именно на семьи немецких крестоносцев и польско-литовские семьи. Для первой и второй группы, как утверждает автор, характерно сохранение в себе родовых качеств и пороков. К главным качествам богатой части населения, согласно наблюдениям автора, относятся: традиционная сердечность рыцарского племени, готовность служить доброду делу, обладание благородным чувством братской боли и заботы⁷⁰⁵. Хлопицкий с большим теплом относится к деревне Крейцбург, если речь идет о высшем слое ее общества. Замечая недостатки, желая остаться объективным, автор старается сконцентрироваться лишь на стремлении к развитию:

В области совершенствования сельского хозяйства, промышленного развития и умственного воспитания прогресс здесь все еще очень мал; но какое сильное влияние мнения в придании этим реформам более смелого течения, какое общее понимание необходимости скорейшей социальной трансформации⁷⁰⁶. [Перевод с польского Э.Я.]

⁷⁰⁴ W każdym domu, nędznej bardzo powierzchowności, mieści się splepik, zwyczajnie tak mały, że pojąć nie można, jakim sposobem wyżywić może całą rodzinę. Całe wewnętrzne urządzenie domów i dziedzińców jest tego rodzaju, że nie można przypuścić, aby mieszkańcy czym innym jak handlem mogli się zajmować. [G. Manteuffel, *Krzyżbork*, w: *Inflanty Polskie...*, op.cit., s. 128]

⁷⁰⁵ E. Chłopicki, *Krzyżburg*, w: *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*, Warszawa 1863, s. 31-32.

⁷⁰⁶ Na polach ulepszanego rolnictwa, przemysłowego rozwoju i umysłowego wykształcenia, postępu jeszcze bardzo mały; ale za to, jakie silne oddziaływanie opinji w daniu tym reformom dzielniejszego prądu, jakie ogólne zrozumienie potrzeby co najrychlejszego społeczeńskiego przeistoczenia. [E. Chłopicki, *Krzyżburg...*, op.cit., s. 32]

Совершенно с противоположным настроением Хлопицкий подходит к бедной части населения, к которой он относит латышей:

Этот народ, несколько веков во времена крестоносцев завернутый в пеленки политической неволи, а до недавнего времени претерпевающий социальный гнет, заснул летаргическим сном морального индифферентизма, и не скоро проснется! Теперь, погрязший в сомнениях и подозрительности, в темноте духа своего скрывает бессознательную неприязнь к правящему им классу; и совершенно не понимает, что только добровольным трудом возможно обрести комфорт жизни и право гражданства, с инертной апатией ожидает чуда лучшего завтра⁷⁰⁷. [Перевод с польского Э.Я.]

Продолжая тему пограничья, хотелось бы в качестве примера забежать вперед и уточнить, что местечко Крейцбург интересно также тем, что в 1962 году стало частью города Екабпилса (до 1917 года – Якобштадта)⁷⁰⁸. Однако в период, который рассматривается в данной работе, Крейцбург являлся отдельным местечком, которое, ко всему прочему, находился с Якобштадтом в разных историко-культурных областях. Если Крейцбург относится к Латгалии, то Якобштадт к Курляндии⁷⁰⁹. О Якобштадте часто вспоминает Меркель в своих статьях, из которых можно сделать вывод, что в отличие от Крейцбурга в нем было развито сельское хозяйство. Подтверждением того, что в Якобштадте занимались сельским хозяйством, может послужить цитата из статьи от 12 июня 1835 года:

Похоже, что все предсказания о несчастьях этого лета оправдались. Трава на лугах пышная и густая, рожь очень хорошо цветет, и мы надеемся, что в этом году будет хороший урожай, хотя соломы, как правило, не хватает⁷¹⁰. [Перевод с немецкого Агаты Хайдук]

⁷⁰⁷Lud ten, obwity w pieluchy kilkowiekowej politycznej za krzyżackich czasów niewoli, a do dni niedawnych pod społecznym cierpiący uciskiem, usnął ujęty letargicznym snem moralnego indyferentyzmu, i nie prędko się jeszcze z niego obudzi! Obecnie więc, zważając i podejrzewając, w pomroku ducha kryje dla rządzącej nim klasy bezwiedną jakąś niechęć; a nie pojmując wcale, że tylko chętną pracą nabywają się wygody życia i prawo obywatelstwa, z bezwładną apatią i ołeniwością czeka na cud lepszego jutra. [E. Chłopicki, *Krzyżburg...*, op.cit., s. 33-34]

⁷⁰⁸Jēkabpils, Latvijas Enciklopēdiskā vārdnīcā, red. P. Apinis, электронный ресурс: www.letonika.lv/groups/default.aspx?r=1&q=Krustpils%201962&id=943221&g=1, доступно на 25.01.2022

⁷⁰⁹ А. М. Семеновский, *Замки...*, op.cit., с. 44.

⁷¹⁰Alle Unglücksprophetieungen für diesen Sommer scheinen zu Schanden zu werden. Das Gras steht üppig und dicht auf das Wiesen, der Roggen hat eine sehr schöne Blumenzeit, und hoffentlich wird es gute Rörmer dies Jahr geben, obgleich das Stroh im Allgemeinen kurz ist. [G. Merkel, *Aus Jakobstadt*, „Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland“ 1835, Nr. 28]

Конфессиональный состав Якобштадта также отличался от Крейцбурга, о чем также свидетельствуют статьи Меркеля. Меркель говорит о том, что история Якобштадта связана с иезуитами:

Изначально монастырь был иезуитской резиденцией, основанной Фридрихом Зибергом, который богато одарил его и впоследствии сам стал иезуитом. На территории монастыря можно увидеть картину, изображающую его как иезуита. Изначально монастырь был рассчитан на 20 монахов. Сейчас в нем живут двенадцать миссионеров, которые подчиняются настоятелю. — Церковь большая и добротнo построенная. Первая церковь была построена Готтардом Кеттлером. Хотя в то время это была лютеранская церковь, она находилась под суверенитетом Польши и землевладельцев-католиков. Благодаря усердию иезуитов, все лютеране в округе были обращены в христианство. В одном из близлежащих имений, где сто лет назад жили 400 крестьян-лютеран, сегодня осталось только семнадцать⁷¹¹. [Перевод с немецкого Агаты Хайдук]

Приведенная цитата демонстрирует, что даже в духовном плане, плане веры Якобштадт и Крейцбург существенно отличались. Однако несмотря на отличия Крейцбурга и Якобштадта, территориям удалось объединиться в один город, который разделяет река. С левого берега находится Крейцбург, а с правого Якобштадт. Данное явление подтверждает нахождение Крейцбурга в пограничном состоянии на протяжении истории. Местечко, представляющее одно целое в момент описания его инфлянтскими авторами в XIX веке, оказалось лишь частью города Якобштадта в бушующем, что придает ему характер пограничья во временном пространстве.

Говоря о пространстве, стоит подчеркнуть, что Крейцбург находится на берегу Даугавы, как было упомянуто выше, а следовательно, также входит в так называемый текст Польских Инфлянт, для которого характерен почерк водной стихии, соединяющий между собой местечки и города, придавая им особое настроение.

Подытоживая, стоит выделить, что русские авторы Сапунов и Сементовский уделили Крейцбургу достаточно мало внимания, сделав упор лишь на исторические факты, касающиеся замка. Немецкий автор Биленштейн, вспомнив в своих путевых записках о Крейцбурге, акцентировал свое внимание на распространении на данных территориях

⁷¹¹Das Kloster zu Jllurt ist ursprünglich eine Residenz der Jesuiten, gestiftet von Friedrich v. Zyberg, der, nachdem er dasselbe reichlich dotiert hatte, selber Jesuit wurde. Sein Bild, als Jesuit gemalt, ist im Kloster zu sehen. Das Kloster war anfänglich auf 20 Mönche eingerichtet. Jetzt wird es von 12 Missionaren bewohnt, die unter einem Superior stehen. — Die Kirche ist groß und solid gebaut. Die erste Kirche zu Jllurt wurde von Gotthard v. Kettler gegründet, und war lutherisch, doch unter polnischer Oberherrschaft und unter katholischen Gutsbesitzern, und mit Beihilfe der eifrigen Jesuiten, sind alle Lutheraner der deftigen Gegend konvertiert worden. Unter einem Gute in der Nähe von Jllurt, wo vor 100 Jahren noch 400 Lutherische Bauern lebten, sind jetzt noch 17 vorhanden. [G. Merkel, *Aus Jakobstadt*, „Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland“ 1838, Nr. 51]

протестантской веры, что, видимо, для автора являлось особо важным. Польские авторы Мантейфель и Хлопицкий более развернуто рассмотрели местечко Крейцбург. Если Мантейфель разделяет город по национальному составу, то Хлопицкий разделяет общество на богатых и бедных, относя к данным группам также национальные группы. Заметно, что авторы выделяют роль католиков в Крейцбурге, главным образом поляков.

4.1.4. Местечки Аглона, Дагда, Прейли, Ликсна, Вышки

Местечкам Аглона, Дагде, Прейлям, Ликсне и Вышкам, входящим в Динабургский уезд, несмотря на то, что инфлянтские авторы упоминают о них реже, чем о Краславе, также стоит уделить внимание для полной характеристики материальных и духовных особенностей Динабургского уезда. Во внимание принимаются очерки Мантейфеля *W powiecie dyneburskim* и *Nieco z dziejów księstwa inflanckiego i wybitniejszych postaci tego województwa od XVII do XIX stulecia.*, путевые заметки Хлопицкого *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*, путевые заметки Биленштейна *Reiseskizzen aus dem Oberlande*. путевые заметки *Podróży po zaniemeńskich stronach* Буйницкого, его дневниковые записки и роман нравов Буйницкого *Pamiętniki księdza Jordana*.

Из упомянутых авторов Аглона уделяет внимание лишь Мантейфель. Вспоминая об Аглона в своем очерке, автор первым делом обращает внимание на физические координаты, упоминая, что данное местечко расположено между Динабургом и Краславой. Согласно очерку, Аглона находится возле озера того же названия, что говорит о том, что местечко является элементом текста Польских Инфлянт, для которого характерен водный почерк. Аглона входит также в сеть петербургско-варшавской железной дороги, находясь недалеко от станции Рушоны (польск. Ruszony) о чем упоминает Мантейфель. Автор описывает местечко как маленькое и в материальном плане скромное:

Несколько домов, окружающих просторную, заросшую травой площадь, посреди которой стоит крест на четырехугольном фундаменте, окруженном столбами и покрытым крышей, ларьки цепляются за стену

возле ворот, занятые только во время местных ярмарок – вот и весь образ нынешнего, тихого местечка⁷¹². [Перевод с польского Э.Я.]

Однако обращаясь к Аглоне в духовном плане, Мантейфель в своем очерке отмечает, что образ местечка имеет масштабное значение для Польских Инфлянт. Связано это с доминиканским костелом, в котором находится икона Аглонской Божьей Матери. Кроме лоретанского алтаря и богатого убранства храма, важным элементом костела является икона Богородицы, схожая с иконой Божьей Матери Тракайской XIV века, по причине чего вокруг нее сконцентрированы легенды. Первая легенда говорит о том, что во время войны икона из Тракай была перевезена в Аглону. Вторая легенда гласит, что икона из Тракай была позаимствована для создания копии, но когда тракайский пастор вернулся за оригиналом, ему не удалось распознать свою икону, и он забрал с собой копию⁷¹³. Обращаясь к названию местечка, Мантейфель разъясняет, что этимология его происходит от латышского „aglenia“, что значит „ель“. Местные жители так называли местечко по причине того, что костел и монастырь находились среди елового темного леса⁷¹⁴. Однако необходимо уточнить, что в действительности данный топоним происходит от названия ели по-латгальски (латгал. *agliena*), так как по-латышски ель — (латыш. *egle*). Кроме иконы Божьей Матери, паломников привлекали в Аглону источники с водой, богатой водородом:

С 1826 года больные люди во всякого рода состоянии стекались в Аглону, пили из этих источников воды и принимали дома из них ванны, для этой цели были построены и оснащены всем необходимым оборудованием, которое просуществовало до 1836 года, после чего воды из-за слияния с другими источниками утратили свое лечебное свойство⁷¹⁵. [Перевод с польского Э.Я.]

Цитата подтверждает факт, что на протяжении 10 лет Аглона была целебным местом для больных. Мантейфель также приводит пример милосердия местечка в 1812 года, когда

⁷¹² Kilkanaście domków, okalających przestronną, trawą zarosłą płaszczynę, pośrodku której wznosi się krzyż na podmurowanie czworogrannym [czworokątnym], otoczony słupkami i przykryty daszkiem, nareszcie kramiki uciepione do muru koło bramy, a tylko podczas miejscowych zajmowane jarmarków – otóż i cała obecna postać skromnej, cichej miejsciny. [G. Manteuffel, *W powiecie dyneburskim*, w: *Inflanty Polskie oraz Listy z nad Bałtyku*, Kraków 2009, s. 133]

⁷¹³ Ibidem, s. 134.

⁷¹⁴ Ibidem, s. 135.

⁷¹⁵ Od 1826 tłumie się zbierali do Agłony chorzy wszelkiego stanu, pijący ze skutkiem z tych źródeł i biorący z nich wanny w domu na ten cel zbudowanym, a opatrzonym we wszelkie potrzebne dla chorych urządzenia, co trwało do roku 1836, po czym wody te, z powodu połączenia się źródeł z innymi, straciły lekarską swą własność. [G. Manteuffel, *W powiecie dyneburskim...*, op.cit., s. 135]

на монастырь в Островне было совершено нападение бродяг-иноземцев, полностью ограбивших монастырь. Аглона выразила акт сочувствия и помогла монастырю материально, несмотря на свой далеко не богатый статус. Мантейфель подчеркивает: „И поныне Аглона делится своим хлебом с убогими. Маленький госпиталь, так как на большой не хватает средств, поддерживает нескольких стариков и калек“⁷¹⁶ [Перевод с польского Э.Я.]. Таким образом, Аглона становится своего рода центром духовности и сострадания в Польских Инфлянтах.

Местечко под названием Вышки описывает не только Мантейфель, но также Сапунов. Сапунов отмечает, что данное местечко интересно лишь тем, что в нем до 1725 года жили брат и сестра Екатерины I. Мантейфель полностью солидарен с ним в своем очерке, добавляя лишь то, что до сих пор неизвестно, происходит ли сама Екатерина I из данного местечка. В историческом романе Ивана Лажечникова *Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого* говорится о том, что Екатерина I происходит родом из Польских Инфлянт⁷¹⁷. Помимо рода Екатерины I, связанного с Вышками, авторы упоминают, что местечко находится возле одноименного озера по дороге из Динабурга в Люцин.

Еще одним местечком, входящим в Динабургский уезд, являются Преиля. О Преилях пишут Биленштейн, Хлопицкий и Мантейфель. Мантейфель характеризует Преиля как „маленький городок, даже деревню“ с красивым дворцом. Согласно семейным архивам местечка, о которых говорит автор, с XIV века Преиля принадлежали семье Борхов. Однако Мантейфель выясняет, что местечко было пожаловано польским королем Сигизмундом Августом семье Борхов⁷¹⁸ только с XVI века, а именно с 1563 года⁷¹⁹. Биленштейн вспоминает Преиля в контексте вопроса о проживающих на территории Польских Инфлянт лютеранских общинах. Биленштейн утверждает, что в Преилях планируется строительство

⁷¹⁶ I dziś dzieli się Aglona z ubogim chlebem swoim. Szpitalik mały, bo na większy jej nie starczy, utrzymuje kilku starców i kalek. [G. Manteuffel, *W powieście dyneburskim...*, op.cit., s. 135]

⁷¹⁷ И. И. Лажечников, *Последний Новик...*, op.cit.

⁷¹⁸ Стоит отметить, что династия Борхов внесла большой вклад в развитие духовной культуры преильского региона. К примеру, история Видсмуйжского или Галенского римско-католического храма (латыш. Vārkaņas Vissvētās Trīsvienības Romas katoļu baznīca) берет свое начало в XVIII веке и изначально была связана с родом Борхов. Этот костел был построен Борхами. В документах 1743-го и 1759-го годов основателем костела назван Михаил Ян Борх, а в документах 1833-го года основателям назван Михал Борх. Есть сведения о том, что на средства графа Борха была построена также Пиенинская римско-католическая церковь (латыш. Pieniņi Jēzus sirds Romas katoļu baznīca) в 1806 году. [A. Bistere, R. Kaminska, *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums vēsturiskajā Preiļu rajonā*, Rīga 2013, Lpp, 106, 158, 266, 270]

⁷¹⁹ G. Manteuffel, *W powieście dyneburskim...*, op.cit., s. 136.

лютеранской школы⁷²⁰. Больше всего внимания Прейлям посвящает Буйницкий в своих путевых заметках *Путешествие по местам находящимся за Немнем* (польск. *Podróży po zaniemeńskich stronach*). Автор заметок говорит о том, что въехал в Прейли темными аллеями и увидел в нем разделение на две части: по левой стороне — рвы, а по правой – три городские улицы и парафиальный костел. Новый владелец прейльского дворца Фредерик полностью его изменил, по причине чего лишь портреты мастеров-крестоносцев напоминают о прошлом замка, что также разделяет его: на прошлое и современное⁷²¹. Хлопицкий описывает роскошь прейльского парка:

Прейльский парк, являясь одной из редких достопримечательностей страны, начинается с тыльной стороны старого дворца террасой и мостом со сфинксами через извилистую реку. Парк занимает огромное пространство; его внутреннее убранство полно беседок, гротов, веранд, мостов через петляющие повсюду реки, заканчивается парк большим прудом. На этом пруду находится островок, заросший тополями, а на другом берегу китайская беседка с фигурами в фрамугах, обсаженная вокруг кустами роз, внутри обставленная белыми диванчиками с белыми и розовыми полосами бархата. Этот парк, примыкающий к тыльной части старого дворца, должен был быть перенесен вплоть до угла, где стоит новый дворец; но до сих пор этот проект не реализован, и перед тыльной частью дворца ощущается какая-то пустота⁷²². [Перевод с польского Э.Я.]

О таком местечке, как Ликсна, мало информации, однако оно имеет достаточно интересную историю. Хлопицкий в своих записках путешественника отмечает, что эту местность стоит назвать костельной деревней. Автор также упоминает, что Ликсна в XIV веке была резиденцией динабургских командоров, которые наблюдали за деятельностью литовцев и доносили об этом своим мастерам. О резиденции командоров в Ликсне и о том, что местечко находится недалеко от Даугавы, также говорит Мантейфель в своем очерке⁷²³. Хлопицкий уточняет, что местечко расположено возле устья реки Ликснюнки, впадающей в Даугаву. Такое соединение рек весьма символично – как маленькая Ликснюнка впадает в Даугаву, так и маленькое местечко Ликсна зависит от Динабурга. Однако Хлопицкий

⁷²⁰ A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 735.

⁷²¹ E. Chłopicki, *Z podróży po zaniemeńskich stronach*, „Kłasy” 1873, T. XVII, Nr. 439, s. 347.

⁷²² Park Prełski, jeden z najrzadszych w kraju osobliwości, zaczyna się w tylnej części starego pałacu, tarasem, i na przechodzącą wężem rzeczce mostem ze sfinksami. Przestrzeń, jaką park zajmuje, jest ogromna; wewnątrz jego pełne altan, grot, werand, mostków nad wijąciami się wszędzie rzeczками, kończy się wreszcie obszernym stawem. Na stawie tym wyspa porośla topolami, a u drugiego brzegu altana chińska z figurami we framugach, obsadzona dokoła krzakami róż, wewnątrz zastawiona białymi kanapkami, krytemi rytm w białe i różowe pasy aksamitem. Park ten, dotykający tylnej części starego pałacu, miał się doprowadzić aż do węgła, gdzie stoi nowy pałac; ale dotychczas projekt ten się nie uskutecznia i w tylnej części pałacu czuć jakoś bardzo pustkami. [E. Chłopicki, *Z podróży...*, op.cit., T. XVII, Nr. 439, s. 348]

⁷²³ G. Manteuffel, *Inflanty Polskie oraz Listy...*, op.cit., s. 136.

подчеркивает, что Ликсна известна тем, что в 1626 году воевода Гонсевский победил под ней шведского генерала Горна. Данные события говорят о том, что местечко Ликсна находится на пограничье, именно поэтому там происходят сражение и наблюдение командиров за соседями — литовцами. Хлопицкий добавляет, что Ликсна связана с родом Зибергов: в 1770 году воевода Юзеф Зиберг (польск. Józef Zyberg) построил в Ликсне дворец и парафиальный костел. Автор выражает глубокое сожаление по поводу того, что дворец, принадлежавший в современное автору время почтенной польской семье Зибергов-Платеров, сгорел. Однако становится очевидным, что Ликсна была частью польского католического мира в Польских Инфлянтах благодаря ее католическому населению и наследству польской аристократии⁷²⁴.

Еще одним местечком, в котором процветает польская культура, можно считать Дагду. Местечко Дагду можно встретить в романе и личных дневниках Буйницкого, в очерках Мантейфеля и путевых заметках Биленштейна. Биленштейн, описывая Дагду, говорит о деревянном костеле, построенном в 1743 году тогдашним владельцем поместья Гильзенем (нем. Hülßen). Автор подчеркивает, что местные называют церковь „kastjol“, и данное название относится к католическим церквям. Биленштейн утверждает, что этимология данного названия связана с существительным „кость“, а храмы названы так по причине костниц, гробниц, находившихся в них⁷²⁵. Такое внимание автора к данному названию свидетельствует скорее всего о том, что в Польских Инфлянтах встречаются не только костелы, но также кирхи, православные церкви, моленные, еврейские молитвенные дома, поэтому необходимым стало пояснить, что костел — это католическая церковь. Следующая особенность Польских Инфлянт лишь в очередной раз подчеркивает нахождение края и в отдельности городов и местечек в нем в пограничном состоянии не только на физическом, но также на духовном уровне.

Материальным особенностям местечка Биленштейн уделяет немного внимания, говоря лишь то, что для местности Дагды характерна гористость, и деревня засажена старыми липами⁷²⁶. Для автора немецкого происхождения местечко Дагда является лишь маленькой частью большого католического мира Польских Инфлянт. В свою очередь, Мантейфель как представитель данного католического мира Польских Инфлянт описывает Дагду с большим интересом:

⁷²⁴ E. Chłopicki, *Inflanty...*, op.cit., s. 30.

⁷²⁵ A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 718.

⁷²⁶ A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 718.

...отличаясь красотой своего расположения, лежит на одноименном озере и славится своим некогда богатым резерватом с животными, который в практическую современную эпоху был превращен в обычный парк деревни Дагды⁷²⁷. [Перевод с польского Э.Я.]

Мантейфель также вспоминает о костеле и о том, что он появился в Дагде и финансировался Гильзенем. Автор упоминает, что между парком и костелом находятся остатки дворца Гилзенов. По описанию становится ясно, что он полностью разрушен, а в руинах виднеется лишь башня, которая некогда была библиотекой.

Мантейфель, что характерно для его очерков, посвященных Польским Инфлянтам, уделяет внимание не только объектам архитектуры и природы, но также людям и семейным родам, проживающим на данных территориях. Совершенно очевидно, что важной фигурой для местечка Дагда был Казимир Буйницкий. Автор подчеркивает, что после отъезда Буйницкого из Дагды местечко опустело:

Однако Казимир Буйницкий не проживал в Дагде с 1863 года, когда дом и собрание книг были уничтожены [крестьянские бунты 1863 года]. В то время знатный старик переехал в Лукну, однако, хотя с тех пор и необитаемый, дом в Дагде всегда был его главным наследственным поместьем. Оно было куплено, как мы уже упоминали, Анджеем Буйницким, отцом автора, поселившимся в польской Ливонии с 1769 г., вместе со Старой Мыслью и Кревином у кастеляна Людвика Платера, который после смерти внука нашего летописца, юного Ежи Хильзена, женился на вдове последнего потомка вымершего рода⁷²⁸. [Перевод с польского Э.Я.]

Вышеприведенная цитата говорит не только о том, сколь важной персоной для Дагды был Казимир Буйницкий, но также о том, что с Дагдой были связаны роды местной польской аристократии.

Мантейфель не ограничивается лишь своим мнением, также приводя цитату из *Pamiętnika religijno-moralnego* белорусского и польского этнографа и литератора Доминика Ходзько (польск. Dominik Chodźko). Ходзько обращает внимание на иезуитский костел,

⁷²⁷ ...odznacza się pięknnością położenia, leży nad jeziorem tegoż imienia i słynie z niegdyś bardzo bogatego zwierzyńca, którzy w praktycznym wieku bieżącym na zwyczajny park wsi dagdzieńskiej zamieniony został. [G. Manteuffel, *W powieście dyneburskim...*, op.cit., s. 136]

⁷²⁸ Dagda wszakże od roku 1863, w którym dom mieszkalny wraz z księgozbiorem uległ zniszczeniu [zamieszki chłopskie 1863 r.], już nie jest zamieszkiwana przez Kazimierza Bujnickiego. Przeniósł się w owym czasie dostojny starzec do Łukna, majątności, którą wziął w Rzeżyckiem po żonie z domu Sokołowskiej. Dagda jednak, choć odtąd pusta i niezamieszkała, stanowi zawsze główną jego dziedziczną posiadłość. Nabył ją, jak już wspomnieliśmy wyżej, osiadły w Inflantach Polskich od roku 1769 Andrzej Bujnicki, ojciec autora, wraz ze Starą Myślą i Krzewinem od kasztelana Ludwika Platera, który po śmierci wnuka naszego kronikarza, młodego Idziego Hylzена, ożenił się z wdową ostatniego potomka wygasłego roku. [G. Manteuffel, *W powieście dyneburskim...*, op.cit., s. 137]

следы оставшегося дворца, а главное на дом „уважаемого наблюдателя, странника“ и его собрание книг⁷²⁹. Таким образом, Мантейфель подтверждает, что фигура Буйницкого является важной для Дагды, о чем свидетельствует не только его личное мнение.

Несомненно, особое внимание Дагде уделяет Буйницкий, ведь в 1788 году автор в ней родился. О Дагде польский публицист пишет как в личных дневниках, так и в романе *Pamiętniki księdza Jordana*. В личных дневниках Буйницкий рассказывает, что в Дагде вся культурная жизнь была сконцентрирована возле дворца Гильзенов. Если Биленштейн и Мантейфель лишь упоминают о принадлежности поместья данному роду, то Буйницкий со всей эмоциональной окраской характеризует его владельца. Автор говорит о том, что Ежи Гильзен получил имение в наследство от своей материи Констанции Гильзен (урожденной Платер) и стал единственным наследником своего могущественного рода. Однако Буйницкий сообщает факт умственной болезни наследника, что не давало ему соответствовать характером своим известным предкам:

К сожалению, этот молодой магнат был болен идиотизмом с детства – несмотря на то, что во время вхождения в наследство ему уже было 20 лет, он не мог обойтись без опекунов. Его опекунами стали канцлер Платер и политик Тадеуш Мостовский (польск. Tadeusz Mostowski). Первый взял на себя управление в Дагде и там основал свою резиденцию⁷³⁰. [Перевод с польского Э.Я.]

Буйницкий повествует о том, что несмотря на болезнь владельца поместья, культурная жизнь польской аристократии бурлила в упомянутом имении. Автор подчеркивает, что во дворце проживали не только члены семьи, но также незаурядные знакомые Гильзенов, такие как полковник Собецкий с женой, молодой граф Ласкарис, близкая родственница ученого Альбертанди и многие другие более низкого ранга особы. Среди таких других жильцов автор упоминает уполномоченных лиц, комиссаров, секретарей, кассиров, разного уровня представителей двора, а также музыкантов, поваров, госпожей чести (польск. *ranny respektowe*), лакеев, горничных и многих других. Каждый из друзей семьи, проживающих в поместье, имел свою прислугу, а некоторые даже собственный экипаж. Гости в имение приезжали из Литвы, Белоруссии и Польских

⁷²⁹ G. Manteuffel, *W powieście dyneburskim...*, op.cit., s. 136.

⁷³⁰ Na nieszczęście młody ten magnat był od lat dziecińczych dotknięty idiotyzmem, chociaż więc przy wejściu w posiadanie swych posiadłości miał już lat 20 z górá, nie mógł się obejść bez opieki. Opiekunami jego zostali kanclerz Plater i Tadeusz Mostowski. Pierwszy objął rządy w Dagdzie i tam założył swoją rezydencją. [K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)...*, op.cit., s. 35]

Инфлянт. Буйницкий утверждает, что все в совокупности это создавало атмосферу княжеского двора⁷³¹.

Буйницкий с восхищением вспоминает времена расцвета дагденского двора, что, несомненно, характеризует светскую атмосферу местечка:

Именины и дни рождения канцлера и его жены, а также обоих старост, отмечаемые торжественно, привлекали в Дагду множество родственников, друзей и знакомых обоого пола, особенно 4 марта ознаменовалось большим съездом, торжеством, театром, балом и иллюминацией. Я бывал на этих церемониях со своими родителями, и они остались у меня в памяти, поэтому я живо представляю себе, что такое магнатский дом в Польше. Но Дагда, напоминавшая своей сутолокой и величием давние дворы великих польских вельмож, отличалась еще и высшим лоском, которого не хватало в те времена. Старопольское гостеприимство сочеталось здесь с лучшим тоном. Пьянство, азартные игры с последующим балаганом, ссорами и потасовками здесь не происходили не только в салоне, но даже в официне. Общество двора давало образцы приличия, хороших манер и хорошего поведения, поэтому все без исключения гости должны были придерживаться принятых там обычаев. Такой этикет, впрочем, никому не был тягостен, веселье в приличных пределах не только разрешалось, а даже приветствовалось. Семь братьев-канцлеров (Людвик, Ян, Михал, Константин, Казимир, Станислав, Хенрик) оживляли общество искренним весельем, остроумием, талантами и искренней вежливостью, в чем им помогали местные молодые люди из ближнего и дальнего окружения⁷³². [Перевод с польского Э.Я.]

Цитата демонстрирует, что светское общество Дагды несло в себе отражение старопольской культуры в ее лучшем, современном автору варианте, которую оно поддерживало в Польских Инфлянтах и было его важной частью. Автор подчеркивает, что празднество было похоже на празднества в Польше, но все же представляло собой нечто иное. Такое отношение свидетельствует о пограничном состоянии в духовном плане самого Буйницкого: с одной стороны, это автор польского происхождения, а с другой он житель Польских Инфлянт, некоего пространства, отражающего метрополию (Польшу), но представляющего нечто отдельное и самостоятельное от нее. Буйницкий также отметил

⁷³¹ K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)...*, op.cit., s. 35-36.

⁷³² Imieniny i urodziny kanclerza i kanclerzyny oraz obojga starostwa, obchodzone uroczyście, ściagały do Dagdy mnóstwo obojej płci krewnych, przyjaciół i znajomych, szczególnie dzień 4 marca odznaczał się świetnym zjazdem, siurpryzami, teatrem, baleм i iluminacją. Bywałem z rodzicami na tych uroczystościach, mam w pamięci, a przeto żywe sobie wyobrażam, co to był w Polsce dóm magnacki. Ale Dagda, przypominając cizbą i okozałością dawne dwory wielkich panów polskich, odznaczała się zarazem wyższym polotem, jakiego tamtym brakowało. Staropolska gościnność łączyła się tu z tonem jak najlepszym. Pijatyka, gry azardowe, a za niemi następujące hałasы, kłótnie i burdy nie miały tu miejsca nie tylko w salonach, ale nawet w oficynie. Towarzystwo domowe dawało wzory przywoitości, dobrego wychowania i wyższego wykształcenia, więc i goście bez wyjątku musieli się stosować do przyjętych tam zwyczajów. Rodzaj ten etykety nie był atoli dla nikogo uciążliwym, a wesołość w granicach przyzwoitych była i dozwoloną, i zachęcaną nawet. Siedmiu braci kanclerzyców (Ludwik, Jan, Michał, Konstanty, Kazimierz, Stanisław i Henryk) ożywiali towarzystwo szczerą wesołością, dowcipem, talentami i grzecznością nie udaną, a mieli sobie ku pomocy i miejscową, i goszczącą w Dgdzie młodzież ze stron bliższych i dalszych. [K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)...*, op.cit., s. 36-37]

материальные особенности дворца, подчеркнув его величину, которая соответствовала величине и важности для польского общества Польских Инфлянт того, что происходило внутри поместья:

Дагденский дворец, старосветский и просторный, с трехэтажной официной и большой беседкой в саду, мог поместить в себе дворы старосты Гильзена и канцлера Платера⁷³³. [Перевод с польского Э.Я.]

Поместье Гильзенов и характер мероприятий, происходивших в нем, в своем очерке также описывает Мантейфель, подтверждая этим не только насыщенную светскую жизнь в Дагде, но также свою тесную дружескую связь с Буйницким. Описание Мантейфелем праздника в честь золотой свадьбы четы Буйницких на который он был приглашен, является подтверждением того, что несмотря на некоторые разногласия польских инфляндцев, о чем идет речь в главе под названием *Польские авторы в кругу инфлянтских писателей*⁷³⁴, авторы поддерживали близкие отношения. Мантейфель с восхищением описывал прием и комедийную оперу *Костюшко в Швейцарии* (польск. *Kościuszko w Szwajcarii*)⁷³⁵, поставленную на мероприятия для развлечения гостей:

Это было редкое торжество, на которое собрались более двухсот землевладельцев не только из Инфлянт, но также из Литвы, которые присутствовали на празднике в течение трех дней. Угощения подавались в элегантном деревянном строении в парке древнего рода Гильзенов, которое было построено специально для этого случая и было детально описано во многих польских письмах того времени. Искусный архитектор так умело построил это здание, что оно могло отлично служить не только для трапезной, но и для великолепного бального зала. Внутреннее пространство временного здания с высоким потолком, имитирующим свод, было обтянуто белым перкалем, что придавало ему вид зала, высеченного из белого мрамора. Зал освещал замечательный бронзовый паук из ста пятидесяти огней и бесчисленного множества восьмилучевых подсвечников, размещенных на консолях у блестящих белых стен временного здания. Отдельное здание было выделено для театрального представления. Представление состоялось между четырьмя и шестью часами вечера. Поскольку обед был назначен на семь часов, участники комедийной оперы остались в театральных костюмах по требованию юбиляров. Это было неповторимое зрелище - в предобеденное время несколько швейцарок разбрелись по живописному парку со своими кавалерами во фраках, а несколько легионеров со сцены театра уже не имели за партнерш своих швейцарок, как на сцене, а прогуливались с дамами из общества. Эта первая работа юбиляра, написанная пятьдесят лет назад, запомнилась всем зрителям с наилучшей стороны⁷³⁶. [Перевод с польского Э.Я.]

⁷³³ Pałac dagdzieński, staroświecki i obszerny, z trzypiętrową, oficyną i wielkim lusthauzem w ogrodzie, zaledwie atoli mógł pomieścić dwory starosty Hylzена i kanclerza Platera. [K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)*..., op.cit., s. 35]

⁷³⁴ См. *Польские авторы в кругу инфлянтских писателей*, с.44.

⁷³⁵ Замысел оперы описан в разделе под названием *Польские авторы в кругу инфлянтских писателей*, с. 46.

⁷³⁶ Rzadka to była uroczystość, na którą zebrało się przeszło dwustu ziemian nie tylko z Inflant, ale i z Litwy, ugaszczanych przez trzy dni w szopie eleganckiej w celu prze rodzinę jubilatów w parku odwiecznym Hylzenów wzniezionej, a w wielu pismach polskich ówczesnych dokładnie opisanej. Przemysłny architekt wykonał tę budowę tak zręcznie, że znakomicie służyć mogła nie tylko za salę biesiad, ale i za wspaniałą salę balową. Wnętrze

Мантейфель, описывая светскую жизнь Дагды, испытывает лишь наслаждение как от убранства зала, так и от энтузиазма организаторов праздника, благодаря которым общество могло насладиться искусством и эстетикой. Несомненно, Дагда была важным местом для Буйницкого.

Во второй части романа *Pamiętniki księdza Jordana* Буйницкий описывает живописную природу местечка, особенно уделяя внимание замковой горе и руинам, оставшимся от замка:

До полудня мы остановились у реки Дагдзица и пообедали в дагдзеньском замке, а вернее, в лачуге этого когда-то оборонительного блокпоста. Холм, на котором он построен, с трех сторон омывается водой; потому что здесь Дагдзица сливается с другой рекой, вытекающей из озера; с севера, следовательно, только по суше есть доступ к траншеям. Состояние вала нам показалось хорошим, но замок уже не был достоин своего названия. Его стены, сложенные из деревянных блоков, были готовы обрушиться, плохо держась на опорах; остатки кровли покрывали только один угол здания, где жил старый бургомистр, как бы ожидая, когда здание окончательно обветшает и обрушится. Воевода, с сожалением взглянув на эту развалину, не увидел нужды заселять ее солдатами⁷³⁷. [Перевод с польского Э.Я.]

На примере цитаты видно, что вновь появляется характерный для Польских Инфлянт локус — разваливающийся замок. Живущий в нем пожилой бургомистр словно символизирует последнюю живую, но слабую надежду на восстановление замка, но

powizorycznego gmachu o wysoko podniesionym pułapie, naśladowującym sklepienie, opięte było białym perkalem, co mu dawało pozór Sali wykutej z białego marmuru, którą oświecał wspaniały brązowy pająk o stu pięćdziesięciu świecach oraz niezliczony szereg ośmiorammiennych świeczników rozmieszczonych na konsolach u lśniących białością ścian tymczasowego gmachu. Na przedstawienie teatralne osobny budynek był przeznaczony. Odbyło się ono pomiędzy czwartą a szóstą po południu. A że obiad na siódmą byłznaczony, uczestnicy komidoooperzy pozostali w strojach teatralnych na wyraźne żądanie jubilatów. Jedynym w swoim rodzaju był widok, gdy w chwili przedobiadowej kilkanaście Szwajcarek rozposzło się po uroczym parku z towarzyszącymi im kawalerami wyfrakowanymi, [a kilkunastu legionistów ze sceny teatralnej miało za towarzyszkę już nie Szwajcarki, jak na scenie, ale panie z towarzystwa. Toteż ta pierwsza pracajubilata, wykonana pięćdziesiąt lat po jej napisaniu, wraziła się wszystkim widzom raz na zawsze, w sposób nader miły. [G. Manteuffel, *Nieco z dziejów księstwa inflanckiego*..., op. cit., s. 39]

⁷³⁷Przed południem stanęliśmy nad rzeką Dagdzicą i obiadowaliśmy w Dagdzieńskim zameczku, a raczej w ruderach tego, niegdyś położeniem swem obronnego, blokhauzu. Wzgórze, na którym był zbudowany, oblane jest z trzech stron wodą; albowiem rzeczka Dagdzica zbiega się tu z inną wychodzącą z jeziora; od północnej więc tylko strony lądem jest przystęp do okopów. Wały znaleźliśmy w nienajlepszym stanie, ale zameczek niewart już był tego nazwiska. Ściany jego budowane z drewnianych kłoców chyliły się do upadku, utrzymując się słabo na podporach; szczątki dachu pokrywały jeden tylko róg budowy, w którym mieszkał stary burgrabia, jakby czekając, aż go zbutwiały gmach ostatecznym swym upadkiem przywali. Wojewodzie obejrawszy z politowaniem tę ruinę, nie widział potrzeby osadzać ją żołnierzami. [K. Bujnicki, *Pamiętniki księdza Jordana. Obrazek Polskich Inflant w XVII wieku*, T. II, Wilno 1852, s. 13]

поскольку воевода принимает решение не поселять молодую кровь — солдат, для читателя становится очевидным, что замок обречен на полное разрушение и исчезновение, что впоследствии произошло, оставив от себя лишь название „Замковая гора“ (латыш. Pilskalns). Однако Буйницкий даже в романе подчеркивает, что окрестности Дагды красивы:

Вид с крепостных валов не столь обширен, но красотой не обделен. Воды русла реки орошают зеленый луг, раскинувшийся у подножия горы; окрестности попеременно покрыты соснами и березами; а большое озеро Дагда закрывает с востока пейзаж дали⁷³⁸. [Перевод с польского Э.Я.]

Восхищение Буйницким Дагдой и привязанность автора к родному местечку, несомненно, объясняют его тяжелые чувства по отношению к налету крестьян-раскольников, разрушившему его дом. Автор дневника не обвиняет никого в том, что произошло с его имуществом и не комментирует политическую ситуацию:

Польское восстание, начавшееся в 1861 году, вспыхнуло в остальной части Королевства Польского в январе 1863 года. Не мое дело описывать причины этого отчаянного шага, и эту работу я должен предоставить будущим историкам, поэтому я ограничиваюсь описанием здесь только той страшной катастрофы, несчастными жертвами которой стали я и тридцать моих сограждан⁷³⁹. [Перевод с польского Э.Я.]

Автор дневника лишь сообщает, что очаги восстания были также на территории Польских Инфлянт, что разозлило правящие власти, которые призвали крестьян к нападению на деятелей восстания. Крестьяне же восприняли это как возможность расправиться со своими господами:

Раскольнические казначейские крестьяне с энтузиазмом взялись за работу, и, следуя их примеру, крестьяне городских деревень, только что освободившиеся, воспользовались случаем, чтобы под предлогом пленения восставших напасть на своих бывших господ, напасть на их имения, грабить, уничтожать и сжигать самих хозяев, похищать из домов, связывать их, оскорблять и таскать за собой, как преступников, чтобы

⁷³⁸ Widok z wałów nie jest zbyt rozległy, ale nie braknie mu piękności. Bieg rzeki skrapia zieloną łąkę rozpostartą u podnóża góry; okoliczne pagórki okryte są naprzemian sosiną i brzozą; a wielkie jezioro Dagda zamyka w dali krajobraz od wschodniej strony.[K. Bujnicki, *Pamiętniki księdza...*, op.cit., T. II, s. 13]

⁷³⁹ Zawiązane w roku 1861 polskie powstanie wybuchło na resztę w Królestwie Polskiem w miesiącu styczniu 1863 roku. Przyczyny tego rozpaczliwego kroku opisywać nie jest moją rzeczą, a zostawić tę pracę powinienem przyszłym dziejopisom, ograniczam się więc na skreśleniu tu samej tylko straszliwej katastrofy, której staliśmy się ja i trzydziestu moich współobywateli nieszczęśliwą ofiarą. [K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)...*, op.cit., s. 122]

передать военным командам, посланным в разные стороны для подавления восстания⁷⁴⁰. [Перевод с польского Э.Я.]

Буйницкий описывает не только свою беду, но также говорит о налетах в Вышках на семью Станислава Молла (польск. Stanisław Moll), а в Дубно на семью зятя Урбана Бениславского (польск. Urban Benisławski). Пример данного нападения раскольников на польскую инфлянтскую интеллигенцию свидетельствует о материальном неравенстве и желании простого люда поживиться на богатых дворах, применив легальное насилие, однако инцидент не свидетельствует о столкновении идеологий или культурных ценностей.

В завершение подраздела, посвященного вышеупомянутым местечкам, хотелось бы обратиться еще раз к Биленштейкнун, который в своих путевых записках выразил большую надежду на развитие народа Польских Инфлянт, живущего в деревенской местности:

По мосту через ручей Ислина мы пересекли границу Ливонии и очутились дома. Но я не могу не оглянуться назад и не собрать еще кое-что, чтобы охарактеризовать крестьянские условия на польском языке – Ливония. Глаза людей сегодня устремлены в этом направлении. Это та сфера, где еще создается предпочтительно новое, где прогресс отчасти происходит, отчасти ожидается, отчасти о нем мечтают, поскольку в других слоях он по понятным причинам уже невозможен. Много еще должно и может случиться в деревенском народе; там еще весьма вероятен рост в сторону материальной и духовной жизни, в сторону расширения знаний и повышения нравственности⁷⁴¹. [Перевод с немецкого Э.Я.]

В цитате прослеживается вера автора в потенциал деревенских жителей Польских Инфлянт.

Делая вывод на основе образа местечек Аглоны, Дагды, Вышек, Прейлей и Ликсны, составленных инфлянтскими авторами, стоит отметить, что в данных местечках преобладает католичество. Однако на их территории, исторически сложившись, также присутствуют другие вероисповедания: к примеру, лютеранство и старообрядчество.

⁷⁴⁰ Chłopi skarbowi rokosznicy rzucili się z zapalem do dzieła, a za ich przykładem włościanie wiosek obywatelskich, świeżo emancypowani, skorzystali z okoliczności, by pod pozorem chwytania powstańców rzucić się na swoich dawnych panów, napadać ich dwory, rabować, niszczyć i palić, a samych właścicieli porywać z domów, wiązać, znieważać i jak zbrodniarzy włożyć dla oddawania komendom wojskowym rozesłanym w różne strony dla stłumienia powstania. [K. Bujnicki, *Pamiętniki (1795-1875)*..., op.cit., s. 123]

⁷⁴¹ An der Brücke über Islina-Bch, der beim Schwanenkrug in die Ewst mündet, passirten wir die Grenze Livlands und bafanden uns nun wieder in der Heimat. Ich kann aber nicht umhin noch einmal zurückzublicken und noch einiges zur Charakterisirung namentlich der Bauerzustände in Polish-Livland zusammenzustellen. In dieser Richtung gehen doch heutzutage theils geschehen, theils erwartet, theils theils erträumt werden, wie sie in anderen Schichten begreiflicherwise gar nicht so mehr möglich sind. Im Landvolk muss und kann ja noch vieles geschehen; da ist Wachsthum nach der Seite des materiellen und geistigen Lebens, nach der Seite der Wissenserweiterung und der Sittenveredelung noch in hohem Grade wahrscheinlich. [A. Bielenstein, *Reiseskizzen*..., op.cit., S. 736]

Локусами данных территорий можно назвать реки и озера, имеющие одноименные названия с местечками, возле которых они находятся. Локусами также являются замки и дворцы, находящиеся в разрушенном состоянии, что характерно не только для рассматриваемых местечек, но также для городов Польских Инфлянт. Как правило, инфлянтские авторы, описывая развалины, погружаются в воспоминания, в зависимости от их личного опыта и переживаний несущие либо позитивный, либо негативный характер. Таким образом, сама ассоциация с Польскими Инфлянтами XIX века несет за собой атмосферу края грез и воспоминаний. Авторы польского происхождения концентрируют свое внимание на роли польской аристократии на данных территориях, распространении католической веры, обращаются к истории родов, проживающих на провинциальных территориях. Авторы немецкого и русского происхождения достаточно мало внимания уделяют данным местечкам, вспоминая лишь об основных фактах – исторических либо им современных. Однако все авторы тем или иным способом подчеркивают нахождение местечек в пограничном состоянии либо в материальном, либо в духовном смысле. Пограничье можно также выявить на уровне масштабности значения местечек. С одной стороны Аглона — маленькое, тихое и незначительное местечко среди елей, а с другой стороны — центр католичества с исцеляющей водой, который, ко всему прочему, связывает Польские Инфлянты с Тракаем благодаря легендам об иконе. В похожем положении находятся Вышки, о которых авторам практически нечего сказать, однако происхождение семьи Екатерины I оттуда придает данному местечку интерес. Дагда также некогда являлась местом встречи польской аристократии в Польских Инфлянтах, несмотря на свои скромные территориальные масштабы.

4.2. Режицкий уезд

Режицкий уезд по сравнению с Динабургским уездом является менее важным для Инфлянт, если говорить об активности культурной жизни, а также важности политических событий и расположении стратегических центров. Из главы выше становится очевидным, что важнейшие события жизни Польских Инфлянт происходили в Динабурге и Краславе. Однако инфлянтские писатели вспоминают также и о городах Режицкого уезда, главным

образом рассматривая Режицу и за редким исключением уделяя внимание Вилянам (польск. Wielony) и Вараклянам (польск. Warklany). В рассмотрение берутся: очерк Мантейфеля *Inflanty Polskie oraz Listy znad Bałtyku*, очерк Буйницкого *Nowa wędrówka po małych drogach* и роман нравов *Pamiętniki księdza Jordana. Obrazek Inflant w XVII wieku*, поэма Михаила Яна Борха *Jardin sentimental du chateau de Warkland*, путевые заметки Хлопицкого *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże* и путевые заметки Биленштейна *Reiseskizzen aus dem Oberlande*, а также *Список населенных мест Витебской губернии* Сапунова, историко-географический труд *Памятники старины Витебской губернии* Сементовского, фельетон Ранцанса *Второе письмо жене*.

Обращаясь к Режицкому уезду в своем историческом очерке, посвященном Польским Инфлянтам, Мантейфель в первую очередь обращается к названию главного города уезда, уточняя, что по-немецки Режица носит название Rositten, а по-латышски Rēzekne⁷⁴². Автор очерка, так же как другие инфлянтские писатели, среди которых Буйницкий, Хлопицкий, Биленштейн, Сапунов и Сементовский отмечают, что нахождение города на одноименной реке Режице несет в себе особую важность для него и его жителей. Данная особенность проводит некоторую параллель с Динабургом, находящимся на Двине, и Краславой, через которую протекает река Краславка. Однако Мантейфель подчеркивает, что Режица относится к бассейну реки Двины, тем самым делая акцент на том, что Даугава более важная и большая река в данном регионе, что также отражается на иерархии городов, через которые протекают реки⁷⁴³. В первом томе романа нравов *Pamiętniki Księdza Jordana* Буйницкий романтизирует описываемый им пейзаж, в центре которого находится река Режица:

В западной части извилистое русло реки Режицы демонстрирует глазу цветущие пышные луга; ее края заросли невысоким кустарником, из-за которого куда-то глядит серебряное зеркало вод⁷⁴⁴. [Перевод с польского Э.Я.]

Если Буйницкий, описывая в вышеупомянутом романе образ реки, старается передать дух и настроение города, то Сапунов в своем *Списке населенных мест Витебской*

⁷⁴² G. Manteuffel, *W powieście rzezyckim, w: Inflanty Polskie oraz Listy znad Bałtyku*, Kraków 2009, s. 137.

⁷⁴³ Ibidem, s. 141.

⁷⁴⁴ Ku zachodowi wężykowaty bieg rzeki Rzeżycy ukazuje oku kwieciste, bujne łąki; brzegi jej zasosłe niską krzewiną, z pomiędzy której gdzieniegdzie wygląda srebrne wód zwierciadło. [K. Bujnicki, *Pamiętniki księdza...*, T. I, op.cit., s. 176]

губернии рассматривает нахождение города вблизи реки с практической, бытовой, а соответственно материальной точки зрения. Автор уточняет, что водопровода в городе нет, а водой город снабжается из Режицы и обширного озера Ковшева, находящегося почти в самом городе, из колодцев⁷⁴⁵. Благодаря следующей заметке Сапунова можно отметить, что для жителей Режицы река была не только объектом для романтических размышлений, но также источником питьевой воды, обеспечивающим процессы жизнедеятельности.

Хлопицкий, в свою очередь, вспоминая об извилистой реке Режице, затрагивает тему „реки времен“, протекающей через улицы города. Первое впечатление, которым делится Хлопицкий в своих путевых заметках о городе Режице, следующее:

Старый город с руинами замка, с деревянным костелом и мириадой грязных звезд Израиля, расположился где-то за извилистой речкой, покорно уступая место новому городу, который с цветущей претенциозностью органично соединяет разнородные строения с двух противоположных берегов петербургского шоссе⁷⁴⁶. [Перевод с польского Э.Я.]

На примере цитаты становится явным, что Хлопицкий разделяет город на его старую и новую часть, подчеркивая очевидную разницу в архитектурных особенностях этих частей. В продолжении путешественник пишет, что одновременно все бросилось в его глаза: итальянская архитектура, вазоны герани, занавески ракового цвета на окнах, дом доктора среди по-английски упорядоченных деревьев, а также покрытое саваном грязи и паутины готическое здание почтовой станции⁷⁴⁷. Разделение города на две части также отмечает Биленштейн в своих путевых записках, что подтверждает следующая цитата:

Уездный город Розиттен простирается на восток от железнодорожного вокзала по обеим сторонам реки Резекне (нем. Reisekne). Новая часть города раскинулась между железной дорогой и шоссе, в ней много садов и красивых массивных двухэтажных домов. Старый город расположен к востоку от шоссе вокруг католической церкви и вокруг руин старого замка в глубокой подошве долины, узкой и неправильно застроенной деревянными постройками: невысокими домами, покрытыми гонтом, расположенными на кривых улочках⁷⁴⁸. [Перевод с немецкого Э.Я.]

⁷⁴⁵ А. П. Сапунов, *Список населенных мест...*, op.cit., с. 34.

⁷⁴⁶ Stary gród z ruinami zamku, z drewnianym kościołkiem i z mirjadą brudnych gwiazd Izraela, usunął się gdzieś za wężykowato płynącą rzeczkę, ustępując z pokorą miejsca nowemu miastu, które z tak pretensjonalną wykwitnością, organirowywa różnobarwnymi budynkami dwa przeciwległe boki petersburgskiej szosy. [E. Chłopicki, *Rzeżyca*, w: *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*, Warszawa 1863, s. 24]

⁷⁴⁷ Ibidem, s. 24-25.

⁷⁴⁸ Die Kreisstadt Rositten (russ. Режица) erstreckt sich vom Bahnhof nach Osten an beiden Seiten des Flusses Rehssekne oder Reisekne. Der neuere Theil der Stadt liegt weitläufig zwischen Bahn und Chaussee, hat viele Gärten und zeigt recht hübsche massive zweistöckige Häuser. Der ältere Stadttheil liegt östlich von der Chaussee um die

В отличие от Хлопицкого, Биленштейн подчеркивает разницу новой и старой части Режицы без использования художественных средств выразительности речи. Хлопицкий наглядным образом демонстрирует, как в пространстве и во времени пересекаются разные культуры, а их отголоски создают атмосферу современной автору Режицы. Красной нитью в записках Хлопицкого проходит дух противоречия, противопоставления грязного и чистого, царящего на улицах данного города. Грязный дом символизирует эстетически неприятное обличие города и его бедность, все, что связано с финансовой и материальной сферой. Однако Хлопицкий также говорит о спокойствии чистого сердца, чем дает положительную характеристику городу. Автор желает подчеркнуть, что несмотря на свою материальную бедность и скромность, город богат и разнообразен духовно. Хлопицкий выражает надежду, что к освежению внешней формы города также добавится смелая мысль о духовном развитии и забурлит вегетативная жизнь города⁷⁴⁹. Надежду на развитие и процветание также выражает Мантейфель, обращаясь к Режицкому уезду:

Режица на варшавском шоссе и в его окрестностях уже несколько лет имеет приличные деревянные и даже кирпичные дома, которые, расположившись в более чистой части города, показывают, что уровень города поднимается и достигает процветающего состояния⁷⁵⁰. [Перевод с польского Э.Я.]

Анализируя цитаты выше, стоит отметить, что Мантейфель и Хлопицкий вспоминают о железной дороге, которая оживляет городские просторы и делает Режицу более доступной для жителей других городов. Сапунов уточняет, что Режица располагается на скрещении железнодорожных линий Санкт-Петербургско-Варшавского и Московско-Рыбинского шоссе, а сам вокзал Санкт-Петербургской — Варшавской железной дороги находится в слободе Режицы. Развитое железнодорожное транспортное сообщение стало следствием того, что многие петербуржцы являлись владельцами дачных участков в

katholische Kirche und um die in der tiefen Thalsole auf isolirtem stumpfen Kegel sich erhebende alte Schlossreine herum, ist eng und unregelmässig von Holz gebaut: niedrige Häuser, mit Schindeln gedeckt, in krummen Strassen. [A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 724]

⁷⁴⁹ E. Chłopicki, *Rzeżyca...*, op.cit., s. 25.

⁷⁵⁰ Rzeżyca na szosie warszawskim i w bliskości jego posiada już od lat kilkunastu porządne drewniane, a nawet i murowane domy, które zgromadzone w czyściejszej części miasta, pokazują, że się ono wznosi i od kwitnącego stanu dochodzi. [G. Manteuffel, *Inflanty Polskie oraz Listy...*, op.cit., s. 121]

Режице, о чем также упоминает Сапунов⁷⁵¹. Мантейфель, завершая свой очерк о городе, подчеркивает финальной нотой: „Город, благодаря своему расположению на главной железной дороге, приходит в состояние процветания“⁷⁵² [Перевод с польского Э.Я.].

Биленштейн, сравнивая в своих путевых записках Режицкий уезд с Динабургским и Люцинским уездами, отмечает, что он беднее в плане архитектуры и одежды на жителях, свидетельствующей об их материальном достатке. Причиной тому, по мнению автора, является качество почвы. В Режицком уезде много лесистой местности, в то время как в Динабурге и Люцине землевладельцы зажиточные и более влиятельные благодаря плодородной почве, а в случае Динабурга также благодаря возможностям, связанным с близостью к реке Даугаве⁷⁵³. Таким образом, автор заключает, что материальная культура является самой бедной в Режицком уезде по сравнению с другими уездами Польских Инфлянт.

Переходя от материальной стороны к духовному наследию города, стоит отметить, что важным объектом в Режице, кроме реки и железной дороги, безусловно, являются руины замка. Мантейфель, обращаясь к описанию особенностей строений и расположения города, первым делом обращает внимание на руины режицкого замка:

В середине города, на достаточно большом холме, на подножье которого протекает упомянутая быстротечная река Режица, живописно возносятся развалины некогда рыцарского замка, основанного в 1285 году войтом ордена меченосцев Вильгельмом фон Шауэрбургом (нем. Wilhelm von Schauerburg)⁷⁵⁴. [Перевод с польского Э.Я.]

Сементовский также в своих *Памятниках старины* большое внимание уделяет режицкому замку и его истории. Больше всего Сементовского удивляет, что замок сохранился лучше других, подобных ему строений. Возле замка нет других построек, главной причиной чему автор называет неудобную местность для того, чтобы селиться вблизи, несмотря на то, что город развивался и расширялся. Сементовский уделяет

⁷⁵¹ А. П. Сапунов, *Список населенных мест...*, op.cit., с. 34.

⁷⁵² Miasto, skutkiem położenia na głównej kolei żelaznej, dochodzi do kwitnącego stanu. [G. Manteuffel, *W powiecie rzeżyckim...*, op.cit., s. 142]

⁷⁵³ A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 737.

⁷⁵⁴ W środku miasta, na znacznym pagórku, u stóp którego przepływa wspomniana bystra Rzeżyca, malowniczoznoszą się zwaliska rycerskiego niegdyś zamku, założonego w 1285 roku przez wójta Krzyżackiego Zakonu Wilhelma de Schauerburg. [G. Manteuffel, *W powiecie rzeżyckim...*, op.cit., s. 137-138]

внимание архитектурным особенностям замка, в том числе описывает высокую гать, насыпанную через речку Режицу, посредством которой замок соединялся с местечком:

Гать эта удерживала воду на такой высоте, что она свободно проходила в ров, отделявший гору, на которой находилось укрепление, от материка, отчего замок представлялся как бы стоящим на острове⁷⁵⁵.

Судьбу замка автор описывает достаточно коротко, и его информация совпадает с очерком Мантейфеля. Речь идет о том, что построен замок был в 1285 году режицким войтом Вильгельмом, а в 1577 году был завоеван русскими, затем передан полякам при заключении мирного договора в 1582 году. Однако замок был разрушен и более не восстановлен после польско-шведской войны. Каких-либо оценок истории замка Сементовский не дает⁷⁵⁶.

Биленштейн, в свою очередь, уделяет больше внимания режицкому замку в своих путевых записках. Автор дает описание расположению замковых руин и их особенностям:

Старые руины замка крестоносцев в Розитене лежат на изолированном холме на дне долины, ниже берегов долины с обеих сторон. В древние времена замок находился на острове, окруженном с обеих сторон рукавами реки. Прямо над текущим руслом реки, к северу от нее возвышаются остатки стены замковых жилищ, находящихся на самой высокой, безопасной, труднодоступной для нападения горной стороне замка. Почти круглый двор диаметром около 100 шагов простирается на север и образует интересную мульту⁷⁵⁷. [Перевод с немецкого Э.Я.]

Кроме описания замковых руин Биленштейн так же, как Мантейфель, вспоминает год основания замка и важные годы в его истории, то есть передачи от поляков русским и наоборот, прибавляя, что в период 1656-1660 гг. замок принадлежал Швеции. Важным дополнением является тот факт, что автор сетует на то, что замок не реставрируется в современной ему действительности. В восстановлении замка Биленштейн видит возможность возрождения балтийского патриотизма, становление латышских культурных

⁷⁵⁵ А. М. Сементовский, *Замки...*, op.cit., с. 42.

⁷⁵⁶ Ibidem, с. 41-42.

⁷⁵⁷ Die alte Ordensburg ruine Rosittens liegt auf einem isolirten Hügel in der Thalsole, niedriger als die Thalufer zu beiden Seiten. In alten Zeiten könnte der Schlossberg eine Insel gewesen sein, von beiden Seiten durch Flussarme umgeben. Hart über dem jetzigen Flussbett, nördlich von diesem, erheben sich die Mauerreste von den Burgwohnungen, hier wie überall, an der höchsten, sichersten, am schwersten angreifbaren Seite des Burgberges. Der fast runde Burghof, ca. 100 Schritt im Durchmesser, breitet sich nach Norden aus und bildet interessanterweise eine Mulde. [A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 729]

ценностей. Однако автор не видит надежды получить на данное благо средств от властей города и надеется лишь на светлые умы частных ассоциаций с доброй волей и пониманием важного значения замка⁷⁵⁸. Данный взгляд говорит о том, что духовная и материальная культура Польских Инфлянт развивалась во времена автора благодаря частным лицам, готовым жертвовать на восстановление важных объектов. Интересно, что при этом Биленштейн даже утверждал, что Режица является фактической столицей Польских Инфлянт, аргументируя это ее центральным расположением и историческими событиями, связанными с замком⁷⁵⁹.

Описание замка можно встретить также в первой части *Pamiętników Księdza Jordana*. Буйницкий описывает крепостную стену замка следующим образом:

Замковую гору с юга омывает протекающая река Режица, с севера и востока окружает ее ров. Легкая дамба, построенная напротив ворот, поднимает воду в реку, которая проходит через ров, окружает холм и в нижней части замка соединяется с руслом. Внешняя стена, не прикрытая, во многих местах только что отремонтированная, недолго могла бы защищать от выстрелов орудий более крупного калибра. Одним словом, эта стена охраняла рыцарей-меченосцев от нападения полудиких латышских орд, оружие которых состояло из рогаток, дубинок и каменных топоров, а точнее гротов⁷⁶⁰. [Перевод с польского Э.Я.]

Из представленной цитаты видно, что, завоевав город, ливонские рыцари охраняли себя от полудикого местного населения. Об этом также пишет Мантейфель в своем историческом очерке, посвященном Польским Инфлянтам. Автор уточняет, что после основания в Режице замка войтом жители Режицы были вынуждены часто охранять себя от нападения диких латышей и литовцев, так же часто со стороны Режицы совершались нападения на языческую часть населения страны. Мантейфель рассматривает также историю города в XVI веке, подчеркивая его пограничное положение, которое проявлялось в том, что город переходил то под власть Польши, то под власть Москвы⁷⁶¹.

⁷⁵⁸ A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 750.

⁷⁵⁹ Ibidem, S. 725.

⁷⁶⁰ Wzgórze zamkowe oblewa od południa płynąca u podnoża rzeka Rzeżyca, od wschodu i północy otacza go rzeczona fossa. Usypana naprzeciw bramy lekka grobla podnosi wodę w rzece, która jednym ramieniem przebiegając fossę, oblewa zewsząd wzgórze i poniżej zamku znowu w jedno łączy się koryto. Mur zewnętrzny nie nakryty, w wieku miejscach świeżo naprawiany, nie mógłby się długo opierać wystrzałom dział większego kalibru. Słowem, warownia ta mogła niegdyś dawać rycerzom mieczowym bezpieczne stanowiska od napadów wpółdzikich hord łotewskich, których broń składały proce, maczugi i ręczne kamienne siekierki, czyli raczej groty. [K. Bujnicki, *Pamiętniki księdza...*, T. I, op.cit., s. 179-180]

⁷⁶¹ G. Manteuffel, *W powieście rzeżyckim...*, op.cit., s. 137-138.

Сапунов так же, как другие инфлянтские авторы, обращается к истории замка, описывающей, в частности, судьбу города, который подпадал под влияние разных народов, о чем пишет автор. Изначально основанный ливонскими рыцарями, на протяжении своей истории он завоевывался русскими, поляками и шведами. Сапунов вспоминает, что в 1559 году Ливонский орден, измученный на тот момент войной с русскими, отдал город в залог Польше, к которой в итоге он был присоединен в 1561 году. Сапунов так же, как Сементовский, вспоминает о взятии русскими в 1577 году города, после чего часть его была разрушена, а духовный центр — евангелическая церковь была уничтожена. В 1660 году Режица была возвращена Польше, но в 1772 году снова присоединена к России.

Особенности строений, расположенных в городе, отразились также на культуре быта режицких крестьян. К примеру, Сементовский упоминает, что на территории находится большая группа древних курганов, в которых местные крестьяне часто хранили картошку⁷⁶². Данный пример демонстрирует, как во времени соединяются и влияют друг на друга отрезки военной и мирной жизни. Говоря о мирной жизни, стоит вспомнить, что отдых и общение местного населения проходили, как правило, в корчмах. О такой корчме упоминается в первом томе *Pamiętników Księdza Jordana*:

На берегу древнего гая видна небольшая халупа, одинокая как жилье отшельника. Это корчма, называемая Вуріжка, в которой жители маленького города, замка и усадьбы старосты приносят жертву Бахусу; ибо, согласно хваленому старому обычаю, нельзя было иметь производство ветчины вблизи крепости, так же как набожность наших предков не терпела это производство возле божьих храмов⁷⁶³. [Перевод с польского Э.Я.]

О корчмах также часто вспоминает Ранцанс в своих фельетонах из сборника *Ceļojums pa Latgolu*. Ранцанс также описывает, что посетители корчмы, как правило, „приносятся в жертву Бахусу“, что проявляется в питье шмаковки и водки. Персонажи в корчмах, как правило, встречаются с чертями и ведьмами, которые желают их обмануть и одурачить. Однако у Ранцанса корчма обычно находится недалеко от костела, что помогает персонажу

⁷⁶² А. М. Сементовский, *Режицкий уезд*, в: *Памятники старины Витебской губернии*, Санкт-Петербург 1867, с. 28.

⁷⁶³ Na brzegu tego starożytnego gaju widać niewielką chałupę, samotną jak mieszkanie pustelnika. Jest to karczma Wypijka zwana, w której mieszkańcy małego miasteczka, zamku i starościńskiego dworku, składają ofiary Bachusowi; albowiem, podług chwalebного dawnego zwyczajum niewolno było mieć szynkowni w bliskości twierdzy, równie jak pobożność przodków naszych nie cierpiała ich w sąsiedztwie świątyń Pańskich. [K. Bujnicki, *Pamiętniki księdza...*, T. I, op.cit., s. 177]

вернуться к праведному пути⁷⁶⁴. Развлечением для местного населения являлись не только посиделки в корчмах, но также ярмарки, которым сопутствовала не только торговля, но и народные гулянья. Сапунов в *Списке населенных мест Витебской губернии* уточняет, что ярмарки в Режице проходили три раза в год, а именно в начале января, начале июля и начале сентября. Сапунов также уточняет, что на ярмарке продавали скот, сельскохозяйственные предметы и орудия, что характеризует природу ярмарки с ее материальной стороны⁷⁶⁵. Буйницкий же описывает в своем очерке обычаи сформировавшиеся на ярмарках, имеющие большую важность для местного населения, для которого ярмарка была одним из ключевых событий в общественной жизни, создающим пространство для коммуникации, в том числе межкультурного диалога. В главах под названием *Ярмарка в уездном городе* (польск. *Jarmark w mieście powiatowym*) и *Дальнейшие ярмарочные турниры — Маленькие изменения в направлении дороги* (польск. *Dalsze jarmarkowe turnieje – Mała zmiana w kierunku drogi*) Буйницкий передает настроение инфлянтских ярмарок в уездных городах. Автор концентрирует свое внимание на том, что на ярмарках зачастую возникают дуэли, которые запрещены и которые пресекает городничий, но которые случаются:

Подготовка длилась долго – секунденты не могли договориться между собой о расстоянии и о последовательности выстрела, Лапкин явно искал проблемы, а Техникий настаивал на том, чтобы поединок проходил по правилам. Это продолжалось до тех пор, пока Городничий с несколькими солдатами не появился в роще, окружил господ, отобрал у них пистолеты и объявил, что всех их арестует. Шарамышев дулся, Эдуард молчал, Лапкин смеялся, а Техникий очень беспокоился за себя. Пытались делать вид, что это стрельба по мишеням, пари и т. д., но старый Эйвейс стоял на своем, что не отдаст пистолеты и возьмет дуэлянтов под арест⁷⁶⁶. [Перевод с польского Э.Я.]

Сама ярмарка служит информационным поводом для создания сплетен и легенд. Какое-то незначительное происшествие может вызвать большой ажиотаж и диалог культур на основе этого. К примеру, большая часть главы, посвященная ярмарке, повествует о том,

⁷⁶⁴ N. Rancāns, *Ūtrō vēstule sīvai, feļetonu krājumā Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002, Lpp. 39-46.

⁷⁶⁵ А. П. Сапунов, *Режица*, в: *Список населенных мест Витебской губернии*, Витебск 1906, с. 34.

⁷⁶⁶ Przygotowania trwały długo, sekundanci nie mogli się zgodzić między sobą na odległość mety, na pierwszeństwo strzału, Łapkin widocznie wyszukiwał trudności i musiał mieć w tem swój widok, Technicki zaś upierał się aby pojedynek odbył się podług reguł. Trwało to tak długo, aż Horodniczy z kilku żołdatami ukazał się w gaju, otoczył tych panów, odebrał im pistolety i oświadczył że wszystkich arestuje. Szamyszów dąsał się, Edward milczał, Łapkin śmiał się, a Technicki wielce był o siebie niespokojny. Prorobowano udawać, że to być miało strzelanie do celu, zakład i t.d., ale stary Ejwejs stał przy swoim, że pistoletów nie odda, a pojedynkujących i sekundantów bierze pod arest. [K. Bujnicki, *Dalsze jarmarkowe turnieje – Mała zmiana w kierunku drogi*, w: *Nowa wędrówka po małych drogach. Szkice obyczajowe*, T. II, Wilno 1852, s. 222-223]

что экипаж сбил (не насмерть) пожилую еврейскую женщину. Данное событие вызвало бурю эмоций и переживаний у местного населения:

В провинции каждое такое происшествие является важным событием и передается из уст в уста, пока вся окрестность о нем не наговорится досыта с бесконечными комментариями и прибавлениями⁷⁶⁷. [Перевод с польского Э.Я.]

Однако Буйницкий в своих очерках обычаев повествует не только об отрицательных событиях на ярмарке, а также о выступлении артистов, сватовстве. Для местного населения ярмарка является событием, которое противопоставляется будничному дню, поэтому сами жители создают события важные в том числе для своей личной жизни⁷⁶⁸. После появления на данных территориях ярмарки появилась нужда в описании ее проведения. Глаголом, описывающим участие в ярмарке, Буйницкий выбирает „jarmarkowanie”. Данный глагол используется автором в первом лице множественного числа „bez was jarmarkować nie chcemy“, т. е. „без вас не хотим принимать участие в ярмарке“⁷⁶⁹.

В противовес традициям посиделок в корчмах и празднования ярмарок стоит упомянуть также о возвышенной части духовной жизни Режицы. К данной части, несомненно, относятся храмы, имеющие свою историю. В *Pamiętnikach Księdza Jordana* Буйницкий вспоминает деревянный костел, который находится на левом берегу Режицы. Подчеркивается, что данный костел является главным украшением городка и стоит на руинах кирпичной кирхи, разрушенной войском царя Ивана Грозного⁷⁷⁰. Расположение костела на месте кирхи в очередной раз подчеркивает нахождение Режицы в пограничном состоянии, рассказывает о двойственном характере города и проживании на его территории разных культур и конфессий⁷⁷¹.

⁷⁶⁷ Na prowincji każde podobne zdarzenie ważnym jest wypadkiem i z ust do ust przechodzi, dopóki cała okolica o niem się do syta nie nagada z komentarzami i dodatkami bez końca. [К. Буйницкий, *Jarmark w mieście powiatowym*, w: *Nowa wędrówka po małych drogach. Szkice obyczajowe*, Т. II, Wilno 1852, s. 184]

⁷⁶⁸ Ibidem, s. 177-220.

⁷⁶⁹ К. Буйницкий, *Dalsze jarmarkowe turneje – Mała zmiana w kierunku drogi*, w: *Nowa wędrówka po małych drogach. Szkice obyczajowe*, Т. II, Wilno 1852, s. 227.

⁷⁷⁰ К. Буйницкий, *Pamiętniki księdza...*, Т. I, op.cit., s. 176.

⁷⁷¹ Стоит, однако, заметить, что современные исследования, рассматривающие сакральное наследие Режицы, не говорят о том, что на месте упомянутого костела когда-либо стояла кирха. Исследования утверждают, что в 1285 году в Режице был основан костел, который был связан с замком и находился поблизости него. В 1577 костел был разрушен, но на его месте был снова поставлен деревянный храм в 1599 году, который действовал до 1613 года. В XVII веке в Режице образовался иезуитский центр, работавший при большом деревянном соборе, построенном в 1682 году. У храма было несколько церквей-филиалов. Около 1740 года собор был перестроен и освящен заново в 1742 году. Костел представлял собой богатое декоративное убранство. Однако,

Сементовский, в свою очередь, отмечает, что в Режицком уезде присутствует дух былых времен, связанных с кровавыми боями крестовых походов времен ливонских рыцарей. Свое внимание автор концентрирует на Вайдовской волости и курганах, которые находятся возле реки Уляны при деревне Обитель. Сементовский утверждает, что название деревни произошло от женской обители, располагавшейся на данной территории в незапамятные времена. Таким образом автор доказывает, что в пределах Режицкого уезда исконно существовало православие. Автор также большое внимание уделяет курганам и окопам как рельефу, характеризующему местность. Сементовский пишет о том, что среди местных жителей существует поверье о том, что в окопах хранится клад, полный золота и серебра. Похожее поверье также относится к заброшенному колодцу⁷⁷². Данная особенность говорит о том, что в Режицком уезде были распространены поверья, которые местные жители распространяли между собой в виде устного народного творчества, независимо от национальности.

Касательно национального и конфессионального вопроса Сапунов предоставляет следующие сведения: в городе был один костел, одна кирха, две православные церкви и два старообрядческих молитвенных дома. Больше всего было еврейских молитвенных домов, а именно восемь. Соответственно в городе проживало большое количество евреев. Сапунов также вспоминает о том, что 10 мая 1903 года Режица вошла в черту еврейской оседлости, которая была определена витебским губернатором⁷⁷³. Биленштейн, согласно своим путевым запискам, вступал в контакт с местным населением. Удивительным для него стало, что местные латыши с трудом понимают „лютеранский латышский“ язык, что, несомненно, говорит о многообразии языковой среды на данных территориях и еще раз подчеркивает нахождение на пограничье⁷⁷⁴. Автор также негодует по поводу того, что местное латышское население не ценит духовное наследие местных замков. Удивляется тому, что один из латышей-простолюдинов однажды спросил лукаво дворянина, когда решался вопрос руин замка: „Даже такое у вас остается в памяти?“ Биленштейн утверждает, что:

деревянный храм сгорел в 1887 году, а строительство кирпичного костела по проекту инженера Флориана Вигановского началось год спустя. Основные работы по возведению римско-католического собора были закончены в 1902 году. [A. Bistere, R. Kamińska, *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums Rēzeknes pilsētā un rajonā*, Rīga 2011, Lpp. 18-24, 311]

⁷⁷² А. М. Сементовский, *Режицкий уезд...*, *op.cit.*, с. 27.

⁷⁷³ А. П. Сапунов, *Режица...*, *op.cit.*, с. 34.

⁷⁷⁴ А. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, *op.cit.*, S. 730.

Человек понятия не имел, что балтийские замки не просто результат воинственного насилия и угнетения народа, но что с них началась история и культурная жизнь латышей⁷⁷⁵. [Перевод с немецкого Э.Я.]

Однако цитата служит примером лишь субъективных представлений автора на данный счет, ибо как говорилось выше, замковые стены Польских Инфлянт являлись защитой от нападений язычников латышей и литовцев, что не представляло приятных ностальгических воспоминаний о них данных народов. Собственно, разная культурная память и отличие в духовных ценностях также свидетельствует о пограничье Польских Инфлянт и Режицы в частности. Говоря же о польских родах, проживающих на территории Режицкого уезда, стоит упомянуть местечки Виляны и Варакляны.

О Вилянах и Вараклянах, входящих в Режицкий уезд, из рассматриваемых авторов вспоминают только Мантейфель и Биленштейн. Виляны Мантейфель ассоциирует с родом Рыков. Именно Михаил Рык финансировал костел, являющийся главным центром этого маленького и бедного местечка. Варакляны, в свою очередь, связаны со старшей линией рода Борхов. Биленштейн в своих путевых записках также говорит о том, что величественное владение Вараклян принадлежало Борхам, а теперь перешло по линии наследниц в руки семейств Потоцких и князей Сангушко⁷⁷⁶. Согласно описаниям Мантейфеля, самым интересным строением данного местечка является здание сельского районного управления. Обращаясь к географическим особенностям, Биленштейн пишет, что местность покрыта густым лесом и лишь некоторые участки вдоль троп являются пахотными землями, что в целом соответствует пейзажу, который автор описывал касательно Режицы⁷⁷⁷. Варакляны представляют собой, согласно описанию Мантейфеля, сельскую местность, для которой характерен плоский и ровный рельеф, на котором растут неказистые ели, распростерся обширный парк, утомляющий своей однородностью. Данное описание географических особенностей переносится также на настроение данной местности: в фамильный дворец его хозяева давно не приезжают, само же строение является тесным, подверженным влаге, ничего интересного из себя не представляет. Интересным было лишь собрание сочинений, состоящее из 8 тысяч томов, посвященных изучению природы. Фамильная каплица при дворце долгое время служила парафиальным костелом.

⁷⁷⁵ Der Mann hatte keine Ahnung davon, dass die beltischen Burgen durchaus nicht blos der kriegerischen Gewalt oder der Unterdrückung der kleinen Leute gedient hatten, sondern dass mit ihnen auch die Geschichte und die Culturgeschichte der Letten begonen. [A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 730]

⁷⁷⁶ Ibidem, S. 733.

⁷⁷⁷ Ibidem, S. 736.

В 1851 году граф Кароль Борх возвел в местечке костел. Наличие костела как в Вилянах, так и в Вараклянах говорит о том, что в данной местности главенствовал католицизм. Однако Мантейфель отмечает, что в местечке проживают несколько сотен еврейских семей, аптекарь, врач и один мелкий российский чиновник⁷⁷⁸. Биленштейн вспоминает также о том, что кроме католической церкви в маленьких Вараклянах есть красивая каменная лютеранская церковь⁷⁷⁹.

Саду при своем дворце в Вараклянах граф Михаил Ян Борх посвятил поэму *Сентиментальный сад в Вараклянах*. В поэме превалирует не физическое реальное описание сада и его объектов, а переживания, на основе которых автор представил читателю жизненные проблемы, связанные с выбором, встречающие юного человека в начале его жизненного пути. Однако верно подмечает Рончка-Езерска, что прогулка по родовому имени Борха по причине отсутствия плана, сейчас возможна лишь благодаря ориентирам, названным в поэме. Сентиментальная проекция не отображает полностью реальную физическую структуру сада, но при этом называет, ориентирует читателя на его основные пункты, такие как, к примеру, замок, террасу, порт, остров наслаждений, храм супружеской любви, храм дружбы, алтарь вечности, храмы славы и добродетели⁷⁸⁰.

С помощью описания ароматов, которые создают хвойные деревья, преобладающие в саде, а также смеси ароматов из различных цветов, автор старается с еще одной стороны передать своеобразие и красоту вараклянского сада Остров наблюдений и удовольствия украшают цветы, среди которых розы, жасмин и жимолость. Именно в таком сочетании прекрасного благоухания появляется Амур:

...юнец подталкивает свою лодку к острову удовольствий. Омывающие остров воды создают волшебное эхо, очаровывая его. Это остров, на который легко высадиться, он покрыт густым лесом, полным тайнами; эти места окутаны сладким запахом; повсюду аромат роз, переплетенный с запахом жимолости и жасмина, создающий загадочность; повсюду мягкая и нежная трава, усыпанная тысячами цветов, приглашает расслабиться и ощутить успокоение. [...] ...в самой середине корзины с цветами находится Амур, всемогущий бог этих мест⁷⁸¹. [Перевод с латышского Э.Я.]

⁷⁷⁸ G. Manteuffel, *W powiecie rzeżyckim...*, op.cit., s. 142-143.

⁷⁷⁹ A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 733.

⁷⁸⁰ T. Rączka-Jeziorska, *Na granicy epok?: mapa warklańskiego ogrodu według hrabiego Michała Jana Borcha (1753-1810)*, w: *Georomantyzm. Literatura – miejsce - środowisko*, red. E. Dąbrowicz, M. Lul, Białystok 2015 S. 349-350.

⁷⁸¹ ...jauneklis iestumj laivu uz baudu salas pusi, Ūdeņi skauj salu, ar maģisku atbalsi dubultojoj tās valdzinājumu. Tā ir sala, pie kuras viegli piestāt, to klāj kupla, noslēpumiem pilna mežudze; salda smarža apņem šīs vietas; visur rozes, savijušās ar sausseržiem un jasmīniem, veido noslēpumainus nostūrus; visur maigs un smalks, tūkstošiem ziedu nosēts zāliens aicina atpūsties un vedina uz tīksmi. [...] ...viņš pašā ziedu groza viducī ierauga Amoru, šīs vietas visvareno dievu. [Перевод с французского С.С.Валке]

В своем *Сентиментальном саде в Вараклянах* Борх называет универсальные искания души юноши аристократа, которые вечны и являются подходящими для всех. Вечность их автор подчеркивает упоминанием греческих богов, а о универсальности говорит в поэтическом вступлении:

В простоте этого сада, украшенного природой,
Для каждой души правдивый пейзаж,
Через подобия в наших благах и нашем зле...⁷⁸²[Перевод с латышского Э.Я.]

Однако в поэме Борха присутствуют не только универсальные советы для молодых людей, а также сугубо личные отголоски, связанные с родными местами автора. Представлены они с помощью обращения к близким людям Борха. К примеру, в храме супружеской любви лирический герой встречает алтарь, над которым висит портрет, украшенный венками супружества и любви. Под этим портретом лирический герой видит стихи, посвященные Элеоноре – жене Михаила Яна Борха:

Ты, прелестница, которую мое сердце нежно лелеет,
О, моя дорогая жена, Элеонора!
Благодаря твоим глазам любовь излилась во мне,
Поверь, только ты видела ее цветы.
Если бы смерть забрала тебя у меня,
Навсегда бы я утратил смысл существования⁷⁸³. [Перевод с латышского Э.Я.]

...le jeune homme pousse sa barque vers liste des plaisirs, dont leau qui lenvironne, par une magique reverberation lui double les charmes. Cest une isle dun abord aise: elle est couverte dun bosquet touffu, favorable au mystere; une odeur suave enbaume ces lieux; par-tour la rose unie au chevre-feuille, au jasmin forme des reduits discrets; partout un gazon tendere & menu & emaille de mille fleurs, invite au repos & sollicite la volupte. [...] ...au sein dune corbeille de fleurs, il appercoit lamour, le dieu puissant du lieu. [M.J. Borhs, *Varkļanu pils jūtu darzs*, tulk. no fr. val. S.S. Valke, Lpp. 18, 20]

⁷⁸² Šeit dārzā vienkāršā, ko daba apglezno,
Ikviens liktenim vispatiesākās ainas,
Caur līdzībām par mūsu cēlumī un vainām [Перевод с французского С.С.Валке]

Dans un simple jardin, orne par la nature,
Des destins des humanis offrant les vrais tableaux,
Allegoriquement, de nos biens, de nos maux... [M.J. Borhs, *Varkļanu pils jūtu darzs*, tulk. no fr. val. S.S. Valke,

Lpp. 11]

⁷⁸³ Tu šarmantā, ko manai sirdij maigi lolot,
Ak, mana dārgā laulātā Eleonora!
Ja Tavu acu dēļ ir mīla manī plaukusi,
Tad tici, tikai tev tā ziedus vērusi.
Ja nāve tevi man uz mūžiem ņemtu projām,

В храме славы и добродетели автором упоминается его тесть генерал-губернатор Юрий Броун (фр. Georges de Browne). Упоминания близких родственников, скорее всего, Борх желает выразить им признательность и уважение.

Важным является также то, что версия поэмы 1791 года, которая была представлена польскому королю вместе с переводом на польский язык⁷⁸⁴, отличается от опубликованной в Варшаве в 1795 году⁷⁸⁵. Рончка-Езерска, отмечает, что это произошло по причине политических событий⁷⁸⁶. Отличие данных версий заключается в том, что в оригинале 1791 года Борх прославляет известных поляков, среди которых король Станислав Август, Ян III Собеский, Коперник, а также другие известные ученые и военные⁷⁸⁷. В публикации, вышедшей в 1795 году, в конце поэмы автор восхищается совсем другими особами, а именно правлением Екатерины II, князем Павлом Петровичем, Марией Федоровой, Александром Невским и другими представителями Российской империи, портреты которых представлены в храме славы и добродетели⁷⁸⁸. Под портретом Екатерина II автор поэмы размещает следующие четверостишие:

Ты наследник огромной империи Петра!
Ты, премудрый, созреваешь плоды его великого труда -
Тебе судьбой назначено создавать нацию;
Только ты знаешь, как ее совершенствовать⁷⁸⁹. [Перевод с латышского Э.Я.]

Man esamības jēga būtu zudusi. [Перевод с французского С.С.Валке]

Charmant & seul objet que mon coeur cherir,
Chere epouse amie tendre, aimable Eleonore!
Si lamour, dans mon sein par tes yuex sut eclore,
Crois quilys y sont pour toi tels que dans leur aurore.

Pour toi j'existe seul, & letre est un poids que jabrorre. [M.J. Borhs, *Varkļanu pils jūtu darzs*, tulk. no fr. val. S.S. Valke, Lpp. 40]

⁷⁸⁴ Оригинал произведения вместе с самоличным переводом на польский Яна Михаила Борха находится в архиве библиотеки Чарторыйских в Кракове, в разделе переписки Михаила Яна Борха с королем Станиславом Августом Понятовским.

⁷⁸⁵ В мире сохранилось всего несколько экземпляров изданного текста в Варшаве в 1795 году, в том числе один из них находится в архиве Латвийской Национальной библиотеки. В 2019 году поэма впервые была переведена на латышский язык, в честь 100-летнего юбилея библиотеки. С французского на латышский поэму перевела Симона София Валке (латыш. Simona Sofija Valke).

⁷⁸⁶ T. Rączka-Jeziorska, *Romantyczne mapowanie przestrzeni ogrodu według Polskiego Inflantczyka Michała Jana Borcha z Warkłan (1753–1810)*, w: *Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego*, Katowice 2016, s. 118.

⁷⁸⁷ B. Zaleski, *Korespondencya krajowa Stanisława Augusta z lat 1784 do 1792*, Poznań 1872 s. 194-195.

⁷⁸⁸ M.J. Borhs, *Varkļanu pils jūtu darzs*, tulk. no fr. val. S.S. Valke, Lpp. 55-61.

⁷⁸⁹ Tu Pētera visplašās impērijas mantinieks!
Tu, viedais, milzu darba augļus nobriedini –

Данный пример лучшим образом демонстрирует как политические перемены, а именно момент в истории, способен повлиять не только на личность автора и обстоятельства его жизни, но также на изменения в его произведениях.

Латышская исследовательница Мара Грудуле (латыш. Māra Grudule) предполагает, что *Сентиментальный сад в Вараклянах* был написан под вдохновением появления интереса к устройству английского сада во второй половине XVIII века⁷⁹⁰. Рончка-Езерска подчеркивает, что Борх при написании своей поэмы не только обращался к сентиментальной традиции, но также открывает свое сердце как романтик⁷⁹¹.

Делая выводы по поводу представления Режицкого уезда инфлянтскими писателями, стоит отметить, что Режица имеет особенно подчеркнутый двойственный характер на протяжении всей своей истории, который с разных ракурсов затрагивают инфлянтские авторы. Проявляется данная особенность как в описании материальной стороны города, что касается его раздела на старую, бедную часть и новую, отстроенную часть, так и в описании духовных особенностей. Двойственность отражается также на нестабильности принадлежности города к какой-либо метрополии, в его передаче от одной власти к другой на протяжении веков. Сменялись также и доминирующие религиозные конфессии, что лучшим образом описывает пример воздвижения костела на месте разрушенной кирхи. Двойственность заключается в распространении христианства и иудаизма, существовании религиозных ценностей и языческих суеверий. Инфлянтские авторы остались единодушны в вопросе истории города и его замка. Отличие можно заметить во внимании польского автора Мантейфеля к польским родам Режицкого уезда, акценте русского автора Сементовского на том, что на данных территориях издревле существовало православие, и справке Сапунова о том, что в Режице владеют дачами жители Санкт-Петербурга. Балтийский немец Биленштейн особо озабочен восстановлением духовного наследия

Jo nācīju tev cildais liktens radīt liek;
Kā labāk, to vērst, tu tikai viens to zini.

De lempire de Pierre habile successeur!
Tu muris les projets de son immense ouvrage:
Creer sa nation sur son destin flatteur;

La perfectionner est ton digne partage. [M.J. Borhs, *Varkļanu pils jūtu darzs*, tulk. no fr. val. S.S. Valke,

Lpp. 55]

⁷⁹⁰ M. Grudule, *Mihala Jana Borha dzejojums "Varāķlanu pils jūtu dārzs (Jardin sentimental du chateau de Warkland, 1795) apgaismības literatūras kontekstā"* 2020, "Baltu filoloģija", T. XXIX (1), Lpp. 67-68.

⁷⁹¹ T. Rączka-Jeziorska, *Romantyczne mapowanie...*, op.cit., s. 122.

рыцарей-крестоносцев — руин замка, обращает внимание также на расположение протестантов в Варажлянах. Михаил Ян Борх описывает свои владения в Варажлянах с сентиментальным взглядом на них, связанным с его личными переживаниями, при этом добавляя „правильный политический контекст“, в зависимости от ситуации, что безусловно влияет на выгоды автора, при этом делает также автора заложником актуальной геополитической ситуации. Вопрос двойственности и пограничья города как на духовном, так и на материальном уровне в целом в той или иной степени отразили все рассматриваемые авторы. Текст Режицкого уезда⁷⁹², несомненно, пишут река Режица, развалины замка и железная дорога, что является характерным почерком для всего края Польских Инфлянт

⁷⁹² По примеру с городским текстом, см. с. 32, 228.

4.3. Люцинский уезд

Переходя к рассмотрению Люцинского уезда, необходимо отметить, что он значительно меньше Динабургского и Режицкого уездов. В Люцинский уезд кроме города Люцина входили также местечки Посинь и Мариенгаузен. К Люцину обращаются польские авторы Буйницкий, Мантейфель и Хлопицкий. Буйницкий описывает Люцинский уезд в своих очерках обычаев *Новые странствия по проселочным дорогам*, Мантейфель говорит о Люцине в записках *Inflanty Polskie oraz Listy znad Bałtyku* и в записках, полностью посвященных исключительно Люцину *Lucyn w Inflantach*, польский автор также говорит о городе в словарной статье под названием *Lucyn* в *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. Хлопицкий обращается к Люцину в своих путевых заметках *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*. Остзейский автор Биленштейн также говорит о Люцине в своих *Путевых заметках из горного края* (нем. *Reiseskizzen aus dem Oberlande*). Русский автор Сапунов вспоминает о Люцине в *Списке населенных мест Витебской губернии*, а Сементовский упоминает Люцинский уезд в своем историко-географическом труде *Памятники старины Витебской губернии*. Особенности Люцина как части Польских Инфлянт можно также рассмотреть в фельетонах Ранцанса *Ицекс и Шмулька, Х... Костельная община, Газета*.

Больше всего из представленных авторов уделяет внимание Люцинскому уезду Мантейфель. В духе своих заметок о городах Польских Инфлянт Мантейфель начинает с того, что дает три названия города: по-польски (Lucyn), по-немецки (Ludsen) и по-латышски (Ludza). Далее в исторической заметке сообщается о том, что недалеко от города находятся озера, из которых вытекает река Лудза⁷⁹³. Хлопицкий, в свою очередь, в своих путевых заметках уточняет, что Люцин растянулся над большим озером, называющимся Лужей⁷⁹⁴. Сапунов в своем списке населенных мест указывает также, что Люцин расположен при озерах Малая и Большая Лужа, огибающих город с трех сторон⁷⁹⁵. Следовательно, пейзаж Люцина, так же как Динабурга, Краславы и Режицы, характерен нахождением возле вод, что объединяет в некотором смысле города Польских

⁷⁹³ G. Manteuffel, *W powieacie lacyńskim w: Inflanty Polskie oraz Listy znad Bałtyku*, Kraków 2009, s. 143.

⁷⁹⁴ E. Chłopicki, *Lucyn*, w: *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*, Warszawa 1863, s. 25.

⁷⁹⁵ А. П. Сапунов, *Люцин*, в: *Список населенных мест Витебской губернии*, Витебск 1906, с. 29.

Инфлянт. Из данного наблюдения следует, что почерк городских текстов⁷⁹⁶ Польских Инфлянт окрашен водной стихией.

Еще одной объединяющей чертой пейзажа, которая характеризует города Польских Инфлянт, можно назвать развалины замка. Кроме реки, центральным объектом для городов Польских Инфлянт становится замок, а точнее, его развалины. Развалины являются символом былого главенства рыцарей Тевтонского ордена на данных территориях. Замок является, как правило, центральным символом истории города, от которого отталкивается каждый автор, обращающийся к городу как в путевой заметке, так и в исторической справке. Подробно описывается люцинский замок Сементовским в *Памятниках старины*. Автор упоминает, что замок был основан рыцарем Тевтонского ордена Конрадом фон Торбергом в 1285 году на крутом возвышении юго-западного берега озера Большой Лужи. Сементовский пишет о том, что поздние постройки сильно изменили вид местности, на которой стоял замок, но при всем том она сохранила свою прелесть и величавость. Автор также говорит, что разрушен замок был русскими в начале XVIII века⁷⁹⁷. Мантейфель в своих записках отражает историю Люцина через историю люцинского замка. Год основания замка в его заметках отличается от даты, которую указывал Сементовский. Мантейфель называет 1399 год, указывая, что основателем был провинциальный мастер ордера крестоносцев Ванневара де Брюггенноне. Однако в том, что на замок совершались нападения со стороны Москвы, автор очерка солидарен. Уточняет, что город много страдал от упомянутых нападений, а именно в течение двухсот шестидесяти лет. В покое город находился лишь в составе Польского воеводства, как выражается автор, „в руках Польши“ до 1577 года, после чего начались нападения со стороны Швеции и России⁷⁹⁸. Описывая историю замка, автор вводит понятие пограничья, характеризующее расположение города и его старства:

На протяжении следующего столетия Люцин, будучи самым красивым инфлянтским старством, как пограничное и уже польское старство, не единожды был подвергнут нападениям со стороны Швеции

⁷⁹⁶ Термин „городской текст“ вводит литературовед Видугирите в работе *Петербургский текст русской литературы и вильнюсский текст литовской литературы: еще раз об аналитическом потенциале концепции*, говоря о том, что город сам пишет свой текст, создавая смыслы в пространстве в зависимости от расположенных объектов и событий происходящих в нем. Следуя из данной концепции представляется возможным охарактеризовать почерк, которым написан данный городской текст. Исходя из этого почерк Польских Инфлянт окрашен водной стихией, так как возле озер, рек строятся города и местечки, много столетий подряд создаются смыслы.

⁷⁹⁷ А. М. Сементовский, *Замки...*, op.cit., с. 40.

⁷⁹⁸ G. Manteuffel, *W powiecie lutyńskim...*, op.cit., s. 143-144.

и Москвы; во время последнего замок и местечко под замком совсем были разрушены⁷⁹⁹. [Перевод с польского Э.Я.]

В своих заметках *Lucyn w Inflantach*, которые сам Мантейфель называет наброском, посвященным Люцину, автор подходит к описанию данных событий более детально, вновь подчеркивая, что Люцин находится на пограничье, на котором проходили бои русских и литовцев⁸⁰⁰. Целый город, а именно его жители, по словам Мантейфеля, страдал также от нападения латышей и литовцев. Под жителями Люцина Мантейфель, несомненно, подразумевает крестоносцев:

Судьба этого пограничного воеводства бывшего ливонского монашеского государства ничем не отличалась от других укрепленных мест страны. Часто жителям Люцина приходилось обороняться от нападений древних племен латышей и литовцев, часто отсюда организовывались походы на еще языческих жителей страны [...] часто на поселение Люцина нападение происходило со стороны Пскова. Москва вела кровопролитные бои⁸⁰¹. [Перевод с польского Э.Я.]

Пограничным Мантейфель называет также сам замок, описывая его укрепление⁸⁰². Однако пограничье проявляется не только в виде физического расположения города и замка, но также отражается в его духовной составляющей. Примером тому может послужить проживание на одной территории христиан и иудеев. Мантейфель говорит о том, что город Люцин населяют в основном евреи, которые являются батраками, пастухами, подвозчиками товаров и торговцами⁸⁰³. Сапунов добавляет, что христианское население города занимается земледелием и огородничеством, а еврейское торговлей, но в связи с неблагоприятными условиями для торговли и маленькой прибылью многие представители данного населения уезжают из города⁸⁰⁴. Пограничным является также деревянный старинный римско-католический костел, описываемый Мантейфелем. Характер его пограничного положения

⁷⁹⁹ W ciągu następnego stulecia Lucyn, najpiękniejsze ze starostw inflanckich, jako pograniczne i już polskie starostwo, narażony był niejednokrotnie na napady szwedzkie i moskiewskie; w czasie ostatnich zamek i leżące u podzamcza miasteczko zupełnie zburzone zostały. [G. Manteuffel, *W powiecie lutyńskim...*, op.cit., s. 144]

⁸⁰⁰ G. Manteuffel, *Lucyn w Inflantach*, Kraków 1884, s. 7.

⁸⁰¹ Los tego pogranicznego wójtostwa dawnego zakonnego państwa inflanckiego nie różnił się zgoła od innych warownych miejsc kraju. Często Lucynianie bronić się musieli przeciw napadom dawnych Łotyszów i Litwinów, często przedsiębrano ztąd wyprawę na pogańskich jeszcze mieszkańców kraju [...] często osada lutyńska z wkraczającą od Pskowa Moskwą staczać musiała krwawe walki. [G. Manteuffel, *Lucyn w...*, op.cit., s. 7]

⁸⁰² Ibidem, s. 12.

⁸⁰³ G. Manteuffel, *W powiecie lutyńskim...*, op.cit., s. 143.

⁸⁰⁴ А. П. Сапунов, *Люцин...*, op.cit., с. 30.

характеризуется тем, что, будучи основанным в 1686 году, за время своего существования он был сожжен Москвой и восстановлен католиками, однако находился некоторое время во владениях протестантов⁸⁰⁵. Собственно, сожжен и отстроен был также по причине физического нахождения на пограничной территории. Является также символом желания католического населения восстанавливать свое имущество, распространять свою веру.

Несмотря на то, что Мантейфель описывает историю Люцина достаточно подробно, автор подчеркивает, что не испытывает теплых чувств по отношению к этому городу, что подтверждают его наблюдения во время пребывания в городе:

Тротуар на главной улице ужасен, боковые вовсе не вымощены. Дождь создает здесь огромные лужи и ямы, рядом с ними возвышаются кучи навоза и мусора, за обладание которыми друг с другом дерутся еврейские дети и свиньи. Дома даже на главной улице гнилые и покрыты копотью, на прочих улицах и в местах, где город переходит в плоское пространство, в поле, видны хаты, построенные из вереска и глины, такие низкие, что голова достает до потолка; вместо окон можно наблюдать тут только круглые отверстия, которые ночью и в час непогоды забивают тряпками⁸⁰⁶. [Перевод с польского Э.Я.]

Биленштейн в своих путевых записках так же, как Мантейфель, отмечает неустроенность Люцина в материальном плане. В качестве примера автор приводит собственную историю, которая произошла с ним во время обратной дороги из Люцина:

Покидая Люцин, мы пережили трагикомическое событие, которое могло привести к вполне серьезным последствиям. Мы ехали на довольно короткой повозке, запряженной двумя лошадьми. Съезжая по крутой каменистой тропинке, ведущей от костела, одно из передних колес так сильно ударило о камень, что вся повозка опрокинулась вперед на лошадей и мы упали частично друг на друга, а частично на лошадей... К счастью, лошади покорно остановились и мы отделались лишь испугом⁸⁰⁷. [Перевод с немецкого Э.Я.]

⁸⁰⁵ G. Manteuffel, *Lucyn w...*, op.cit., s. 20.

⁸⁰⁶ Bruk na głównej ulicy okropny, boczne zupełnie nie brukowane. Deszcz tworzy tu ogromne kałuże i dziury, obok nich wznoszą się kupy nawozu i śmieci, o których posiadanie walczą z sobą dzieci żydowskie i – świnię. Domy nawet na głównej ulicy są zmurszałe i zadymione, na bocznych zaś i tam gdzie miasto od razu w płaszczyznę i pola przechodzi, widać chaty z drzewa i gliny zbudowane, a tak niskie, że głową do dachy sięgnąć można; zamiast okien okrągłe tylko otwory, które w nocy i w czasie niepogody gałganami zakładają. [G. Manteuffel, *W powieście licyńskim...*, op.cit., s. 143]

⁸⁰⁷ Bei der Abfahrt aus Ludsen erlebten wir ein tragikomisches Ereignis, das leicht sehr ernsthaft hätte werden können. Wir sassen auf einem recht kurzen mit zwei Pferden bespannten Wagen. Als wir den steilen, steinigen Weg von der katholischen Kirche hinabfuhren, stiess das eine Vorderrad so heftig an einen Stein, dass der ganze Wagenkorb – nicht etwa seitwärts, sondern – vorwärts auf die Pferde zu überkippte und wir theils auf die Pferde zu überkippte und wir theils auf die Pferde, theils auf einander fielen... Zum Glück rannten die frommen Pferde nicht weiter, und wir kamen mit dem Schrecken davon. [A. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 726]

Вышеприведенную цитату также приводит Мантейфель в своем историческом очерке, посвященном Люцину, под названием *Lucyn w Inflantach*, ссылаясь на немецкоязычный текст. Скорее всего, Мантейфель таким образом желает подчеркнуть, что солидарен в данном вопросе с Биленштейном. Мантейфель точно подметил описанную автором разруху и неблагополучие города, что послужило основой для подтверждения его личных наблюдений, однако стоит добавить, что во время своего путешествия Биленштейн отмечает не только материальную бедность города, но также важные культурные особенности. Следует помнить, что Биленштейн является в первую очередь лингвистом и его интерес, в том числе во время путешествия по Польским Инфлянтам, главным образом сконцентрирован на особенностях латышского языка на данных территориях. В связи с этим автор путевой заметки делится своим в некоем роде разочарованием, связанным с тем, что предполагаемый носитель латышского языка в своем обиходе использует русский язык:

В уездный город Люцин, отличающейся от Роззитена (Режицы) тем, что в нем нет современной части города, а есть только хижины и кучи грязи, мы поехали к католическому священнику Ссейпулниксу (нем. Sseipulniks), который, как мы ожидали, по месту своего рождения и будучи носителем языка представит нам грамотную латышскую речь. Наши надежды не оправдались. Повседневная жизнь, в которой он использовал русский язык, заставила его забыть грамматику своего родного языка. Он оплакивал внезапную смерть генерала Скобелева и был очень доволен тем, что, как он утверждал, слышал, что русский язык вводится прибалтийскими властями в качестве делового языка⁸⁰⁸. [Перевод с немецкого языка Э.Я.]

Описанная автором ситуация говорит о мультикультуральной среде маленького Люцина. Ранцанс в своих фельетонах, посвященных Латгалии, также отображает мультикультуральную среду, в которой пересекаются носители разных языков, особенно это представлено в фельетоне под названием *Ицекс и Шмулька* (латгал. *Iceks un Šmulka*), в котором Шмулька начинает диалог с Ицексом на немецком языке, а Ицекс продолжает его на латгальском⁸⁰⁹. В своем фельетоне Ранцанс не уточняет, что данный разговор произошел именно на территории Люцина, он не называет конкретную местность, лишь

⁸⁰⁸ In der Kreisstadt Ludsen, die sich von Rositten dadurch unterscheidet, dass sie keinen modernen Stadttheil hat, sondern nur Hütten und Schmutzhaufen, suchten wir den katholischen Geistlichen Sseipulniks (schriftlett. Prieter) auf, von dem wir als von einem geborenen Letten gute sprachliche Auskünfte erwarteten. Die Hoffnung schlug fehl. Das praktische Leben schien ihn die Grundbegriffe der Grammatik und der häufige Gebrauch des Russischen schien ihn seine Muttersprache haben vergessen zu lassen. Er klagte sehr über den plötzlichen Tod des grossen Feldherrn Skobelew und freute sich sehr, dass, wie er gehört haben wollte, das Russische in die baltischen Behörden als Geschäftssprache eingeführt werde.. Bielenstein, *Reiseskizzen...*, op.cit., S. 725]

⁸⁰⁹ N. Rancāns, *Iceks un Šmulka*, feļetonu krājumā *Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002, Lpp. 64-65.

говорит о том, что это происходит в маленьком городе Латгалии, в котором проживает много евреев, что вполне подходит под описание Люцина. Буйницкий в своем очерке обычаев также отметил данное явление, которое присутствовало на вывесках гостиничных домов:

Над воротами корчмы на большой вывеске бала нарисована желтая птица, называемая беркутом: под птицей большая надпись: austerje Auberge, Gasthof, Гостиница. Как будто этот словарь для путешественников был нужен, и как будто форма и положение этого строения недостаточно указывали на его предназначение⁸¹⁰. [Перевод с польского Э.Я.]

Сам автор очерка обычаев не видит нужды в том, чтобы называть такого рода гостиничный дом на нескольких языках и считает, что это лишь желание владельца продемонстрировать, что он был за границей. Однако, скорее всего, владелец рассчитывал на гостей-остзейцев (отсюда надпись на немецком) и гостей из других губерний России (отсюда надпись на русском и французском языках, так как XIX век известен своей модой на французский язык среди русского дворянства). К примеру, Сапунов в своих *Списках населенных мест Витебской губернии* говорит о том, что в Режице у некоторых жителей Санкт-Петербурга есть свои дачные участки, что подтверждает интерес к посещению жителями России Польских Инфлянт⁸¹¹.

Даже на такой небольшой территории представлены не только разные религиозные взгляды: христианство, иудаизм и язычество, но также разворачивается полилингвистическая среда, связанная с проживанием на местности носителей разных языков. Данная особенность наглядным образом демонстрирует присутствие языкового пограничья на территории даже одного маленького города Польских Инфлянт. Сапунов в подтверждение многонационального состава Люцина уточняет, что в городе находятся один костел, один православный собор, одна лютеранская кирха и восемь еврейских молитвенных домов⁸¹². Мантейфель в своей статье, посвященной Люцину в *Географическом словаре Польского королевства и других славянских стран*, говорит о том, что в городе проживают поляки, русские, немцы и евреи. Сельскую местность главным образом заселяют латыши, среди которых встречаются эстонцы и русские

⁸¹⁰ Nad bramą karczmy wymalowany był na wielkiej tablicy ptak żółty, nazwany złotym orłem, pod nim dużemi literami napis: austerja Auberge, Gasthof, Гостиница, właśnie jakby potrzeba było tego słownika dla podróżnych, i jakby kształt i położenie tej budowy nie wskazywały dostatecznie jej przeznaczenia. [K. Bujnicki, *Zagraniczne Gospodarstwo*, w: *Wędrówka po małych drogach. Szkice obyczajów na prowincji*, T. I, Wilno 1841, s. 47-48]

⁸¹¹ А. П. Сапунов, *Режица...*, с. 34.

⁸¹² А. П. Сапунов, *Люцин...*, op.cit., с. 29.

старообрядцы⁸¹³. Говорить это может лишь о том, что границы устанавливаются не только на языковом уровне, но также на национальном и религиозном, что отражают тексты рассматриваемых городов и местечек.

Хлопицкий в своих путевых заметках, посвященных Польским Инфлянтам, также вспоминает о Люцине, подчеркивая, что крестonosцами город был назван Ludsen. В отличие от Мантейфеля и Биленштейна, Хлопицкий обращает внимание не только на то, что город беден и находится в тяжелом состоянии с точки зрения устройства, но отмечает также, что в плане идеи и морального развития в некотором смысле даже опережает Динабург и Режицу:

В качестве утешения Люцина должно признать и то, что в той самой мере, в какой материальный быт и внешние архитектурные украшения находятся намного ниже, в той же самой мере на пути идеи Люцин отчетливо опережает тех двух, и дает полную гарантию все большего, более полного прогресса в морально-ментальном направлении⁸¹⁴. [Перевод с польского Э.Я.]

Однако автор не уточняет, что именно он имеет в виду под идеями и морально-ментальным прогрессом. Буйницкий в своих очерках обычаев описывает пребывание в Люцине дважды, поэтому в *Nowa wędrówka po małych drogach. Szkice obyczajowe* сравнивает Люцин спустя четверть века, надеясь увидеть много положительных изменений, и отмечает следующее:

Я готовился увидеть большие изменения в этой столице уезда, поскольку двадцать пять лет что-то значат с течением времени, особенно в эпоху быстрого прогресса. Ну, наконец-то стены побелели в вечерней тьме. Вскоре увидели свежескрашенный шлагбаум, а перед ним оборванного еврея с вертелом. Мы въехали в город и проехали новое кирпичное здание — это острог или тюрьма; дальше красивое белое здание с зеленым куполом — это православный храм; еще дальше двухэтажный желтый многоквартирный дом с красной крышей — это рагуша. Между этими величественными постройками кое-где новый деревянный дом, а остальные — знакомые мне старые дома, согнувшиеся под тяжестью лет, и только кое-где новое крыльцо, украшенное новыми ставнями. Улицы всегда немощеные, однако более каменистые, чем раньше; и осенняя грязь на них, должно быть, глубже и гуще, чем на моей памяти. Прилавки те же, только немного ушли в землю и более обильно заполнены еврейством. Там, где раньше был деревянный костел на холме, теперь стоит сарай с железным крестом над соломенной крышей, а стены нового храма, наполовину построенного из кирпича, начинают приходить в упадок, потому что средства на достройку закончились. Однако появился новый редутовый зал, служащий для собраний, в том числе во время общественных собраний. Говорят — но кто может поручиться за истину, — что в ходе проходивших там

⁸¹³ G. Manteuffel, *Lucyn, w: Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, T. V, red. F. Sulimierskiego, Warszawa 1884, s. 468.

⁸¹⁴ Wszakże na pociechę Lucyna wyznać i to należy, iż o ile pod względem materialnego bytu i zewnętrznych architektonicznych upiększeń, zdaje się on stać daleko niżej, o tyle na drodze idei przodkuje przed temi dwoma wyraźnie, i daje zupełną gwarancją coraz większego, pełniejszego postępu w moralno-umysłowym kierunku. [E. Chłopicki, *Lucyn, w: Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*, Warszawa 1863, s. 26]

балов было выпито шампанского вина на сумму, половины которой хватило бы для завершения строительства костела⁸¹⁵. [Перевод с польского Э.Я.]

Буйницкий не говорит открыто, что речь идет о Люцине. Однако по причине того, что уездных столиц в Польских Инфлянтах всего три, сопоставив даты и объекты, становится очевидным, что речь идет именно о Люцине и его окрестностях. Заметно, что Буйницкий, также как Мантейфель, склонен видеть в городе больше недостатков в духовной и материальной культуре, отмечая, однако, что происходили в нем также положительные изменения, к примеру, появились новые деревянные дома, некоторые улучшили свой вид, появилась кондитерская. Надпись на кондитерской также свидетельствует о полилингвистической среде в Люцине, так как Буйницкий уточняет, что надпись на вывеске представлена по-польски и по-русски „Cukiernia – Кондитерская“⁸¹⁶. Буйницкого огорчает затягивание постройки костела в окрестностях Люцина⁸¹⁷.

В свою очередь, более положительную оценку от Мантейфеля получило местечко Люцинского уезда Посинь. Местечко Посинь, входящее в Люцинский уезд, несмотря на то, что занимало маленькую территорию, также внесло лепту в материальные и духовные особенности уезда и рассматривается Мантейфелем. В своих записках Мантейфель говорит о том, что в Посине находится костел, напоминающий костел в Аглоне, что в духовном плане соединяет местечки Динабургского и Люцинского уездов:

Местечко Посинь расположено на реке Сина, от которой он и получил свое название, так же, как Понемэн от Немана. Он расположен в пяти милях к юго-востоку от Люцина. Город украшает великолепный

⁸¹⁵ Przygotowany byłem do ujrzenia wielkich zmian w panoramie tej powiatowej stolicy, albowiem dwadzieścia pięć lat znaczy coś w biegu czasu, osobliwie w epoce bystrego postępu. Owoż nareszcie zdaleka zabielały w wieczornym mroku mury. Wnet ukazała się roгатka świeżo pomalowana, a przed nią żyd obszarpany ze szpikulcem; grzeczny atoli, popatrzał nam w oczy i snć fizyognomista przekonał się żeśmy nie amatorowie gorących trunków, bo nas nie rewidował. Wjeżdżamy do miasta i mijamy gmach nowy, murowany – to ostróg czyli więzienie; dalej piękna budowa biła z zieloną kopułą – to Cerkiew; jeszcze dalej kamienica dwupiętrowa żółta z dachem czerwonym – to Ratusz. Między temi okazalszemi budowlami tu i ówdzie nowy domek drewniany, a reszta dawne moje znajome domiska, zgięte pod lat ciężarem, a tylko tu i ówdzie nowym gankiem, nowemi okienicami ozdobione. Ulice zawsze nie brukowane, więcej jednak niż dawniej kamieniste; i błoto jesienne na nich być musi głębsze i gęstsze niż za mojej pamięci. Kramiki te same, tylko że się nieco zagłębiły w ziemię i obficie napelnione żydowstwem. Gdzie na wzgórzu był niegdyś drewniany kościół, teraz szopa z żelaznym krzyżem nad strzechą, a do połowy wyprowadzone z cegły ściany nowej świątyni zaczynają się rujnować, bo się urwało funduszu na dokończenie. Natomiast przybyła nowa sala redutowa, służąca razem i na obrady, czasu obywatelskich zjazdów. Mówią – ale któż zaręczy za prawdę – że przez ciąg odbywanych tam balów wypito wina szamańskiego na sumę, której połowa bałaby dostateczną do ukończenia budowy kościoła. [K. Bujnicki, *Powiatowe miasto po 25 – ciu leciech. Babie lato w krainie serca*, w: *Nowa wędrówka po małych drogach. Szkice obyczajowe*, T. I, Wilno 1852, s. 121-123]

⁸¹⁶ Ibidem, s. 123.

⁸¹⁷ Речь идет о Благовещенском храме в Пушмуцове, освященном в 1852 г.

постдоминиканский костел, во многом напоминающий аглонский костел; он также с двумя трехэтажными башнями и лоретанским алтарем⁸¹⁸. [Перевод с польского Э.Я.]

Автора, несомненно, восхищает связь города с католической верой. В своей статье в вышеназванном географическом словаре Мантейфель указывает, что русские Люцинского уезда, главным образом, проживали на границе с Дриссенским и Себежским уездами, особенно в местечке Посинь. Вера, которую они исповедовали, была римско-католической. На распространение данной веры среди русских жителей Посини, согласно утверждениям Мантейфеля, повлиял орден доминиканцев⁸¹⁹. Ордену доминиканцев Мантейфель уделяет большое внимание при описании Посини, особенно в своей работе, посвященной Польским Инфлянтам. Автор вспомнил морально-религиозные мемуары Доминика Ходзько (польск. Dominik Chodźko), описывавшие судьбу двенадцати монахов, отправившихся просвещать Посинь. В противовес тому, что в Польских Инфлянтах распространялось католичество, Мантейфель с очевидным пренебрежением говорит о местных безбожниках и язычниках:

Они (монахи) заходили в самую глубину края, чтобы просветить темных язычников. Зачастую они так далеко уходили от своего месторасположения, что не могли вернуться в монастырь на ночь. Не могли рассчитывать на приют у местного населения, так как одна его часть жила в отчуждении от католической веры, а вторая вновь погрязла в диком, грозном и слепом язычестве. С одной стороны их встречали с презрительным негостеприимством, а с другой с варварской ненавистью⁸²⁰. [Перевод с польского Э.Я.]

Скорее всего, местное население неприязненно встречало провозвестников католической веры, так как опасалось столкнуться с агрессией и ущемлениями, о чем упоминает Буйницкий в *Pamiętnikach Księdza Jordana*. В сносках к первой части своего романа автор вспоминает об обычае католической церкви сжигать ведьм и колдунов на костре. Однако автор, ссылаясь на теорию инфлянтского немецкого хрониста Франца

⁸¹⁸ Miasteczko Posiń leży nad rzeką Siną, od której, równie jak Poniemen od Niemna, nazwę swą bierze. Oddalone jest o pięć mil [ok. 40 km] na południo-wschód od Lucyna. Zdobi je wspaniały poddominikański kościół, który z wielu względów agłoński przypomina; równie jak tamten ma dwie trzypiętrowe wieże i ołtarz loretański za wielkim. [G. Manteuffel, *Posiń*, w: *Inflanty Polskie oraz Listy znad Bałtyku*, Kraków 2009, s. 145]

⁸¹⁹ G. Manteuffel, *Lucyn*, w: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, T. V, red. F. Sulimierskiego, Warszawa 1884, s. 468.

⁸²⁰ Ci ciągle udawali się w głąb kraju dla oświecenia w ciemnocie pogrążonego ludu. Nieraz od miejsca pobytu swego tak bardzo się oddalali, że do klasztoru na noc wrócić nie mogli. Bezpiecznego zaś schronienia u miejscowej ludności znaleźć nie mogli; jedna część jej żyła w odszczepieństwie od katolickiego kościoła, druga znowu pogrążona była w dzikim, groźnym i zaślepionym pogaństwie. Z jednej więc strony spotykała ich wzgardliwa niegościnnność, z drugiej barbarzyńska nienawiść. [G. Manteuffel, *Posiń...*, op.cit., s. 145]

Ниенштедта (нем. Franz Nyenstaedt), говорит о том, что данный обычай пришел в католицизм от латышских язычников:

...этот обычай происходит из языческой Латвии, в общем говоря: эти язычники осуждали на смерть вредных колдунов, но сначала, перед тем как сжечь их, убеждались, что они таковыми являлись. В конце концов, связав им руки на кресте и привязав ноги за большие пальцы, они бросали их в воду, а если кто-то не тонул, впоследствии был уничтожен как несомненный колдун⁸²¹. [Перевод с польского Э.Я.]

Стоит отметить, что прямых доказательств, подтверждающих, что данный ритуал произошел именно от язычников и именно с территории Латвии, не представлено. Однако очевидным становится нахождение на территории Посини границ между язычниками и христианами. Переход местных язычников в христианство в иронической форме представлен в фельетоне Ранцанса под названием *X... Костельная община* (латгал. *X... Draudzes bazneica*). В фельетоне автор анонимно говорит об общине, к которой могла отнестись любая католическая община любого местечка Польских Инфлянт. Главной идеей автора является продемонстрировать, как местные люди еще не научились в духовном плане взаимодействовать с храмами и как материальные, физические неудобства в инфлянтских костелах приносят дискомфорт прихожанам и не позволяют настроиться на молитву, духовное созерцание, разговор с Богом.

Ранцанс описывает, как разные прихожане ставят перед собой следующие задачи при посещении церкви: элегантная красавица старается обокрасть, молодой парень желает познакомиться с девушками. Многие прихожане не используют средства личной гигиены, автор испытывает отвращение к грязным, немывтым, сопливым людям, среди которых также находится бездомный, усеянный насекомыми. У некоторых молитвенник перевернут вверх ногами. После того, как тщетно настроивавшимся на молитву рассказчику, словно медведь, наступает на ногу опоздавший на мессу прихожанин, а на брюки высмаркивается неопрятная пожилая прихожанка, - рассказчик выбегает в ужасе из костела⁸²². Ранцанс демонстрирует, как отсутствие порядка в материальном мире не дает сконцентрироваться на духовных состояниях и блокирует основную функцию костела. Демонстрирует неспособность людей к церкви, которым лишь предстоит научиться правилам поведения в храмах. В другом своем фельетоне под названием

⁸²¹ ...obyczaj ten wyprowadza od pogańskiej Lotwy, mówiąc: iż ci poganie skazywali szkodliwych czarodziejów na śmierć, ale nie wprzód, aż się przez pławienie ich przekonali, że takimi byli. Na ten koniec, związawszy im na krzyż ręce i nogi za wielkie palce, rzucali ich w wodę, a gdy który nie zatonął, tracony był potem jako niewątpliwy czarownik. [K. Bujnicki, *Przypiski*, w: *Pamiętniki księdza...*, T. I, op.cit., s. 259]

⁸²² N. Rancāns, *X... Draudzes bazneica*, feļetonu krājūmā *Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002, Lpp. 52-57.

Газета (латгал. *Avīze*) Ранцанс раскрывает вопрос суеверий, бытующих в местечках Польских Инфлянт. Суеверия, несомненно, берут свое начало от язычества, но при этом трансформируются в реальности, в которой есть печатные издания, выступающие как источник информации. Ранцанс описывает, как среди местного населения инфлянтских местечек ходят слухи следующего характера:

Брат мужа моей сестры купил газету, положил ее на стол и ночью все пошли спать. Ночью хозяйка проснулась от того, что услышала, что что-то шуршит. В комнате было светло от лунного света и она увидела, что газета парит в воздухе прямо над их кроватью. Ужасно испугавшись, хозяйка закричала, перепугав мужа и детей. Наутро она очень заболела и до сих пор ходит к доктору. Нам от этого тоже страшно⁸²³. [Перевод с латгальского Э.Я.]

Ассоциации с плохими новостями, которые приносят газеты, жители местечек от своего неведения переносят на газету как материальное явление и наделяют ее в своих фантазиях признаками живого и опасного существа.

Еще одним местечком, входящим в Люцинский уезд, является Марингаузен, о котором также в своих заметках вспоминал Мантейфель, а также писал Сементовский. Мантейфель подчеркивает в своих заметках, что для Мариенгаузена также характерно состояние пограничья, что приводит к войнам на территории местечка:

Этот пограничный замок в шведских войнах многократно тяжело страдал, а в начале XVIII века, во время великой Северной войны, вовсе был разрушен⁸²⁴. [Перевод с польского Э.Я.]

Следовательно, характерным пейзажем для текста данного местечка, так же как и для других городов Польских Инфлянт, являются развалины замка. Сементовский, вспоминая про мариенгаузенский замок, пишет, что построен он был в 1293 году рыцарями Тевтонского ордена на небольшом островке среди озера и сохранил еще часть своих развалин. Автор подчеркивает, что замок был разрушен русскими в 1577 году и, несмотря на то, что был впоследствии восстановлен, с той поры все более и более

⁸²³ Munas mōsas dīvers, nūpērcis avīzi, pamete jū uz nakts uz golda, un vysi nūgōja gulātu. Naktī saimineica mūstās un dzērd, ka nazkas čaukst. Ustobā beja gaiši, jo speidēja mēnesniks, un redz, ka avīze poša maun pa gaisu un taišni uz jōs gultu. Jei brīsmēigi pōrsabeida, aizaklīdze. Sasatryuka bārnī, veirs. Uz reita cīši saslyma – un tagad vēļ vys vodojūšis ar doktorim. I mums baist. [N. Rancāns, *Avīze*, feļetonu krājumā *Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002, Lpp. 60]

⁸²⁴ Zamek ten pograniczny w wojnach szwedzkich wielokrotnie ciężko uciepiał, a na początku XVIII stulecia, w czasie wielkiej północnej woyny, zupełnie zburzony został. [G. Manteuffel, *Maryenhauz, w: Inflanty Polskie oraz Listy z nad Bałtyku*, Kraków 2009, s. 147]

приходил в упадок⁸²⁵. Мантейфель, говоря о мариенгаузенском замке, вспоминает о том, что некогда замок был монастырем и лишь в XVI веке был перестроен в оборонительный замок⁸²⁶. Данное обстоятельство в истории замка также характеризует его нахождение в пограничном состоянии между духовным спокойствием монастырской жизни и военным настроением в жизни оборонительного замка. Мариенгаузен расположен на озере с одноименным названием, что также вводит местечко в сеть городов и местечек Польских Инфлянт, для которых характерно нахождение возле озера или реки с одноименным названием, создавая общий текст Польских Инфлянт под знаком водной стихии.

Делая вывод по поводу представления инфляндскими писателями Люцинского уезда в своих текстах, стоит отметить, что данный уезд носит подчеркнутый характер пограничья как в материальном, так и духовном плане. Пограничье характеризует социально-географическое расположение – на возвышенности замок и костел, а в нижней части расположилось бедное население; геополитическое расположение – данные земли завоевывали орден, Россия, Швеция, Польша, что привело к многообразному национальному и конфессиональному составу уезда. Больше всего внимания уезду уделил польский писатель Мантейфель, для которого наиболее приятной частью уезда явилась ее христианская, католическая часть. Отрицательная характеристика, данная Мантейфелем, продиктована, скорее всего, появлением в его сознании антипода „малой родины”, характерного для регионального романтизма Польских Инфлянт. Появление антипода вызвано переходом родных Мантейфелю земель на протяжении истории во владение разных стран, что разрушило домашний уют понятия „малой родины”⁸²⁷. Стоит отметить, что данная особенность прослеживается не только в обращении польских авторов к Люцинскому уезду, но также к Режицкому и Динабургскому уездам. Каждый из писателей в большей или меньшей степени уделил внимание развалинам люцинского замка и особенности его истории. В своих записках немецкий автор Биленштейн и польские авторы Буйницкий, Хлопицкий и Мантейфель отметили особо тяжелое материальное положение Люцина. У русских авторов представлено достаточно мало материала, посвященного городу Люцину, и в основном он носит статистический характер.

⁸²⁵ А. М. Сементовский, *Замки...*, op.cit., с. 44.

⁸²⁶ G. Manteuffel, *Maryenhauz...*, op.cit., s. 146.

⁸²⁷ Понятие „малой родины” и ее антипода в региональном романтизме представлено в: E. Dąbrowicz, *Wprowadzenie, w: Romantyzm ziemi przechodów. Próby terytorialnej historii literatury*, Białystok 2019, s. 17.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертация под названием *Духовная и материальная культура Польских Инфлянт на территории Витебской губернии (на основе художественных произведений, эго-документов и историко-географических трудов польских, русских, остзейских и латышских авторов XIX – начала XX века)* состоит из четырех глав, в которых представлена духовная и материальная культура Польских Инфлянт на основе трудов инфлянтских авторов польского, русского, остзейского и латышского происхождения.

В первой главе под названием *В кругу инфлянтских писателей* были рассмотрены пути житнетворчества инфлянтских авторов согласно культурно-исторической школе, были приняты во внимание: принадлежность авторов к определенному физико-географическому и историческому контексту, с акцентом внимания на происхождение автора и его род, окружающую социальную среду и момент в истории нации автора. Был использован также биографический метод, точкой рассмотрения для которого является литературный факт, поэтому в рассмотрении каждого автора были приняты во внимание его произведения. В ходе рассмотрения биографий авторов, а также в ходе исследования, представленного в других главах, удалось выявить некоторые пересечения в судьбах и творчестве рассматриваемых инфлянтских писателей. Буйницкого и Платера объединило общее детство и общие учителя, поэтому в *Дневниках* Буйницкого присутствуют воспоминания, связанные с Адамом Платером и его братом. Буйницкого, Храповицкого и Платера также объединяет общий труд — написание статей в периодическом издании „Rubon“. Сапунов спорит с Михаилом Борхом в своем труде *Река Западная Двина* об этимологии названия реки. Мантейфель цитирует Биленштейна, говоря о Польских Инфлянтах в своих очерках, а Биленштейн, в свою очередь, цитирует Мантейфеля в своих путевых заметках, посвященных Польским Инфлянтам. Мантейфель просит Буйницкого перевести и дать оценку своего труда, посвященного истории Польских Инфлянт, Мантейфель не всегда относится с пониманием к Буйницкому, критикует его деятельность и скептически относится к происхождению, но при этом несомненно признает важность фигуры Буйницкого в культурной жизни края и поддерживает с ним светские контакты. Мантейфель осуждает Михаила Борха за плагиат в его статье, посвященной старым католическим костелам, что говорит о взаимном интересе авторов к исследованиям и творчеству друг друга. Меркель является примером для латышских авторов, что особо подчеркнуто в творчестве Аусеклиса. Такого вида пересечения как в

реальной жизни, так и обращения друг к другу через творчество и исследования, подтверждают наличие диалога культур на территории Польских Инфлянт, а также факт взаимного проникновения культур. В ходе рассмотрения житетворчества авторов возник вопрос: кем является инфлянтский автор? Образ инфлянтского автора многолик. К кругу инфлянтских авторов можно отнести представителей разных конфессий, национальностей и убеждений. Форма, в которой авторы обращаются к интересующему их региону, также может быть различной – по данной причине были рассмотрены сборники стихотворений, поэмы, личные дневники, сборник фельетонов, роман, словарные статьи, записки в семейных хрониках, а также историко-географические труды. Представленное исследование доказывает, что инфлянтским автором могут быть польские, остзейские, русские, белорусские, латышские авторы, если они интересуются данным регионом или обращаются в своем творчестве к хорониму или топониму на территории Польских Инфлянт⁸²⁸.

Во второй главе были рассмотрены важные для представленной темы и используемые в творчестве рассматриваемых авторов хоронимы: Лифляндская губерния, Ливония, Лифляндия, Инфлянты, Польские Инфлянты, а также Витебская губерния. В главе были затронуты исторические и территориальные особенности данных хоронимов. В ходе рассмотрения выяснилось также, что для территории Польских Инфлянт характерен выразительный природный ландшафт, для которого характерным является насыщенность водами: озерами и реками, что впоследствии разъяснило заинтересованность инфлянтских авторов к описанию рек и упоминанию других водных объектов при обращении к Люцинскому, Режицкому, Динабургскому уездам и, в частности, городам или местечкам.

В третьей главе под названием *Рубон, Двина, Даугава — три образа одной реки* были рассмотрены произведения, в основном представленные в поэтической форме и посвященные образу гидронима, играющему важную роль на территории Польских Инфлянт. Было выявлено, что образ реки Даугавы значительно отличается у разных инфлянтских авторов XIX – начала XX века. В поэтических произведениях авторов латышского происхождения Аусеклиса и Рияйниса преобладают божества и языческие явления, составляющие важную часть духовной латышской культуры. Упомянув Даугаву, Аусеклис и Райнис обращают внимание на особенность языческих ритуалов и

⁸²⁸ Примером тому является творчество поэта Аусеклиса, который посвящал свою поэзию образу Даугавы, но при этом не указывал, о каких конкретно территориях (губерниях) идет речь. Образ нес в себе собирательный характер, относился ко всем латвийским землям.

упоминание богов из пантеона латышской мифологии, что является отличительной чертой в их изображении образа гидронима. Поэты ставят главным вопросом несправедливость по отношению к латышскому народу, призывают к борьбе, стремятся таким образом сохранить ценности и культурное наследие нации, для них поэзия — это инструмент для призыва народа к активным действиям⁸²⁹. В виде исключения и примера взаимного проникновения культур, диалога между культурами является поэма Платера *Na dab w Inflantach*, в которой представлены боги балтийского пантеона, а лирический герой вопрошает к ним, волнуясь за судьбу латышского народа.

Образ реки был рассмотрен также в поэтическом творчестве автора польско-немецкого происхождения Михаила Борха и белорусского автора Храповицкого. Если Борх говорит о том, что река не отвечает на просьбы о помощи народа, в стихотворениях Аусеклиса народ сам стремится спасти Даугаву. Русский автор Сапунов подходит к народной поэзии, посвященной Даугаве и представленной им в его труде *Река Западная Двина*, с позиции наблюдателя. Сапунова интересует Даугава больше с историко-географического ракурса.

Четвертая глава от третьей отличается главным образом тем, что в качестве источников были использованы тексты путевых заметок, историко-географических трудов, личных дневников, статей в периодическом издании, в отличие от третьего раздела, в котором речь главным образом идет о художественной литературе. В четвертом разделе также представлен всего один автор латышского происхождения — Никодемс Ранцанс, а именно его фельетоны, посвященные Латгалии, что свидетельствует о том, что авторы латышского происхождения XIX века высказывались о ситуации на латвийских землях и в частности о Польских Инфлянтах посредством художественной литературы чаще всего в поэтической форме, и вопрос не касался конкретных территорий и городов, а затрагивал общую картину. Четвертый раздел посвящен городам и местечкам Польских Инфлянт, о которых идет речь в произведениях инфлянтских авторов XIX – начала XX века.

Подводя итоги, стоит выделить выявленные особенности материальной культуры Польских Инфлянт. Начать следует с того, что на всей территории Польских Инфлянт, а именно во всех трех ее уездах, прослеживаются локусы разрушенных замков, замковые развалины: динабургский замок, крейцбургский замок, режицкий замок, преильский

⁸²⁹ Если Борх, автор польско-немецкого происхождения, говорит в своем стихотворении о том, что река не отвечает на просьбы о помощи народа, то в стихотворениях Аусеклиса народ сам стремится спасти Даугаву.

замок, дагденский замок, люцинский замок, мариенгаузенский замок, а также разрушенные центры польской аристократии: сгоревшее имение Буйницкого в Дагде, разрушенный дворец Гильзенов в Дагде, сгоревший дворец Зибергов-Платеров в Ликсне. Таким образом, следует вывод, что в составе Витебской губернии Польские Инфлянты характеризует разрушение бывшего главенства крестоносцев и польской аристократии на данной территории, по данной причине присутствует общая атмосфера разрухи и упадка. Авторы также отмечают упадок фабричного производства в Краславе после первого раздела Речи Посполитой. Невольно задается вопрос: есть ли сферы материальной культуры, в которых присутствует расцвет, принесенный Польским Инфлянтам Витебской губернией и Российской империей в целом? Согласно рассмотренным текстам, вопрос невольно остается риторическим. К процветанию можно отнести лишь торговлю в некоторых регионах, таких как Динабург, Краслава, Крейцбург, Режица и железную дорогу Санкт-Петербург — Варшава, проходящую через Динабургский и Режицкий уезды. Стоит отметить, что железная дорога является символическим путешествием Польских Инфлянт из прошлого в настоящее. Ведь Польские Инфлянты, некогда находившиеся в Речи Посполитой, оказываются в составе Российской империи.

Пространство Польских Инфлянт составляют города и местечки. Текст края по аналогии с городским пишут гидронимы: реки и озера, как правило, одноименные с городами и местечками, а также вышеупомянутые развалины замков. Из этого следует, что текст Польских Инфлянт имеет водный почерк. Большую роль в характеристике материальной культуры сыграли географические особенности Польских Инфлянт, покрытых гидронимами, среди которых особо важное место занимает река Даугава. Неспроста именно Даугаве посвящена третья глава работы, так как часть авторов латышского происхождения главным образом олицетворяет символ родины и матери с рекой Даугавой. В свою очередь, для инфляндцев польского происхождения, особенно в части поэтического творчества река Даугава играет важную роль. К гидронимам, пишущим текст Польских Инфлянт, относятся: река Краславка, впадающая в Даугаву, озеро Аглона возле местечка Аглона, Ликсна, находящаяся возле устья реки Ликснянки, озеро Вышки, находящееся возле местечка Вышки, озеро Дагда возле местечка Дагда, река Режица, протекающая через город Режицу, река Лудза, вытекающая из озера Лужа в городе Люцине, река Сина, на которой стоит местечко Посинь. Таким образом, вся территория Польских Инфлянт покрывается реками и озерами, что придает данной местности водный почерк.

Нахождение Польских Инфлянт на пограничье в той или иной степени отмечает каждый из авторов. По ходу рассмотрения работ авторов также утвердилось предположение о том, что понятие пограничья распространяется как на материальную, так и на духовную сферу Польских Инфлянт. Главной особенностью материальной сферы является нахождение на границе с другими государствами, в связи с чем территория перешла из состава Польши в состав России. Замки завоевывались и переходили под управление разных владельцев, представителей разных национальностей (немцев, русских, поляков, литовцев), что подробно описал Мантейфель, а также упоминали Хлопицкий, Платер, Сементовский и Сапунов. К занятиям местных жителей авторы относят главным образом торговлю и сельское хозяйство, что также является частью материальной культуры. Занятие торговлей породило традицию ярмарок в уездных столицах. В свою очередь, ярмарки стали важным культурным событием для городов Польских Инфлянт.

Материальные границы выстраиваются также за счет деления Польских Инфлянт на уезды: Динабургский, Режицкий, Люцинский. В свою очередь, уезды делятся на города и местечки. В случае Краславы мнения расходятся – некоторые авторы определяют ее как город, а другие как местечко.

Упомянув о выявленных особенностях материальной культуры Польских Инфлянт, стоит также обратить внимание на особенности духовной культуры. В первую очередь необходимо отметить, что пограничье на духовном уровне в Польских Инфлянтах представлено в личных биографиях рассматриваемых авторов. К примеру, Райнис и Ранцанс являются авторами не просто латышского, а латгальского происхождения. К пограничью можно также отнести польских авторов Мантейфеля, Платера, Буйницкого, которые связаны судьбой больше с Польскими Инфлянтами, чем с метрополией, т. е. непосредственно Польшей, но при этом стараются воссоздать Польшу в миниатюре на родных землях. Саму инфлянтскую литературу также можно отнести к феномену пограничья, охарактеризовать как единое целое, состоящее из частей, которые, в свою очередь, одновременно находятся в составе других совокупностей. Один и тот же автор может принадлежать к двум разным национальным литературам. Наглядным примером тому может послужить Казимир Буйницкий, который является польским писателем и одновременно латышским писателем польского происхождения⁸³⁰.

⁸³⁰ P. Zeile, *Aizmirstais un no jauna atrastais Kazimirs Buimickis, krājumā Kazimirs Buiņickis. Priestera Jordana atmiņas*, Rēzekne 2003.

Несмотря на то, что Буйницкий писал работы на польском, его очень волновала судьба Латгалии, что отражено в творчестве и жизнедеятельности автора.

Польские Инфлянты, находясь на протяжении истории в составе разных государств, меняя таким образом свою привязанность к разным метрополиям, сохраняют в себе индивидуальные, независимые от данного обстоятельства особенности. К данным особенностям относятся мультикультуральный и многоконфессиональный состав. Следующая особенность отражается на полиязыковой среде. К примеру, Мантейфель в своих очерках дает названия городов и местечек по-польски, по-немецки, по-латышски и по-русски. Буйницкий, описывая Люцин в своем очерке обычаев, уточнил, что в городе присутствуют вывески, написанные на разных языках. Ранцанс в своих фельетонах представил ситуацию, когда один друг начинает говорить по-немецки, а другой продолжает по-латгальски. Культурное пограничье проявляется также на введении таких понятий, как латыши польско-инфлянтского происхождения римско-католического вероисповедания или русскоговорящий латыш. Понятие духовного пограничья также растягивается во времени – к примеру, мариенгаузенский монастырь был перестроен в замок в военное время, а люцинский костел определенный период времени был протестантской кирхой.

Было установлено, что существуют также разногласия среди инфлянтских авторов, отражающие ситуацию в регионе Польских Инфлянт. Периодически происходит борьба как за границы физические, так и за границы духовные. Язычники не желают оставить свою веру, что даже отражается на национальной идее латышей в XIX веке, а христиане ставят целью распространить свою веру любыми имеющимися способами. Большой контраст между верующими авторами и авторами, предками которых были язычники, находящиеся в угнетенном положении на территории своих исторических земель. Через сохранение духовных догматов народ сохраняет также физическую возможность проживать на своих исконных территориях. Такой мысли придерживаются Аусеклис и Райнис. Однако Буйницкий, Мантейфель, Хлопицкий видят спасение лишь в распространении католической веры на территории Польских Инфлянт, с помощью которой удастся просветить местных дикарей. Авторы остзейского происхождения, а именно Меркель и Биленштейн, ностальгируют по временам, когда в замках крестоносцев царил расцвет. Если Меркель лишь подробно описывает историю динабургского замка, то Биленштейн желает восстановить наследие — замки ордена, что для него является равенством восстановления культурного наследия данного региона.

Данные, хоть и скрытые конфронтации авторов происходят на почве этнического пограничья Польских Инфлянт, проявляющегося на взаимном проникновении культур.

Духовная культура Польских Инфлянт связана с аристократическими родами, проживавшими на данных территориях. В четвертой главе раскрывается, что польские авторы уделяют особое внимание городам и местечкам с историей польской аристократии. Краслава рассматривается сквозь призму рода Платеров и его вклада в обустройство местечка (к примеру, были построены библиотека, больница и площадь). Платеры также развивали духовную культуру Краславы (к примеру, обустройство краславского костела, украшенного мастерами из Польши). Мантейфелем в подробностях рассматривается, как Платеры влияли на светскую жизнь Краславы. Местечко Прейли связано с семьей Борхов, где находился дворец династии. Ликсна связана с родом Зибергов, построивших в ней дворец и парафиальный костел. Местечко Виляны связано с родом Рыков – Михаил Рык финансировал костел, являющийся главным центром бедного местечка Режицкого уезда. Варакияны, в свою очередь, связаны со старшей линией рода Борхов. Авторы отмечают, что местечко Ликсна является частью владений польской аристократии. Местечко Дагда также особо интересно инфлянтским писателям польского происхождения по причине того, что местечко было важной частью культурной жизни польской аристократии, связанной с дворцом Гильзенов и в целом с его родом, построившим для местечка костел.

Необходимо выделить отличия в отражении материальной и духовной культуры Польских Инфлянт русскими, польскими, остзейскими и латышскими авторами. Авторы русского происхождения с меньшим интересом уделяют внимание местечкам, в ракурсе их интересов, главным образом, столицы уездов, т. е. Динабург, Режица и Люцин. Достаточно нейтрально русские авторы описывают исторические факты, происходившие на территории Польских Инфлянт, хотя уделяют им большое внимание. Отличительно лишь то, что Сапунов явно благоволит русским завоевателям в своем историко-географическом труде *Исторические судьбы края, известного под именем Польских Ифлянт* при описании динабургского замка, а Сементовский большее предпочтение отдает великороссам в *Этнографическом обзоре Витебской губернии*.

Для авторов польского происхождения важен ареал польской культуры на территории Польских Инфлянт. По данной причине польские авторы в кругу инфлянтских писателей обращают особое внимание не только на столицы уездов, но также на центры польской культуры и католичества, такие местечки как Краславу, Дагду, Аглону. Для польских авторов важна роль католичества на территории Польских

Инфлянт и распространение католической веры, поддержание костелов. Польские авторы стараются держаться друг друга, что порой связано с дружбой, начавшейся еще в детстве, как в случае Платера и Буйницкого. Однако иногда связь поддерживается на уровне воспоминаний, общего творчества, заинтересованности одной исторической тематикой, нацеленности на поддержание общего культурного наследия. Авторы, пишущие на польском языке, объединились в периодическом издании „Rubon“. Личные и субъективные недопонимания не отражаются негативно на оценке „своих“ в целом. Мантейфель, описывая Дагду, вспоминает Буйницкого как важную фигуру для польской аристократии в инфлянтской провинции, несмотря на двойственное отношение к его персоне. Особую группу среди польских авторов составляют авторы с немецким происхождением, представляющие знатные польско-немецкие семьи, а именно Михаил Ян Борх, Михаил Борх и Мантейфель. Михаил Ян Борх сентиментально связан со своими родными владениями в Вараклянах, которые он не променял на красоты других стран. Михаил Борх в своем лирическом отступлении отмечает медлительность, пассивность реки Даугавы, что, несомненно, отображает его ассоциации со всем инфлянтским краем. Мантейфель, благодаря обществу поляков в молодом возрасте и благодаря воспитанию матери настойчиво видит Польские Инфлянты частью Польши, но видимо его немецкое происхождение не дает автору остаться равнодушным к наследию рыцарей-крестоносцев.

Остзейские авторы главным образом озабочены развитием Польских Инфлянт, восстановлением культурного наследия — замков, распространения и изучения латышского языка. Надеются на развитие провинции в экономическом плане. Отмечая тяжелое материальное положение не только в местечках, но даже в городах, с настроением энтузиастов ищут возможности к развитию. Биленштейн в своих путевых заметках отмечает застой в сельском хозяйстве Польских Инфлянт, но надеется на перемены в данной сфере. Остзейские авторы озабочены участью латышского народа, его культурной памятью. Роман *Латыши* Меркеля вдохновляет, в свою очередь, латышских писателей, которые желают высвободиться от зависимого положения. Аусеклис, как и многие латыши видит в фигуре Меркеля равнодушного спасителя, именно поэтому посвящает ему свое поэтическое творчество, которое также является актом диалога культур, в данном случае пропитанном сочувствием и пониманием остзейца к латышам и благодарностью латыша равнодушному остзейцу.

Отличительным для творчества латышских авторов является обращение к балтийской мифологии как важной части латышской культуры. Аусеклис и Райнис

используют пантеон балтийских богов как символ борьбы за личную национальную идентичность и свободу. Католический священник Ранцанс также не обходит стороной данную тему, хоть ставит перед собой совершенно другие задачи. Автор фельетонов желает продемонстрировать в ироничной форме, что языческие идеи и традиции глубоко укоренились в сознании местного населения и они переносятся на восприятие христианской веры.

Необходимо выделить также общее в отражении материальной и духовной культуры Польских Инфлянт русскими, польскими, остзейскими и латышскими авторами. К общим особенностям относится признание нахождения Польских Инфлянт в состоянии пограничья как в духовном, так и материальном смыслах. Общим также является уделение внимания расположению городов и местечек Польских Инфлянт вблизи рек и озер. Авторы отмечают материальную бедность Латгальского края, что контрастирует с его духовным богатством и красотой природы данного региона.

Выявлено, что общим между инфлянтскими авторами является то, что каждый из них в своей форме и своим способом демонстрирует взаимодействие разных культур и их диалога друг с другом. Порой этот диалог несет в себе мирный характер, когда авторы собираются с изданием своих работ в сборнике „Rubon“, порой произведения отражают конфликт, когда латышские авторы используют поэзию как рупор для освобождения родных земель от власти других жителей. Однако взаимодействие так или иначе отражено.

Подытоживая, стоит подчеркнуть, что все представленные авторы пишут о Польских Инфлянтах как о родных землях, даже если они не родились на данных территориях. Польские авторы воспринимают Польские Инфлянты как часть Польши, русские как часть Витебской губернии, т. е. Российской империи, латышские как Латгалию, т. е. латвийские земли, остзейские авторы как местность, на которой исторически проживают лютеране. На примере рассмотрения духовной и материальной культуры Польских Инфлянт в творчестве инфлянтских авторов XIX века стало очевидным, что данный край представляет собой отражение языковой, культурной и этнической разнородности, на что повлияли исторические события.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

На польском языке

1. Bujnicki K., *Wędrówka po małych drogach. Szkice obyczajów na prowincji*, Wilno 1841.
2. Bujnicki K., *Nowa wędrówka po małych drogach. Szkice obyczajowe*, Wilno 1852.
3. Bujnicki K., *Pamiętniki księdza Jordana*, Cz. I-II, Wilno 1852.
4. Bujnicki K., *Pamiętniki (1795-1875)*, opracował P. Bukowiec, Kraków 2001.
5. Chłopicki E., *Notatki z różnoczasowych podróży po kraju: Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże*, Warszawa 1863.
6. Chłopicki E., *Z podróży po zaniemeńskich stronach*, „Kłosa”, T. XVII, Nr. 439, Warszawa, 15 (27 listopada) 1873, s. 347-348.
7. Groza A., *List do M. Grabowskiego z 16 czerwca 1841*, w: M. Grabowski, *Korespondencja literacka*, Wilno 1842, T. I, s. 25-26.
8. Łada-Zabłocki T., *Poezje Tadeusza Łady Zabłockiego*, Petersburg 1845.
9. Manteuffel G., *Inflanty Polskie: poprzedzone ogólnym rzutem oka na siedmowiekową przeszłość całych Inflant*, Poznań 1879.
10. Manteuffel G., *Inflanty*, w: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, red. Filipa Sulimierskiego, T. III, Warszawa 1882, s. 278-279.
11. Manteuffel G., *Lucyn w Inflantach*, Kraków 1884.
12. Manteuffel G., *Zamek Kryżbork (Kreutzborg) w guberni Witebskiej, powiecie Dyneburskim*, „Kłosa” 1886, Nr. 1092. - T. XLII, s. 348.
13. Manteuffel G., *Listy znad Bałtyku*, Kraków 1889.

14. Manteuffel G., *Pierwiastki cywilizacji nad dolną Dźwiną*, Warszawa 1894.
15. Manteuffel G., *Księstwo Inflanckie XVII-XVIII stulecia*, „Przegląd Powszechny” 1896-97.
16. Manteuffel G., *Księstwo Inflanckie XVII. I XVIII. stulecia. Przegląd wybitniejszych jego postaci*, Kraków 1897, s. 6-7.
17. Manteuffel G., *Krasław*, Warszawa 1901.
18. Manteuffel G., *Krasław*, w: *Kronika Rodzinna*, Warszawa 1901.
19. Manteuffel G., *Familiennotizen aus dem Bersegall-Dritzanschen Familien-Archiv*, Rīga 1907.
20. Manteuffel G., *O starodawnej szlachcie krzyżacko-rycerskiej na kresach inflanckich*, Lwów 1910.
21. Manteuffel G., *Nieco z dziejów księstwa inflanckiego i wybitniejszych postaci tego województwa od XVII do XIX stulecia*, w: *Z okolic Dźwiny*, Witewsk 1912.
22. Manteuffel G., *Inflanty Polskie oraz Listy znad Bałtyku*, red. K. Zajasa, Kraków 2009.
23. Manteuffel G., *Portrety miast inflanckich, pieśni gminne*, red. K. Zajasa, Białystok 2013.
24. Plater A., *Jeszcze słów kilka o dynaburskim starym zamku*, „Przyjaciel Ludu” 1844, No. 31, s. 241-244.
25. “Rubon. Pismo poświęcone pożytecznej rozrywce”, T. I-X, Wilno 1842-1849.

На других языках

1. Arnicāne A., *Garlībs Merķelis. Izlase*. Rīga 1969, Lpp. 19.
2. Auseklis, *Ausekļa izlasīti raksti*, Pētersburga 1910.
3. Auseklis, *Ausekļa kopoti raksti*, Rīga 1923.
4. Auseklis, *Izlase*, Rīga 1955.

5. Auseklis, *Vēstule iz Cēsim*, „Baltijas Vēstnesis” 1872.
6. Auseklis, *Ozolu vaiņaki*, Pēterburga 1875
7. Bielenstein A., *Reiseskizzen aus dem Oberlande*, “Baltische Monatsschrift” 1882, Bd. XXIX, Heft 9, von J. Deubner., S. 708-743.
8. Bielenstein A., *Ein glückliches Leben*. Selbstbiographie, Michelstadt 1986.
9. Bībenšteins A., *Kāda laimīga dzīve: Dobeles mācītāja Dr. A. Bīlenšteina autobiogrāfija*, no vācu val. tulk. L.Kazeniece, Rīga 1995.
10. Borch J.M., *Jardin sentimental du chateau de Warkland*, Warszawa 1795.
11. Groza A., *List do M. Grabowskiego z 16 czerwca 1841*, w: *M. Grabowski, Korespondencja literacka*, Wilno 1842, T. I, s. 25-26.
12. Manteuffel G., *Lettische Volkslieder gesammelt in der Gegend von law im Dünaburgschen von Comtesse Celine Plater und in der Gegend von Dritzan im Rositenschen von Baron Gustaw Manteuffel*, „Magazin der lettisch-literarischen Gesellschaft” 1869, T. XIV, S. 162-206.
13. Merkel G., *Die Vorzeit Lieflands*, Berlin 1799.
14. Merkel G., “Provinzialblatt für Kurland, Livland und Estland”, Nr. 43-44 (1830); Nr. 48 (1831); Nr. 28 (1835); Nr. 17, Nr. 51 (1838).
15. Rainis J., *Par poļu muslaiku rakstniekiem (O współczesnych polskich powieściopisarzach)*, „Dienas Lapa” 1899, Nr 36, Lpp. 37.
16. Rainis J., *Uguns un nakts*, Rīga 1907.
17. Rainis J., *Gals un sākums*, Pētersburga 1912.
18. Rainis J., *Pūt, vējiņi!*, Pētersburga 1913.
19. Rainis J., *Daugava*, Rīga 1919.
20. Rancāns N., *Ceļojums pa Latgolu*, red. V. Unda, Rēzekne 2002.
21. Kalniņš J., *Auseklis. Biogrāfisks romāns*, Rīga 1981.
22. Kažoks D., *Ausekļa Raksti*, 1-2 sēj., Rīga 1888.
23. Līgotņu J., *Auseklis. Biografija un raksti izlase*, Rīga 1927.

24. E. Vīgners, *Kā Daugava vaida (Trimpula)*, Rīga 1940.
25. Иванов Вяч., *Переводы с латышского. Тримпула (1916)*, в: *Стихотворения и поэмы*, Санкт-Петербург 1976, с. 491-193.
26. Меркель Г., *Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетья*, перевод с нем. А. Н. Шемякина, Москва 1870.
27. Райнис Я, *Огонь и ночь*, в: *Я. Райнис. Стихотворения. Пьесы*, ред. С. Виесе, Москва 1976, с. 347-461
28. Сапунов А.П., *Витебская старина*, Витебск 1883-1888.
29. Сапунов А., *Инфлянты: Исторические судьбы края, известного под именем Польских Инфлянт*, Витебск 1886.
30. Сапунов А., *Река Западная Двина*, Витебск 1893.
31. Сапунов А., *Список населенных мест Витебской губернии*, Витебск 1906.
32. Сементовский А., *Памятники старины Витебской губернии*, Санкт-Петербург 1867.
33. Сементовский А., *Этнографический образ Витебской губернии*, Санкт-Петербург 1872.

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Bielenstein A., *Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen*, Berlien 1863.
2. Bielenstein A., *Die Elemente der lettischen Sprache*, Mitau 1866.
3. Bielenstein A., *Tausend lettische Räthsel, übersetzt und erklärt*, Mitau 1881.
4. Manteuffel G., *Russische Sprach- und Schriftverbote*, „Hamburger Correspondent“ 1882, Nr. 327.
5. Plater A., *Widoki pozostałych pomników starożytnej Polski*, Kraków 1826.

6. Plater A., *Rzut oka na skład geognostyczny Inflant*, Wilno 1832.
7. Plater A., *Spis zwierząt ssących, ptaków i ryb krajowych systematycznie ułożony*, Wilno 1852.
8. Plater A., *Opisanie hydrograficzno-statystyczne Dźwiny Zachodniej oraz ryb w niej żyjących*, Wilno 1861.
9. Rancāns N., *Augļu dōrzs*, Rīga 1910.
10. Rancāns N., *Sakņu dōrzs*, Rīga 1910.
11. Rancāns N., *Dzeršona latwīšu nalaime*, Rēzekne 1910
12. Rancāns N., *Bišu kūpšona*, Rīga 1911.
13. Rancāns N., *Pļovas un viņu pōrlobōšana*, Rīga 1911.
14. Rancāns N., *Latvijas vēsture 1184-1924*, Rēzekne 1924.
15. Rancāns N., *Aglyunas gimnazijas septiņu gadu darbības pōrskots*, Rēzekne 1929.
16. Сапунов А., *Двинские или Борисовы камни*, Витебск 1890.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Bunge F.G., *Archiv für die Geschichte Liv-, Esth-, und Curlands*, Dorpat 1842, T. I.
2. Cruse K.W., *Curland unter den Herzogen*, T. I, Mitau 1833.
3. Hylzen J.A., *O dziejach Inflantckich od pogaństwa do naszych czasów. Rozdział I. O kraju i obywatelach Inflantckich za pogaństwa, w: Inflanty w dawnych swych i wielorakich aż do wieku naszego dziejach i rewolucjach, z wywodem godności i starożytności szlachty tamecznej, tudzież praw i wolności z dawna i teraz jej służących, zebrane i polskiemu światu do wiadomości w ojczystym języku podane przez Jaś. Wielm. Jmci pana Jana Augustyna Hylzena, Kasztelana Inflanckiego, Starostę Braślawskiego*, Wilno 1750.

4. Indriķis, *Pirmā grāmata. Par pirmo bīskapu Meinardu*, tulkojums Jānis Krīpēns, Rīga 1936.
5. Strykowski M., *Kronika Polska, Litewska, Źmudzka i wszystkiej Rusi*, Królewiec 1846.
6. Zaleski B., *Korespondencya krajowa Stanisława Augusta z lat 1784 do 1792*, Poznań 1872.
7. Реклю Ж.Э., *Человек и земля*, перевод П. Ю. Шмидта, Т. 1, Санкт-Петербург 1906, с. 1.
8. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 года*, ред. Г. Г. Савич, Том XIX, Санкт-Петербург 1830.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Aspazija, *Ziedu klēpis*, Rīga 1911.
2. Borch M., *Farys A. Mickiewicza*, tłumaczenie na jęz. francuski, Petersburg 1833.
3. Chłopicki J., *Pamiętnik z czasów kompanij Napoleona*, Wilno 1849.
4. Chłopicki E., *Dzieje jedynaka*, Warszawa 1872.
5. Chłopicki E., *Alkad z Zalamei: tragi-komedia Calderona w trzech odstonach*, Warszawa 1873.
6. Chłopicki E., *Noc majowa (z Musseta)*, Lwów 1882.
7. Łada-Zabłocki T., *Laszka*, „Biruta” 1838, red. J. Krzeczковского, s. 204-209.
8. Mickiewicz A., *Konrad Wallenrod*, Paryż 1851.
9. Niemcewicz J. U., *Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce z rękopisów, tudziaż dzieł w różnych językach o Polsce wydanych, oraz z listami oryginalnemi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym*, Т. II, Lipsk 1859.
10. Pumpurs A., *Lāčplēsis*, Rīga 1888.

11. Rainis J., *Tālas noskaņas zilā vakarā*, Rīga 1903.
12. Rainis J., *Klusā grāmata*, Pētersburga 1909.
13. Rainis J., *Dagdas romāns: piecas skiču burtnīcas*, Vesterosa 1963.
14. Tomsons R., *Mika*, Rīga 1870.
15. Аполлоний Родосский, *Аргонавтика*, перевод Г. Ф. Церетели, Тбилиси 1964
16. Бестужев-Марлинский А. А., *Сочинения*, Т. I, Санкт-Петербург 1981.
17. Булгарин Ф.В., *Прогулка по Ливонии*, „Северная пчела” 1827, № 59.
18. Булгарин Ф.В., *Поездка из Лифляндии в Самогитию, чрез Курляндию, летом 1829 года*, „Северная пчела” 1829. № 104.
19. Бунин А.И., *М. Горькому 12 августа*, в: *И. А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917)*, ред. А. К. Бабореко, Москва 1983.
20. Гесиод, *Theogonia (О происхождении богов)*, ред. М. Л. Гаспаров, Москва 1999.
21. Лажечников И.И., *Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого*, Москва 1983.
22. Манн Т., *Волшебная гора*, перевод В. О. Станевич, Москва 2015.
23. Мицкевич А., *Собрание сочинений Адама Мицкевича*, ред. П. Н. Полевой, Т. 1, Москва 1902.
24. Овидий, *Метаморфозы*, перевод с латинского С. В. Шервинского, Книга II, Москва 1977.
25. Пушкин А.С., *Песнь о вещем Олеге*, „Северные цветы” 1825, с. 253-257.
26. Самарин Ю.Ф., *Письма из Риги и история Риги*, Москва 1889.

ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Herder J.G., *Briefe zu Beförderung der Humanität (1793-1797)*, Riga 1793.

2. Merkel G., *Die Letten, vorzüglich in Livland am Ende des philosophischen Jahrhunderts*, Leipzig 1797.
3. Merķelis G., *Latvieši, sevišķi Vidzemē, filozofiskā gadsimteņa beigās*, Rīga 1999
4. Rancāns N., *Liturgika vai katōļu Bazneicas ceremoniju izskaidrōšana*, Rēzekne 1922.
5. Rancāns N., *Ticeibas pamati*, Rēzekne 1923.
6. Гегель Г.В., *Феминология духа*, перевод Г.Г. Шпета, Москва 2000.
7. Кант И., *Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика*, перевод Б.П.Бурдеса, Санкт-Петербург 1904.
8. Фейербах Л., *К критике философии Гегеля*, в: *Людвиг Фейербах. Избранные философские произведения*, под ред. М.М. Григорьяна, Т. I, Москва 1955, с. 53-97.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На польском языке

1. Ankudowicz M., *Folklor wschodniosłowiański na łamach „Rubona” (1842-1849)*, „Slavia Orientalis” 1984, Nr 2.
2. Barkowska K., *Jānis Rainis i literatura polska*, w: *Literatura polska w świecie*, T. I, Katowice 2006, red. Cudak, Lpp. 209-217.
3. Barkowska K., Kazjukiēviēš A., *Pogranicze w utworach pisarzy inflanckich*, w: *Polonistyka na początku XXI wieku*, red. J. Tambor, Katowice 2018, s. 198-211.
4. Bibler V.S., *Myēlenie jako dialog*, przełōżył J. Dobieszewski, Warszawa 1982.
5. Bieckowska B., *Ksiāżka na przestrzeni dziejów*, Warszawa 2005.
6. Budzyński R., *Maria z Rykōw Manteufflowa i jej nieznanana korespondencja do syna - Gustawa Manteuffla*, „Ruch Literacki” 2018, s. 457-477.
7. Budzyński R., *Historyk z Inflant Polskich Gustaw Manteuffel*, Warszawa 2023.

8. Bujnicki T., *O problemach kultury i literatury pogranicza*, w: *Na pograniczach, kresach i poza granicami*, Białystok 2014.
9. Chrzanowski T., *Kresy czyli obszary tęsknot*, Kraków 2001.
10. Czaplejewicz E., *Królestwo różnorodności. Teoria i literatura w sytuacji ponowoczesności*, Warszawa 1996.
11. Dąbrowicz E., *Romantyzm ziemi przechodów. Próby teritorialnej historii literatury*, Białystok 2019.
12. Dybaś B., *Inflanty, dawne Inflanty, Inflanty Polskie, Kurlandia, powiat piltyński – potyczki terminologiczne*, „Wiadomości Historyczne” 2013, Nr 4, s. 14-17.
13. Dybaś B., *Inflanty nowożytne – czynniki szlacheckiej migracji versus stabilizacji*, „Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym” 2015, T. XXXV, Nr 5, s. 69-83.
14. Grabowski T.-S., *Księga pamiątkowa ku czci Stanisława Pigońa*, Kraków 1961.
15. Głuszkowski P., *Barwy polskości, czyli życie burzliwe Tadeusza Bulharyna*, Kraków 2018.
16. Gołąbek J., *Wincenty Dunin-Marcinkiewicz*, Wilno 1932..
17. Hadaczek B., *Kresy w literaturze polskiej*, Gorzów 1999.
18. Hadaczek B., *Antologia polskiej literatury kresowej XX wieku*, Szczecin 1995.
19. Hadaczek B., *Historia literatury kresowej*, Kraków 2011
20. Inglot M., *Polskie czasopisma literackie ziem litewsko-ruskich w latach 1832-1851*, Warszawa 1966.
21. Inglot M., *Rosja i Rosjanie w oczach polskich Kaukazczyków*, w: *Spotkania literackie z dziejów powiązań polsko-rosyjskich w dobie romantyzmu i neoromantyzmu*, red. B. Galster i J. Kamionkova. Wrocław 1973, s. 185-216.
22. Janion M., „*Szkola białoruska*” w poezji polskiej, „Przegląd Wschodni” 1991, T. I, z. 1, s. 35-48.
23. Jankiewicz A., *Inflanty i Księstwo Kurlandii i Semigalii – inflanckie „Prusy” trochę inaczej. Kilka uwag o zapomnianej Unii Wileńskiej 1561 roku*, w: *Miscellanea Historico Archivistica*, T. XX, Warszawa 2013, s. 19-42.

24. Jēkabsons Ē., *Współpraca wojskowa lotewskiego-polska latem 1920 roku: żołnierze dywizjonu 18 pułku Ułanów wojska polskiego na Łotwie*, „Scripta Historica” 2021, Nr 27, s. 41-58.
25. Jeziorski P.A., *Podróże edukacyjne zamożnej szlachty z województwa inflanckiego w XVIII wieku. Przykład Borchów i Hylzenów*, „Miscellanea Historico-Archivistica” 2017, T. XXIV, s. 11-24.
26. Kamińska R., *Polska sztuka sakralna na Łotwie*, Ryga 1996.
27. Kantencki K., *Recenzja pracy Gustawa Manteuffla: Inflanty Polskie, poprzedzone krótkim rzutem oka na siedmowiekową przepaść całych Inflant*, „Przewodnik Naukowy i Literacki” 1879, R. 7, Nr 1, s. 380-381.
28. Kasperski E., *Kresy w perspektywie metodologii*, „Prace filologiczne. Seria literaturoznawcza” 2008, T. LV, s. 49-76.
29. Kasperski E., *Metody i metodologia (metodologia ogólna, nauki humanistyczne, wiedza o literaturze): podręcznik akademicki*, Warszawa 2017.
30. Kolbuszewski J., *Kresy*, Wrocław 1995.
31. Kolbuszewski J., *Kultura polska na Łotwie. Przeszłość i teraźniejszość. Próba zarysu całości*, w: *Polacy na Łotwie*, Lublin 1993, s. 45-73.
32. Kronenberg A., *Geopoetyka: związki literatury i środowiska*, Łódź 2014.
33. Kubala L., *Wojny duńskie i pokój oliwski 1657-1660*, Serja VI, Lwów 1922.
34. Łowmiański H., *Polityka Jagiellonów*, Poznań 1999.
35. Nagórko A., *Legendy Kresów – wielojęzyczność jako wartość kulturowa*, w: *Kresy w literaturze: twórcy dwudziestowieczni*, Warszawa 1996.
36. Ossowska D., *Wstęp*, w: *Poezje Tadeusza Łady-Zabłockiego*, Petersburg 1845.
37. Ossowski S., *Analiza socjologiczna pojęcia ojczyzny*, w: *Dzieła*, T. III, Warszaw 1967, s. 201-226.
38. Ossowska D., *Pismo „Rubon” (1842-1949) jako źródło do dziejów kultury Polskiej Inflant*, w: *W kręgu kultur bałtyckich*, red. W. Piłat, Olsztyn 1998, s. 33-42.

39. Podbereski R., J. Barszczewski, *Szlachcic Zawalnia, czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach*, Petersburg 1844, T. I.
40. Rybicka E., *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*, Kraków 2014.
41. Rączka-Jeziorska T., *Na granicy epok?: mapa warklańskiego ogrodu według hrabiego Michała Jana Borchy (1753-1810)*, w: *Georomantyzm. Literatura – miejsce - środowisko*, red. E. Dąbrowicz, M. Lul, Białystok 2015, s. 339-352.
42. Rączka-Jeziorska T., *Romantyzm polsko-inflancki: sylwetki, teksty, archiwa*, Warszawa 2016.
43. Rączka-Jeziorska T., *Romantyczne mapowanie przestrzeni ogrodu według Polskiego Inflanckiego Michała Jana Borchy z Warklan (1753-1810)*, w: *Przestrzeń – literatura – doświadczenie. Z inspiracji geopoetyki*, red. T. Gęsiny, Z. Kadłubka, Katowice 2016, s. 110-123.
44. Rączka-Jeziorska T., P. A. Jeziorski, *Inflanckie pitoreski: kultura dworu ziemiańskiego dawnych Inflant Polskich w XIX wieku*, w: *Naród bez państwa na drogach do nowoczesności : książka jubileuszowa w 70. rocznicę urodzin profesora Szczepana Wierchosławskiego*, Toruń 2017, s. 235-271.
45. Rączka-Jeziorska T., *Inflanckie pitoreski: kultura dworu ziemiańskiego dawnych Inflant Polskich w XIX wieku*, Warszawa 2018.
46. Rączka-Jeziorska T., *Recepcja literatury polsko-inflanckiej na Łotwie*, w: *Literatura (i kultura) polska w świecie*, Katowice 2018, s. 214-221.
47. Rączka-Jeziorska T., *O literackiej topografii dawnych dworów polsko-inflanckich*, "Prace i Studia Geograficzne" 2019, T. 64.4, s. 67-77.
48. Rączka-Jeziorska T., *Narzędzia do eksploracji wnętrza ziemi podróżnika do Sycylii i Malcie, hrabiego Michała Jana Borchy (1753-1810)*, w: *Podróże do wnętrza ziemi*, red. J. Ławski i M. Burzka-Janik, Białystok-Opole 2020, s. 132-153.
49. Romer E., *Ziemia i państwo*, Kraków 1929, s. 34.
50. Rospond S., *Mówią nazwy*, Warszawa 1976, s. 234.

51. Samborska-Kukuć D., „*Skąd nasz ród*” – obraz przeszłości Inflant Polskich w „*Pamiętnikach księdza Jordana*” Kazimierza Bujnickiego. *Między powieścią historyczną a epopeją*, „Prace Polonistyczne” 2005, s. 117-174.
52. Samborska-Kukuć D., *Obrazki familijne w „Nowej wędrówce po małych drogach” Kazimierza Bujnickiego*, „Prace Polonistyczne” 2006, s. 263-272.
53. Samborska-Kukuć D., *Ludzie i miejsca Inflant Polskich pocz. XIX wieku w świetle wspomnień Kazimierza Bujnickiego*, „Verbum Nobile. Pismo Środowiska Szlacheckiego” 2007, s. 64-71.
54. Samborska-Kukuć D., *Z Kazimierzem Bujnickim po małych drogach. Obrazki z Inflant Polskich I poł. XIX wieku w obrazach obyczajowych*, „Komparatīvistikas Institūta Almanahs” 2007, s. 66-94.
55. Samborska-Kukuć D., *Polski Inflantczyk Kazimierz Bujnicki (1788-1878): pisarz i wydawca*, Kraków 2008.
56. Samborska-Kukuć D., „*Chcę serio w świat literacki wyruszyć*” - na marginesie listów Michała Borcha do Adama Zawadzkiego, „Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Polonica” 2011, s. 72-78.
56. Samborska-Kukuć D., *Hrabianka z Inflant Polskich. Twórczość literacka Ludwiki Platerówny (1821-1897)*, Białystok 2014.
57. Samborska-Kukuć D., *Ludwika Hipolita Plater, Dramat bez nazwy. Obraz sceniczny w aktach na tle wypadków roku 1863*, Łódź 2015.
58. Samborska-Kukuć D., *Strategie deprecjacji i wykluczania w „Pamiętnikach księdza Jordana” Kazimierza Bujnickiego*, „Prace Bałtystyczne” 2016, T. VI, s. 259-274.
59. Samsel K., *Rzeki w „Królu-Duchu”*, „Prace Filologiczne. Literaturoznawstwo” 2015, Nr 5 (8), s. 255-281.
60. Szczęsna E., *Komparatystyka dzisiaj*, Kraków 2010.
61. Śliwowska W., *Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny*, Warszawa 1998.
62. Sulima R., *Literatura a dialog kultur*, Warszawa 1982.
63. Tuan Yi-Fu., *Przestrzeń i miejsce*, Warszawa 1987.

64. Uliasz S., *Literatura Kresów – kresy literatury*, Rzeszów 1994.
65. Uliasz S., *O literaturze kresów i pograniczu kultur*, Rzeszów 2001.
66. Weretiuk O., *Próba określenia i uporządkowania znaczeń związanych z geopoetyką*, w: *Inny i podróży. Literackie świadectwa podróży na przestrzeni wieków*, T. I, Rzeszów 2013, s. 25-42.
67. Wojciechowski P., *Góry kaukaskie w liryce Władysława Strzelnickiego i Tadeusza Łady-Zabłockiego*, w: *Gruzja i Polska: transfer wartości kultury*, red. J. Ławski i W. Occheli, Białystok 2022, s. 119-130.
68. Zajas K., *Nieobecna kultura: przypadek Inflant Polskich*, Kraków 2008.
69. Zajas K., *Gustaw Manteuffel i kolonializm bałtycki*, w: *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej*, pod red. W. Walczaka i K. Łopateckiego, T. III, Białystok 2012, s. 341-350
70. Zajas K., *Wielokulturowe Inflanty Polskie. Literatura polsko-inflancka*, “Scripta Neophilologica Posnaniensia” 2015, Tom XV, s. 247-264.
71. Zajas K., *Wielokulturowe Inflanty Polskie. Część II: Literatura polsko-inflancka*, “Scripta Neophilologica Posnaniensia” 2016, Tom XVI, s. 219-243
72. Ziemiańska A., *Ryga w Rzeczypospolitej Polsko-Litewskiej*, w: *Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej*, T. III, red. W. Walczak i K. Łopatecki, Białystok 2012, s. 81-891

На других языках

1. Amoliņa B., *Aspazija - spēks un daiļums un mūžam nerimstošs gars*, Rīga 1990.
2. Apeļš M., *Latgalīšu literatūras vēsture*, Rēzekne 1935.
3. Biezais H., *Seno latviešu debesu ģimene*, Rīga 1998.
4. Biezais H., *Seno latviešu galvenās dievietes, no vāc.val. tulkojusi Rita Drīzule*, Rīga 2006.

5. Birkets A., *Garlibs Merķelis dzīvē un darbā*, Rīga 1920.
6. Bistere A., Kamińska R., *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums Rēzeknes pilsētā un rajonā*, Rīga 2011.
7. Bistere A., Kamińska R., *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums vēsturiskajā Preiļu rajonā*, Rīga 2013.
8. Bistere A., Kamińska R., *Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums vēsturiskajā Krāslavas rajonā*, Rīga 2015.
9. Brežgo B., *Przywilej miasta Dyneburga z roku 1582*, Dyneburg 1932.
10. Brežgo B., *Latgales muižnieku archīvi*, "Bibliotekars" 1938, Nr. 4, Lpp. 49-60.
11. Brežgo B., *Latgales zemnieki pēc dzimtbūšanas atceļšanas, 1861-1914*, Rīga 1954.
12. Bukšs M., *Drukas aizlīguma un latgaļu grōmotu vojōšonas likmats (1865-1904)*, „Dzeive“ 1949, Nr. 2, Lpp. 23-24.
13. Bukšs M., *Latgaļu literatūras vēsture*, Minhene 1957.
14. Bukšs M., *Nikodems Rancāns. Latgaļu rakstnīks un tautas audzynōtōjs*, Rēzekne 1971.
15. Cibuļs J., Leikuma L., *Vasals! Latgaliešu valodas mācība*, Rīga 2003.
16. Damburs E., *Jānis Rainis - dzejnieks un revolucionārs*, Rīga 1949.
17. Dietze W., *Junges Deutschland und deutsche Klassik*, 3. Überarb. Aufl., Berlin 1962.
18. Dobrovenskis R., *Rainis un viņa brāļi*, Rīga 1999.
19. Dunsdorfs E., *Latvijas vēsture (1600-1710)*, Rīga 1962.
20. Eckardt J., *Garlieb Merkel über Deutschland zur Schiller-Goethe Zeit (1797 bis 1806)*, Berlin 1887.
21. Grudule M., *Mihala Jana Borha dzejojums "Varākļanu pils jūtu dārzs (Jardin sentimental du chateau de Warkland, 1795) apgaismības literatūras kontekstā"*, „Baltu filoloģija“ 2020, T. XXIX (1), Lpp. 63-72.
22. Gintere E., *Rainis laikabiedru atmiņās*, Rīga 1985.

23. Heeg J., *Die letzte Bastion politischer Publizistik im Kampf gegen Napoleon. Die Zeitschriften des Journalisten Garlieb Merkel aus Livland*, "Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung" 1996, Bd. 45, 159-191.
24. Hillner G., *Mācītājs Augusts Bīlenšteins, latviešu valodas pētītājs*, Rīga 1907.
25. Jēkabs L., *Auseklis (Krogzemju Mikus)*, Rīga 1927.
26. Jēkabs L., *Bērnība un pirmie skolas gadi (1850—1868)*, Rīga 1927.
27. Jēkabsons Ē., *Slepenais pamiers Latgales frontē 1920. gadā*, "Tēvijas sargs" 2005, Nr 2, Lpp. 28-29.
28. Jēkabsons Ē., *1918. gads Latgalē, krājumā Neatkarības kara stāsti*, Rīga 2017, Lpp. 53-59.
29. Jēkabsons Ē., *Militāri politiskā situācija Latvijā 1919 gada jūlijā – decembra sākumā: vispārīgās iezīmes, krājumā Cīņa par brīvību: Latvijas Neatkarības karš (1918-1920) Latvijas Valsts vēstures arhīva dokumentos*, 3. daļa, red. V. Pētersone, Jelgava 2021, Lpp. 55-58.
30. Jēkabsons Ē., *Latgales atbrīvošanas operācija, 1920. gada 3. janvāris - februāra sākums militāras norises, krājumā Cīņa par brīvību: Latvijas Neatkarības karš (1918-1920) Latvijas Valsts vēstures arhīva dokumentos*, 4. daļa, red. A. Čerpinska, Jelgava 2023, Lpp. 28-43.
31. Ose I., *Viduslaiku piļu pētniecība Latvijā no 18 gs. beigām līdz 20 gs. vidum*, Rīga 2001.
32. Pudulis P., *Gustava Manteifeļa darbeibas pēmiņai*, "Acta Latgalica" 1965, Lpp. 321-358.
33. Seliška E., *Inflantijas (Latgales) muižnieki Žečpospolitās politiskajos notikumos (1677 – 1764)*, monogrāfijā *Vācieši Latgales teritorijā 16. gs. – 20. gs. sākumā: vesture un recepcija*, red. A. Romanovska, Daugavpils 2021, Lpp. 61-78.
34. Seliška E., *Latgales (Poļu Inflantijas) muižniecības (šļahtas) politiskā darbība Žečpospolitā pēc iekļaušanas Krievijas sastāvā un līdz Žečpospolitās trešajai dalīšanai (1772–1795)*, krājumā *Jauno vēsturnieku zinātniskie lasījumi VII*, red. K. Beķere, Rīga 2022, Lpp. 170-181.
35. Strods H., *Latgales etniskās vēstures pētījumi un avoti*, Rīga 1989.
36. Strods H., *Gustavs Manteifeļs*, "Mōras Zeme" 1992, Nr. 45, Lpp. 2.

37. Šmits P., *A. Bīlenšteina grāmata "Die Holzbauten der Letten"*, rakstu krājumā *RLB ZK*, Rīga 1912.
38. Štrāle A., *Dobeles apkārtnes mācītājmuižu bibliotēku un arhīvu liktenis 1905 gada revolūcijā: Augusta Bīlenšteina liecība dobeles evaņģēliski luteriskās baznīcas grāmatā*, krājumā *Informācija, revolūcija, reakcija: 1905-2005*, Rīga 2005.
39. Švābe A., *Latvijas vēsture (1800-1914)*, 2. izdevums, Upsala 1962.
40. Vēveris E., *Latviešu koka celtnes un iedzīves priekšmeti*, no vācu val. tulk. L. Kazeniece, Rīga 2001.
41. Keišs S., *Nikodema Rancāna roksti*, krājumā *Nikodems Rancāns. Latgaļu rakstnīks un tautas audzynōtōjs*, red. M. Bukšs, Rēzekne 1971, Lpp. 37-44.
42. Kreutzwald F., *Gelehrte Gesellschaften*, „Das Inland” 1843, Nr. 13, S. 115.
43. Kučinskis S., *Dagdas kungs un latviešu Kazimirs Bujņickis*, “Dzimtenes kalendārs 1980 gadam” 1979, Lpp. 59-93.
44. Kundziņš P., *Latvju sēta*, Rīga 1974.
45. Kursīte J., *Latviešu dzejas versifikācija 20 gs. sākumā 1900-1919*, Rīga 1988.
46. Kursīte J., *Latviešu folklore mītu spogulī*, pētījumā *Dievību savstarpējās attieksmes*, Rīga 1996.
47. Laizāns P., Zeile P., *Kritika un publicistika. Latgaļu literatūras un preses mantojumu vērtējot*, “Karogs” 1958, Nr. 11, Lpp. 104-121.
48. Lōcis V., *140 gadu nu Gustava Manteifela dzimšanas dīnas*, „Latgolas Bolss” 1972, Nr. 851, Lpp. 1-2.
49. Maślankiewicz K., *Michał Jan Borch (1751-1810) and his activity in mineralogy and geochemistry*, in: *Aces du XIe Congès International d'Histoire des Sciences*, 4, Wroclaw 1968, s. 284-286.
50. Meļķis E., V. Millers, *Garlībs Merķelis un Krievija, Garlība Merķeļa politiskie uzskati*, Rīga 1972.
51. Müller-Jabusch M., *Thersites. Die Erinnerungen des deutsch-baltischen Journalisten Garlieb Merkel 1796–1817*, Berlin 1921.

52. Niitemaa V., *Der Binnenhandel in der Politik der livländischen Städte im Mittelalter*, Helsinki 1952.
53. Vasiļjeva H., *Vēļreiz par Kazimiru Buiņicki*, krājumā *Tāvu zemes kalendars*, Rēzekne 2009, Lpp. 106-109.
54. Pijols I., *Andrejs Pumpurs un Auseklis Lielvārdē*, Rīga 1976.
55. Svarāne M., Garlībs Merķelis un latvieši, „Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis“ 1997, nr. 588/589, Lpp. 63–67.
56. Seile. V., *Nikodems Rancāns*, “Acta Latgalica 12. Zynōtniski roksti. Dokumenti. Apceres” 2002, Lpp. 156-161.
57. Stradiņš J., *Zinātnieku – “autsaiķeru” – personību izpēte*, krājumā *Latvijas zinātnieki. Bibliogrāfija III*, Rīga 2007.
58. Straube G., *Garlībs Merķelis un viņa laiks. Latvieši sevišķi Vidzemē filozofiskā gadsimteņa beigās*, Rīga 1999.
59. Strods H., *Gustavs Manteufelis (Manteuffel - Szoegel)*, „Latvijas Vēsture” 1991, Nr. 3, Lpp. 66-69.
60. Spūļš B., *N. Rancāna kulturali sabīdriskās darbības nūzeime*, krājumā *Nikodems Rancāns. Latgaļu rakstnieks un tautas audzīnōtōjs*, red. M. Bukšs, Rēzekne 1971, Lpp. 79-138.
61. Šterns I., *Latvijas vēsture (1180—1290)*, Rīga 2002.
62. Šmits P., *Latviešu mitoloģija*, Rīga 1926.
63. Šmits P., *Latviešu lautas tīcejumi*, 4 sēj., Rīga 1940.
64. Zanders O., *Mans sapnis nebij tik sapņu prieks un Gaismas pils – nekāda gaisa pils*, “Latvijas vēstnesis” 2000, № 325, c. 4-5.
65. Zanders O., *Merķelis un Herders*, “Karogs” 1969, nr 11, Lpp. 136-138.
66. Zeids T., *Feodālisms Livonijā*, Rīga 1951, Lpp. 84.
67. Zeids T., *Senākie rakstītie Latvijas vēstures avoti līdz 1800. gadam*, Rīga 1992.
68. Zeiferts T., *Latviešu rakstniecības vēsture*, 2. sēj, Rīga 1930.

69. Zeile P., *Kazimirs Buiņickis un Gustavs Manteifelis. Vieta un vērtējums Latvijas kultūrā*, "Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis" 1993, A daļa, Nr. 2, Lpp. 14-18.
70. Zeile P., *Latgales pirmā atmoda*, Rīga 1994.
71. Zeile P., *Kazimierz Bujnicki – propagator reform społecznych w Łatgalii i jedności narodu łotewskiego, pisarz i publicysta*, w: *Łotwa – Polska. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej nt. "Polsko-łotewskich związków politycznych, ekonomicznych i kulturalnych od XVI w. do 1940*, red. J. Sozański, Ryga 1995, s. 31-55
72. Zeile P., *Latgales kultūras vēsture*, Rēzekne 1996.
73. Zeile P., *Kazimirs Buiņickis*, krājumā *Tāvu zemes kalendars*, Rēzekne 1996, Lpp. 54-66.
74. Zeile P., *Latgales pirmā atmoda: zvaigznes gaisma tumsā*, "Latvijas Vēstnesis" 1999, Nr. 240-241, Lpp. 5.
75. Zeile P., *Kazimirs Buiņickis – sociālo reformu rosinātājs Latgalē, latviešu vienotības paudējs, rakstnieks un publicists*, „Acta Latgalica 10” 1999, Lpp. 241-256.
76. Zeile P., *Aizmirstais un no jauna atrastais Kazimirs Buimickis*, krājumā *Kazimirs Buiņickis. Priestera Jordana atmiņas*, Rēzekne 2003.
77. Zeile P., *Latgales kultūras vēsture*, Rēzekne 2006.
78. Zeile P., *Hilzenu un Buiņicku davums Latgolas kultūrvēsturē*, krājumā *Tāvu zemes kalendars*, Rēzekne 2006, Lpp. 70-73.
79. Zeile P., *Latgale un tās ļaudis*, Rēzekne 2010.
80. Zeile P., *Rainis un Latgale*, Rēzekne 2012.
81. Абызов Ю., *От Лифляндии - к Латвии. Прибалтика русскими глазами*, Москва 1993.
82. Андреев А.Н., *Методология литературоведения*, Минск 2000.
83. Андреева Н.С., *Кто такие „остзейцы“?*, „Вопросы истории“ 2001, № 10, с. 173-175.
84. Анисимов К.В., *Восточный травелог русской литературы XIX в.: "воображение" имперских окраин и поэтика повествования*, „Имагология” 2014, с. 5-21.

85. Бандарчык В.К., *Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст*, Мінск 1964.
86. Бахтин М.М., *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Москва 1975.
87. Бахтин М.М., *Формы времени и хронотопа в романе*, Москва 1975.
88. Билютенко Х., *Функции Немана в романе Элизы Ожешко „Над Неманом”*, в: *Eliza Orzeszkowa: pamięć kultury: studia i glosy*, Białystok-Grodno 2019, с. 207-216.
89. Борисенок Ю., *Царский подарок. Как выпускник Петербургского университета Алексей Сапунов расширил познания современников о белорусских землях*, „Родина” 2019, № 8, с. 98-101.
90. Благой Д.Д., *Первый исторический роман Лажечникова*, Москва 1983.
91. Вершинина Н., *„Рижский текст” в путевом очерке Ф.В. Булгарина „Поездка из Лифляндии в Самогитию, через Курляндию, летом 1829 года (письмо Гречу)”*, „*Rusistica Latviensis*” 2019, № 8, с. 9-16.
92. Виноградов В., *О теории художественной речи*, Москва 1971.
93. Виноградова В.Д., *Латгалы. Этнос и язык*, „Вестник Томского государственного университета” 2001, Vol. 13(1), с. 141-143.
94. Видугирите И., *Петербургский текст русской литературы и вильнюсский текст литовской литературы: еще раз об аналитическом потенциале концепции*, „*Literatūra*” 2013, № 2, с. 7-16.
95. Воронченко Т.В., *Российская региональная литература: венгерская тема в творчестве писателей Забайкалья*, „*Studia Slavica Savariensia*” 2016, № 1-2, с. 405-413.
96. Добровенский Р., *Райнис и его братья*, Рига 2000.
97. Заболоцкая М.В., *Идеи „западноруссизма” в политической и культурно-национальной жизни Беларуси в конце XIX – начале XX века*, в: *Русский сборник. Исследования по истории России*, под ред. О. Р. Айропетова, Т. XI, Москва 2012, с. 157-177.
98. Иванов В.А., *Этноцид латгалов в Латвии*, Олайне 2016

99. Исупова С.М., *Эволюция прозы И. И. Лажечникова: Проблемы метода и жанра*, Тверь 2000.
100. Казакова Н.А., *Международные связи России до конца XVII в.*, Москва 1961.
101. Киселева Л., *История Ливонии под пером Ф. В. Булгарина*, „Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia” 2006, № 1, с. 114–127.
102. Лицарева К.С., „*Всечеловеческая“* диалектичность поэзии Яна Райниса, „Вестник Вятского государственного гуманитарного университета“ 2015, с. 91-93
103. Львов И.Н., *История Динабурга с XII по XIX столетие*, в: *Крепость-склад Двинск*, Двинск 1913.
104. Мордовченко Н., *Русская критика первой четверти XIX века*, Москва 1959.
105. Мечников Л.И., *Цивилизация и великие исторические реки: географическая теория развития современных обществ*, ред. М. Д. Гродецкий, Санкт-Петербург 1898, с. 218-131.
106. Osuch T., *О судьбе ссыльных польских литераторов в Грузии во второй трети XIX века: Тадеуш Лада-Заблочкий*, „Acta Polono-Ruthenica” 2002, №7, с. 15-23.
107. Петрунина Н.Н., *Романы И.И. Лажечникова*, Москва 1987.
108. Потебня А.А., *Слово и миф*, Москва 1987.
109. Потебня А.А., *Мысль и язык*, Киев 1993.
110. Приедит А.В., *Использование материалов дневника и тенденция рационализировать записи*, в: *Дневники Райниса. Главные функции и особенности*, Москва 2006, с. 69-100.
111. Русецкі А.У., Ю. А. Русецкі, *Мастацкая культура Віцебскага Паазер'я: Ад старажытнасці да пачатку XX стагоддзя*, Мінск 2005.
112. Рихтер А., *Второй период преобразования крестьянского положения: Эстляндское 1816, Курляндское 1817, Лифляндское 1819 г.*, в: *История крестьянского сословия в присоединенных к России Прибалтийских губерниях с включением новейших постановлений*, Рига 1860, с. 83-128.

113. Салавей М.Л., *Ігнат Храпавіцкі – беларускі фалькларыст*, "Помнікі гісторыі і культуры Беларусі" 1976, № 4, с. 55-57.
114. Сементовский К.М., *А. М. Сементовский*, в: *Гимназия Высших Наук и Лицей Князя Безбородко*, Санкт-Петербург 1881, с. 460-463.
115. Сокол Э.П., *Жизнь и творчество Яна Райниса*, Рига 1957.
116. Сомс Х., *Альбом „Terra Mariana” – подарок Папе Римскому Льву XIII (1888 г.): литовские эпизоды*, в: *Acta humanitarica universitatis Saulensis*, Vilnius 2009, с. 176-184.
117. Спрогис Я., *Памятники латышского народного творчества*, Вильна 1868, с. 294.
118. Стукалич В.К., *А. П. Сапунов: к 25-летию его учёной и литературной деятельности*, Витебск 1905.
119. Урбанович Я., *Как создавали Латвию. Конгресс в Резекне, с которого началась история Латвийской Республики*, Рига 2017.
120. Скворцов В.Н., *К вопросу об определении понятия „духовная культура“*, „Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина” 2009, серия „Философия“, № 3, Т. I, с. 48-55.
121. Тайван Л., *По Латгалии*, Москва 1988.
122. Турышева О.Н., *Теория и методология зарубежного литературоведения*, Москва 2012.
123. Тэн И., *История английской литературы*, в: *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе*, ред. Г. К. Косикова, Москва 1987, с. 72-94.
124. Тэн И., *Философия искусства*, ред. А. М. Микиши, Москва 1996.
125. Цвірка К., *Камянітых сядзібаў: шляхі паэтаў XIX стагоддзя*, Мінск 2004.
126. Цвікевіч А., *Западно-руссизм. Нарысы з гісторыі грамадскай думкі на Беларусі у XIX і пачатку*, Мінск 1993.
127. Черпинска А., *Образ врага в публицистике Гарлиба Меркеля периода войны 1812 г.*, „Французский ежегодник: 200 лет Отечественной войны 1812 года” 2012, под ред. А. В. Чудинова, с. 388-389.

128. Шишнов В.А., *Материалы о А. Сапунове в РГАЛИ*, в: *Белорусская земля в воспоминаниях документах XIX-XX в.*, под ред. Д. С. Московской, с. 254-263.
129. Екабсонс Э., *Укрепление латвийской государственности: военные события (1918–1920 гг.)*, Т. II, „Латвия и латыши” 2019, ред. Я. Страдиньш, с. 473-507.
130. Екабсонс Э., *Латвия, Литва и Эстония в 1918–1940 гг.: сходства и различия*, „Латвия и латыши” 2019, ред. Я. Страдиньш, Т. II, с. 500-501.
131. Янкелович Л., *Жизнь и деятельность великого немецкого гуманиста и демократа И. Г. Гердера в Риге*, в: *Ученые записки. Германия и Прибалтика*, под ред. К. Почса, Т. 159, Рига 1972, с. 3-48.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

На польском языке

1. Aftanazy R., *Prele*, w: *Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej*, red. J. Kondro i L. Piąty, Т. III, Wrocław 1992, s. 331-336.
2. Danilewiczowa M., *Edward Chłopicki*, w: *Polski Słownik biograficzny*, Т. III, Kraków 1973, s. 309-310.
3. Dunin-Borkowski J., *Borch herbu własnego czyli trzy Kawki*, w: *Almanach błękitny: genealogia żyjących rodów polskich*, Lwów 1908, s. 226.
4. Skalkowski, *Jan Chłopicki*, w: *Polski Słownik biograficzny*, Т. III, Kraków 1973, s. 310.
5. Turkowski T., *Bujnicki Kazimierz*, w: *Polski Słownik Biograficzny*, Т. III, Kraków 1937, s. 109-110.
6. Turkowski T., *Borch Michał*, w: *Polski Słownik Biograficzny*, Т. II, Kraków 1989, s. 313-314.
7. Pawłowski B., *Józef Grzegorz Chłopicki*, w: *Polski Słownik biograficzny*, Т. III, Kraków 1973, s. 310-313.

8. *Inflanty*, w: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, red. Filipa Sulimierskiego, T. III, Warszawa 1882, s. 279.

На других языках

1. Andersons E., *Kurzemes-zemgales hercogiste, Latvju enciklopēdijā 1962-1982*, 2. sēj., Rīga 1990.

2. Kursīte J., *Dzejas vārdnīca*, Rīga 2002.

3. *Latgales lingvoteritoriālā vārdnīca*, galv. red. I. Šuplinska, 1 sēj., Rēzekne 2012.

4. *Livonija: Latviešu konversācijas vārdnīcā*, red. A. Švābe, 12. sēj., Rīga 1935, 23865-23866 sleja.

5. *Livonija: Latvijas padomju enciklopēdijā*, red. Pēteris Jērāns, 6. sēj., Rīga 1985, Lpp. 218.

6. *Livonijas Konfederācija: Latvijas PSR mazā enciklopēdijā*, red. Vilijs Samsons, 2. sēj., Rīga 1970, Lpp. 403.

7. *Latvija: Konversācijas vārdnīcā*, red. A. Švābe, 10. sēj., Rīga 1934, 20 229 - 20 230 slejas.

8. Адеркас О., Майдель С., *Мантейфели*, в: *Немцы России. Энциклопедия*, под ред. В. Карева, Т. II, Москва 2004, с. 387-389.

9. Анисимов А., *Витебская губерния*, в: *Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат*. 11-е стереотипное издание, ред. В. Я. Железнова и Ю. С. Гамбарова, Т. XXVII, Москва 1913, с. 316-320.

10. Вержбовский Ф.Ф., *Платер, граф Станислав*, в: *Русский биографический словарь А. А. Половцова*, Т. 14, Санкт-Петербург 1910, с. 17-18.

11. Долгоруков П., *Князя Борхи*, в: *Российская родословная книга*, под ред. П. Долгорукова, Т. III, Санкт-Петербург 1856, с. 80-83.

12. Долгоруков П.В., *Мантейфели*, в: *Российская родословная книга*, Т. III, Санкт-Петербург 1856, с. 175.
13. Долгоруков П.В., *Графы Платеры и графы Платеры-Зиберги*, в: *Российская родословная книга*, ч. III, Санкт-Петербург 1856, с. 216-217.
14. Лакотка А.І., *Мястэчка*, в: *Беларуская энцыклапедыя*, под ред. Г. П. Пашкоу, Т. XI, Мінск 2000, с. 79-80.
15. Лебедев В., *Ливония*, в: *Этимологический словарь мирового русского языка*, Т. III. Л-Р, Москва 2019, с. 40-41.
16. Мазур Л.Н., *Историко-генетический метод* в: *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь*, ред. А. О. Чубарьян, Москва 2014, с. 153.
17. Николокин А.Н., *Региональная литература*, в: *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, ред. М. Л. Гаспарова, Москва 2001, с. 864.
18. Опфцыйкий Е., *Сементовський Олександр*, в: *Українська мала енциклопедія*, Т. XIII, Буенос Айрес 1964, с. 1715-1716.
19. Половцов А.А., *Самарин*, в: *Русский библиографический словарь: Сабанеев – Смыслов*, Т. XVIII, Санкт-Петербург 1904, с. 133-146.
20. Подольская Н.В., *Хороним*, в: *Словарь русской ономастической терминологии*, Москва 1988, с. 146-147
21. Рудаков В.Е., *Платер*, в: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, Т. XXVIIIа, ч. III, с. 822.
22. Руммель В.В, Голубцов В.В., *Храповицкие*, в: *Родословный сборник русских дворянских фамилий*, Санкт-Петербург 1887, с. 594-612.
23. Салавей Л.М., *Храпавіцкі Ігнат Яўстахавіч*, в: *Беларуская энцыклапедыя*, Т. XVII, Мінск 2003, с. 58.
24. Селиванов А.Ф., *Витебская губерния*, в: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, Т. VIа, Москва Санкт-Петербург, 1892, с. 560.
25. Семенов-Тян-Шанский П.П., *Витебская губерния*, в: *Географическо-статистический словарь Российской империи*, Т. I, Санкт-Петербург 1863, с. 475.

26. Семенов-Тянь-Шанский П.П., *Лифляндия*, в: *Географическо-статистический словарь Российской империи*, Т. III, Санкт-Петербург 1863, с. 64-66.
27. Трубачев С., *Александр Бестужев-Марлинский*, в: *Русский биографический словарь*, Т. II, Санкт-Петербург, 1900, с. 763-766
28. Хмяльніцкая Л., *Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова)*, „Віцебскі сшытак” 2000, с. 7-8.
29. Цетлин Л., *Лифляндская губерния*, в: *Энциклопедический словарь Русского bibliографического института Гранат*. 11-е стереотипное издание, ред. В. Я. Железнова и Ю. С. Гамбарова, Т. XXVII, Москва 1913, с. 264-266.
30. Штейн В.И., *Борх Михаил-Иоганн*, в: *Русский биографический словарь*, Т. III, ред. А. А. Половцова, Санкт-Петербург 1908, с. 289-290.
31. Ясь О.В., *Сементовский Константин Максимович, Сементовский Микола Максимович, Сементовский Олександр Максимович*, в: *Енциклопедія історії України*, ред. В. А. Смолій, Т. IX, Київ, 523-524.
32. *Двинск*, в: *Военная энциклопедия*, под ред. К. И. Величко, Т. IX, Санкт-Петербург 1912, с. 2-3.
33. *Витебская губерния*, в: *Витебск. Энциклопедический справочник*, ред. И.П. Шамякина, Минск 1988, с. 95-96.
34. *Храпавіцкі Ігнат Яўстахавіч*, в: *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі*, под ред. П. Шамякіна, Т. 5, Мінск 1987, с. 453-454.
35. *Хлопицкий*, в: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*, Т. XXXVII, Санкт-Петербург 1903, с. 324.
36. *Храпавіцкі Ігнат Яўстахавіч*, в: *Каляндар знамянальных і памятных дат на 2007 год, Віцебск 2006*, с. 42-43.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

1. Hayto L., *Adam Antoni Onufry Plater*, w: *Polski Słownik Biograficzny*, T. XXVI, Wrocław 1981, źródło elektroniczne: www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/adam-antoni-onufry-plater, dostęp na 04.02.2022.
2. Maluszewska L., *Twórczość poetycka Tadeusza Łady-Zablockiego*, Wilno 2005, s. 82-87, źródło elektroniczne: docplayer.pl/41030956-Tworczosc-poetycka-tadeusza-lady-zablockiego.html, dostęp na 11.03.2023.
3. Kieniewicz S., *Emilia Plater*, w: *Polski Słownik Biograficzny*, T. XXVI, źródło elektroniczne: www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/emilia-plater-1806-1831-bohaterka-powstania-listopadowego, dostęp na 02.02.2022.
4. Kļaviņa S., *Die Werke von August Bielenstein – eine bedeutende Quelle der Indoeuropäistik des 19. Jahrhunderts*, elektroniskais avots: *Latviešu valodas pētniecība*, www.vvk.lv/index.php?sadala=157&id=371 pieejams uz 01.02.2023.
5. Pawełczyk M., *Zapomniany awanturник*, „Forum akademickie” 2004, Nr 1, электронный ресурс: forumakademickie.pl/media/archiwum/2004/01/artykuly/24-gwiazdy_i_meteorology.htm, доступно на 20.01.2024.
6. Rączka-Jeziorska T., *Dźwina*, w: *Nowa Ponarama Literatury Polskiej*, электронный ресурс: nrlp.pl/artykul/dzwina/#p2, доступно на 07.02.2024
7. Valdis K., *Tildes Datorenciklopēdija Latvijas vēsture*, Rīga 1998, elektroniskais avots: old.historia.lv/index.htm pieejams uz 20.01.2023.
8. Zeile P., *Raksti. Runas. Referāti*, „Latvijas Vēstnesis” 1997, Nr. 89/90, elektroniskais avots: www.vestnesis.lv/ta/id/42883 pieejams uz 01.02.2023.
9. Zielińska Z., *Konstanty Ludwik Plater (Broel-Plater)*, w: *Polski Słownik Biograficzny*, T. XXVI, źródło elektroniczne: www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/konstanty-ludwik-plater, dostęp na 02.02.2022
10. Jēkabpils, *Latvijas Enciklopēdiskā vārdnīcā*, red. P. Apinis, электронный ресурс: www.letonika.lv/groups/default.aspx?r=1&q=Krustpils%201962&id=943221&g=1, доступно на 25.01.2022.

11. Виесе С., *Жизнь и творчество Яна Райниса*, перевод Л. Осиповой, электронный ресурс: maxima-library.org/component/maxlib/b/234627?format=read, доступно на 25.01.2022.

12. Власов А.Н., *Образы святых подвижников на Русском Севере. Региональный аспект изучения памятников письменности*, „Рябининские чтения – 1995” 1997, с. 432, электронный ресурс:

kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1995/135.html, доступно на 28.01.2022.

13. Инфантьев Б., Русские писатели о рижских и латгальских староверах, электронный ресурс:

www.russkije.lv/ru/journalism/read/russkie_v_latvii_3/17_rvl_pisateli_o_staroverah.html,

доступно на 11.02.2023.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1.1. Приложение к главе II

Изображение № 2

Гербы Рижского архиепископства 1561 г., Воеводства Инфлянтского, города Динабург 1397 г., города Риги 1666 г., Княжества Курляндского, города Гольдинген 1478 г.⁸³¹.

⁸³¹ Источник: В. Старзыński, *Herby Rzeczypospolitej Polskiej i W.X. Litewskiego. Orły, Pogonie, województwa, książęta, kardynałowie, prymasi, hetmani, kanclerze, marszałkowie*, Т. I, 1875-1900, s. 29

Описание герба Воеводства Инфлянтского: герб воеводства, а после 1677 года княжества Инфлянтского представляет собой герб, который в 1566 году был присвоен королем Сигмунтом Аугустом. Это белый гриф на красном полотне, с короной на голове, держащим поднятый меч. В центре расположены инициалы короля – SA⁸³².

⁸³² *Inflanty*, w: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*, red. Filipa Sulimierskiego, T. III, Warszawa 1882, s. 279.

1.2. Приложение к III главе

Изображение № 2

A-2 8534 Kā Daugava vaidā. (Trimpula.) 466
 Auseklis. Vīgneru Ernests.

Lēnam.

p 1. Kā Daugava vaidā, un bangas kā krāc! Kā Sta-burags
f 2. Vai Pērkonam tāpēc bij Daugavu rakt, Ka die-viem un
mf 3. Gansentē-vi mēcēja pamie lot tos Ar sal-da-jo

1. a-sa-ras rau - - da! Kā o-zo-li piekras-tē briesmī-gi šnāc *mf* Tur
 2. tē-vi-jas sar - giem Būskaudīgi slā-pu-šiem ū-de-ni lakt *ff* Ar
 3. miestu un a - - lu; Tad ne-bij ne-viena, kas ne-līksmo-tos *f* Gar

Ātri un dedzīgi.

1. die-vi un sen-tē-vi gau - - da. *p* 4. Jūs mei-tiņas,
 2. bizmaniem kaudamies bār - - giem? *f* 5. Lai Dau-gavas
 3. Lat-vijas Dau-ga-vas ma - - lu. *ff* 6. Lai dzeram, lai

4. šur-pu, ar vai-nadzi-niem Un mēt-rām un o-zo-lu za - - riem! Un
 5. grī-va līdž pamatam žūst Pat jū - ra lai iz-sīk-tu sau - sa! Tad
 6. dziedam, lai uz-sākam diet! Lai svētsmums ir die-vī-bas li - kums! Lai

Rakstu un mākslas kameras izdevums 1940. g.

E. Vīgners, *Kā Daugava vaidā (Trimpula)*, Rīga 1940, Lpp. 1.

cresc. *ff* *rit.* | 4. un 5. pant. |

4. pui-ši, ar a-lu un ka-rodziņiem; Lai zie-dojam slāpošiem ga- - niem!
 5. Trimpam vēl mūžīgi a-lum būs plūst! Lai dzeram ir pa-ši iz kau - sa!
 6. Trimpus mums a-lu no jau-na sāk liet! Lai at-dzīvo sen-tē-vu

cresc. *ff* *rit.*

6. pant. Lēnam. *pp*

6. ti - - - kums! 8 4 7. Kā Dau-ga-va vai-da un *pp*

7. bangas kā krāc! Kā Sta-burags a-saras rau - - da! Kā o-zo-li *molto cresc.*

pp *molto cresc.*

7. pie-krastē briesmīgi šņāc. Tur die-vi un sen-tē-vi gau - - da. *ff* *pp* *rit.*

ff *pp* *rit.*

E. Vīgners, *Kā Daugava vaida (Trimpula)*, Rīga 1940, Lpp. 2.

STRESZCZENIE

Rozprawa doktorska, zatytułowana *Kultura duchowa i materialna Inflant Polskich na obszarze guberni witebskiej (na podstawie literatury pięknej, literatury dokumentu osobistego oraz dzieł historyczno-geograficznych autorów polskich, rosyjskich, bałtycko-niemieckich i łotewskich XIX - początku XX wieku)*, składa się ze wstępu, czterech rozdziałów, zakończenia, bibliografii, dwóch załączników i streszczeń w językach polskim i angielskim.

We wstępie pracy omówiono przyjętą koncepcję oraz dotychczasowy stan badań nad tematem, w tym zarysowano krąg uwzględnionych autorów, materiał egzemplifikacyjny oraz metodologię. Pierwszy rozdział pod tytułem *W kręgu pisarzy inflanckich* składa się z czterech podrozdziałów, noszących tytuły *Autorzy rosyjscy i białoruscy w kręgu pisarzy inflanckich*, *Autorzy polscy w kręgu pisarzy inflanckich*, *Autorzy bałtycko-niemieccy w kręgu pisarzy inflanckich* oraz *Autorzy łotewscy w kręgu pisarzy inflanckich*. Drugi rozdział jest zatytułowany *Cechy terytorialne choronimów Liwlandii, Liwonii, Inflant i guberni witebskiej oraz ich odbicie w literaturze*. Rozdział trzeci, zatytułowany *Rubon, Dźwina, Dauguwa – trzy obrazy jednej rzeki*, składa się z trzech podrozdziałów: *Dźwina Aleksieja Sapunowa i historyczne nazwy rzeki*, *Dźwina i Daugawa w almanachu „Rubon”* i *Daugawa w poezji XIX-wiecznych autorów łotewskich*. Czwarty rozdział, pod tytułem *Spojrzenie polskich, rosyjskich, bałtycko-niemieckich i łotewskich autorów na miasta i miasteczka Inflant Polskich*, składa się z trzech podrozdziałów: *Powiat dyneburski*, *Powiat rzeżycki* i *Powiat lucyński*. Pierwszy podrozdział czwartego rozdziału, zatytułowany *Powiat dyneburski* składa się z czterech podrozdziałów: *Dyneburg*, *Krasław*, *Kryżbork* i *Miasteczka Agłona, Dagda, Preili, Liksna, Wyski*. W zakończeniu rozprawy zostały sformułowane wnioski i uogólnienia. Bibliografia jest podzielona na podmiotową i przedmiotową.

Ramy czasowe, określone we wstępie, obejmują lata 1802-1924, na które przypadły dzieje guberni witebskiej. Ponadto odnotowana została decyzja Rady Komisarzy Ludowych RFSRR z dnia 27 grudnia 1917 roku o oddzieleniu trzech powiatów Łatgalii, a mianowicie dyneburskiego, rzeżyckiego i lucyńskiego od guberni witebskiej.

Z przedstawionego we wstępie stanu badań wynika, że problem postrzegania Inflant Polskich przez pisarzy XIX – początku XX wieku był poruszany dotąd przede wszystkim przez polskich i łotewskich literaturoznawców. Polsko-inflanckim romantyzmem zajmowały się Dorota Samborska-Kukuć i Teresa Rączka-Jeziorska. O wielokulturowości Polskich Inflant

pisal Krzysztof Zajac. Twórczości polskiego inflantczyka Kazimierza Bujnickiego swoje badania poświęcili wymieniona wyżej polska badaczka Samborska-Kukuć oraz łotewski badacz Pēteris Zeile. Kulturze pogranicza Polskich Inflant swoje badania poświęciły Krystyna Barkowska i Andris Kazjukevičs. Wśród historyków zajmujących się regionem Łatgalii są wspomniani Edvards Seliška i Ēriks Jēkabsons. Duchowa kultura Polskich Inflant jest przedstawiona w cyklu prac poświęconych historii sztuki sakralnej Rūty Kaminskiej i Anity Bistere. Pod redakcją Ingi Šupliņskiej został wydany słownik lingwoterytorialny, który zawiera informację o duchowej i materialnej kulturze Polskich Inflant. Obrazem Polskich Inflant zajmowali się również Heinrihs Strods, Miķelis Bukšs, Leon Tajwan oraz Jurij Abyzov. Boris Infntiev poświęcił swoje badania kulturze staroobrzędowców na obszarze Łatgalii.

Praca doktorska powstała z myślą o uwzględnieniu tekstów zróżnicowanych genologicznie i napisanych przez przedstawicieli różnych narodowości, pod uwagę były brane teksty nie tylko w języku polskim i rosyjskim, ale także w języku łotewskim, łatgalskim i niemieckim, uzupełniając w ten sposób istniejące badania na temat Inflant Polskich. Za cel główny obrano rozpatrzenie kultury duchowej i materialnej Inflant Polskich w kontekście przynależności narodowej autorów. Badania skoncentrowały się nie tylko na paralelach literackich, ale także na podobieństwach sytuacji społecznej poszczególnych autorów. Należy podkreślić, że celem nie było przedstawienie konfliktów politycznych i historycznych, powstających na rozpatrywanym terytorium, lecz pokazanie różnorodności i bogactwa lokalnego kolorytu narodowego, który znajduje odzwierciedlenie w dziełach autorów pochodzenia łotewskiego, polskiego, rosyjskiego i bałtycko-niemieckiego współtworzących literaturę regionu inflanckiego.

We wstępie pracy zostały określone także cele badawcze. Głównym celem było ukazanie specyfiki kultury duchowej i materialnej Inflant Polskich w czasie, kiedy wchodziły one w skład guberni witebskiej, odpowiedź na pytanie, jak została ona przedstawiona w twórczości pisarzy pochodzenia polskiego, rosyjskiego, łotewskiego i bałtycko-niemieckiego związanych z Inflantami Polskimi z uwagi na miejsce urodzenia lub zainteresowanych problemami tego regionu na różnych etapach życia. Celem były również odpowiedzi na bardziej szczegółowe pytania: w jaki sposób przynależność narodowa autora i jego otoczenie wpłynęły na obraz opisywanego obszaru Inflant Polskich w XIX wieku i na początku XX wieku? jakiego autora można uznać za inflanckiego? jak została przedstawiona kultura duchowa i materialna Inflant Polskich przez XIX-wiecznych pisarzy polskich, rosyjskich, łotewskich i bałtycko-niemieckich?

We wstępie pracy - oprócz przedstawienia ram czasowych, koncepcji, stanu badań i celów – wymieniono rozpatrywanych autorów. Należą do nich:

1. Autorzy rosyjscy: Aleksiej Sapunow (1851-1924), Aleksander Sementowski (1821-1893), autor białoruski Ignacy Chrapowicki (1817-1893);

2. Autorzy polscy: Kazimierz Bujnicki (Pamiętniki (1795-1875), Edward Chłopicki (1830-1894), Gustaw Manteuffel (1832-1916), Adam Plater (1790-1862); Michał Jan Borch (1753-1811) Michał Borch (1806-1881);

3. Autorzy bałtycko-niemieccy: August Bielenstein (1826-1907), Garlieb Merkel (1769-1850);

4. Autorzy łotewscy: Auseklis (1850-1879), Rainis (1865-1929), Nikodems Rancāns (1870-1933).

Przedstawiona we wstępie metodologia opiera się na badaniach komparatystycznych z wykorzystaniem metody regionalno-geograficznej, pojęć dotyczących literatury regionu oraz aspektu geopoetycznego z elementami szkoły kulturowo-historycznej. W badaniu wykorzystano model przedstawiony przez polskiego filologa Ewę Szczęsną. Obrana za podstawę metoda regionalno-geograficzna, zaproponowana przez teoretyka komparatystyki i historyka literatury Edwarda Kasperskiego, opiera się na badaniu specyfiki pogranicza kultur. Pod uwagę zostały wzięte również propozycje dotyczące badań nad pograniczem kultur Tadeusza Bujnickiego, Stanisława Ułasza, Bolesława Hadaczka oraz Michaiła Bachtina. Z ustaleń wymienionych badaczy wynika, że przy charakteryzowaniu autora, który poświęcił swoją twórczość Inflantom Polskim oraz był związany z terytorium Inflant, należy wziąć pod uwagę następujące czynniki: związki biograficzne z danym regionem, świadomość chronotopii Inflant Polskich, obecność narracji inflanckiej w jego twórczości, postawę wobec właściwej Inflantom różnorodności etnicznej, językowej, religijnej i bytowej.

Prezentowana praca wpisuje się w nurt badań komparatystycznych i historyczno-genetycznych z wykorzystaniem metody regionalno-geograficznej, koncepcji geopoetologicznej, koncepcji literatury regionu oraz metody szkoły kulturowo-historycznej z elementami podejścia synchronicznego i diachronicznego. Metoda regionalno-geograficzna pomaga określić cechy literatury pogranicza, natomiast za pomocą metody biograficznej możliwe staje się scharakteryzowanie XIX-wiecznego pisarza inflanckiego. W odniesieniu do obiektów historycznych zastosowano metodę genetyczną do poszukiwania związków

przyczynowo-skutkowych. Badania w zakresie geopoetyki wykorzystywano w celu prześledzenia interakcji między twórczością literacką a przestrzenią geograficzną, szeroko rozumianą jako naturalne miejsce i przestrzeń społeczno-kulturowa.

W oparciu o elementy szkoły kulturowo-historycznej i metodę biograficzną został napisany pierwszy rozdział pt. *W kręgu pisarzy inflanckich*. Rozdział składa się z czterech podrozdziałów. W każdym z nich opisano pochodzenie autora i jego ród (rodzinę), warunki społeczne, w których żył, a także dany moment w historii narodu. Na przykładzie drogi życiowej autorów, według miejsca ich urodzenia i pochodzenia, a także historycznego momentu w życiu narodu, ukazana została specyfika inflanckich autorów tej grupy.

W pierwszym podrozdziale pierwszego rozdziału zatytułowanym *Autorzy rosyjscy i białoruscy w kręgu pisarzy inflanckich* rozpatrywane jest życie autorów inflanckich pochodzenia rosyjskiego i białoruskiego. Do grona tych autorów należą: Aleksiej Sapunow, Aleksander Sementowski i Ignacy Chrapowicki. Autorów z tej grupy, oprócz przynależności do Słowian Wschodnich, łączy zainteresowanie gubernią witebską, a w szczególności Inflantami Polskimi. Autorów rosyjskich, czyli Sapunowa i Sementowskiego, łączy również przychylny stosunek do władzy rządzącej. Sapunow i Sementowski postrzegają Inflanty Polskie jako część guberni witebskiej, czyli w składzie Imperium Rosyjskiego. W przypadku Chrapowickiego silna linia rodu wpłynęła na decyzję pisarza o pozostaniu w rodzinnych Kochanowiczach, od dawna należących do Chrapowickich. Chrapowicki, dzięki kontaktom z Kazimierzem Bujnickim, otrzymał możliwość publikowania wierszy w zbiorze „Rubon”.

W drugim podrozdziale pierwszego rozdziału pt. *Autorzy polscy w kręgu pisarzy inflanckich* omówiono życie i twórczość polskich autorów Michała Jana Borchy, Michała Borchy, Kazimierza Bujnickiego, Edwarda Chłopickiego, Gustawa Manteuffla i Adama Platera. Wiek XIX był dla Polski wiekiem powstań. Na fali tych wydarzeń dom Bujnickiego został spalony, a Chłopicki był zmuszony wyemigrować do Francji. Polskich pisarzy inflanckich wyróżnia zainteresowanie Inflantami Polskimi, a także kulturą regionu łatgalskiego. Bujnickiego, Manteuffla i Platera łączy także stosunek do Inflant Polskich jako do małej ojczyzny, będącej w sensie kulturowym częścią Polski. W rozdziale wskazano na związki między Bujnickim a Platerem, sięgające czasów dzieciństwa, a także między Manteufflem a Bujnickim – na gruncie studiów nad historią Inflant Polskich. Wyróżniają się wśród tej grupy autorzy mający niemieckich przodków arystokratów, zaliczają się do nich Borchowie, Manteuffel oraz Plater. Rody ich były związane zarówno z gałęzią niemiecką, jak

i polską, co pozycjonuje autorów jako przedstawicieli pisarzy inflanckich, poprzez swój los demonstrujących stanowisko pogranicza na tych terenach. Zaliczani jednak są do polskich z powodu, że oni osobiście, jak i ich rodziny odnosili siebie do kultury polskiej i dużo zrobili na poziomie politycznym i kulturowym w Inflantach Polskich, co odpowiadało interesom Rzeczypospolitej.

W trzecim podrozdziale pierwszego rozdziału zatytułowanym *Autorzy bałtycko-niemieccy w kręgu pisarzy inflanckich* rozpatrzono życie i twórczość autorów bałtycko-niemieckich, w tym Augusta Bielensteina i Garlieba Merkela. Okazało się, że autorzy, mimo wspólnego pochodzenia i tego samego momentu historycznego, mieli różne opinie o wydarzeniach współczesnych. Chociaż Merkel i Bielenstein byli nie tylko pochodzenia bałtycko-niemieckiego, ale także wywodzili się z religijnych rodzin luterańskich, mieli odmienny stosunek do ruchu młodołotyszy. Merkel był zdania, że ruch młodołotyszy jest konieczny dla ratowania łotewskiej tożsamości, Bielenstein obawiał się, że ruch ten nieuchronnie doprowadzi do rusyfikacji, co z kolei negatywnie wpłynie na tożsamość łotewskiego narodu. Łączy autorów zainteresowanie Inflantami Polskimi i nieobojętne spojrzenie na luteranizm na tych terenach oraz dziedzictwo krzyżowców.

W trzecim podrozdziale pierwszego rozdziału, zatytułowanym *Autorzy łotewscy w kręgu pisarzy inflanckich*, rozpatrywane są życie i twórczość Auseklisa, Rainisa i Nikodemsa Rancānsa. Pisarzy pochodzenia łotewskiego w kręgu pisarzy inflanckich łączy dążenie do niepodległości narodu łotewskiego. Ich twórczość staje się niejako tubą do głoszenia poglądów. Jeśli Auseklis i Rainis żywo demonstrują w swojej twórczości poetyckiej protest przeciwko zastanemu stanowi rzeczy, to Rancāns zdecydował się tylko na ironiczne przedstawienie cechy Łatgalii i jej problemów społecznych.

W drugim rozdziale, zatytułowanym *Cechy terytorialne choronimów Liflandii, Liwonii, Inflant i guberni witebskiej oraz ich odbicie w literaturze*, omówiono choronimy: gubernia liflaska, Liwonia, Liflandia, Inflanty, a także gubernia witebska. W rozdziale poruszono problem historycznych i terytorialnych cech tych choronimów, związanych z częstymi wojnami toczonymi na tych terenach, znajdowaniem się pod wpływem silniejszych państw i ciągłą zmianą władzy, zmianą nazw terytoriów i zmianą fizycznych granic na mapie. Obszar Inflant Polskich charakteryzuje się wyrazistym krajobrazem naturalnym, wyróżniającym się dużym nasyceniem akwenami: jeziorami i rzekami, co tłumaczy zainteresowanie autorów inflanckich

opisem rzek i wzmianką o innych akwenach w odniesieniu do powiatów dyneburskiego, rzeżyckiego i lucyńskiego, a w szczególności miast lub miasteczek.

Trzeci rozdział, zatytułowany *Rubon, Dźwina, Dauguwa – trzy obrazy jednej rzeki*, składa się z trzech podrozdziałów pt. *Dźwina Aleksieja Sapunowa i historyczne nazwy rzeki, Dźwina i Daugawa w almanachu „Rubon”* i *Daugawa w poezji XIX-wiecznych autorów łotewskich*. Przedstawiono i omówiono tu nazwy hydronimów w różnych okresach, odnoszących się do głównej rzeki Inflant Polskich – Dźwiny, Daugawy, Duny, Rubona. Ustalono, że obraz Dźwiny znacznie się różni u różnych XIX-wiecznych autorów inflanckich.

Pierwszy podrozdział trzeciego rozdziału jest poświęcony dziełu historyczno-geograficznemu Sapunowa *Rzeka Dźwina Zachodnia*, które pomimo swojego historyczno-społecznego i geologicznego charakteru porusza także temat poezji i nie tylko ją ocenia, ale także podaje przykłady twórczości polskich autorów z tłumaczeniem na język rosyjski (wiersz *Dźwina* Ignacego Chrapowickiego i elegia *Do Dźwiny* Tadeusza Łady-Zabłockiego), przywołuje białoruską pieśń ludową, łotewskie pieśni ludowe oraz twórczość mało znanych rosyjskich autorów opisujących Dźwinę pod wpływem twórczości ludowej. Dźwina w elegii Łady-Zabłockiego, zainspirowanego twórczością Mickiewicza, przybiera postać motywu „rzeki domowej”, związanej z małą ojczyzną. Sam Sapunow nie ucieka się do formy poetyckiej, dzieli się jedynie subiektywnymi wrażeniami estetycznymi na temat poezji. Utwór Sapunowa jest niewątpliwie interesujący m.in. z uwagi na dyskurs na temat etymologii nazw, w tym wzmianki o artykule Borchy.

Drugi podrozdział trzeciego rozdziału jest poświęcony Daugawie w almanachu „Rubon”. Almanach ten odegrał znaczącą rolę w rozwoju poezji inflanckiej. Należy zauważyć, że poeci polskiego pochodzenia związani z Łatgalią nie przechodzą obojętnie wobec hydronimu Dźwiny, a zwłaszcza losu obszaru, na którym płynie rzeka. W twórczości Borchy rzeka ta występuje zarówno jako Dina, Dźwina, jak i Daugawa. Dźwina dla tego autora stanowi źródło, które niesie pamięć pokoleń, przypominając czytelnikowi o wojnach i cierpieniach miejscowej ludności. Borch i Chrapowicki patrzą na rzekę jako symbol łotewskich ziem i trudnej historii. Ważny jest obraz przedstawiony przez Chrapowickiego, ponieważ odnosi się on do samego Rubonu i jego starożytnej historii, najprawdopodobniej nie bez powodu Rubon został przedstawiony jako zmęczony beczynnością mieszkańców jego brzegów. Motyw wiecznego snu, powolności i beczynności można również prześledzić w utworach Borchy: bawiąc się hydronimami poeta oddaje Daugawę miejscowej ludności Inflant, Dinę –

Normanom, a w ostatniej strofie poematu Borchy *Gercike* bohater liryczny pragnie spokoju „naszej Dźwiny”. Warto zauważyć, że w ludowej białoruskiej pieśni przytoczonej przez Sapunowa w utworze *Rzeka Dźwina Zachodnia* również występuje hydronim Dźwina, różnica polega jedynie na użyciu zdrobnienia – Dźwinka. Charakterystyczne dla wierszy w języku polskim jest ukazanie sprzecznego obrazu rzeki, która z jednej strony jest spokojna, cicha i ukojona, a z drugiej zawsze gotowa do konfrontacji. Arystokratyczne pochodzenie Borchy i dostatnie życie nie dawały powodu do nadmiernego niepokoju o bieżącą sytuację, interesowała go jednak historia regionu, etymologia nazwy. Borch podchodził do zagadnienia jako uczony badacz zainspirowany swoimi poszukiwaniami.

Trzeci podrozdział trzeciego rozdziału jest poświęcony obrazowi Daugawy w twórczości Auseklisa i Rainisa. W poezji Auseklisa i Rainisa rzeka nazywana jest Daugawą i jest ściśle związana z obrazem ojczyzny. Oceniając rdzennych pisarzy łotewskich, warto pamiętać, że bóstwa i zjawiska pogańskie zobrazowane w ich twórczości, w tym w poezji Auseklisa i Rainisa, stanowią znaczącą część kultury łotewskiej. Cechą wyróżniającą jest tendencja do zwracania uwagi na specyfikę pogańskich rytuałów i wzmianki o bogach z panteonu mitologii łotewskiej, w tym przy opisywaniu Dźwiny. Auseklis i Rainis byli zaniepokojeni niesprawiedliwością wobec swojego narodu, wzywali do walki, dlatego w dziełach tych autorów jest tak wiele odniesień do mitologii łotewskiej, poeci dążyli do zachowania wartości i dziedzictwa kulturowego narodu, dla nich poezja była narzędziem wzywania ludzi do działania. Różnica polega na tym, że obraz rzeki był przedstawiany przez łotewskich autorów z pozycji rdzennych mieszkańców łotewskich walczących o swoje prawa oraz w przypadku polskich i niemieckich autorów z pozycji arystokratów obserwujących z boku to, co dzieje się na ziemiach inflanckich. W wierszu Borchy *Dwa słowa o Dźwinie* bohater liryczny mówi, że rzeka nie odpowiada na prośby ludu o pomoc, w wierszach Auseklisa lud sam stara się ocalić Dźwinę.

Czwarty rozdział, zatytułowany *Spojrzenie polskich, rosyjskich, bałtycko-niemieckich i łotewskich piórem autorów na miasta i miasteczka Inflant Polskich*, składa się z trzech podrozdziałów i zawiera omówienie obrazu miast i miasteczek powiatów dyneburskiego, rzeżyckiego i lucyńskiego w esejach historycznych, notatkach podróźniczych, a także pamiętnikach, felietonach i prozie obyczajowej. Pierwszy podrozdział czwartego rozdziału, pt. *Powiat dyneburski*, składa się z czterech podrozdziałów (o tytułach *Dyneburg*, *Krasław*, *Kryżbork* i *Miasteczka Agłona, Dagda, Preili, Liksna, Wyszki*) i przedstawia obraz Dyneburga, Krasławia, Kryżborka, a także miasteczek Agłony, Dagdy, Preili, Liksny i Wyszek. Drugi

podrozdział czwartego rozdziału, zatytułowany *Powiat rzeżycki*, poświęcony jest Rzeżycy, Wielonom i Warklanom. Trzeci podrozdział czwartego rozdziału, zatytułowany *Powiat lucyński*, poświęcony jest Lucynowi, Posini i Marienhausen. W rozdziale przedstawiono specyfikę pogranicza miast i miasteczek zarówno pod względem materialnym, jak i duchowym, przedstawiono dialog kultur odbywający się na tych terenach, a także dialog między autorami opisującymi z różnej perspektywy miasta i miasteczka Inflant Polskich.

W zakończeniu są zaprezentowane wnioski wyciągnięte na podstawie przeprowadzonych badań. Po pierwsze, warto wyróżnić ujawnione cechy kultury materialnej Inflant Polskich. Zacząć należy od tego, że na całym terytorium Inflant Polskich, a mianowicie we wszystkich trzech jego powiatach, można prześledzić lokalizacje zniszczonych zamków, ruiny zamkowe: zamek dyneburski, zamek kreuzburgski, zamek rzeżycki, zamek preilski, zamek dagdenski, zamek lucyński, zamek marienhausenski, a także zniszczone majątki polskiej arystokracji: spalony majątek Bujnickiego w Dagdzie, zniszczony pałac Hylzenów w Dagdzie, spalony pałac Sybergów-Platerów w Likśnie. Wynika z tego, że na omawianym obszarze zauważamy proces niszczenia dawnego zwierzchnictwa krzyżowców i polskiej arystokracji, z tego powodu wyczuwalna jest tu ogólna atmosfera dewastacji i upadku. Autorzy zwracają również uwagę na upadek produkcji fabrycznej w Krasławiu po I rozbiorze Rzeczypospolitej. Mimowolnie nasuwa się pytanie: czy istnieją sfery kultury materialnej, w których obecny jest rozkwit, jaki przyniosła Inflantom Polskim gubernia witebska i Imperium Rosyjskie jako całość? Biorąc pod uwagę omawiane teksty pytanie pozostaje bez odpowiedzi. Do przejawów rozkwitu można zaliczyć jedynie handel w niektórych miastach i miasteczkach, takich jak Dyneburg, Krasław, Kryżbork, Rzeżyca oraz linię kolejową Sankt Petersburg – Warszawa przechodzącą przez powiaty dyneburski i rzeżycki. Warto zaznaczyć, że chodzi tu nie tylko o podróż kolejną w dosłownym tego słowa rozumieniu, ale także symboliczną podróż Inflant Polskich z przeszłości do teraźniejszości, gdyż Inflanty Polskie, będące kiedyś w składzie Rzeczypospolitej, stają się częścią Imperium Rosyjskiego.

Przestrzeń Inflant Polskich tworzą miasta i miasteczka. Ważną rolę odgrywają hydronimy. Nie bez powodu Dźwinie jest poświęcony trzeci rozdział pracy, ponieważ część autorów pochodzenia łotewskiego właśnie widzi w niej symbol ojczyzny i matki. Oprócz Dźwiny wymienione są rzeka Krasławka, wpadająca zresztą do niej, jezioro Agłońskie w pobliżu miejscowości Agłona, Liksna położona w pobliżu ujścia rzeki Liksnianki, jezioro Luknas położone nieopodal miejscowości Wyszki, jezioro Dagda w pobliżu miejscowości Dagda, rzeka Rzeżyca, która przepływa przez miasto o tej samej nazwie, rzeka Ludza, która

wypływa z jeziora Lucyńskiego w mieście Lucyn, rzeka Sina, nad której położona jest miejscowość Posiń. Cały obszar Inflant Polskich pokryty jest więc rzekami i jeziorami.

Usytuowanie Inflant Polskich na pograniczu w różnym stopniu odnotowuje każdy z autorów. W trakcie rozpatrywania prac autorów potwierdziło się również założenie, że pojęcie pogranicza rozciąga się zarówno na sferę materialną, jak i duchową Inflant Polskich. Główną cechą sfery materialnej jest przebywanie na granicy z innymi państwami. Zamki były zdobywane i przechodziły pod administrację różnych właścicieli, przedstawicieli różnych narodowości (Niemców, Rosjan, Polaków, Litwinów), co szczegółowo opisał Gustaw Manteuffel, a wspominali o tym Chłopicki, Plater, Sementowski i Sapunow. Do zajęć mieszkańców autorzy zaliczają głównie handel i rolnictwo, co jest również częścią kultury materialnej. Zajmowanie się handlem zrodziło tradycję jarmarków w stolicach powiatów. Z kolei jarmarki stały się ważnym wydarzeniem kulturalnym dla miast Inflant Polskich.

Należy zauważyć, że pogranicze występuje nie tylko na poziomie cech materialnych, ale również na poziomie cech kultury duchowej Polskich Inflant. Niektórzy autorzy inflanccy znajdują się na pograniczu kultur, będąc jednocześnie przedstawicielami różnych literatur narodowych. Przykładem tego może być Kazimierz Bujnicki, który jest polskim pisarzem i jednocześnie łotewskim pisarzem polskiego pochodzenia. Pomimo tego, że Bujnicki pisał prace po polsku, bardzo martwił go los Łatgalii, co znajduje odzwierciedlenie w jego twórczości i życiu. Rainis i Rancāns są autorami nie tylko łotewskiego, ale też łatgalskiego pochodzenia. Do pogranicza można zaliczyć także polskich autorów Manteuffla, Platera, Bujnickiego, którzy są związani losem bardziej z Inflantami Polskimi niż z metropolią, tj. bezpośrednio z Polską, a jednocześnie starają się odtworzyć Polskę w miniaturze na ziemiach ojczystych. Samą literaturę inflancką można również zaliczyć do fenomenu pogranicza, scharakteryzować jako całość składającą się z części, które są jednocześnie częściami innych całości.

Inflanty Polskie, znajdując się na przestrzeni dziejów w składzie różnych państw, zachowały indywidualne, niezależne od okoliczności cechy. Manteuffel wymieniał nazwy miast i miasteczek w języku polskim, niemieckim, łotewskim i rosyjskim. Bujnicki, opisując w swoim zarysie obyczajów Lucyn, dodaje, że w mieście wiszą szyldy w różnych językach. Rancāns w swoich felietonach przedstawił sytuację, w której jeden człowiek zaczynał mówić po niemiecku, a drugi kontynuował po łatgalsku. Pogranicze kulturowe przejawia się także na wprowadzeniu takich pojęć jak Łotysze pochodzenia polsko-inflanckiego wyznania rzymskokatolickiego czy rosyjskojęzyczny Łotysz. Pojęcie duchowego pogranicza rozciąga się

również w czasie – na przykład klasztor Marienhausen został przebudowany na zamek w czasie wojny, a lutyński kościół przez pewien czas był protestanckim kościołem.

W trakcie badań ustalono, że istnieją również rozbieżności zdań wśród autorów inflanckich, odzwierciedlające sytuację w regionie Inflant Polskich. Okresowo dochodzi do walki zarówno o granice fizyczne, jak i duchowe. Poganie nie chcą porzucić swoich przekonań, co znajduje odzwierciedlenie nawet w narodowej idei Łotyszy w XIX wieku, a chrześcijanie mają na celu szerzenie swojej wiary wszelkimi dostępnymi środkami. Widoczny jest duży kontrast między wierzącymi autorami a autorami, których przodkami byli poganie i którzy byli uciskani na terytorium swoich historycznych ziem. Poprzez zachowanie duchowych dogmatów naród zachowuje również fizyczną możliwość zamieszkiwania na swoich pierwotnych terenach. Taki pogląd mieli Auseklis i Rainis. Jednak Bujnicki, Manteuffel, Chłopicki widzą zbawienie jedynie w szerzeniu wiary katolickiej na terenie Inflant Polskich, dzięki której uda się oświecić miejscową ludność. Autorzy pochodzenia bałtycko-niemieckiego, a mianowicie Merkel i Bielenstein, tęsknią za czasami rozkwitu zamków krzyżowców. Jeśli Merkel tylko szczegółowo opisywał historię zamku w Dyneburgu, to Bielenstein chciał przywrócić zamki zakonowi, co dla niego jest równoznaczne z przywróceniem dziedzictwa kulturowego tego regionu.

Kultura duchowa Inflant Polskich związana jest z rodami arystokratycznymi. Rozdział czwarty pokazuje, że polscy autorzy zwracają szczególną uwagę na miasta i miasteczka z historią polskiej arystokracji. Krasław jest postrzegany przez pryzmat rodu Platerów i jego wkładu w zagospodarowanie miasteczka (np. wybudowano bibliotekę, szpital i plac). Platerowie rozwijali także kulturę duchową Krasławia (przykład stanowi kościół krasławski zdobiony przez rzemieślników z Polski). Manteuffel szczegółowo bada, w jaki sposób Platerowie wpłynęli na kulturę dnia codziennego w Krasławiu. Miejscowość Preili jest związana z rodziną Borchów, gdzie znajdował się jej pałac. Liksna związana jest z rodem Sybergów, którzy wybudowali w niej pałac i kościół parafialny. Miejscowość Wielony związana jest z rodem Ryków – Michał Ryk ufundował kościół, będący głównym ośrodkiem ubogiej miejscowości powiatu rzeżyckiego. Z kolei Warklany są związane ze starszą linią rodu Borchów. Dla Michała Jana Borchy pałac w Warklanach jest nawet sentymentalnym skojarzeniem z kształceniem się duszy młodzieńca, którym on sam kiedyś był. Autorzy zwracają uwagę, że miejscowość Liksna jest częścią dóbr polskiej arystokracji. Miejscowość Dagda jest również szczególnie interesująca dla inflanckich pisarzy polskiego pochodzenia ze

względu na fakt, że była ważną częścią życia kulturalnego polskiej arystokracji, związaną z pałacem Hylzenów i ogólnie z tym rodem, który zbudował dla tego miasteczka kościół.

Konieczne jest podkreślenie różnic w odzwierciedleniu kultury materialnej i duchowej Inflant Polskich przez autorów rosyjskich, polskich, bałtycko-niemieckich i łotewskich. Autorzy pochodzenia rosyjskiego z mniejszym zainteresowaniem podchodzą do małych miejscowości, w polu ich zainteresowań głównie są stolice powiatów, tj. Dyneburg, Rzeżyca i Lucyn. Rosyjscy autorzy dość neutralnie opisują fakty historyczne, które miały miejsce na terenie Inflant Polskich, choć poświęcają im dużą uwagę. Sapunow w swojej pracy historyczno-geograficznej *Historyczne losy kraju znanego pod nazwą Inflant Polskich* wyraźnie faworyzował rosyjskich zdobywców dyneburskiego zamku. Sementowski pozytywnie opisywał Rosjan w swoim *Przeglądzie etnograficznym guberni witebskiej*.

Dla autorów polskiego pochodzenia ważny jest zasięg kultury polskiej na terenie Inflant. Z tego powodu polscy autorzy z kręgu pisarzy inflanckich zwracają szczególną uwagę nie tylko na stolice powiatów, ale także na ośrodki kultury polskiej i katolicyzmu, jakimi były miejscowości Krasław, Dagda i Agłona. Dla polskich autorów ważna jest rola katolicyzmu na terenie Inflant i rozpowszechnianie wiary katolickiej, utrzymanie kościołów. Polscy autorzy starają się trzymać razem, co czasami wiąże się z przyjaźnią, która zawiązała się jeszcze w dzieciństwie, jak w przypadku Platera i Bujnickiego. Czasami jednak związki są utrzymywane na poziomie wspomnień, myśli o zachowaniu dziedzictwa kulturowego. W opisie Dagdy Manteuffel wspominał Bujnickiego jako ważną postać dla polskiej arystokracji w prowincji inflanckiej. Autorzy łączą siły w periodyku „Rubon”.

Autorzy bałtycko-niemieccy zainteresowani są głównie rozwojem Inflant Polskich, odbudową dziedzictwa kulturowego – zamków, rozpowszechnianiem i nauką języka łotewskiego. Liczą na rozwój prowincji pod względem gospodarczym. Zwracając uwagę na trudną sytuację materialną nie tylko w miasteczkach, ale nawet w miastach, pełni entuzjazmu szukają możliwości rozwoju. Bilenstein w swoich notatkach z podróży odnotowywał stagnację w rolnictwie Inflant Polskich, ale jednocześnie miał nadzieję na zmiany w tym zakresie.

Charakterystyczne dla twórczości autorów łotewskich jest odwoływanie się do mitologii bałtyckiej jako ważnej części kultury łotewskiej. Auseklis i Rainis używali panteonu bogów bałtyckich jako symbolu walki o osobistą tożsamość narodową i wolność. Katolicki ksiądz Rancāns również nie omijał tego tematu, chociaż stawia sobie zupełnie inne cele. Autor felietonów w ironicznej formie pragnął wykazać, że pogańskie idee i tradycje są głęboko

zakorzenione w świadomości miejscowej ludności i przenoszą się na postrzeganie wiary chrześcijańskiej.

Konieczne jest również podkreślenie wspólnych cech w odzwierciedleniu kultury materialnej i duchowej Inflant Polskich przez autorów rosyjskich, polskich, bałtycko-niemieckich i łotewskich. Do cech wspólnych należy uznanie Inflant Polskich za obszar pograniczny zarówno w sensie duchowym, jak i materialnym. Wspólne jest również zwrócenie uwagi na położenie miast i miasteczek Inflant Polskich w pobliżu rzek i jezior. Autorzy podkreślają ubóstwo materialne kraju łatgalskiego, co kontrastuje z jego duchowym bogactwem i pięknem przyrody tego regionu.

W trakcie badań ustalono, że wspólną cechą autorów inflanckich jest także to, że każdy z nich podkreślał wzajemne oddziaływanie różnych kultur i ich dialog ze sobą. Czasami dialog ten ma pokojowy charakter, gdy autorzy łączą się, publikując swoje prace w czasopiśmie „Rubon”, czasami utwory odzwierciedlają konflikt, gdy łotewscy autorzy używają poezji jako miejsca do nawoływania do wyzwolenia ojczyzny spod obcej władzy.

Podsumowując, warto podkreślić, że wszyscy prezentowani autorzy piszą o Inflantach Polskich jako o ziemiach ojczystych, nawet jeśli nie urodzili się na tych terenach. Polscy autorzy postrzegają Inflanty jako część Polski, rosyjscy – jako część guberni witebskiej, tj. Imperium Rosyjskiego, łotewscy – jako Łatgalię, tj. ziemie łotewskie, autorzy bałtycko-niemieccy – jako obszar, który historycznie zamieszkują luteranie. Dzieła uwzględnionych autorów odzwierciedlają znaczne zróżnicowanie językowe, kulturowe i etniczne tych ziem.

SUMMARY

The doctoral dissertation, entitled *Spiritual and material culture of Polish Livonia in the Vitebsk Governorate (based on belles-lettres, personal documentary literature and historical-geographical works of Polish, Russian, Baltic-German and Latvian authors from the 19th and early 20th century)*, consists of an introduction, four chapters, a conclusion, a bibliography, two appendices and summaries in Polish and English.

In the introduction to the thesis, the chosen concept and the current state of research on the topic were discussed, including an outline of the circle of included authors, exemplary material, and methodology. The first chapter entitled *In the Circle of Livonian Writers* consists of four subchapters titled *Russian and Belarusian Authors in the Circle of Livonian Writers*, *Polish Authors in the Circle of Livonian Writers*, *Baltic-German Authors in the Circle of Livonian Writers*, and *Latvian Authors in the Circle of Livonian Writers*. The second chapter is titled *Territorial Characteristics of the Choronyms of Livonia, Livland, Inflant and the Vitebsk Governorate and Their Reflection in Literature*. The third chapter, titled *Rubon, Dźwina, Dauguwa - Three Images of One River*, consists of three subchapters: *Dźwina by Alexey Sapunov and Historical Names of the River*, *Dźwina and Daugawa in the "Rubon" Almanac* and *Daugawa in the Poetry of 19th Century Latvian Authors*. The fourth chapter, entitled *Towns and Small Towns of Polish Livonia in the Works of Polish, Russian, Baltic-German, and Latvian Authors*, consists of three subchapters: *The Dyneburg District*, *The Rzeżyca District*, and *The Lucyn District*. The first subchapter of the fourth chapter, titled *The Dyneburg District*, consists of four subchapters: *Dyneburg*, *Krasław*, *Kryżbork*, and *Small Towns of Agłona, Dagda, Preili, Liksna, Wyszki*. In the conclusion of the thesis, inferences and generalizations were formulated. The bibliography is divided into personal and subject categories.

The time frame specified in the introduction covers the years 1802-1924, which covered the history of the Vitebsk Governorate. In addition, the decision of the Council of People's Commissars of the RSFSR of December 27, 1917, on the separation of three districts of Latgale, namely Dyneburg, Rzeżyca and Lucyn, from the Vitebsk governorate, was noted.

The state of research presented in the introduction shows that the problem of the perception of Polish Livonia by writers of the 19th and early 20th centuries has so far been raised primarily by Polish and Latvian literary scholars. Polish-Livonian Romanticism was

studied by Dorota Samborska-Kukuć and Teresa Rączka-Jeziorska. Krzysztof Zajas wrote about the multiculturalism of Polish Livonia. The above-mentioned Polish researcher Samborska-Kukuć and the Latvian researcher Pēteris Zeile devoted their research to the work of the Polish Livonian artist Kazimierz Bujnicki. Krystyna Barkowska and Andris Kazjukevičs devoted their research to the culture of the borderland of Polish Livonia. Among the historians dealing with the Latgalian region are the aforementioned Edvards Seliška and Ēriks Jēkabsons. The spiritual culture of Polish Livonia is presented in a series of works devoted to the history of sacred art of Rūta Kaminska and Anita Bistere. A linguistic territorial dictionary has been published under the editorship of Inga Šupliņska, which contains information about the spiritual and material culture of Polish Livonia. Image Whereas Pēteris Zeile, Heinrihs Strods, Miķelis Bukšs, Leon Taiwan and Yuri Abyzov were describing the Latgale. Boris Infantiev devoted his research to the culture of the Old Believers in the area of Latgale.

The doctoral thesis was created with the idea of including texts that are genetically diverse and written by representatives of different nationalities, texts not only in Polish and Russian, but also in Latvian, Latgalian and German were taken into account, thus complementing the existing research on Polish Livonia. The main goal was to consider the spiritual and material culture of Polish Livonia in the context of the national affiliation of the authors. The research focused not only on literary parallels, but also on similarities in the social situations of individual authors. It should be emphasized that the goal was not to present the political and historical conflicts arising in the territory in question, but to show the diversity and richness of the local national folklore, which is reflected in the works of authors of Latvian, Polish, Russian and Baltic-German origin who co-create the literature of the Livonian region.

The objectives of the research were also defined in the introduction. The main goal was to show the specificity of the spiritual and material culture of Polish Livonia at the time when it was part of the Vitebsk Governorate, and to answer the question of how it was presented in the works of writers of Polish, Russian, Latvian and Baltic-German origin associated with Polish Livonia due to the place of birth or interested in the problems of this region at different stages of life. The goal was also to answer more detailed questions: how did the nationality of the authors and their environment influence the image of the described area of Polish Livonia in the 19th century and at the beginning of the 20th century? Which authors can be considered Livonian? How was the spiritual and material culture of Polish Livonia presented by 19th-century Polish, Russian, Latvian and Baltic-German writers?

In the introduction to the work - in addition to presenting the time frame, concept, research status and goals - the considered authors are listed. Belong to them:

1. Russian authors: Alexey Sapunov (1851-1924), Aleksander Sementowski (1821-1893), Belarusian author Ignacy Chrapowicki (1817-1893);

2. Polish authors: Kazimierz Bujnicki (Memoirs (1795-1875), Edward Chłopicki (1830-1894), Gustaw Manteuffel (1832-1916), Adam Plater (1790-1862), Michał Jan Borch (1753-1811), Michał Borch (1806-1881);

3. Baltic-German authors: August Bielenstein (1826-1907), Garlieb Merkel (1769-1850);

4. Latvian authors: Auseklis (1850-1879), Rainis (1865-1929), Nikodems Rancāns (1870-1933).

The methodology presented in the introduction is based on comparative research using the regional-geographical method, concepts related to the literature of the region and the geopoetic aspect with elements of the cultural-historical school. The study used the model presented by the Polish philologist Ewa Szczęsna. The regional-geographical method chosen as the basis, proposed by Edward Kasperski, a theoretician of comparative studies and historian of literature, is based on the study of the specificity of the borderland of cultures. Proposals for research on the borderland of cultures by Tadeusz Bujnicki, Stanisław Uliasz, Bolesław Hadaczek and Mikhail Bakhtin were also taken into account. The findings of the aforementioned researchers show that when characterizing the author who devoted his work to Polish Livonia and was associated with the territory of Livonia, the following factors should be taken into account: biographical ties with a given region, awareness of the chronotopia of Polish Livonia, the presence of the Livonian narrative in his works, attitude towards the ethnic, linguistic, religious and living diversity typical of Livonia.

The presented work is part of the trend of comparative and historical-genetic research using the regional-geographical method, the geopoetological concept, the concept of regional literature and the method of the cultural-historical school with elements.

The first chapter, entitled *In the circle of Livonian writers*, was written based on elements of the cultural-historical school and the biographical method. The chapter consists of four subchapters. Each of them describes the origin of the author and his lineage (family), social conditions in which he lived, as well as a given moment in the history of the nation. On the

example of the authors' life path, according to their place of birth and origin, as well as the historical moment in the life of the nation, the specificity of the Livonian authors of this group was shown.

In the first subchapter of the first chapter entitled *Russian and Belarusian authors in the circle of Livonian writers*, the life of Livonian authors of Russian and Belarusian origin is considered. These authors include Alexey Sapunov, Aleksander Sementowski and Ignacy Chrapowicki. The authors from this group, apart from belonging to the Eastern Slavs, share an interest in the Vitebsk Governorate, and in particular in Polish Livonia. The Russian authors, i.e. Sapunov and Sementowski, also share a favourable attitude towards the ruling power. Sapunov and Sementowski perceive Polish Livonia as part of the Vitebsk Governorate, i.e. part of the Russian Empire. In the case of Chrapowicki, a strong family line influenced the writer's decision to stay in his hometown of Kochanowicze, which had long belonged to the Chrapowicki family. Chrapowicki, thanks to his contacts with Kazimierz Bujnicki, was given the opportunity to publish his poems in the collection "Rubon".

In the second subchapter of the first chapter entitled *Polish authors in the circle of Livonian writers*, the life and works of Polish authors Michał Jan Borch, Michał Borch, Kazimierz Bujnicki, Edward Chłopicki, Gustaw Manteuffel and Adam Plater were discussed. The 19th century was a century of uprisings for Poland. On the wave of these events, Bujnicki's house was burnt down, and Chłopicki was forced to emigrate to France. Polish Livonian writers are distinguished by their interest in Polish Livonia and the culture of the Latgalian region. Bujnicki, Manteuffel and Plater also share an attitude towards Polish Livonia as a small homeland, culturally part of Poland. The chapter indicates the relationships between Bujnicki and Plater, dating back to childhood, and also between Manteuffel and Bujnicki - on the basis of studies on the history of Polish Livonia. Authors with German aristocratic ancestors stand out among this group, including the Borchs, Manteuffel and Plater. Their family was associated with both the German and Polish branches, which positions the authors as representatives of Livonian writers, demonstrating through their fate the position of the borderland in these areas. However, they are classified as Polish because they, as well as their families, related themselves to Polish culture and did a lot at the political and cultural level in Polish Livonia, which was in the interests of Poland.

In the third subchapter of the first chapter entitled *Baltic-German authors in the circle of Livonian writers*, the lives and works of Baltic-German authors, including August Bielenstein

and Garlieb Merkel, are considered. It turned out that the authors, despite their common origin and the same historical moment, had different opinions about contemporary events. Although Merkel and Bielenstein were not only of Baltic-German origin, but also came from religious Lutheran families, they had a different attitude towards the Youth Latvian movement. Merkel was of the opinion that the Young Latvian movement was necessary to save the Latvian identity, Bielenstein feared that this movement would inevitably lead to Russification, which in turn would negatively affect the identity of the Latvian nation. What the authors have in common is an interest in Polish Livonia and an indifferent view of Lutheranism in these areas and the heritage of the Crusaders.

In the third subchapter of the first chapter, entitled *Latvian authors in the circle of Livonian writers*, the life and works of Auseklis, Rainis and Nikodems Rancāns are considered. Writers of Latvian origin in the circle of Livonian writers are united by the desire for independence of the Latvian nation. Their work becomes a kind of mouthpiece for expressing views. If Auseklis and Rainis vividly demonstrate in their poetic works protest against the status quo, Rancāns decided only to ironically present the features of Latgale and its social problems.

The second chapter, entitled *Territorial features of the choronyms of Lifland, Livonia, Livonia and the Vitebsk Governorate and their reflection in the literature*, discusses the choronyms: Lifland Governorate, Livonia, Liflandia, Livonia, as well as the Vitebsk Governorate. The chapter deals with the problem of the historical and territorial features of these choronyms, related to frequent wars fought in these areas, being under the influence of stronger states and the constant change of power, changing the names of territories and changing the physical borders on the map. The area of Polish Livonia is characterized by a distinctive natural landscape, distinguished by a high saturation of water bodies: lakes and rivers, which explains the interest of Livonian authors in describing rivers and mentioning other water bodies in relation to Dyneburg, Rzeżyca and Lucyn districts, and in particular cities or country towns.

The third chapter, entitled *Rubon, Dźwina, Dauguwa - three images of one river*, consists of three subchapters entitled *Alexey Sapunov's Dvina and historical names of the river, Daugava and Daugawa in the "Rubon" almanac and Daugawa in the poetry of 19th-century Latvian authors*. The names of hydronyms in various periods referring to the main river of Polish Livonia - Dźwina, Daugawa, Duna, Rubona are presented and discussed here. It has been established that the image of the Daugava differs significantly among various 19th-century Livonian authors.

The first subchapter of the third chapter is devoted to the historical and geographical work by Sapunov *River Western Dvina*, which, despite its historical, social and geological character, also touches on the subject of poetry and not only assesses it, but also gives examples of the work of Polish authors with a translation into Russian (poem *Dźwina* by Ignacy Chrapowicki and the elegy *To the Dźwina* by Tadeusz Łada-Zabłocki), evokes a Belarusian folk song, Latvian folk songs and the works of little-known Russian authors describing the Daugava under the influence of folk art. The Daugava in the elegy of Łada-Zabłocki, inspired by the works of Mickiewicz, takes the form of the motif of the "domestic river", associated with the small homeland. Sapunov himself does not resort to the poetic form, he only shares subjective aesthetic impressions about poetry. Sapunov's work is undoubtedly interesting, e.g. due to the discourse on the etymology of names, including the mention of Borch's article.

The second subsection of the third chapter is dedicated to Daugawa in the "Rubon" almanac. This almanac played a significant role in the development of Livonian poetry. It should be noted that poets of Polish descent associated with Latgale are not indifferent to the hydronym Daugava, and especially to the fate of the area where the river flows. In Borch's works, the river appears both as Dina, Dźwina and Daugawa. For this author, the Dvina is a source that carries the memory of generations, reminding the reader of the wars and suffering of the local population. Borch and Chrapowicki look at the river as a symbol of Latvian lands and difficult history. The image presented by Chrapowicki is important because it refers to Rubon itself and its ancient history, most likely it is not without reason that Rubon was presented as tired of the inactivity of the inhabitants of its shores. The theme of eternal sleep, slowness and idleness can also be traced in Borch's works: playing with hydronyms, the poet gives Daugawa to the local population of Livonia, Dina - to the Normans, and in the last stanza of Borch's poem *Gercike*, the lyrical hero desires the peace of "our Daugava". It is worth noting that in the Belarusian folk song quoted by Sapunov in the work *River Western Dvina*, the hydronym Dźwina also occurs, the only difference being the use of the diminutive Dźwinka. It is characteristic of the poems in Polish to show a contradictory image of the river, which on the one hand is calm, quiet and soothed, and on the other hand always ready for confrontation. Borch's aristocratic background and affluent life did not cause him to be overly concerned about the current situation, but he was interested in the history of the region and the etymology of the name. Borch approached the issue as a learned explorer inspired by his own research.

The third subsection of the third chapter is devoted to the image of Daugawa in the works of Auseklis and Rainis. In the poetry of Auseklis and Rainis, the river is called Daugawa

and is closely associated with the image of the homeland. When evaluating indigenous Latvian writers, it is worth remembering that deities and pagan phenomena depicted in their works, including the poetry of Auseklis and Rainis, constitute a significant part of Latvian culture. A distinguishing feature is the tendency to pay attention to the specificity of pagan rituals and mentions of gods from the pantheon of Latvian mythology, also when describing the Daugava. Auseklis and Rainis were concerned about injustice towards their nation, they called for a fight, which is why there are so many references to Latvian mythology in the works of these authors, the poets sought to preserve the values and cultural heritage of the nation, for them poetry was a tool to call people to action. The difference is that the image of the river was presented by Latvian authors from the position of indigenous Latvian inhabitants fighting for their rights, and in the case of Polish and German authors from the position of aristocrats observing from the sidelines what is happening in Livonian lands. In Borch's poem *Two words about the Daugava*, the lyrical hero says that the river does not respond to the people's requests for help, in Auseklis's poems, the people try to save the Daugava themselves.

The fourth chapter, entitled *Cities and towns of Polish Livonia written by Polish, Russian, Baltic-German and Latvian authors*, consists of three subchapters and contains a discussion of the towns and towns of the districts of Dyneburg, Rzeżyca and Lucyn in historical essays, travel notes, and diaries, essays and prose. The first subchapter of the fourth chapter, entitled *The Dyneburg District* consists of four subsections (with the titles *Dyneburg, Krasław, Kryżbork* and *The towns of Agłona, Dagda, Preili, Liksna, Wyszki*) and presents the picture of Dyneburg, Krasław, Kryżbork, as well as the towns of Agłona, Dagda, Preili, Liksna and Wyszki. The second subchapter of the fourth chapter, entitled *The Rzeżyca District*, is devoted to Rzeżyca, Wielony and Warklany. The third subchapter of the fourth chapter, entitled *The Lucyn District*, is devoted to Lucyn, Posiń and Marienhausen. The chapter presents the specificity of the borderland of cities and towns, both in material and spiritual terms, presents the dialogue of cultures taking place in these areas, as well as the dialogue between the authors describing the cities and towns of Polish Livonia from different perspectives.

At the end, the conclusions drawn on the basis of the conducted research are presented. Firstly, it is worth distinguishing the revealed features of the material culture of Polish Livonia. It should be started with the fact that in the entire territory of Polish Livonia, namely in all three of its poviats, one can trace the locations of destroyed castles, castle ruins: Dyneburg Castle, Kryżbork Castle, Rzeżycki Castle, Preil Castle, Dagden Castle, Lucinski Castle, Marienhausen Castle, as well as the destroyed estates of the Polish aristocracy: the burnt estate of Bujnicki in

Dagda, the destroyed palace of the Hylzens in Dagda, the burnt palace of the Syberg-Platers in Liksna. It follows that in the discussed area we can see the process of destruction of the former crusader supremacy and the Polish aristocracy, and for this reason the general atmosphere of devastation and decline is palpable here. The authors also draw attention to the decline of factory production in Krasław after the First Partition of Poland. Involuntarily, a question arises: are there any spheres of material culture in which the flourishing brought to Polish Livonia by the Vitebsk Governorate and the Russian Empire as a whole is present? Considering the texts discussed, the question remains unanswered. Only trade in some cities and towns, such as Dyneburg, Krasław, Kryżbork, Rzeżyca and the Saint Petersburg - Warsaw railway line passing through the districts of Dyneburg and Rzeżyca, can be counted among the signs of prosperity. It is worth noting that this is not only a railway journey in the literal sense of the word, but also a symbolic journey of Polish Livonia from the past to the present, as Polish Livonia, once part of the Republic of Poland, becomes part of the Russian Empire.

The space of Polish Livonia consists of cities and towns. Hydronyms play an important role. It is not without reason that the third chapter of the work is devoted to the Daugava, because some authors of Latvian origin see it as a symbol of homeland and mother. In addition to the Daugava, the following are mentioned: the Krasławka River, which flows into it, the Agłońskie Lake near the village of Agłona, Liksna located near the mouth of the Liksnianka River, the Liknas Lake located near the village of Wyszki, the Dagda Lake near the village of Dagda, the Rzeżyca River, which flows through the city with the same name, the river Ludza, which flows from Lake Lucyńskie in the city of Lucyn, the river Sina, on which the town of Posin is located. The entire area of Polish Livonia is covered with rivers and lakes.

The location of Polish Livonia on the borderland is noted to varying degrees by each of the authors. During the examination of the authors' works, the assumption that the concept of the borderland extends to both the material and spiritual spheres of Polish Livonia was confirmed. The main feature of the material sphere is being on the border with other countries. The castles were captured and administered by various owners, representatives of various nationalities (Germans, Russians, Poles, Lithuanians), which was described in detail by Gustaw Manteuffel and mentioned by Chłopicki, Plater, Sementowski and Sapunov. The occupations of the inhabitants are mainly trade and agriculture, which is also part of the material culture. Dealing with trade gave rise to the tradition of fairs in county capitals. In turn, fairs became an important cultural event for the cities of Polish Livonia.

It should be noted that the borderland is present not only at the level of material features, but also at the level of the spiritual culture of Polish Livonia. Some Livonian authors are on the borderline of cultures, being at the same time representatives of various national literatures. An example of this can be Kazimierz Bujnicki, who is a Polish writer and at the same time a Latvian writer of Polish descent. Despite the fact that Bujnicki wrote his works in Polish, he was very worried about the fate of Latgalia, which is reflected in his work and life. Rainis and Rancāns are authors of not only Latvian, but also Latgalian origin. The borderland also includes Polish authors Manteuffel, Plater, Bujnicki, whose fate is more connected with Polish Livonia than with the metropolis, i.e. directly with Poland, and at the same time they try to recreate Poland in miniature in their native lands. Livonian literature itself can also be included in the phenomenon of the borderland, characterized as a whole consisting of parts that are also parts of other wholes.

Throughout history, Polish Livonia has been a part of various countries and has retained its individual features, independent of circumstances. Manteuffel listed the names of cities and towns in Polish, German, Latvian and Russian. Describing Lucyn's customs in his outline, Bujnicki adds that there are signs in different languages in the city. Rancāns in his column presented a situation in which one man started speaking German and the other continued in Latgalian. The cultural borderland is also manifested in the introduction of such terms as Latvians of Polish-Livonian Roman Catholic origin or Russian-speaking Latvians. The concept of a spiritual borderland also extends over time - for example, the Marienhausen monastery was rebuilt into a castle during the war, and the church in Lucinda was a Protestant church for some time.

During the research, it was established that there are also discrepancies of opinion among Livonian authors, reflecting the situation in the region of Polish Livonia. Periodically, there is a fight for both physical and spiritual boundaries. Pagans do not want to abandon their beliefs, which is reflected even in the national idea of the Latvians in the 19th century, and Christians aim to spread their faith by all available means. There is a great contrast between believing authors and authors whose ancestors were pagans and who were oppressed in the territory of their historical lands. By preserving spiritual dogma, the nation also retains the physical possibility of inhabiting its original lands. This view was held by Auseklis and Rainis. However, Bujnicki, Manteuffel, Chłopicki saw salvation only in spreading the Catholic faith in Polish Livonia, thanks to which it will be possible to enlighten the local population. Authors of Baltic-German origin, namely Merkel and Bielenstein, missed the heyday of Crusader castles.

If Merkel was only describing the history of Dyneburg Castle in detail, Bielenstein wanted to restore the castles to the order, which for him is tantamount to restoring the cultural heritage of this region.

The spiritual culture of Polish Livonia is associated with aristocratic families. Chapter four shows that Polish authors pay special attention to cities and towns with a history of Polish aristocracy. Krasław is perceived through the prism of the Plater family and their contribution to the development of the town (e.g. a library, a hospital and a square were built). The Plater family also developed the spiritual culture of Krasław (an example is the church in Krasław decorated by craftsmen from Poland). Manteuffel examines in detail how the Platers influenced the culture of everyday life in Krasław. The village of Preili is associated with the Borch family, where their palace was located. Liksna is associated with the Syberg family, who built a palace and a parish church there. Wielony is associated with the Ryków family - Michał Ryk founded a church, which is the main center of a poor village in the Rzeżyca district. Respectively, Warklany are related to the older line of the Borch family. For Michał Jan Borch, the palace in Warklany is even a sentimental association with the formation of the soul of the young man he himself once was. The authors point out that the town of Liksna is part of the property of the Polish aristocracy. The village of Dagda is also of particular interest to Livonian writers of Polish descent due to the fact that it was an important part of the cultural life of the Polish aristocracy, associated with the Hylzen palace and, in general, with the family that built the church for this town.

It is necessary to emphasize the differences in the reflection of the material and spiritual culture of Polish Livonia by Russian, Polish, Baltic-German and Latvian authors. Authors of Russian origin are less interested in small towns, they are mainly interested in county capitals, ie Dyneburg, Rzeżyca and Lucyn. Russian authors describe the historical facts that took place in Polish Livonia quite neutrally, although they devote much attention to them. Sapunov in his historical and geographical work *Historical fate of the country known as Polish Livonia* clearly favored the Russian conquerors of the Dyneburg castle. Sementowski positively described the Russians in his *Ethnographic Review of the Vitebsk Governorate*.

For authors of Polish descent, the range of Polish culture in Livonia is important. For this reason, Polish authors from the circle of Livonian writers pay special attention not only to the capitals of counties, but also to the centers of Polish culture and Catholicism, such as the towns of Krasław, Dagda and Agłona. For Polish authors, the role of Catholicism in Livonia

and the dissemination of the Catholic faith and the maintenance of churches are important. Polish authors try to stick together, which sometimes involves friendships that started in childhood, as in the case of Plater and Bujnicki. However, sometimes relationships are kept at the level of memories, thoughts about preserving cultural heritage. In the description of Dagda, Manteuffel mentioned Bujnicki as an important figure for the Polish aristocracy in the Livonian province. The authors joined forces in the periodical "Rubon".

Baltic-German authors are mainly interested in the development of Polish Livonia, the reconstruction of cultural heritage - castles, the dissemination and learning of the Latvian language. They count on the development of the province in economic terms. Paying attention to the difficult financial situation not only in towns, but even in cities, they are enthusiastically looking for development opportunities. Bilenstein noted the stagnation in agriculture in Polish Livonia, but at the same time he hoped for changes in this area.

Characteristic of the work of Latvian authors is the reference to Baltic mythology as an important part of Latvian culture. Auseklis and Rainis used the pantheon of Baltic gods as a symbol of the fight for personal national identity and freedom. The Catholic priest Rancāns also did not avoid this topic, although he has completely different goals. The author of the columns wanted to show in an ironic form that pagan ideas and traditions are deeply rooted in the consciousness of the local population and are transferred to the perception of the Christian faith.

It is also necessary to emphasize common features in the reflection of the material and spiritual culture of Polish Livonia by Russian, Polish, Baltic-German and Latvian authors. Common features include the recognition of Polish Livonia as a border area, both in the spiritual and material sense. It is also common to draw attention to the location of Polish Livonia towns and cities near rivers and lakes. The authors emphasize the material poverty of the Latgalian country, which contrasts with its spiritual richness and the natural beauty of this region.

During the research, it was established that a common feature of Livonian authors is also the fact that each of them emphasized the mutual influence of different cultures and their dialogue with each other. Sometimes the dialogue is of a peaceful nature, when the authors unite by publishing their works in the almanac "Rubon", sometimes the works reflect the conflict, when Latvian authors use poetry as a place to call for the liberation of the homeland from foreign rule.

In conclusion, it is worth emphasizing that all the presented authors write about Polish Livonia as their homeland, even if they were not born in these areas. Polish authors perceive

Livonia as part of Poland, Russian - as part of the Vitebsk Governorate, i.e. the Russian Empire, Latvian - as Latgale, i.e. Latvian lands, Baltic-German authors - as an area historically inhabited by Lutherans. The works of the authors included reflect the significant linguistic, cultural and ethnic diversity of these lands.